

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2023

№ 74

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief;
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology);
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor;
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology);
Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science);
Borisov E.V. (Tomsk, Russia);
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia);
Syrov V.N. (Tomsk, Russia);
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia);
Ladov V.A. (Tomsk, Russia);
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia);
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia);
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviev A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Дёмин Т.С. В защиту условия надежности: знание как основание для действий, ошибка подтверждения и принятие желаемого за действительное	5
Ламберов Л.Д. К вопросу об особенностях CPL	17

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Кузнеценков А.А. Электронная трансформация семиозиса: автоматически реализованная семантика, рефлексивность и аутопоэзис	25
Найман Е.А. О технилингвистических и эпистемологических причинах возникновения греческой философии языка	35
Рувимова Н.В. Гармония двойственности: проблема эстетической продуктивности С. Кьеркегора	48
Усачев А.В. Дискурс самобытности в философии В.Ф. Эрна	57
Danko S.V. The Mystery of the "Simple Object" in Wittgenstein's <i>Tractatus</i>	66

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Дерябин А.А. Исследование данных как цифровая практика субъектификации	84
Петров В.В. Локализация как доминирующий фактор развития национальных систем образования	96
Розов Н.С. Подход к теоретизации сложных предметных областей	105
Савченко И.А., Кремнёв Е. В. Дискурсивная трихотомия в урбанистике: модели социального управления в Китае	113
Яковлева Е.Л. Экзистенциалы, определяющие судьбу творческой личности	126

СОЦИОЛОГИЯ

Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., Пономарева Я.А. Бюрократическая корпорация в условиях «гибридизации» социальной реальности	136
Вялых Н.А. Факторы социального конструирования доверия российского общества к системе здравоохранения (на материалах социологического опроса)	151
Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю., Погодаева Т.В. Образовательные стратегии первокурсников в условиях индивидуальных траекторий обучения в вузе	166
Глухов А.П., Андреева А.А., Гурин М.Ю., Королева Д.О. Интервенция электронных образовательных платформ в российскую систему образования: экосистемный подход	176
Костина С.Н., Новикова О.Н. Как старше подростки оценивают влияние цифровых технологий на учебную деятельность?	190

ПОЛИТОЛОГИЯ

Гостев К.В. «Государство автономий» и финансовый кризис как факторы сепаратизма в Стране Басков и Каталонии в XXI веке	206
Краснощёров А.Ю. Муниципальные органы власти как субъекты массовой сетевой коммуникации в информационную эпоху	224

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Наука и вызовы популизма

Масланов Е.В. Социальная эпистемология и вызовы популизма	234
Соколова Т.Д. К вопросу о популизме, меритократии и интеллектуальной элите	242
Антоновский А.Ю. «Дайте денег и не мешайте», или О том, как наука относится к публике	249
Аргамакова А.А. Популизм	257
Столярова О.Е. Научный популизм как эволюция рациональности	266

АРХИВ

Чепелева Н.Ю. Артур Шопенгауэр как поэт	273
---	-----

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Demin T.S. In defense of the reliability condition: Knowledge as a basis for actions, confirmation bias and wishful thinking	5
Lamberov L.D. On the features of CPL	17

HISTORY OF PHILOSOPHY

Kuznechenkov A.A. Electronic transformation of semiosis: Automatically realized semantics, reflexivities and autopoiesis	25
Nayman E.A. On the technolinguistic and epistemological reasons for the emergence of the Greek philosophy of language	35
Ruvimova N.V. Harmony of duality: The problem of Kierkegaard's aesthetic productivity	48
Usachev A.V. The discourse of identity in the philosophy of Vladimir Ern	57
Danko S.V. The mystery of the "simple object" in Wittgenstein's <i>Tractatus</i>	66

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Deryabin A.A. Data analysis as a digital practice of agency development	84
Petrov V.V. Localization as a dominant factor of the national education systems' development	96
Rozov N.S. Theorization of complex subject areas	105
Savchenko I.A., Kremnyov E.V. Discursive trichotomy in urban studies: Models of social management in China	113
Iakovleva E.L. Existentials that determine the fate of a creative person	126

SOCIOLOGY

Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A., Ponomareva Ya.A. Bureaucratic corpora- tion in the conditions of social reality "hybridization"	136
Vyalykh N.A. Factors of social construction of Russian society's trust to the healthcare sys- tem (based on the materials of a sociological survey)	151
Gavrilyuk T.V., Bocharov V.Yu., Pogodaeva T.V. Educational strategies of first-year stu- dents under the conditions of individual learning pathways at the university	166
Glukhov A.P., Andreeva A.A., Gurin M.Yu., Koroleva D.O. Intervention of electronic educational platforms into the Russian education system: An ecosystem approach	176
Kostina S.N., Novikova O.N. Impact of digital technologies on learning activities of adoles- cents	190

POLITICAL SCIENCE

Gostev K.V. The "state of autonomies" and the financial crisis as factors of separatism in the 21st-century Basque Country and Catalonia	206
Krasnoperov A.Yu. Municipal authorities as subjects of mass network communication in the information age	224

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Science and the challenges of populism

Maslanov E.V. Social epistemology and challenges of populism	234
Sokolova T.D. On populism, meritocracy and the intellectual elite	242
Antonovskiy A.Yu. "Give money and don't interfere", or How science treats its public	249
Argamakova A.A. Populism	257
Stoliarova O.E. Science-related populism as the evolution of rationality	266

ARCHIVE

Chepeleva N.Yu. Arthur Schopenhauer as a poet	273
--	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 165.0
doi: 10.17223/1998863X/74/1

В ЗАЩИТУ УСЛОВИЯ НАДЕЖНОСТИ: ЗНАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ДЕЙСТВИЙ, ОШИБКА ПОДТВЕРЖДЕНИЯ И ПРИНЯТИЕ ЖЕЛАЕМОГО ЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ

Тимофей Сергеевич Дёмин

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет,
Санкт-Петербург, Россия, detimofei@gmail.com*

Аннотация. В современной аналитической эпистемологии широко распространено мнение, что надежность является необходимым условием для знания, а также утверждается, что условие надежности разделяется большинством людей. Эмпирические исследования не подтверждают этот взгляд, однако хорошо обосновывают другие теории знания, например абилизм. В статье демонстрируется, что абилизм не может быть нормативно адекватной теорией знания, так как уязвим для ошибки подтверждения и принятия желаемого за действительное. Это существенный недостаток для теории знания, с которым не сталкивается критерий надежности.

Ключевые слова: знание, надежность, ошибка подтверждения, абдуктивная аргументация, основание для действия, принятие желаемого за действительное.

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00981 «Практическая аргументация: модели и оценка».

Для цитирования: Дёмин Т.С. В защиту условия надежности: знание как основание для действий, ошибка подтверждения и принятие желаемого за действительное // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 5–16. doi: 10.17223/1998863X/74/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

IN DEFENSE OF THE RELIABILITY CONDITION: KNOWLEDGE AS A BASIS FOR ACTIONS, CONFIRMATION BIAS AND WISHFUL THINKING

Timofei S. Demin

*Saint Petersburg Electrotechnical University, St. Petersburg, Russian Federation,
detimofei@gmail.com*

Abstract. There is a widespread view in the contemporary analytic epistemology that knowledge must be reliable by necessity. Reliability means that an agent cannot easily be false about the knowledge. This thesis is most prominently defended by supporters of

reliabilism. There is a view in reliabilism that most people share the intuitive version of this approach. This assumption can be tested through how people will attribute the concept of knowledge in different situations. The best-known example of a situation that tests the need for reliability for knowledge is the barn case. The agent is driving down a road lined with many fake-barn facades and one real barn. The agent looks at the real barn and forms a true belief that the barn is in front of him. This agent does not satisfy the reliability condition, since he will easily make a mistake about any fake barn, mistaking it for a real one. Over the past ten years, a number of studies have come out showing that, in the barn case and other similar cases, subjects tend to believe that agents have knowledge. People are not inclined to believe that reliability is necessary for knowledge. This became the basis for substantiating other theories of knowledge, first of all, abilism. According to abilism, an agent has knowledge of P if he has a true belief that P is formed by the appropriate ability. The problem with these experiments is that they use the truth property of propositions in atypical epistemic situations. In such situations, truth is established, that is, knowledge is attributed on the basis that the agent already has a true belief. However, a much greater difficulty in attributing knowledge arises when truth is given through the agent's epistemic practice. Therefore, abilism responds to widespread intuitions under the known properties of the truth of propositions, but it is a weak theory for the normative regulation of our actions. As such, abilism cannot help people avoid confirmation bias and wishful thinking in their actions. Based on this, the author comes to the conclusion that the criterion of reliability in knowledge in one form or another is necessary.

Keywords: knowledge, reliability, confirmation error, abductive reasoning, reason for action, wishful thinking

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00981.

For citation: Demin, T.S. (2023) In defense of the reliability condition: knowledge as a basis for actions, confirmation bias and wishful thinking. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/1

Введение

В аналитической эпистемологии существуют две родственные друг другу теории знания: каузальная теория и релейабилizm. Релейабилizm предполагает, что знание надежно. Надежность означает, что агент не будет ошибаться по поводу некоторого знания в схожих ситуациях. Для того чтобы агенту можно было атрибутировать знание, что P, он должен редко ошибаться по поводу P в схожих ситуациях. Каузальная теория утверждает, что для знания необходима надлежащая каузальная связь между агентом и объектом знания, но не предполагает, что знание надежно. Тем самым релейабилizm выдвигает более строгий критерий знания.

В познавательной практике это означает, что при формировании агентом знания о P релейабилizm предполагает исключение релевантных сценариев, в которых P ложно. Так как в эмпирическом знании у агентов нет прямого доступа к истине, каузальная теория более уязвима для возможных ошибок в познании. На агентностном уровне каузальная теория не дает нормативных оснований для исключения когнитивного искажения, известного как «ошибка подтверждения». Она возникает, когда люди принимают неверный взгляд без исключения релевантных сценариев, которые противоречат этому взгляду, находя только подтверждающие свидетельства. На уровне желаний это означает, что на практике, например, принятие желаемого за действительное (wishfull thinking) создает проблемы для познания в теориях, не принимаю-

щих надежность в знании, например казуальной теории или в абилизме (знание – это истинное убеждение полученное благодаря надлежащей, но необязательно надежной способности), тогда как концепция надежности очень хорошо справляется с этим типом проблем.

Эмпирические исследования эпистемических взглядов людей показывают, что люди чаще занимают позицию, несовместимую с релейабиллизмом [1, 2]. Это ведет к тому, что в случае труднодоступных для познания фактов они, предположительно, часто совершают ошибку подтверждения. Этого можно избежать, если поставить в основу человеческого познания критерий, который будет исключать релевантные ситуации. Например, критерий надежности.

В настоящей статье я начну с разбора двух теорий знания – релейабиллизма и казуальной теории. После этого я представлю мысленный эксперимент с амбарами, который показывает основное разногласие между этими теориями. Затем я остановлюсь на исследованиях эпистемических установок людей по поводу случаев, которые оценивают наличие релейабиллистской интуиции. Я выдвину довод, что данность критерия истины в этих экспериментах создает неправильное представление о познании. Далее я перейду к ошибке подтверждения и к тому, как эта ошибка свидетельствует в пользу необходимости надежности в знании. После этого я продемонстрирую, как принятие желаемого за действительное приводит к ошибкам в познании, если отказаться от критерия надежности. В заключительном разделе я обосную преимущества теории, которая включает в себя и нормативный, и атрибутивный аспекты.

Две теории знания

Алвин Голдман стал главной фигурой в двух теориях знания – казуальной и релейабиллистской.

Казуальная теория утверждает, что S знает, что P, если и только если:

- а) S имеет истинное убеждение, что P;
- б) P сформировано надлежащей казуальной связью [3].

Интуитивная сила этой теории заключается в том, что люди получают знание благодаря подходящим для этого казуальным связям, идущим от положений дел к агентам, и такое описание познания выглядит правдоподобным. Однако эта теория непопулярна у современных философов. Главная причина – контрпример в стиле Геттиера, известный как «случай с амбарами» (Barns case) [4. P. 772–773].

Случай с амбарами. Генри едет на машине за городом. По полям разбросаны красные амбары. Он смотрит на один из них и думает: «Это красный амбар». Зрение Генри сформировало через казуальную связь правильный вывод: перед Генри действительно был красный амбар. Согласно казуальной теории, Генри знает, что в поле красный амбар.

Однако в поле разбросано множество фасадов амбаров, установленных по решению местных властей, чтобы сделать сельскую местность, по которой едет Генри, более привлекательной. Если бы амбар, на который посмотрел Генри в описанной ситуации, оказался бы ненастоящим, он бы этого не понял. Однако по стечению обстоятельств из всех визуально похожих со стороны амбаров Генри посмотрел именно на настоящий амбар.

Алвин Голдман, автор каузальной теории знания в аналитической эпистемологии, мотивирует случаем с амбарами смену своего взгляда на релей-абилизм. Для релейабилизма каузальной связи недостаточно, чтобы Генри знал, что перед ним амбар [4. Р. 773]. Аргумент Голдмана показался большинству философов достаточно убедительным, чтобы продвинуть дискуссию вперед. То, что Генри не знает, что перед ним был красный амбар, нередко позиционируется в литературе как предмет «широкого согласия среди эпистемологов» [5].

Чтобы избежать «проблемы амбара», Алвин Голдман задействует в качестве необходимого компонента знания более сильный критерий надежности: S не может легко ошибаться по поводу P в схожих релевантных ситуациях [4. Р. 774]. В случае с Генри критерий надежности означает, что Генри знает, что перед ним красный амбар, только если он почти всегда будет успешно отличать настоящие амбары от ненастоящих амбаров в этой местности. Другими словами, Генри почти никогда не ошибется по поводу амбара в схожих ситуациях.

Другой аргумент в пользу надежности устроен следующим образом [6]. Мы можем выделить списки подходящих и неподходящих способов производства знания. К подходящим Голдман относит восприятие, интроспекцию, память и хорошие рассуждения (good reasoning). К неподходящим – «всего лишь подозрения», угадывание, запутанное рассуждение (confused reasoning) и, что представляет отдельный интерес для нашей работы, принятие желаемого за действительное (wishful thinking). Первый список объединен тем, что эти способы производства знания являются надежными, тогда как второй список – это ненадежные способы. Получается, что знанию необходима надежность.

Идея того, что знание надежно, встроена в большое семейство теорий с разными формулировками и принципами устройства знания. Философы имеют много разногласий касательно тех механизмов, которые обеспечивают надежность, и того, насколько строгими должны быть критерии надежности. Тем не менее этот взгляд доминирует в современной эпистемологии [4, 7–13].

Эмпирическая эпистемология амбаров

Люди очень успешны в своих познавательных практиках. Это означает, что при познании они должны руководствоваться адекватными интуициями. Поэтому если положения некоторой теории знания разделяются большинством, это будет серьезным преимуществом.

Ключевой вопрос касательно надежности в «народной эпистемологии» можно сформулировать так: является ли надежность необходимым условием для знания?

Релейабилизм позиционируется Голдманом как теория, соответствующая «народной эпистемологии» [14. Р. 272]. Это эмпирический тезис, который можно проверить применительно к поставленному вопросу.

Как показывают экспериментальные исследования, релейабилистская интуиция по поводу того, что надежность в знании необходима, не распространена за пределами философского сообщества [1, 2]. Схожие данные были получены при тестировании в схожих по смыслу мысленных экспериментах, где агент не отличает обезьяну-альбиноса от снежной обезьяны на дереве [15].

Более того, повышение вероятности Генри сделать ошибку не влияет на приписывание знания [16]. Я подробнее остановлюсь на серии экспериментов, проведенных Джоном Турри, которые показывают, что надежность слабо влияет на приписывание знания агентам [17]. Вот описание одного из таких экспериментов.

Участников случайно разбивают на четыре группы по двум параметрам: способ формирования убеждения (угадывание / способность) и вероятность успеха (30% / 90%). Им дают прочитать про исследование, которое отличается по этим параметрам в четырех возможных комбинациях. Указанные параметры в цитируемом далее тексте, который отображается на экране перед испытуемыми, заключены в квадратные скобки:

«Когнитивные ученые исследуют границы человеческого восприятия. Один из экспериментов исследует, могут ли люди прочитать слова на экране за 120 миллисекунд. Это настолько быстро, что почти все испытуемые вынуждены угадывать. Меньше одного процента их показаний верны.

Но Кэролин не нуждается в том, чтобы гадать. У нее есть специальная способность определять слова, мелькающие настолько быстро. Ученые думают, что это как-то связано с уникальной особенностью ее зрительных нервов. Невероятно, но [тридцать / девяносто] процентов ответов Кэролин – правильные.

Сегодня Кэролин проходила тест с мелькающими словами снова. Слово „кукуруза“ промелькнуло на экране, и Кэролин сообщила – „кукуруза“. Она [использовала свою специальную способность / угадывала в этот раз], когда оказалась права».

После прочтения этого текста участники эксперимента должны были выбрать между вариантами «Кэролин знает, что было слово „кукуруза“» или «Кэролин только думает, что было слово „кукуруза“», и оценить уверенность своего ответа по шкале от 1 до 6, где 1 – совсем не уверен(а), и 6 – полностью уверен(а). После этого в следующем окне на экране появляется проверка на манипуляцию:

«Ученые выяснили, что когда Кэролин проходит тест на мелькание слов, примерно (1% / 30% / 90%) ее ответов верны».

В этом эксперименте 90% испытуемых правильно запомнили степень надежности способности Кэролин. Дальнейшая аргументация Турри такова: 30% надежности – это очень мало для релейабиллизма. Поэтому если релейабиллистские интуиции действительно распространены, то для большинства испытуемых уровень приписывания знания в случае с 30%-ной надежностью познавательной способности Кэролин будет низким. Далее, разница в 30 и 90% надежности для релейабиллизма является существенной, поэтому, согласно логике этой теории, люди в случае 30% надежности должны гораздо менее охотно атрибутировать знание, чем в случае с 90%-ной надежностью.

Предсказания релейабиллизма не сбываются ни в одном из девяти экспериментов, которые провел Турри. В рассматриваемом здесь случае результаты оценки знания не отличались между 30 и 90% угадыванием, или 30 и 90% способностью, однако в случае с угадыванием они были ниже средней оценки в 3 балла. Как и в других экспериментах, для испытуемых способность является существенным фактором при приписывании знания агентам.

В других экспериментах Турри смог продемонстрировать, что люди понимают смысл надежности, но не принимают этот фактор в приписывании знания. Они не разделяют важность принципа анти-удачи – идеи, что надежность исключает эпистемически проблематичную удачу, важную для релей-абилизма Дункана Притчарда [18]. Эти данные не показывают разницы в случае с различными способами исследования (тестами и заданиями), мужчинами и женщинами, источниками информации (памятью и зрением).

Значимость параметра «способ формирования убеждения» (угадывание / способность) при приписывании знания испытуемыми для Турри свидетельствует в пользу теории, которую он называет «абилизм». Согласно абилизму, знание – это истинное убеждение, сформированное практикуемыми способностями. Такие способности могут быть ненадежными, важно, что они используются людьми в эпистемической практике и способны достигать истины.

В интернет-опросе Турри на выборке в 209 человек (резиденты США) было показано, что существует связь между приписыванием знания (Дженис утверждает, что ее лотерейный билет проигрышный), истинностью пропозиции (Это правда, что лотерейный билет Дженис проигрышный) и знанием (Дженис знает, что ее лотерейный билет проигрышный) [19].

Этот момент важен для дальнейшей аргументации, так как во всех тестируемых философами ситуациях связь истины и знания не ставится под сомнение. За этим допущением стоит большая философская традиция, согласно которой знание необходимо обладает свойством истинности [20].

Проблема маркера истинности во всех эпистемических ситуациях в том, что здесь задействуется принцип «телепорта» от положений дел к ментальным состояниям [21. Р. 89–90]. На практике мы не можем получать истину *per se*, словно у нас есть мгновенный божественный доступ к вещам, таким, какие они есть на самом деле. За возможным исключением в виде знания по знакомству (*by acquaintance*), мы достигаем истины посредством познавательных процедур. В нормальной эпистемической ситуации люди судят о качестве убеждений, исходя из того, насколько успешно они достигают истинности. И если основания для успешного достижения истинных убеждений ненадежные, то атрибутировать знание в таких ситуациях кажется поспешным.

Введение истинного убеждения у агентов в мысленных экспериментах по умолчанию упрощает приписывание знания. Если бы информанты не знали статуса истинности пропозиции, результаты, скорее всего, были бы другими. Однако во всех стандартных эмпирических ситуациях мы судим о наличии знания, исходя из способа, которым оно достигается, а не с помощью «телепорта» от убеждения к истине.

Вот как бы мог выглядеть текст эксперимента, который проверяет стандартную ситуацию, в которой мы атрибутируем эмпирическое знание: «Кэролин смотрит на экран. У нее есть способность с 30%-ной надежностью узнавать мелькающее с 120-миллисекундной задержкой слово. В 70% ситуаций, когда Кэролин опознает слово, она совершает ошибку. Кэролин увидела слово „надежность“». Знает ли она, что слово, которое было на экране, действительно „надежность“».

Я предполагаю, что эти тесты дадут предсказуемо низкий результат в атрибуции знания. У этого есть несколько причин. Первая, и самая главная,

причина – наиболее распространенная познавательная цель в адекватной¹ эпистемической ситуации – истина. Этот тезис требует эмпирических подтверждений, однако широко распространен в среде эпистемологов [22. Р. 151–152]. Вторая причина – мы не знаем, что там было на экране, но познавательная способность Кэролин – слишком плохой довод в пользу ее правоты.

Дискуссия об атрибуции знания в случае с амбарами мне кажется хорошей иллюстрацией того, как современная эпистемология уводит нас в ненужную сторону. Хорошая теория знания не только должна верно идентифицировать, знает ли Кэролин, что написано на экране, но и определять качество убеждений в ситуациях, когда истинность пропозиций неизвестна иначе, кроме как через те способы, которые даны самому агенту. Это очень важная идея, потому что она позволяет оценивать качество познавательных процедур и предписывать нормативные эпистемические действия агентам, исходя из критериев теории знания. Если знание – это хорошо, то наилучшая теория не только говорит, когда мы его достигаем, но и какими критериями нам следует руководствоваться, чтобы достичь знания. Истина в этом вопросе будет универсальным критерием для почти любой теории знания в современной эпистемологии. Отличие всех теорий в том, что предшествует тому моменту в познании, когда мы соглашаемся, что агент достиг истины, и дальнейшие изыскания не обязательно будут иметь смысл.

В следующем разделе я проиллюстрирую этот тезис тем, как по-разному будут работать каузальная теория, абилизм и релейабилизм, если мы откажемся от критерия истинности как чего-то данного нам свыше эпистемологами в мысленных экспериментах.

Ошибка подтверждения

В исследовательской программе «эвристики и когнитивные искажения» [23, 24] одна из важных эпистемических ошибок – ошибка подтверждения (confirmation bias). Она основана на склонности людей подтверждать свои предположения и возникает, когда такие подтверждения идут в ущерб исключению релевантных альтернатив и приводят к ложным убеждениям.

Иногда желание подтвердить свое суждение является разумной практикой. Например, когда доктор пытается подтвердить наличие опухоли или когда водитель проверяет, действительно ли парковка является бесплатной.

Философ Насим Николас Талеб предполагает, что в эволюционном отношении эпистемология подтверждения (он ее называет «наивный эмпиризм») была результативной практикой для наших далеких предков из африканских саванн. Однако она систематически вводит нас в заблуждение в современном мире [25. Р. 53–55]. Я буду называть эпистемологию, которая нацелена только на подтверждение истинности пропозиций, позитивной эпистемологией.

Наивному эмпиризму Талеб противопоставляет негативный эмпиризм [25. Р. 56–58]. Согласно этому подходу, при вынесении суждений следует исключать возможные опровержения суждений. Этот взгляд основан на двух идеях: 1) значительная часть реальности недоступна нашему познанию,

¹ То есть в такой, в которой агент действительно хочет знать, а не убедить себя в желаемом, навязать свою точку зрения и т.д.

а наше знание очень ограничено; 2) агенты легко подтверждают свои взгляды в том случае, если у них есть такое намерение. Идея (1) является философским тезисом, который пересекается с философскими дискуссиями о реализме и скептицизме. Идея (2) является эмпирическим тезисом и имеет реализацию на психологическом уровне, в частности в виде склонности мышления делать умозаключения и выдавать желаемое за действительное¹. Далее я рассмотрю принятие желаемого за действительное как частный случай эпистемически нежелательной практики, которая позволит мне обосновать преимущество надежности перед другими критериями знания.

Принятие желаемого за действительное

Принятие желаемого за действительное имеет место, когда люди готовы принять убеждение на основании того, что оно отвечает их интересам.

В литературе по этой теме существует дискуссия о том, когда действительно имеет место принятие желаемого за действительное, так как во многих ситуациях возможны альтернативные объяснения, связанные, например, с самооценкой [28] или с тем, что такое принятие имеет рациональную основу.

Хороший пример исследования принятия желаемого за действительное – эксперимент с биржевыми игроками [29]. Испытуемых разделили на две группы. Затем им были показаны графики с ценами на пшеницу. Обе группы получали бонус за степень точности предсказаний поведения цены в будущем. Одна из групп получала дополнительное вознаграждение, если ставила на рост стоимости пшеницы, а другая – если цена на актив падала. Чтобы исключить рациональные соображения оправданного риска, формула выигрыша была сделана таким образом, чтобы именно точность предсказания максимизировала прибыль. То есть с точки зрения рациональных оснований дополнительный бонус от роста или падения активов не должен влиять на их оценку. Так как обе группы получили одно и то же задание, то возможная разница в оценках не объясняется когнитивными ошибками или влиянием самооценки (ego-utility).

Результаты исследования показывают, что люди имеют склонность оценивать реальность исходя из того, какой они хотели бы ее видеть.

Принятие желаемого за действительное – один из важных механизмов, позволяющих людям систематически подтверждать свои убеждения, игнорируя устройство реальности. Это позволяет придерживаться откровенных заблуждений, даже когда они приносят вред носителям этих убеждений. Накапливание новых данных легко может приводить к укреплению веры в заблуждения, так как все эти данные будут отбираться с целью подтвердить убеждения, а, например, не фальсифицировать их.

Нормативный аспект теорий знания

Теории знания в эпистемологии не всегда подразумевают, что предлагаемые ими критерии знания помогают улучшить познавательные практики.

¹ Существуют исследования связи между предшествующими ситуации убеждениями и влиянием прагматических соображений на переоценку убеждений [26, 27]. Они показывают, что испытуемые имеют более сильную отзывчивость на прагматические соображения в сравнении с предшествующими убеждениями. Это является хорошим доводом в пользу значимости принятия желаемого за действительное.

Назовем такие теории нормативно нейтральными. Любая нормативно нейтральная теория может быть прочитана как теория, которая предписывает агентам, как правильно пользоваться знанием. Однако такого рода экспликация теории зачастую является неудачной.

Так, каузальная теория может приводить к истине. Однако, на мой взгляд, каузальная теория – это пример позитивной эпистемологии. У нее недостаточно ресурсов для исключения ошибки подтверждения. Если каузальная цепочка подтверждает истинность убеждения, то, исходя из логики раннего Голдмана, она является подходящей для формирования знания. И так как у нас нет прямого доступа к эмпирической реальности, то мы делаем вывод об истинности, исходя из качества каузальной цепочки.

Эта проблема может быть адресована и к абилизму. Так как абилизм не предполагает надежности способностей, отвечающих за формирование знания, то такие способности в обычных ситуациях не имеют ресурсов против принятия желаемого за действительное и шире – против ошибки подтверждения.

Исходя из этого, можно заключить, что такие теории могут быть состоятельны только в том случае, если мы будем рассматривать их как нормативно нейтральные теории.

Оптимальное возражение против моей атаки на абилизм, каузальную теорию или любые другие теории позитивной эпистемологии¹ будет в таком случае заключаться в тезисе, что нормативная нейтральность теории знания не является ее недостатком. Например, потому что цель теории знания – корректно приписывать знание только в случаях с заданным значением истинности. Если принять такую версию реализма, в которой истина не зависит от нашего мышления, тогда наличие знания определяется положением дел, которому приписывание знания или соответствует, или нет. Знание фактивно, но наличие эпистемического доступа к фактивности знания (это будет случай знания о знании – знание второго порядка) не является обязательным. Если в процитированном эксперименте с Кэрولين она не достигает истины, то это не будет случаем знания. Тогда как в случае с приписыванием знания о Р в ситуации, когда мы судим о наличии истинности, исходя из того, как S пришел к заключению, что Р, нам приписывание будет верным, только если Р действительно истинно.

Нормативно нейтральные теории знания должны предполагать, что способы надлежащего достижения знания и способы атрибуции знания – это две разные теории. Одна теория предписывает, как познавать мир, тогда как другая теория – когда агент достигает знания, а когда нет.

Этот ход сталкивается по меньшей мере с двумя недостатками.

Во-первых, полностью установленное знание является неproblemатичным для агентов. Теория, которая работает только со знанием с установленной истиной, – бесполезна в эпистемической практике.

Во-вторых, теории знания, сосредоточенные на готовом знании, имеют гораздо более низкий объяснительный потенциал. Это означает, что они при-

¹ На первый взгляд любая теория знания, которая не содержит механизмов надежности в качестве необходимых условий, должна быть слабой теорией для практики негативной эпистемологии. Возможно построение такого критерия, который будет исключать релевантные сценарии и при этом не будет связан с надежностью, однако мне такой критерий неизвестен.

менимы только к полностью сформированному знанию, но неприменимы к знанию, где у нас нет установленной альтернативным образом истины. Если теория объясняет случаи прозрачного и непрозрачного в отношении истинности знания, то при прочих равных она лучше.

Таким образом в ситуации, когда одна и та же теория предписывает знание исходя из тех же критериев, из которых она задает нормативную практику познания, она а) объясняет более экономным способом более широкий спектр ситуаций, и б) является полезной теорией, так как дает критерии надлежащего познания (например, дает нормативные предписания как избежать ошибку подтверждения или принятие желаемого за действительное). Теории, содержащие критерий надежности обладают этими двумя преимуществами, тогда как абилизм и каузальная теория – нет.

Заключение

В статье были рассмотрены три теории знания в контексте их разногласия по поводу случая с амбарами. Каузальная теория и абилизм предполагают, что можно нечто знать, но легко ошибаться по поводу того, что агенты знают. Релейабилизм предполагает критерий надежности – люди не могут легко ошибаться по поводу того, что они знают. Эмпирические исследования показывают, что люди не склонны принимать необходимость надежности в знании. Однако эти данные основаны на ситуациях с предзаданной истиной. То есть испытуемые в экспериментах оценивают, знает ли агент X при условии, что X – истинно. Абилизм и каузальная теория не могут применяться в условиях, когда у нас нет предзаданной истины – т.е. в большинстве эмпирических ситуаций. Эти теории не имеют ресурсов для того, чтобы быть хорошими нормативными теориями и предписывать агентам то, как следует достигать знания. Так, они непродуктивны в ситуациях с ошибкой подтверждения и с принятием желаемого за действительное. Если теория знания может описывать случаи неproblemатичного знания с предзаданной истиной и случаи знания без предзаданной истины, давать нормативные рекомендации, в частности иметь ресурсы для работы с ошибкой подтверждения и принятием желаемого за действительное, то такая теория будет гораздо более перспективной. В этом отношении теории, принимающие критерий надежности, обладают преимуществом перед всеми остальными теориями.

Список источников

1. Horvath J., Wiegmann A. Intuitive expertise and intuitions about knowledge // *Philosophical Studies*. 2016. Vol. 173. P. 2701–2726. DOI: 10.1007/s11098-016-0627-1
2. Turri J. Knowledge and assertion in “Gettier” cases // *Philosophical Psychology*. 2016. Vol. 29, № 5. P. 759–775. DOI: 10.1080/09515089.2016.1154140
3. Goldman A.I. A causal theory of knowing // *The Journal of Philosophy*. 1967. Vol. 64, № 12. P. 357–372. DOI: 10.2307/2024268
4. Goldman A.I. Discrimination and perceptual knowledge // *The Journal of Philosophy*. 1976. Vol. 73, № 20. P. 771–791. DOI: 10.2307/2025679
5. Steup M., Neta R. Epistemology // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2020 / ed. E.N. Zalta. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2020.
6. Goldman A.I. What is justified belief? // *Justification and knowledge: New studies in epistemology*. Springer, 1979. P. 1–23.
7. Dretske F. Knowledge and the Flow of Information. The MIT Press, 1981.
8. Kornblith H. Knowledge and its Place in Nature. Oxford University Press, 2002.
9. Nozick R. Philosophical explanations. Harvard University Press, 1981.

10. *Plantinga A.* Warrant and proper function. Oxford University Press, 1993.
11. *Pritchard D.* Sensitivity, safety, and anti-luck epistemology // *The Oxford handbook of skepticism*. 2008. P. 437–455.
12. *Williamson T.* Knowledge and its Limits. New York : Oxford University Press, 2002. 340 p.
13. *Zagzebski L.T.* Virtues of the mind: An inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge. Cambridge University Press, 1996.
14. *Goldman A.I.* Epistemic folkways and scientific epistemology // *Philosophical Issues*. 1993. Vol. 3. P. 271–285.
15. *Turri J.* Vision, knowledge, and assertion // *Consciousness and Cognition*. 2016. Vol. 41. P. 41–49. DOI: 10.1016/j.concog.2016.01.004
16. *Colaço D. et al.* Epistemic intuitions in fake-barn thought experiments // *Episteme*. 2014. Vol. 11, № 2. P. 199–212. DOI: 10.1017/epi.2014.7
17. *Turri J.* A new paradigm for epistemology: from reliabilism to abilism // *Ergo*. 2016. Vol. 3, № 8. P. 189–231. DOI: 10.3998/ergo.12405314.0003.008
18. *Pritchard D.H.* There cannot be lucky knowledge // *Contemporary debates in epistemology* / eds. M. Steup, J. Turri, E. Sosa. Malden, Massachusetts : Wiley-Blackwell, 2013. Vol. 2. P. 152–164.
19. *Turri J.* Knowledge attributions in iterated fake barn cases // *Analysis*. 2017. Vol. 77, № 1. P. 104–115. DOI: 10.1093/analysis/axx036
20. *Dutant J.* The Legend of the Justified True Belief Analysis // *Philosophical Perspectives*. 2015. Vol. 29, № 1. P. 95–145. DOI: 10.1111/phpe.12061
21. *Latour B.* A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence // *The Handbook of Science and Technology Studies*. 3rd ed. / eds. E.J. Hackett et al. The MIT Press, 2007.
22. *David M.* Truth as the epistemic goal // *Knowledge, truth, and duty*. New York : Oxford University Press, 2001. P. 151–169.
23. *Kahneman D. et al.* Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. Cambridge : Cambridge University Press, 1982.
24. *Tversky A., Kahneman D.* Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases: Biases in judgments reveal some heuristics of thinking under uncertainty // *Science*. 1974. Vol. 185, № 4157. P. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124
25. *Taleb N.N.* The black swan: The impact of the highly improbable. Random house, 2007. Vol. 2.
26. *Bastardi A., Uhlmann E.L., Ross L.* Wishful thinking: Belief, desire, and the motivated evaluation of scientific evidence // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22, № 6. P. 731. DOI: 10.1177/0956797611406447
27. *Mijović-Prelec D., Prelec D.* Self-deception as self-signalling: a model and experimental evidence // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. The Royal Society. 2010. Vol. 365, № 1538. P. 227–240.
28. *Köszegi B.* Ego utility, overconfidence, and task choice // *Journal of the European Economic Association*. 2006. Vol. 4, № 4. P. 673–707.
29. *Mayraz G.* Wishful thinking // *Behavioral & Experimental Economics eJournal*. 2011. DOI: 10.2139/ssrn.1955644

References

1. Horvath J. & Wiegmann, A. (2016) Intuitive expertise and intuitions about knowledge. *Philosophical Studies*. 173. pp. 2701–2726. DOI: 10.1007/s11098-016-0627-1
2. Turri, J. (2016) Knowledge and assertion in “Gettier” cases. *Philosophical psychology*. 29(5). pp. 759–775. DOI: 10.1080/09515089.2016.1154140
3. Goldman, A.I. (1967) A causal theory of knowing. *The Journal of Philosophy*. 64(12). pp. 357–372. DOI: 10.2307/2024268
4. Goldman, A.I. (1976) Discrimination and perceptual knowledge. *The Journal of Philosophy*. 73(20). pp. 771–791. DOI: 10.2307/2025679
5. Steup, M. & Neta, R. (2020) Epistemology. In: Zalta, E.N. (ed.) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Stanford: Metaphysics Research Lab, Stanford University.
6. Goldman, A.I. (1979) What is justified belief? In: Sotiros Pappas, G. (ed.) *Justification and Knowledge: New Studies in Epistemology*. Springer. pp. 1–23
7. Dretske, F. (1981) *Knowledge and the Flow of Information*. Center for the Study of Language and Inf.
8. Kornblith, H. (2002) *Knowledge and its Place in Nature*. Oxford University Press.
9. Nozick, R. (1981) *Philosophical Explanations*. Harvard University Press.
10. Plantinga, A. (1993) *Warrant and Proper Function*. Oxford University Press.

11. Pritchard, D. (2008) Sensitivity, safety, and anti-luck epistemology. In: Greco, J. (ed.) *The Oxford Handbook of Skepticism*. Oxford University Press. pp. 437–455.
12. Williamson, T. (2002) *Knowledge and its Limits*. New York: Oxford University Press.
13. Zagzebski, L.T. (1996) *Virtues of the mind: An inquiry into the nature of virtue and the ethical foundations of knowledge*. Cambridge University Press.
14. Goldman, A.I. (1993) Epistemic folkways and scientific epistemology. *Philosophical Issues*. 3. pp. 271–285. DOI: 10.2307/1522948
15. Turri, J. (2016) Vision, knowledge, and assertion. *Consciousness and cognition*, 41, pp. 41–49. DOI: 10.1016/j.concog.2016.01.004
16. Colaço, D., Buckwalter, W., Stich, S. & Machery, E. (2014) Epistemic intuitions in fake-barn thought experiments. *Episteme*. 11(2). pp. 199–212. DOI: 10.1017/epi.2014.7
17. Turri, J. (2016). A new paradigm for epistemology: from reliabilism to abilism. *Ergo*. 3(8). pp. 189–231. DOI: 10.3998/ergo.12405314.0003.008
18. Pritchard, D.H. (2013) There cannot be lucky knowledge. In: Steup, M., Turri, J. & Sosa, E. (eds) *Contemporary Debates in Epistemology*. Malden, Massachusetts: Wiley-Blackwell. pp. 152–164
19. Turri, J. (2017) Knowledge attributions in iterated fake barn cases. *Analysis*. 77(1). pp. 104–115. DOI: 10.1093/analys/anx036
20. Dutant, J. (2015) The Legend of the Justified True Belief Analysis. *Philosophical Perspectives*. 29(1). pp. 95–145. DOI: 10.1111/phpe.12061
21. Latour, B. (2007) A Textbook Case Revisited. Knowledge as mode of existence. In: Hackett, E.J., Lynch, M., Wajcman, J. & Amsterdamska, O. (eds) *The Handbook of Science and Technology Studies*. 3rd ed. MIT Press.
22. David, M. (2001) Truth as the epistemic goal. In: Steup, M. (ed.) *Knowledge, Truth, and Duty*. New York: Oxford University Press. pp. 151–169.
23. Kahneman, D., Slovic, S.P., Slovic, P. & Tversky, A. (1982) *Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases*. Cambridge: Cambridge University Press.
24. Tversky, A. & Kahneman, D. (1974) Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases: Biases in judgments reveal some heuristics of thinking under uncertainty. *Science*. 185(4157). pp. 1124–1131. DOI: 10.1126/science.185.4157.1124
25. Taleb, N.N. (2007). *The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable*. Random House.
26. Bastardi, A., Uhlmann, E.L. & Ross, L. (2011) Wishful thinking: Belief, desire, and the motivated evaluation of scientific evidence. *Psychological Science*. 22(6). p. 731. DOI: 10.1177/0956797611406447
27. Mijović-Prelec, D. & Prelec, D. (2010) Self-deception as self-signalling: a model and experimental evidence. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 365(1538). pp. 227–240. DOI: 10.1098/rstb.2009.0218
28. Köszegi, B. (2006) Ego utility, overconfidence, and task choice. *Journal of the European Economic Association*. 4(4). pp. 673–707.
29. Mayraz, G. (2011) Wishful thinking. *Behavioral & Experimental Economics eJournal*. DOI: 10.2139/ssrn.1955644

Сведения об авторе:

Демин Т.С. – ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: detimofei@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Demin T.S. – assistant lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Electrotechnical University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: detimofei@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023;
одобрена после рецензирования 11.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 10.06.2023;
approved after reviewing 11.07.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 164.3+164.2

doi: 10.17223/1998863X/74/2

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ CPL

Лев Дмитриевич Ламберов

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, lev.lamberov@urfu.ru*

Аннотация. Стандартной семантикой для первопорядковых модальных логик является семантика возможных миров. Последняя обычно формулируется таким образом, что не позволяет адекватно анализировать выражения, содержащие сравнения объектов, ассоциированных с разными возможными мирами. В статье обсуждаются один из вариантов расширения стандартной семантики возможных миров и соответствующая ему логика кроссмировой предикации (CPL), предложенные Е.В. Борисовым. Рассматриваются особенности CPL в случае одномировой и кроссмировой предикации, а также выявляются факторы, оказывающие влияние на истинность формул. Учет этих факторов в дальнейшем позволит построить подходящие исчисления: натуральное, секвенциальное и аксиоматическое.

Ключевые слова: кроссмировая предикация, модальная логика, квантификация, модальность, семантика

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01465, <https://rscf.ru/project/23-28-01465/>.

Для цитирования: Ламберов Л.Д. К вопросу об особенностях CPL // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 17–24. doi: 10.17223/1998863X/74/2

Original article

ON THE FEATURES OF CPL

Lev D. Lamberov

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation, lev.lamberov@urfu.ru*

Abstract. Standard first-order modal logic is a convenient family of formalisms for studying modalities and their relationships to quantification and predication. The standard semantics for such logics is the semantics of possible worlds. However, as regards predication, it is formulated in such a way that it does not allow an adequate analysis of expressions containing comparisons of objects associated with different possible worlds. However, in some cases, it is necessary to refer to the comparison of objects associated with different possible worlds. Cross-world predication (as opposed to intra-world predication) seems to have a number of obvious ontological advantages. In a natural language, statements with cross-world predication are correct and can be intuitively understood by native speakers of a particular language. Such statements involve comparing what is with what it could be. In addition, we are able to compare objects from different possible worlds with each other, even if there are no such objects in the actual world. However, cross-world predication is not limited to comparisons in general and comparisons of two objects in particular. Comparisons of three or more objects from different possible worlds are allowed, and statements are allowed that say that an arbitrary set of objects from different possible worlds satisfies some criteria. The present article considers the features of CPL. It discusses various standard and

non-standard formulas used as axioms of quantification in the formulation of the axiomatic calculus of first-order logic and for standard constant-domain modal logics, as well as formulas expressing the semantic features of quantifiers and their relationships with modalities. The second part of the article discusses the features of CPL in the case of intra-world predication. The third part touches upon the features of cross-world predication. The fourth part gives a brief conclusion. In contrast to standard modal logic, the truth (respectively, validity) of formulas in CPL is determined by a larger number of factors, which primarily include VP-functions used to associate variables with possible worlds. CPL uses a variable domain, so it is important to pay attention to how (with respect to which possible world) values are assigned to one or another formula variable. The latter is affected by VP-functions: if a VP-function is not defined for some variable, then this variable is associated with the current world of evaluation using a “grounded” VP-function. In addition, CPL inherits a number of features that some modal logics without cross-world predication have: variable domain and lambda operators. Also, in CPL, the interpretation of predicate symbols, variables, and individual constants is given in the domain of the model, while quantified variables are assigned values from the domain of the world of evaluation (also associated by VP-functions with the world of evaluation). All these features of CPL must be taken into account when formulating calculi, for example, natural, sequential, and axiomatic.

Keywords: cross-world predication, modal logic, quantification, modality, semantics

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01465, <https://rscf.ru/project/23-28-01465/>

For citation: Lamberov, L.D. (2023) On the features of CPL. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 17–24. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/2

I

Стандартная первопорядковая модальная логика представляет собой удобное семейство формализмов для изучения модальностей и их соотношения с квантификацией и предикацией. Стандартной семантикой для таких логик является семантика возможных миров, однако что касается предикации, последняя формулируется таким образом, что не позволяет адекватно анализировать выражения, содержащие сравнения объектов, ассоциированных¹ с разными возможными мирами. Вероятно, это говорит о том, что основной целью построения различных модальных логик является в первую очередь анализ модальных понятий. Однако в ряде случаев требуется обращение к сравнению объектов, находящихся в разных мирах.

Одним из классических примеров такого случая является утверждение, рассматриваемое Б. Расселом: «Я думал, что ваша яхта больше, чем она есть» [1. Р. 489]. Это утверждение может пониматься как утверждение о том, что размер яхты в нашем актуальном мире оказался меньше предполагаемого размера этой яхты (т.е. размера этой яхты во всех достижимых возможных мирах, совместимых с системой убеждений агента). В силу того, что в стандартной модальной логике предикаты получают исключительно внутримировую интерпретацию (интерпретация предиката представляет собой функцию от n -местного предиката и возможного мира, возвращающую в качестве своего значения множество n -ок объектов из домена мира оценки или домена модели, выполняющих данный предикат), утверждения, подобные утверждению о размере яхты, не могут в ней быть адекватно выражены. Конечно, можно

¹ Аналогично можно говорить о сравнении объектов, каковы они в разных возможных мирах.

было бы «населить» актуальный мир всеми возможными фиктивными яхтами, являющимися предполагаемыми копиями той самой реальной яхты, либо, например, говорить о том, что реляционный предикат (допустим, иметь определенный размер) является трехместным отношением вроде «иметь размер, равный n , с точки зрения агента S », но при таком подходе предикаты не отражают действительного размера яхты. Однако такие решения, если их вообще можно последовательно выстраивать, представляются весьма неаккуратными с онтологической точки зрения. В этом смысле кроссмировая предикация (в противоположность внутримировой) имеет, как кажется, ряд очевидных онтологических преимуществ.

В естественном языке утверждения, подобные утверждению о размере яхты, вполне корректны и интуитивно понимаются носителями того или иного языка. В речи мы утверждаем, что кто-то мог бы быть выше или вежливее, а исход какого-то события мог бы быть, например, более благоприятным. Такие утверждения предполагают сравнение того, что есть, с тем, каким оно могло бы быть. Другими словами, предполагают сравнение по некоторым параметрам объектов из актуального мира и объектов из некоторого возможного мира. Помимо этого, мы способны сравнивать объекты из разных возможных миров друг с другом, даже если в актуальном мире таких объектов нет. Например, для нас вполне осмысленно утверждать что-то вроде: «Эбенизер Скрудж более скуп, чем пушкинский скупой рыцарь». И первый, и второй являются литературными персонажами и, естественно, не существуют в актуальном мире. Поскольку неясно, совместимы ли миры «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса и «Скупого рыцаря» А.С. Пушкина, постольку разумнее предполагать, что они «населяют» разные возможные миры. Также вполне корректными являются утверждения, которые на поверхностный взгляд представляют собой контрфактические утверждения с тождеством. В качестве примера можно привести обсуждаемое А. Коцуреком [2] утверждение: «Если бы я был тобой, то я бы не сделал ставку на эту лошадь». Это утверждение может быть понято как говорящее, что я в некотором возможном мире, где я занимаю то же место или позицию, что ты в актуальном мире, не сделал ставку на эту конкретную лошадь.

Однако кроссмировая предикация не ограничивается сравнениями вообще и сравнениями двух объектов в частности. Допустимо сравнение трех или более объектов из разных возможных миров, а также допустимы утверждения, говорящие, что произвольный набор объектов из разных возможных миров удовлетворяет некоторым критериям (например, эти объекты могут составить прекрасный ансамбль песни и пляски). Другими словами, кроссмировая предикация представляет собой весьма богатый лингвистический феномен, заслуживающий внимания как сам по себе, так и за счет тех философских предпосылок и следствий, которые им предполагаются. В этой связи рассмотрение расширения модальных логик, позволяющего анализировать этот феномен, представляет собой достаточно привлекательное предприятие. В литературе [2–4] можно обнаружить несколько вариантов модальных первопорядковых логик для кроссмировой предикации, которые различаются по выразительной силе. В настоящее время наиболее выразительной является гибридная логика А. Коцурека, в которой содержатся выражения для обозначения миров и специальные операторы для работы с ними, однако если рас-

смаатривать исключительно негибридные логики, то необходимо выделить логику CPL, разрабатываемую Е.В. Борисовым [5, 6]. В настоящей статье рассматриваются особенности CPL: обсуждаются различные стандартные и нестандартные формулы, используемые в качестве аксиом квантификации при формулировке аксиоматического исчисления логики первого порядка и для стандартных модальных логик с постоянным доменом, а также формулы, выражающие семантические особенности кванторов и их отношения с модальностями. Во второй части статьи обсуждаются особенности CPL в случае одномировой предикации, в третьей части затрагиваются особенности кросс-мировой предикации, в четвертой части дается краткий вывод.

II

Для начала обратимся к формулам CPL с одноместными предикатами. Под атомарными формулами в CPL понимаются формулы вида $P(x_1, \dots, x_n)$, где P – это n -местный предикат, а $x_1, \dots, x_n$ – предметные переменные в количестве n штук, а для приписывания предиката предметной константе используются лямбда-выражения¹, например $(\lambda x.P(x))(a)$, или в другой (используемой Е.В. Борисовым) нотации – $[a/x]P(x)$, где a – предметная константа. Необходимо отметить, что интерпретация предикатных символов, переменных и констант дается в домене модели, а квантифицированные переменные пробегают домен конкретного возможного мира. То есть индивидуальные константы могут обозначать несуществующие в данном возможном мире объекты, несуществующие объекты могут входить в объем предиката в данном возможном мире. Кроме того, домены возможных миров могут пересекаться; соответственно, для семантики CPL не требуется теории двойников Д. Льюиса [8]. Таким образом, в семантике CPL используются переменные домены возможных миров: некоторый объект может существовать в одном возможном мире, но не существовать в другом возможном мире.

Указанные особенности проявляются в том, какие формулы с кванторами являются общезначимыми в CPL, а какие таковыми не являются. Например, стандартные формулы классической первопорядковой логики предикатов, $\forall x P(x) \rightarrow P(x)$ и $\forall x P(x) \rightarrow [a/x]P(x)$, выражающие возможность подстановки вместо квантифицированной переменной, не являются общезначимыми. Достаточно модели с двумя возможными мирами, содержащими такие разные наборы объектов, что Px истинно для всех объектов строго одного возможного мира, а константа a обозначает объект, не выполняющий P . Тогда данные формулы оказываются ложными, если в качестве мира оценки выбран возможный мир, где P выполняется для всех объектов в домене данного мира, но не выполняется для денотата a в данном мире и для объекта, назначенного переменной x функцией приписывания. Однако общезначимой формулой будет вариант из свободной логики: $\forall x P(x) \rightarrow (\exists x [a/y](x = y) \rightarrow [a/x]P(x))$. Чтобы эта формула была ложной, обозначаемый константой a объект не должен выполнять P , а оценка должна производиться в мире, где все объекты выполняют P , но это делает антецедент импликации в скобках ложным (в этом мире не существует объекта, обозначаемого a). Соответственно, данная формула оказывается истинной. Таким образом, формулы, характерные для семантик с постоянными

¹ Идея заимствуется у М. Фиттинга и Р. Мендельсона, см.: [7. Р. 187–229].

доменами (такие¹ как $\exists x[a/y](x = y)$, $\forall x\exists y(x = y)$, $\forall x\Box A \rightarrow \Box\forall xA$ и $\Box\forall xA \rightarrow \forall x\Box A$), не являются общезначимыми и не должны быть доказуемы в соответствующем исчислении. Для простоты третью и четвертую формулы (формулу Баркан и обратную ей) можно представить как² $\forall x\Box P(x) \rightarrow \Box\forall xP(x)$ и $\Box\forall xP(x) \rightarrow \forall x\Box P(x)$. В CPL формула $\forall x\Box P(x)$ истинна, когда $\forall e$ из D_w $\forall u$ из $R[w]$ верно, что e принадлежит $I(P)(w)$, а формула $\Box\forall xP(x)$ – когда $\forall u$ из $R[w]$ $\forall e$ из D_u верно, что e принадлежит $I(P)(u)$. Соответственно, импликация между ними (как в одну, так и в другую сторону) проваливается.

Интересный случай представляют собой формулы $\exists x\Diamond P(x) \rightarrow \exists xP(x)$ и $\exists xP(x) \rightarrow \exists x\Box P(x)$, которые в CPL оказываются общезначимыми. Последнее связано с тем, как работают VP-функции, представляющие собой функции от переменных к возможным мирам и позволяющие определить, из какого возможного мира следует выбрать значение для некоторой переменной. Если сравнить условия истинности $\exists x\Diamond P(x)$ и $\exists x\Diamond[x/x]P(x)$, то первая формула истинна, когда $\exists e$ из D_w $\exists u$ из $R[w]$, что e принадлежит $I(P)(w)$, а вторая – когда $\exists e$ из D_w $\exists u$ из $R[w]$, что e принадлежит $I(P)(u)$. После обработки квантора существования VP-функция связывает переменную x с текущим возможным миром w , а после обработки модального оператора текущий возможный мир меняется на u . Соответственно, несмотря на то, что обработка модального оператора привела к смене текущего возможного мира на u , интерпретация предиката P в первой формуле дается для мира w , так как переменная x связывается VP-функцией с w . Однако в случае второй формулы обработка лямбда-абстракции $[x/x]$ после обработки модального оператора приводит к тому, что VP-функция связывает переменную x с текущим миром u , а значит, интерпретация предиката P во второй формуле дается для мира u . При добавлении лямбда-абстракции в область действия модального оператора приведенные выше формулы становятся $\exists x\Diamond[x/x]P(x) \rightarrow \exists xP(x)$ и $\exists xP(x) \rightarrow \exists x\Box[x/x]P(x)$ и в этом случае не являются общезначимыми, как и в стандартной модальной логике с переменным доменом.

III

Обратимся теперь к вопросам квантификации в формулах CPL с кросс-мировой предикацией. В CPL оказываются общезначимыми стандартные схемы $\forall x(A \rightarrow B) \rightarrow (\forall xA \rightarrow \forall xB)$ и $\forall x(A \rightarrow B) \rightarrow (A \rightarrow \forall xB)$ при условии, что во второй схеме переменная x не содержится свободно в A . Другими словами, общезначимыми будут и такие подстановки в эти схемы, в которых имеется кроссмировая предикация. Например, общезначимыми являются $\forall x[P(x) \rightarrow \Diamond \exists zR(x, z)] \rightarrow [\forall xP(x) \rightarrow \forall x\Diamond \exists zR(x, z)]$ и $\forall x[P(y) \rightarrow \Diamond \exists zR(x, z)] \rightarrow [P(y) \rightarrow \forall x\Diamond \exists zR(x, z)]$.

Кроме того, первая из этих схем может быть модифицирована следующим образом с сохранением общезначимости: $\forall x\Box\forall y(A \rightarrow B) \rightarrow (\forall x\Box\forall yA \rightarrow$

¹ Вторая формула представляет собой утверждение о необходимом существовании и является одним из (производных) принципов нецесситизма, см.: [9]. Третья и четвертая формулы – это формула Баркан и обратная ей формула Баркан, см.: [10].

² Здесь и далее D_w – домен возможного мира w , $R[w]$ – множество достижимых из w возможных миров (в CPL никакие ограничения на достижимость не накладываются), а I – функция интерпретации. Соответствующие определения см.: [5, 6].

$\rightarrow \forall x \Box \forall y B$). Например, общезначимой будет формула $\forall x \Box \forall y [R(x, y) \rightarrow S(x, y)] \rightarrow \rightarrow [\forall x \Box \forall y R(x, y) \rightarrow \forall x \Box \forall y S(x, y)]$. Однако аналогичная модификация для второй схемы не работает. К примеру, формула $\forall x \Box \forall y [\forall x P(x) \rightarrow R(x, y)] \rightarrow \rightarrow [\forall x P(x) \rightarrow \forall x \Box \forall y R(x, y)]$ не является общезначимой. Чтобы это показать, достаточно модели с двумя возможными мирами, один из которых (начальный мир оценки w) содержит объект из экстенционала P и не находится в кроссмировом отношении R с каким-либо объектом из достижимого мира u , а второй (мир u) – содержит объект, не входящий в экстенционал P .

Также интересными представляются формулы $\forall x \Box \forall y (R(x, y) \rightarrow [\exists z x = z \& \Box \exists z y = z])$ и $[a/x] \Diamond [b/y] R(x, y) \rightarrow (\exists z [a/x] x = z) \& \Diamond \exists z [b/y] y = z$, которые не являются общезначимыми. Контрпример для первой формулы предполагает, что имеется модель с тремя мирами, каждый из которых содержит по одному такому объекту, что объект из начального мира оценки w не совпадает (не равен) с объектом в достижимом возможном мире u , а последний, в свою очередь, не совпадает (не равен) с объектом в достижимом из u третьем мире v , и между объектом из w и объектом из u имеется кроссмировое отношение R . Построение такого контрпримера возможно, судя по всему, из-за того, что конъюнкция, утверждающая существование соответствующих объектов, находится в области действия модального оператора, действующего на всю формулу, за исключением самого левого квантора общности. Вторая формула интуитивно кажется общезначимой. Так, может показаться, что она утверждает, что если a мог бы быть R -нее b , то в мире оценки существует a (существует объект, совпадающий с a) и в достижимом из мира оценки возможном мире существует b (существует объект, совпадающий с b). Однако, например, формула $\exists z [a/x] x = z$ не является общезначимой, поэтому конъюнкция в консеквенте импликации может быть ложной, в том числе при истинном антецеденте (если между a и b имеется кроссмировое отношение R). Также общезначимой формулой не является второй конъюнкт того же консеквента, а именно формула $\Diamond \exists z [b/y] y = z$, так как достаточно, чтобы в модели из двух возможных миров начальный мир оценки содержал объект, не совпадающий с объектом, обозначенным константой b в достижимом из мира оценки возможном мире. Таким образом, консеквент импликации в рассматриваемой формуле может оказаться ложным при истинном антецеденте. Вторую формулу полезно сравнить с формулой $\forall x \Diamond [x/y] R(y, x) \rightarrow (\exists x [a/y] x = y \rightarrow [a/x] \Diamond [x/y] R(y, x))$, прочтение которой в следующем виде предлагает Е.В. Борисов [5]: «Если каждый мог бы быть богаче, чем он есть, и если бы Джим Моррисон был жив, то Джим Моррисон мог бы быть богаче, чем он есть». Эта последняя формула является общезначимой в CPL благодаря взаимодействию кванторов и модальных операторов с лямбда-операторами и вынесению консеквента главной импликации из области действия оператора возможности.

IV

Из изложенного выше понятно, что в отличие от стандартной модальной логики истинность (соответственно, и общезначимость) формул в CPL определяется большим числом факторов, к которым относятся прежде всего VP-функции, используемые для ассоциации переменных с возможными ми-

рами. В CPL используется переменный домен, поэтому важно обращать внимание на то, как (относительно какого возможного мира) приписываются значения тем или иным переменным формулы. На последнее оказывают влияние VP-функции: если VP-функция не определена для некоторой переменной, то эта переменная ассоциируется с текущим миром оценки с помощью «заземленной» VP-функции. Помимо этого, CPL наследует ряд особенностей, имеющих у некоторых модальных логик без кроссмировой предикации: переменный домен и лямбда-операторы. Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что в CPL интерпретация предикатных символов, переменных и индивидуальных констант дается в домене модели, а квантифицированные переменные пробегают домен мира оценки (также ассоциируются VP-функциями с миром оценки). Все эти особенности CPL необходимо учитывать при построении исчислений, например натурального, секвенциального и аксиоматического.

Список источников

1. Russell B. On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14, № 56. P. 479–493.
2. Kocurek A. The Problem of Cross-world Predication // *Journal of Philosophical Logic*. 2016. Vol. 45, № 6. P. 697–742. DOI: 10.1007/s10992-015-9389-z
3. Butterfield J., Stirling C. Predicate Modifiers in Tense Logic // *Logique et Analyse*. 1987. Vol. 30, № 117/118. P. 31–50.
4. Wehmeier K.F. Subjunctivity and Cross-world Predication // *Philosophical Studies*. 2012. Vol. 159. P. 107–122. DOI: 10.1007/s11098-010-9692-z
5. Борисов Е.В. Кросс-мировая предикация в естественном языке и в логической семантике // *Логико-философские штудии*. 2021. Т. 19, № 4. С. 260–272.
6. Borisov E. A Nonhybrid Logic for Crossworld Predication // forthcoming.
7. Fitting M., Mendelsohn R. *First-Order Modal Logic*. Dordrecht : Springer, 1998. 304 p.
8. Lewis D. Counterpart Theory and Quantified Modal Logic // *The Journal of Philosophy*. 1968. Vol. 65, № 5. P. 113–126.
9. Williamson T. *Modal Logic as Metaphysics*. Oxford : Oxford University Press, 2013. 480 p. DOI: 10.2307/2024555
10. Barcan R. A Functional Calculus of First Order Based on Strict Implication // *The Journal of Symbolic Logic*. 1946. Vol. 11, № 1. P. 1–16. DOI: 10.2307/2269159

References

1. Russell, B. (1905) On Denoting. *Mind*. 14(56). pp. 479–493.
2. Kocurek, A. (2016) The Problem of Cross-world Predication. *Journal of Philosophical Logic*. 45(6). pp. 697–742. DOI: 10.1007/s10992-015-9389-z
3. Butterfield, J. & Stirling, C. (1987) Predicate Modifiers in Tense Logic. *Logique et Analyse*. 30(117/118). pp. 31–50.
4. Wehmeier, K.F. (2012) Subjunctivity and Cross-world Predication. *Philosophical Studies*. 159. pp. 107–122. DOI: 10.1007/s11098-010-9692-z
5. Borisov, E.V. (2021) Kross-mirovaya predikatsiya v estestvennom yazyke i v logicheskoy semantike [Crossworld Predication in Natural Language]. *Logiko-filosofskie shudii*. 19(4). pp. 260–272.
6. Borisov, E. (n.d.) *A Nonhybrid Logic for Crossworld Predication*. [In print].
7. Fitting, M. & Mendelsohn, R. (1998) *First-Order Modal Logic*. Dordrecht: Springer.
8. Lewis, D. (1968) Counterpart Theory and Quantified Modal Logic. *The Journal of Philosophy*. 65(5). pp. 113–126. DOI: 10.2307/2024555
9. Williamson, T. (2013) *Modal Logic as Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press.
10. Barcan, R. (1946) A Functional Calculus of First Order Based on Strict Implication. *The Journal of Symbolic Logic*. 11(1). pp. 1–16. DOI: 10.2307/2269159

Сведения об авторе:

Ламберов Л.Д. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры онтологии и теории познания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: lev.lamberov@urfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lamberov L.D. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, associate professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Institute for the Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: lev.lamberov@urfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.06.2023;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 11.06.2023;
approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 18.08.2023*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 165.24
doi: 10.17223/1998863X/74/3

ЭЛЕКТРОННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМИОЗИСА: АВТОМАТИЧЕСКИ РЕАЛИЗОВАННАЯ СЕМАНТИКА, РЕФЛЕКСИВНОСТЬ И АУТОПОЭЗИС

Андрей Анатолевич Кузнеценков

Самарский университет, Самара, Россия, ankuzn1970@yandex.ru

Аннотация. Статья выполнена в рамках междисциплинарного исследования на стыке семантики (в составе семиотики), технологической (цифровой, электронной, кибер-технетической) эволюции, в контексте развития рекурсивного мышления и рекурсивной парадигмы, исследуются перспективы электронной трансформации семиозиса. Автоматически реализованная семантика рассматривается как основа для реализации рефлексивности в рамках семиотической модели. Аутопоэзис рефлексивной семиотической модели рассматривается в качестве прагматической составляющей семиозиса.

Ключевые слова: автоматически реализованная семантика, аутопоэзис, электронный поворот

Для цитирования: Кузнеценков А.А. Электронная трансформация семиозиса: автоматически реализованная семантика, рефлексивность и аутопоэзис // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 25–34. doi: 10.17223/1998863X/74/3

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

ELECTRONIC TRANSFORMATION OF SEMIOSIS: AUTOMATICALLY REALIZED SEMANTICS, REFLEXIVITIES AND AUTOPOIESIS

Andrey A. Kuznechenkov

Samara University, Samara, Russian Federation, ankuzn1970@yandex.ru

Abstract. The article is carried out within the framework of an interdisciplinary study at the intersection of semantics (as part of semiotics), technological (digital, electronic, cybertechnetic) evolution, in the context of the development of recursive thinking and the recursive paradigm. The research is aimed at solving the problem of missing (out-of-model) semantics in existing formal languages, which indicates a “gap” in the syntactic-semantic domain, reflected in the concept of mental space (mentally realized semantics). The author considers the prospects of electronic transformation of semantic research. Philosophy of technology (Dessauer, Engelmeier) serves as a starting point for substantiating the concept of electronic evolution. The concept “automaton”, used by Richta to denote the current stage

of technological evolution, provides a link between technological evolution and the concept “algorithm” and works by Turing, Post, Markov, Church. The use of electronic automata for the implementation of models of formal sign systems is the basis of automation and creates prerequisites for the development of the electronic direction of semantic research associated with the transformation of the mental paradigm of the semantic component of semiosis, with the transition from mentally implemented semantics to automatically implemented semantics. The study of automatically implemented semantics is carried out within the framework of the premise that semantic analysis requires a model of the entire language (mentally or automatically implemented). An important point in the development of automatically implemented semantics is the acceptance by the scientific community of the thesis about the procedural (algorithmic) nature of the semantic domain. An essential feature of automatically (electronically) implemented semantics is that, unlike mentally implemented semantics, it is a more accessible subject for research. Automatically implemented semantics is an effective means of implementing recursive thinking, a recursive approach to modeling semantic rules that allows for the reflexive interaction of semantics and syntactics, to create a basis for the implementation of autopoiesis functions within the semiotic model. Reflexive expansion of semantics sets the direction of development in the practice of modeling semantic and syntactic rules. Autopoiesis determines the content of the electronic transformation of the pragmatic component of semiosis. The fundamental nature of the ideas contained in the foundations of electronic evolution makes it possible to make the assumption that, for the development of symbolic formal systems, the stage of electronic transformation of semiotic research – the “electronic turn” – will be comparable in its significance to the linguistic turn.

Keywords: automatically implemented semantics, autopoiesis, electronic turn

For citation: Kuznechenkov, A.A. (2023) Electronic transformation of semiosis: automatically realized semantics, reflexivities and autopoiesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 25–34. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/3

Понятия «кибернетическая эволюция», «цифровизация», «диджитализация», «индустриализация 4.0» свидетельствуют о попытках построения человечеством моделей искусственной метасреды. Общее состояние исследований характеризуется А.Ю. Нестеровым: «Очевидно, что в XXI в. человечество вступает в состояние „третьей природы“, выстраивая новую искусственную среду поверх искусственной среды, созданной в XIX и XX вв., и у философского сообщества пока нет обобщающих глобальных моделей, которые могли бы описать взаимодействие природного и искусственного, показать глобальный горизонт прогноза» [1. С. 386]. Глобальность трансформаций, связанных с обретением человечеством «третьей природы», обусловлена прежде всего потенциалом содержащихся в ней идей. Так, В.В. Целищев отмечает: «Математическая логика и теория алгоритмов, оформившиеся в полной мере в ходе тесного контакта с философскими поисками, легли в основу важнейшего технологического прорыва, а именно создания современных компьютеров» [2. С. 14]. С помощью компьютеров была сформирована искусственная среда, в которую сейчас «погружается» человеческое существование, подвергаясь трансформации. Понятие «электронная эволюция» содержит в себе явную отсылку к понятию компьютера как «электронно-реализованной машины Тьюринга», понятиям «автомат» и «алгоритм». Понятие «электронная трансформация» характеризует изменения, связанные с электронной эволюцией в процессе развития человеческого общества.

В общем случае процесс эволюции (от лат. *evolutio* – развертывание, прогресс), как и обратный процесс инволюции (от лат. *involutio* – свертыва-

ние, регресс), представляет собой реакцию системы на изменившиеся внешние или внутренние условия. Анализ эволюционных процессов показывает, что наибольшим потенциалом обладают автономные системы, имеющие возможность регулировать свой алгоритм реализации (функционирования), что, как правило, связано со структурными изменениями. Очевидно, что для реализации функции саморегулирования система должна иметь возможности «видеть» и изменять себя. Функция саморегулирования, основанная на рефлексивном «видении», является отличительной чертой таких автономных систем. В философских категориях «форма» и «содержание» автономный процесс эволюции можно определить как рефлексивный процесс изменения содержанием своей формы.

Толкование понятия «знак» в широком смысле – от атомарных состояний электронных и биологических объектов до динамических процессов, протекающих в пространстве и времени, – позволяет рассматривать эволюцию в области электронных и биологических систем как процесс семиозиса с рефлексивно-регулятивной прагматической составляющей. Применение понятия «автомат» для определения электронных и биологических объектов, при использовании которого биологический объект рассматривается в качестве углеродореализованного автомата, а электронный объект – в качестве кремниевореализованного автомата, позволяет использовать в исследованиях результаты, полученные как в области формальных систем, так и в области когнитивных наук. Стоит отметить, что именно понятие «автомат», являясь одним из определений алгоритма, формализует процессуальное (динамическое) свойство объектов, что в целом позволяет рассматривать объекты как процессы. С помощью автоматов, функционирующих по достаточно простым априорным алгоритмам, были получены результаты, которые позволили проводить аналогии в функционировании электронного автомата и мозга человека.

Предпосылки для формирования понятия «электронная эволюция» содержатся в теории технологической эволюции Р. Рихты [3]. Основополагающим понятием теории Р. Рихты является понятие технологии; в качестве этапов (состояний) технологической эволюции в теории выделяются: 1) инструменты; 2) машины; 3) автоматы (устройства автоматизации). Одним из основных критериев для определения этапов-состояний технологии в обществе является возможность технологии реализовывать все более сложные функции (алгоритмы) управления. Весьма вероятно, что способность автоматов реализовывать рефлексивно-регулятивные алгоритмы, позволяющие эффективно решать задачи управления, будет определяющей на автоматическом этапе технологической эволюции. Понятие «электронная эволюция», относящееся к автоматическому этапу технологической эволюции Р. Рихты, отражает электронный способ реализации автоматов, получивший на современном этапе развития наибольшее распространение. «Автомат» – машина, техническое средство, объект, принадлежащий целиком второй природе, из «четвертого царства» Ф. Дессауэра [4]. Процессуальная природа техники находит свое отражение в определении, данном Ф. Дессауэром: «Под словом „техника“ мы имеем в виду совокупность этих событий, форм, процессов, которые однажды возникли и стали обыденностью; технику как земное свершение, как всемирное превращение в подлежащем обнаружению и исследованию смысле, надстоящем и обобщающем все то, что по отдельности

в качестве технического объекта раскрывается в миллионах форм; технику как совокупный образ истории» [5. С. 135]. Связь технологий, эволюционных процессов и семиотических моделей рассматривается в статье А.Ю. Нестерова «Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology» [6].

Как уже отмечалось, автономность и саморегулируемость системы основана на рефлексивной функции. Так, рефлексия у Аристотеля – это «мышление, направленное на самого себя» [7. С. 79], у Г. Лейбница – «внимание, направленное на то, что заключается в нас» [8. С. 51]. С одной стороны, разграничение наших знаний о мире на знание о себе и знание об окружающем позволяет рассмотреть понятие саморефлексии. С другой стороны, наши знания об окружающем мире и есть мы сами, что позволяет сделать вывод о том, что понятия «рефлексия» и «саморефлексия» тождественны и указывают на одно и то же явление, в силу чего понятие «саморефлексия» является синтаксически избыточным по отношению к понятию «рефлексия». Понятия «рефлексия», «рекурсия», «самореференция» имеют единую природу, причем понятие «рекурсия» (от лат. *recursion* – возвращение) наибольшее употребление получило в области прикладных наук, таких как математика и информатика. В математической области понятие рекурсивной функции относится к одному из трех способов определения понятия «алгоритм» наряду с машиной Тьюринга и нормальными алгоритмами Маркова. Анализ допустимости использования понятий «рефлексия» и «рекурсия» позволяет сделать предположение об их эквивалентности.

Сознание, в силу рефлексивности, представляет собой в определенном смысле «вещь в себе». С одной стороны, понятие «вещь в себе» используется И. Кантом для определения пределов познания, в качестве демаркационного понятия с негативным употреблением: «Но вместе с тем он (рассудок. – А. К.) тотчас же ставит границы и самому себе, признавая, что не может познать вещи сами по себе посредством категорий, стало быть, может мыслить их только как неизвестное нечто» [9. С. 267]. Негативно-парадоксальные свойства вещи в себе нашли свое подтверждение и в результатах, полученных К. Гёделем [10] (в отношении формального языка РМ, с аксиомами арифметики Пеано), что свидетельствует о том, что рекурсивные расширения языка, допускающие самореференцию, влекут неполноту языка в целом. С другой стороны, множество фактов из математики, физики, биологии, кибернетики позволяет зафиксировать мощнейший потенциал, содержащийся в понятии «рекурсия». Рекурсивные модели используются в тех случаях, когда в исследованиях проявляется бесконечность в той или иной форме, что в формирует позитивное содержание рекурсии. Наиболее полно позитивное содержание рекурсии раскрыто в работе Ю. Хуэя «Рекурсивность и контингентность» [11], которая знаменует собой важный этап формирования рекурсивной парадигмы в целом. «Если кибернетика, как думал Хайдеггер, конец философии, и если рекурсивность становится „синонимом“ философии процесса, тогда постевропейская философия может мыслиться только путем переприсвоения кибернетического момента в разных видах мысли о технике» [11. С. 377], – к такому выводу приходит Ю. Хуэй. В контексте приведенных рассуждений можно сделать предположение о том, что рассмотрение рекурсивных свойств сознания в рамках рекурсивной парадигмы позволяет отразить его истинную

бесконечную природу «вещи в себе», при этом познание предстает как процесс изучения бесконечного бесконечным. Важным следствием рефлексивности мышления в теории познания является относительный характер разграничения знания на априорное и синтетическое (синтезируемое из априорного), при котором основой механизма трансформации априорного (аксиоматического) знания выступает именно рефлексия.

В части определения содержания понятий рефлексии, рефлексивных систем и рефлексивных процессов рассмотрим определения, данные В.В. Целищевым и В.А. Лефевром. Так, в своей работе «Алгоритмизация мышления: Гёделевский аргумент» В.В. Целищев отмечает: «Важным понятием в метаматематике является понятие рефлексивного предложения, т.е., предложения, содержащего упоминание о самом себе» [2. С. 283]. В.В. Целищев делает вывод, что «...важнейшей чертой человеческого сознания является саморефлексия, т.е., размышление над собственными мыслями. В процессе рефлексии используется самореференция» [2. С. 268]. Уже в области общей теории систем В.А. Лефевром дается определение для саморефлексивных систем: «Систему, один из элементов которой выполняет функцию отображения целого, будем называть рефлексивной системой. Систему, являющуюся одновременно рефлексивной и самоорганизующейся, будем называть саморефлексивной» [12. С. 66]; «Самоорганизующейся системой будем называть такую систему, в которой один из элементов выполняет функцию проекта всего целого, и особый механизм осуществляет структурирование целого по образцу проекта» [12. С. 64–65]. Значимым для развития исследований в области рефлексивных процессов является то, что в определениях, данных В.А. Лефевром, во-первых, используются понятия «механизм» и «функция», указывающие на явную процессуальную природу рефлексии, во-вторых, выделяется функция самоорганизации (саморегулирования) – важная составляющая процесса развития.

В части определения рефлексивных систем с функцией самоорганизации возможно использование результатов, полученных У. Матурана и Ф. Варелой. «Слово „автономия“ мы используем в его современном смысле, т.е. система автономна, если она сама устанавливает собственные подходящие законы. Мы отнюдь не утверждаем, будто живые системы – единственные автономные системы. Это заведомо не так. Тем не менее автономность – одна из наиболее бросающихся в глаза отличительных особенностей живых существ. Мы утверждаем, что механизм, превращающий живые существа в автономные системы, – это аутопоэз» [13. С. 53–54]. Таким образом, понятие «аутопоэзисная рефлексивная система» для обозначения рефлексивной системы с функцией саморегулирования будет семантически наполненным. Обращает на себя внимание использование У. Матурана и Ф. Варелой понятия «автономия», которое, во-первых, содержит отсылку к понятию «автомат», во-вторых, указывает на свойство, автоматически реализованное внутри системы, своего рода случайно-неслучайная аналогия.

Анализ состояния результатов в области теории формальных систем в контексте развития в исследованиях философских категорий «форма» и «содержание» позволяет сделать вывод о недостаточной развитости содержательной составляющей исследований. О текущем состоянии исследований можно судить по используемым средствам и методам. Используемые сред-

ства можно охарактеризовать как карандашно-бумажные, предполагающие ментальную реализацию содержательной составляющей. В рамках указанных средств общая модель формальной системы представляется так: математика – это математика и математик, право – это правовая система и правовед и т.д., что свидетельствует о фактическом отсутствии содержательной составляющей в рамках формальной системы, что, в свою очередь, является причиной, по которой невозможно реализовать рефлексивную функцию внутри самой системы. Реализация содержательной составляющей с помощью автоматов позволяет «наполнить» исследования автоматически реализованным содержанием. Важным аспектом, влияющим на реализацию содержательной составляющей исследований в области формальных систем, является подход к формализации предметной области, который можно обозначить как процессуальный. Процессуальный подход предполагает рассмотрение предметной области в форме процесса (состоящего из процессов в рамках рекурсивной парадигмы), состояние которого фиксируется по значениям, принимаемым параметрами процесса в пространстве и времени. Представление объекта исследования в качестве процесса, во-первых, отражает динамическую сущность окружающего нас мира, во-вторых, сочетается с процессуальной (алгоритмической) природой автоматов, в-третьих, создает предпосылки для появления в области формальных систем «исчислений процессов».

Как уже отмечалось, широкое толкование знака позволяет применять семиотические модели в достаточно широкой практической области, включая процессы эволюции сложных систем. Семантические исследования составляют значимую часть семиотических исследований. Дальнейшие рассуждения основаны на положениях, содержащихся в работе А. Чёрча «Введение в математическую логику» [14], которые отражают состояние исследований в области семантических моделей формальных языков. А. Чёрч отмечает: 1) существование синтаксической и семантической областей языка; 2) в синтаксической и семантической областях формальный язык существует в двух формах – язык-объект и метаязык; 3) метаязык существует для разрешения вопросов полноты, непротиворечивости; 4) связь между синтаксической и семантической областями определяется функциями интерпретации. «Следует иметь в виду важность результата Тарского, так как он имеет прямое отношение к вопросу об использовании формального языка в качестве собственного семантического метаязыка. Правильный и достаточно сильный язык может, конечно, быть способен выражать свой собственный синтаксис и свою собственную семантику в том смысле, что этот язык может содержать предложения, выражающие по меньшей мере весьма обширный круг суждений его семантики и его синтаксиса» [14. С. 62], также А. Чёрч отмечает, что «семантику можно в некотором смысле свести к синтаксису» [14. С. 61]. Синтаксическая природа семантических конструкций языка является основой для реализации в самой модели рефлексивной функции обратной связи между семантикой и синтаксисом. Реализация рефлексивной функции обратной связи между семантической и синтаксической областями является рефлексивным расширением семантической области, обеспечивающим рефлексивность модели языка в целом.

Значимыми для развития семантики являются выводы, содержащиеся в работе А. Тарского «Семантическая концепция истины и основания семан-

тики» [15]: истина рассматривается А. Тарским как семантическое понятие; в дефиниции понятия истины А. Тарский использует понятие выполнимости с использованием рекурсивной процедуры. Оба этих положения важны для установления: 1) процессуально-алгоритмической и рекурсивной природы семантики в целом; 2) понятия истины как относительного понятия (относительно заданного набора аксиом). Установление процессуально-алгоритмической и рекурсивной природы семантики важно при оценке перспектив электронной трансформации семантических исследований.

Принятие процессуально-рекурсивной природы семантики влечет понимание необходимости соответствующих средств и методов исследования. Как отмечалось ранее, существующие средства исследования можно охарактеризовать как карандашно-бумажные, предполагающие ментальную реализацию семантики (математика – это математика и математик, право – это правовая система и правовед и т.д.). Особенностью ментально-реализованных формальных систем является «разрыв» между синтактической областью и семантикой, и как следствие – семантика, реализованная вне модели, – внемодельная, или внешняя, семантика. Ограниченные семантические возможности карандашно-бумажных средств, «разрыв» между синтактической областью и семантикой и внемодельная семантика делают невозможной реализацию функции обратной связи внутри модели формальной системы. Ситуация кардинально изменяется при реализации формальной системы электронными автоматами, когда семантика реализуется внутри модели, что создает предпосылки для реализации функции обратной связи, которая и обеспечивает рефлексивность модели. Характер трансформаций, в том числе затрагивающих ментальную парадигму семантических исследований, позволяет рассматривать термин «электронный поворот» для обозначения этапа семантических исследований. В качестве основных возможных результатов электронной трансформации семантических исследований можно рассматривать: 1) обретение формальной системой семантики; 2) обретение моделью свойства рефлексивности; 3) реализацию функции саморегулирования (ауто-поэзиса).

Отнесение полноты (неполноты) к семантическим метапонятиям и исследования в области разрешимости логических систем позволяют выделить два типа неполноты. Первый тип, назовем его «внешняя семантическая неполнота», устанавливается по отношению к исследуемой предметной области и свидетельствует о необходимости изменения аксиоматики для расширения семантической области. Понятие внешней неполноты важно для развития языка, ее установление является значимым этапом в процессе саморегулирования для расширения семантической области. Важным прагматическим свойством модели является свойство семантической разрешимости модели относительно аксиом синтаксической области языка, которое напрямую связано со свойствами функции, формирующей семантическую область (семантической функции). Исследования в области разрешимости позволяют использовать понятие «внутренняя семантическая неполнота». В общем случае вопрос разрешимости связан с наличием обратной функции у семантической процедуры. В случае ее отсутствия очевидным направлением решения проблемы является изменение аксиоматики. В качестве примера можно рассматривать математическую функцию, у которой в декартовой плоскости отсут-

ствуется обратная функция, а при «переходе» в трехмерное пространство такое свойство у новой функции может реализоваться. К вопросам внутренней неполноты можно также отнести результаты, полученные К. Гёделем [10], связанные с существованием «гёделева предложения» внутри самой формальной системы, что позволяет использовать понятие «гёделевой внутренней неполноты». Очевидно, что установление неполноты модели в процессе рефлексии является основанием для реализации аутопоэзисных функций модели, направленных на приобретение моделью свойства полноты. Тем самым понятие полноты является основополагающим в определении механизма аутопоэзиса, основанного на рефлексии.

Важнейшим свойством систем, обеспечивающим их развитие, является саморегулирование, что в синтактико-семантических понятиях может быть выражено как возможность изменения аксиоматических синтактических конструкций, участвующих в дедуктивных построениях семантики. Если для наименования процедуры, формирующей семантику, возможно использование понятия семантической функции, то для процедуры, изменяющей синтаксис, логично использовать понятие синтактической функции, с помощью которой семантика изменяется, изменяя синтаксис. Понятия семантической и синтактической функций содержат явную отсылку к синтактическому и семантическому правилам Ч. Морриса [16]. Семантическая и синтактическая функции определяют содержание процедуры саморегулирования, благодаря которой рефлексивная система обретает свойство аутопоэзиса. Способность формальной системы изменять синтактическую область выступает основой для реализации индуктивных построений, целью которых является изменение аксиоматики, направленное на устранение неполноты в том числе.

Фундаментальность идей, содержащихся в основаниях электронной эволюции, позволяет сделать предположение о том, что для развития знаковых формальных систем этап электронной трансформации семиотических исследований – «электронный поворот» – по своему значению будет сопоставим с лингвистическим поворотом. В результате перехода от ментальнореализованных моделей формальных систем к автоматическиреализованным моделям наибольшим трансформациям подвергаются семантическая и прагматическая составляющие семиотических исследований. Автоматически реализованная семантика позволяет реализовать в модели рефлексивную функцию, трансформация прагматической составляющей семиозиса заключается во включении в ее состав аутопоэзиса. Автоматически реализованный аутопоэзис позволяет модели развиваться, одним из критериев развития может быть устранение семантической неполноты модели формальной системы.

Список источников

1. *Нестеров А.Ю.* Эпистемологические и онтологические проблемы философии техники: «четвертое царство» Ф. Дессауэра // *Онтология проектирования*. 2016. Т. 6, № 3 (21). С. 377–389. DOI: 10.18287/2223–9537–2016–6–3–377–389. EDN WMXBUB.
2. *Целищев В.В.* Алгоритмизация мышления. Гёделевский аргумент. М. : ЛЕНАНД, 2021. 304 с.
3. *Richta R.* Člověk a technika v revoluci našich dnů. Praha : Čs. společ. PVZ, 1963. 84 s.
4. *Дессауэр Ф.* Спор о технике / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Самара : Изд-во Самар. гуманитар. академии, 2017. 266 с.

5. Дессауэр Ф. Человек и космос. Опыт / пер. с нем. А.Ю. Нестерова. Самара : Самарама, 2022. 194 с.
6. Nesterov A.Y. Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology // Joint Conferences XII Communicative Strategies of the Information Society (CSIS2020) and XX Professional Culture of the Specialist of the Future (PCSF2020). Ser. "Lecture Notes in Networks and Systems" // Knowledge in the Information Society. Cham. Springer Verlag, 2021. Т. 184. P. 3–11. DOI: 10.1007/978-3-030-65857-1_1
7. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 4. 832 с.
8. Лейбниц Г. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 2. 686 с.
9. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. 768 с.
10. Gödel K. Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I // Monatshefte für Mathematik und Physik. 1931. Band 38, Ausgabe 1. S. 173–198.
11. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М. : V–A–C Press, 2020. 400 с.
12. Лефевр В.А. О самоорганизующихся и саморефлективных системах и их исследовании // Проблемы исследования систем и структур, материалы конференции. М. : Изд-во АН СССР, 1965. С. 61–68.
13. Матурана У., Варела Ф. Древo познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
14. Чёрч А. Введение в математическую логику: пер. с англ. / под ред. и с предисл. В.А. Успенского. Изд. 2-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. Т. 1. 480 с.
15. Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages Logic // Logic, Semantics, Metamathematics. Oxford University Press, 1936. P. 152–278.
16. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика : сб. переводов / под ред. Ю.С. Степанова. М. : Радуга, 1982. 640 с.

References

1. Nesterov, A.Yu. (2016) Epistemological and ontological problems of the philosophy of technology: "The fourth kingdom" of F. Dessauer. *Ontologiya proektirovaniya – Ontology of Designing*. 6-3(21). pp. 377–389. (In Russian). DOI 10.18287/2223–9537–2016–6–3–377–38
2. Tselishchev, V.V. (2021) *Algoritmizatsiya myshleniya. Gedelevskiy argument* [Algorithmization of thinking. Godelian argument]. Moscow: LENAND.
3. Richta, R. (1963) *Člověk a technika v revoluci našich dnů*. Praha: Čs. společ. PVZ.
4. Dessauer, F. (2017) *Spor o technice* [The Dispute about Technology]. Translated from German by A.Yu. Nesterov. Samara: Samara State Academy for the Humanities.
5. Dessauer, F. (2022) *Chelovek i kosmos. Opyt* [Man and Space. Experience]. Translated from German by A.Yu. Nesterov. Samara: OOO Samarama.
6. Nesterov, A.Y. (2021) Clarification of the Concept of Progress Through the Semiotics of Technology. Joint Conferences 12th Communicative Strategies of the Information Society (CSIS2020) and XX Professional Culture of the Specialist of the Future (PCSF2020). Ser. "Lecture Notes in Networks and Systems." *Knowledge in the Information Society*. 184. pp. 3–11. DOI: 10.1007/978-3-030-65857-1_1
7. Aristotle. (1984) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl'.
8. Leibniz, G. (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
9. Kant, I. (2018) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Translated from German by N. Lossky. St. Petersburg: Azbuka: Azbuka-Attikus.
10. Gödel, K. (1931) Über formal unentscheidbare Sätze der Principia Mathematica und verwandter Systeme I. *Monatshefte für Mathematik und Physik*. 38(1). pp. 173–198.
11. Hui, Yu. (2020) *Rekursivnost' i kontingentnost'* [Recursiveness and contingency]. Moscow: V–A–C Press.
12. Lefevre, V.A. (1965) O samoorganizuyushchikhsya i samorefleksivnykh sistemakh i ikh issledovanii [On self-organizing and self-reflexive systems and their research]. In: Vedenov, M.F. (ed.) *Problemy issledovaniya sistem i struktur* [Problems of Research of Systems and Structures]. Moscow: USSR AS. pp. 61–68.
13. Maturana, U. & Varela, F. (2001) *Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The tree of knowledge: the biological roots of human understanding]. Translated from English by Yu.A. Danilov. Moscow: Progress-Traditsiya.

14. Church, A. (2009) *Vvedenie v matematicheskuyu logiku* [Introduction to mathematical logic]. Vol. 1. 2nd ed. Translated from English by V.A. Uspensky. Moscow: LIBROKOM.

15. Tarski, A. (1936) The Concept of Truth in Formalized Languages *Logic, Semantics, Metamathematics*. Oxford University Press. pp. 152–278.

16. Morris, C.W. (1982) *Osnovaniya teorii znakov* [Foundations of the theory of signs]. In: Stepanov, Yu.S. (ed.) *Semiotika. Sbornik perevodov* [Semiotics. Collected Translations]. Moscow: Raduga.

Сведения об авторе:

Кузнецников А.А. – аспирант кафедры философии Самарского университета (Самара, Россия). E-mail: ankuzn1970@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kuznechenkov A.A. – postgraduate student of the Department of Philosophy, Samara University (Samara, Russian Federation). E-mail: ankuzn1970@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.05.2023;
одобрена после рецензирования 17.07.2023; принята к публикации 18.08.2023*

*The article was submitted 29.05.2023;
approved after reviewing 17.07.2023; accepted for publication 18.08.2023*

Научная статья

УДК 111:81

doi: 10.17223/1998863X/74/4

О ТЕХНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Евгений Артурович Найман

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия;
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия, enyman17@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена основным причинам формирования предметной области философской теории языка в Древней Греции, а именно процессу объективации «языка» как абстрактной сущности. Анализируется пять причин, которые привели к осознанию данного идеализированного объекта: развитие социально-политических институтов греческого общества и повышение в нем роли устного слова; появление эпистемологии как отрасли философского знания; возникновение эффективной системы алфавитного письма в результате перехода греческого общества от устной культуры к письменной; резкое размежевание с поэтическим нарративом как главным средством передачи традиции в греческой устной культуре; формирование единой нормы греческого языка в эллинистический период истории. Наибольшее внимание в данном контексте уделено философии языка Платона и стоиков, а также идеям Э. Хэвлока и Д. Каца, связанным с влиянием платонизма на утверждение автономии языка.

Ключевые слова: язык, эпистемология, письмо, платонизм

Для цитирования: Найман Е.А. О технолингвистических и эпистемологических причинах возникновения греческой философии языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 35–47. doi: 10.17223/1998863X/74/4

Original article

ON THE TECHNOLINGUISTIC AND EPISTEMOLOGICAL REASONS FOR THE EMERGENCE OF THE GREEK PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Evgeny A. Nayman

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;
Tomsk Scientific Center SB RAS, Tomsk, Russian Federation, enyman17@rambler.ru*

Abstract. The article devoted to the main reasons for the formation of the subject area of the philosophical theory of language in Ancient Greece, namely the process of objectification of “language” as an abstract entity. Five reasons that led to the realisation of this idealised object are analysed: the development of socio-political institutions of Greek society and the increasing role of the oral word in it; the emergence of epistemology as a branch of philosophical knowledge; the emergence of an effective system of alphabetic writing as a result of the transition of Greek society from oral to written culture; the abrupt separation from poetic narrative as the main means of transmitting tradition in Greek oral culture, as well as the formation of a unified norm of the Greek language in Hellenic society. The greatest attention in this context is paid to the philosophy of language of Plato and the Stoics,

as well as to the ideas of E. Havelock and D. Katz related to the influence of Platonism on the assertion of the autonomy of language.

Keywords: Language, epistemology, writing, Platonism

For citation: Nayman, E.A. (2023) On the technolinguistic and epistemological reasons for the emergence of the greek philosophy of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 35–47. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/4

Философская теория языка, ставшая частью интеллектуального наследия современной науки, впервые сформировалась в греко-римской античности. Правда, некоторые исследователи сомневаются в разработке греческими мыслителями полноценной философии языка, полагая, что «в целом их интересовали внешняя реальность и способы ее постижения человеческой мыслью. Язык отражал иные регионы, будучи скорее инструментом, нежели самостоятельным объектом исследования» [1. Р. 485]. Тем не менее именно греки определили предметную область лингвофилософии, связанную с «языком» как абстрактным объектом, конкретизировав свои теоретические интересы. Во-первых, этот интерес касался целостности языка как отдельной формы универсума, связанной с мышлением и реальным миром. Во-вторых, язык рассматривался как пропозиция, соотношенная с действительностью. И, в-третьих, он понимался как слово (имя), соответствующее обозначаемому предмету или классу объектов. Помимо этого, ставились и телеологические вопросы, касающиеся функции и назначения слов, а на глоттогоническом уровне поднималась проблема происхождения имен, слов и языка в целом.

Однако выделение этих аспектов – сугубо аналитическое, поскольку в самом греческом дискурсе они в значительной степени смешаны и переплетены. Можно лишь с уверенностью утверждать, что наблюдались, с одной стороны, повышение уровня систематичности и методологической осведомленности при анализе трех переменных – имени / языка, предложения / содержания мысли и вещи, а с другой – переход от слепого доверия слову к возрастающему скептицизму относительно познавательных характеристик языка. Далее, Аристотель, создавая первую энциклопедию наук о языке западного мира, рассматривал язык как явление, относящееся к биологии, психологии, логике, поэтике и риторике, изучая его с различных точек зрения: акустической, физиологической, логической, семантической, стилистической и прагматической. Главным характерным признаком античной лингвофилософии является рассмотрение своего объекта в связи с другими видами человеческой деятельности и сущностью человека вообще. В этом смысле язык выглядит онтологически нейтральным, поскольку свою ценность черпает из эпистемологических, моральных и социально-политических проблем. При этом философия, оставляя в стороне наличие многообразия языков, свое основное внимание направляет на единый язык, обладающий универсальными свойствами.

Однако следует подчеркнуть, что философский вопрос о языке обретает свою самостоятельность в истории греческой мысли достаточно поздно. По каким причинам греки отделили представление о едином языке от исторических языков? Каким образом осуществился переход от его интуитивного восприятия к абстрактно-теоретическому исследованию?

Думается, что большинство древних народов прекрасно осознавало языковую перформативность, создавало мифы о происхождении человеческой речи, но это не способствовало развитию у них лингвистической рефлексии. Контакты с носителями иностранных языков и грамотность также нельзя отнести к факторам, неизбежно приводящим к ее появлению. Изобретение письменности не являлось непосредственной причиной более детального изучения фонетики, фонологии или синтаксиса. Наоборот, грамотные народы склонны приписывать происхождение письма мифическим богам, подчеркивая незначительную роль человеческого разума. Нельзя утверждать также, что наличие терминологии, необходимой для рассуждения о языке, является непрямым симптомом зарождающейся языковой рефлексии. Скорее всего, практически все речевые сообщества обладали базовыми терминами, пригодными для повседневного метаязыкового дискурса. Дело в том, что требовался существенный скачок – переход от инстинктивного использования языка к его систематическому осмыслению. Язык – настолько неотъемлемая часть человека, что акт дистанцирования от него зачастую переживается весьма болезненно. Так что же заставляет людей «отчуждать» язык ради его изучения, и почему именно греческая философия успешно справилась с решением этой задачи?

В данной статье мы попытаемся проследить интеллектуальную историю формирования идеи «языка» как целостного автономного образования в древнегреческой философии. Мы выделяем пять основных причин возникновения такого идеализированного объекта. Во-первых, развитие социально-политических институтов греческого общества и повышение в нем роли устного слова. Во-вторых, появление эпистемологии как отрасли философского знания. В-третьих, возникновение эффективной системы алфавитного письма в результате перехода греческого общества от устной культуры к письменной. В-четвертых, резкое размежевание с поэтическим нарративом как главным средством сохранения и передачи традиции в греческой устной культуре. И, наконец, в-пятых, формирование единой нормы греческого языка в эпоху эллинизма.

Нужно отметить, что в архаический период интерес к языку у греков практически отсутствовал. Лингвистические темы выдвигаются на первый план только в процессе возрастания роли политических и образовательных институтов городов-государств. Значимость устного слова в общественной жизни постоянно возрастала, что было непосредственно связано с риторическим искусством и образовательным движением, инициированным софистами. Не секрет, что афиняне эпохи Перикла имели образование, приблизительно соответствующее современной начальной школе. К V в. н.э. оно уже не удовлетворяло требованиям социальной и политической системы, в которой каждый взрослый гражданин мужского пола должен был принимать участие в общественной жизни. Возникает потребность в более широком образовании, способном подготовить человека к участию в государственных делах, которую на тот момент полностью удовлетворяли софисты. Позднее это подтвердит Цицерон, напоминая о том, что искусство риторики было основано Кораксом и Тисием в период становления демократии в Сиракузах в 467 г. до н.э. для обучения граждан, лишенных тиранами своего имущества, способам обращения в суды ради его возвращения. Таким образом, греческое общество начало осознавать язык как важнейшее средство демократических институ-

тов. Вполне вероятно, что именно софисты (Протагор, Продик), будучи учителями риторики и теоретиками эффективного дискурса как инструмента социальной педагогики, были одними из первых представителей философии языка.

В этот же период греки начинают осознавать разделение двух функций языка, связанных с обеспечением согласия и выявлением истины. Это обособление сразу же стало предметом жаркого спора, на фоне которого и следует, к примеру, рассматривать аргументы о «правильности» имен в «Кратиле». Общеизвестно негативное отношение Платона к демократии, основанной на словесных убеждениях, а софисты как раз и ратовали за важнейшую роль консенсуса в полисном мире. Платон же никогда не забывал осуждение и смерть Сократа, и для автора диалога позиция Гермогена, передающего сообществу все полномочия в решении вопросов именования, явно играла на руку софистам. Для Платона было очевидным, что неспособность слов предоставлять точную информацию о реальности превращает стремление к истине в недостижимую цель. Язык должен раскрывать сущность вещей, а истина – цениться выше консенсуса. Имена в ответе перед реальностью, а не сообществом. И в этом случае языковая рефлексия в союзе с логикой способна выступить против претензий риторики на звание наивысшего искусства.

Появление философии языка обусловлено осознанием серьезных эпистемологических проблем. Зависимость теории познания от языка проявляется при обсуждении любых аргументов, касающихся природы знания и претензий познавательной деятельности. Уже в диалогах Платона вербальная коммуникация выглядит процессом обмена мыслями между людьми, а для успешного общения необходимо знание ими значений используемых слов. Единый язык служит коммуникативным мостом, где слова имеют установленные значения. Согласно этой модели, язык понимается как автономный вербальный код, выступающий необходимым условием коммуникации. Эпистемологические последствия достаточно очевидны: мы можем узнать мысли другого человека на основании понимания значений используемых им слов, что, в свою очередь, предполагает знание его языка.

Однако возникает непростой вопрос: каким образом достаточно большое и разрозненное сообщество, постоянно изменяющееся от поколения к поколению, способно иметь стабильный и единый язык, обеспечивающий надежную основу для идентификации и передачи идейного содержания? Другими словами, какова степень уверенности в том, что собеседники в любой момент времени имеют представление об одних и тех же объектах, ибо их взаимопонимание возможно только при наличии подобной гарантии? Уже сама проблема пробуждает эпистемологический скепсис: знание и постоянные изменения несовместимы. Если язык подвержен непрерывным изменениям, то он оказывается ненадежным средством передачи информации.

Платон осознает эту проблему в «Кратиле» в виде основного вопроса диалога: на каком основании людям, местам, вещам присваиваются имена? Если допустить возможность ошибочных именовании, то слова становятся непригодными для выражения и передачи знаний. Неправильное имя имеет такую же ценность, как и фальшивая монета. Греческий философ уже предполагает наличие языковой системы, устанавливающей отношения между

словами и реальным миром. Вступая в дискуссию, Сократ сразу же отвергает утверждение Гермогена о возможности каждого человека присваивать имена по своему усмотрению, ибо введение субъективных языковых правил приведет к разрушению языка. В этом случае истина и ложь неразличимы, поскольку одни и те же слова будут истинными в устах одного говорящего, и ложными в устах другого. Таким образом, вопрос об истине становится аргументом в пользу существования единого общего языка с формами и значениями, известными всем членам сообщества.

Оригинальность эпистемологического решения Платона состоит в том, что слова получают свои значения не от внешнего мира, в котором расположены собеседники, а от неизменных и вечных Форм, лежащих в его основе. Каждое слово имеет идеальную форму, определяющую постоянство его значения. Реконструкцией формы слова и призвана заниматься этимология (по-гречески «этимос» – истина, а «логия» – учение). Поэтому диалог «Кратил» – о природе истины, заложенной в словах. Сократ постоянно практикует этимологию, пребывая в поиске «истинных» форм. Метафизическая гипотеза, утверждающая наличие эйдосов, одним выстрелом убивает двух зайцев. Она решает не только проблему доступности знания в постоянно изменяющейся повседневной жизни, но и проблему необходимой стабильности повседневного дискурса в процессе обмена информацией.

Главная же новизна «Кратила» состоит в изложении инструментальной теории Сократа как альтернативы двум крайностям – натурализму (слиянию реальности и языка) и скепсису (непознаваемости реальности). Сократ не принимает позицию, при которой язык зеркально отражает мир, поскольку это лишает человека возможности использовать его по своему усмотрению, но и не разделяет идею произвольности языка, провоцирующую скепсис относительно вероятности истинного познания. Язык (имена) является правильным не по причине подобия реальным вещам, а поскольку служит инструментом их классификации. При помощи знаменитой аналогии между языком и ткацким станком Сократ высказывает сразу несколько идей о языке: (а) что он – целесообразен; (б) цель отражена в его конструкции; (в) появился в результате изобретения; (г) каждая его часть имеет свою функцию; (д) чтобы правильно им пользоваться, необходимо изучить его внутреннюю структуру. Другими словами, утверждается рациональность и целесообразность языка. И в этом случае прослеживается связь идеи языка-инструмента с социально-политическим устройством греческого мира. В городе-государстве изучение подобного инструмента было действительно важным аспектом образования культурных слоев населения с целью их активного вовлечения в политическую жизнь.

Несомненно, что именно платонизм выдвигает настойчивое требование мыслить изолированными ментальными сущностями, используя абстрактный язык описания. Хотя Платон нигде не дает систематического перечня таких сущностей, можно предположить, что одной из них – наряду с «прекрасным», «справедливым», «добрым» – и является «язык». Совместно с моралью и политикой он превращается в тематическую область, способную ускорить развитие абстрактно-теоретического мыслительного процесса. Подобная трансформация становится началом совершенно нового этапа в развитии не только греческого, но и европейского разума.

Выдающийся исследователь греческой интеллектуальной истории Эрик Хэвлок считает такой переход равносильным переходу от образного мира эпоса к абстрактному миру научного описания, от лексики и синтаксиса повествования о временных событиях – к синтаксису и лексике, описывающим вечные законы и принципы. Хэвлок доказывает, что переход к новым мыслительным привычкам требовал разрыва с греческой поэтической традицией [2. Р. 215–233]. В каком смысле эта традиция требовала пересмотра и спровоцировала резкую реакцию платонизма на поэтическое творчество?

Начнем с того, что всякая этноязыковая группа обладает общим мировоззрением, включающим в себя представление о ее истории, традициях и окружающей физической среде. Однако любая совокупность таких знаний может быть утрачена, если не станет содержанием какой-либо образовательной дисциплины, обеспечивающей ее сохранность. Возникает необходимость снабдить живую память человека мнемонической техникой, способной прочно запечатлеть информацию в его сознании. В качестве такого приема и выступал поэтический нарратив, позволявший запоминать наиболее важный групповой опыт в виде последовательности ярких событий и действий героев, а также их мыслей и переживаний. С этой точки зрения повествование, чья ритмическая и сюжетная организация в устной культуре служила наиболее эффективным средством запоминания, должно было выступать основным способом передачи содержания родовой энциклопедии. Необходимым механизмом заучивания была психологическая идентификация слушателя с действиями и событиями поэтического текста, чей событийный ряд требовал особого типа синтаксиса, осуществляемого в глагольных формах прошедшего, настоящего и будущего времени. Именно такой гераклитовский синтаксис и следует называть синтаксисом «становления».

В VIII в. до н.э. в греческом обществе появляется новая технология коммуникации, предлагающая совершенно иной способ сохранения традиции. Эта радикальная революция связана с развитием и продвижением письменности. Греческий устный язык превращался в письменный, скорее всего, дважды. Первый раз это произошло во второй половине II тысячелетия до н.э., когда использовалось слоговое письмо (так называемое линейное письмо Б), а второй – несколько столетий спустя, когда греки приняли письмо, адаптированное к греческому языку и основанное на финикийском алфавите.

Следует отметить, что раннее греческое общество было в основном неграмотным. Право, литература, институты архаики и высокой классики, в отличие от более поздних периодов, преимущественно опирались на устное слово. Знаменитая древняя пайдея как основа аристократического образования вообще не включала обучение чтению и письму. В доклассический период языковые навыки были связаны с двумя видами деятельности – праздничной и клерикальной, но для этого требовалось обучить достаточно небольшой круг специалистов. В течение сотен лет после появления письменности в эллинском мире она не играла важной роли в жизни греков. Поэзия Гомера отражала устную цивилизацию, и только после Платона можно заметить серьезные признаки перехода от устной культуры к письменной. Но даже тогда важные дела общественной жизни в собрании и судах оставались в руках тех, кто владел искусством устного слова. Изначально письменность служила простой технологией для ведения записей и полезным дополнением

к речи. Этот статус все еще отражен в термине *techné*, содержащемся в названии первого грамматического трактата Дионисия Фракийского.

Дело в том, что само по себе наличие письменности отнюдь не приводит к пробуждению языковой рефлексии. Древние египтяне умели писать еще до 3000 г. до н.э., но в течение первых 2500 лет своей цивилизации ничего не написали о структуре языка. Они начали размышлять по этому поводу, только вступив в контакт с греками. Это же применимо и к иудейской культуре. Евреи умели писать с самого начала первого тысячелетия до н.э., и их культура была весьма грамотной. Еврейские ученые успешно решали практические проблемы лингвистического характера, но до X в. н.э. (до контакта с арабами и их процветающей традицией философского и грамматического мышления) почти не оставили трудов, которые можно было бы отнести к лингвистике или философии языка.

В этом отношении возникает вопрос: почему появление языковой рефлексии было связано не с ивритом, вавилонским или египетским, а именно с греческим языком? По-видимому, греческое письмо было более эффективно по сравнению с другими системами письма. Греческие символы довольно точно и экономично соответствовали фонетическому материалу. Устную коммуникацию всегда характеризовала беглость, а для полного перехода к системе графического распознавания требовалась сопоставимая визуальная беглость. Большинство систем было неспособно ее обеспечить, а поэтому проигрывало конкуренцию устной речи, которая продолжала процветать, будучи привычной для большинства людей.

Акустическая традиция основана на запоминании текста, а значит – тренировке памяти. По мере ослабления ее функции психическая энергия высвобождалась для других целей. Снижение требований к запоминанию привело к устранению обязательства нарративизации высказывания. Если ранее автор всегда выбирал в качестве субъектов дискурса конкретные личности и происходящие с ними события, то теперь он вовлекает в свой текст абстрактные сущности. Впервые появляется возможность изолировать темы (язык, мышление, право, государство, навигация, медицина и т.д.) от потока повествования, представляя их в отвлеченном виде. Иначе говоря, алфавитная революция привела к тому, что сама тема становится предметом дискурса.

Наличие эффективной алфавитной речи предполагает и более высокую степень свободы, необходимую для развития философии. Устное повествование как в содержании, так и в стиле отдавало предпочтение традиционному и привычному. Необходимость в запоминании требовала осторожного, экономичного и медленного пополнения ограниченной в своем объеме памяти чем-либо уже известным и знакомым. Алфавитная речь, учитывая беглость восприятия, допускала наличие значительного количества новой информации, которую читатель мог обдумать, отложить и вернуться к ней повторно, имея возможность ответить собственным комментарием. При этом все написанное для реципиента выглядело как «объект».

В условиях устной культуры свою идентичность субъект ясно осознавал внутри поэтической традиции, а жизненный опыт воспринимал на фоне множества ритмических нарративных линий, которые запоминал, воспроизводил затем в своей памяти. Выделение «Я» стало возможным только в результате приостановки постоянной идентификации с бесконечной серией сюжетных

ситуаций, связанных с любовью, ненавистью, страхом, радостью персонажей эпоса. Нужно было осознать, что «Я» больше не имитирует состояния и настроения чужого опыта. Доктрина автономной души связана с освобождением от императивов устной культуры. Психологический механизм, использующий запоминание посредством ассоциативного процесса, должен быть заменен рассуждением. Дельфийский и сократовский афоризм, связанный с требованием «познать самого себя», становится актуальным именно благодаря алфавитной революции. В ее результате весь язык можно рассматривать как письменный, а прочитанный текст – как эквивалент произнесенного слова. Поскольку ученые и философы имели дело почти исключительно с текстами, то возникает предположение об идентичности письменности и языка. Другими словами, письменность – не просто визуальный артефакт, призванный вызывать в памяти ряд языковых форм путем симбиотической ассоциации, а сам язык как единый текстуализированный объект.

Таким образом, философия языка возникает в тот момент, когда появляется возможность записать язык, а следовательно, мыслить о нем как об объекте. Идеально воспроизведенный в алфавите, язык предстает не в качестве разрозненных образов, а весь целиком. Он уже – не просто функция говорящего «Я», а документ, имеющий независимое существование и способный привлекать к себе особое внимание. В связи с этим и появились первые рассуждения софистов и Платона по поводу поведения этой письменной вещи: ее «частях речи» и «грамматике». Самое сложное греческое понятие «логоса» стало в большей степени символизировать письменный текст, нежели устный. Постепенно осознавалось отличие поэтической речи от прозаической, представленной историей и философией. Соответственно, ощущение устного языка как струящегося потока сменилось видением стабильного буквенного ряда, а каждое слово на письме, извлеченное из содержащего его высказывания, получило статус отдельной «вещи». По-видимому, первым обозначением для «слова» у греков было *опота* – «имя», поскольку они понимали, что в устной речи субъектами высказываний всегда были люди с «именами», а не вещи или идеи. В силу этой традиции первая значимая лингвистическая рефлексия в «Кратиле» касалась именования и природы имен.

На ранних этапах среди греческих философов именно Платон проник в самое сердце глубоких изменений в культурном опыте человека. Прежде всего, его не устраивала прежняя греческая система образования, основанная на устном слове. Для него цель образования состояла в воспитании автономной личности с независимым мышлением, а не вовлеченной в бесконечную серию психологических идентификаций с эпическими событиями. Модель образования, требующая «поступать подобно кому-то еще», – поэтическая, подразумевающая мимесис и субъективную многоликость. Платон полагал, что греческое образование должно строиться на принципиально иных основаниях, и стремился, насколько это возможно, отделить индивидуальное самосознание от традиции.

Для Платона, противопоставляющего истинное и доксатическое знание, поэтическое творчество как центральная часть образовательной системы представляет собой доксатический опыт переживания реальности. Чувственное восприятие свидетельствует о плюралистичной и непоследовательной версии интерпретации мира, поскольку поэзия сознательно допускает противоречие в качестве своего основного принципа. Герой эпоса ведет себя вре-

менами хорошо, а временами плохо, не предлагая единого абстрактного образа хорошего поступка. В поэзии антитетические предикаты приложимы к одному и тому же человеку, порождая соответствующее психологическое противоречие в сознании слушателя. И любой событийный нарратив невозможен без такой противоречивости, поскольку различие в событиях возникает только тогда, когда ситуации персонажей истории претерпевают резкие сюжетные повороты. К примеру, Агамемнон в одной ситуации – благороден, а в другой – подл, или греки в какой-то момент – вдвое сильнее троянцев, а в другой – вдвое слабее. Иными словами, субъекты таких предикатов одновременно «есть» и «не есть». Это говорит о невозможности в поэтическом дискурсе сделать утверждение, соединяющее субъект и предикат в отношении, которое просто «есть», т.е. является постоянным и неизменным.

Платон противопоставляет доксатическому – философский опыт, поднимающий вопрос в форме: «что есть вещь (добро, красота, справедливость и т.д.) сама по себе?», – поскольку философское знание – это знание объекта самого по себе. Субъект должен уметь оценивать и анализировать предмет, а не идентифицироваться с ним. Взамен поэтического синтаксиса «становления» в свои права вступает аналитический синтаксис «бытия», независимый от времени. Сумма углов треугольника «есть» 180 градусов. Она не становится таковой с течением времени, и не было в прошлом периода, когда эта сумма была иной. Все абстрактные сущности связаны друг с другом логическими, а не повествовательными отношениями.

Людям не удастся сделать утверждение, связывающее субъект и предикат в постоянных и неизменных отношениях, а потому они находятся в плену мнений. Одна и та же физическая вещь явлена то в одном измерении, то в другом. А для того, чтобы отразить истинное положение дел, мышление должно сосредоточиться на том, что «есть». Можно сказать, что бытие – это синтаксическая ситуация, исключаящая времена глагола «быть», поскольку принципы, свойства, категории и темы – просто «есть». Важнейшей процедурой абстрагирования является использование данного глагола в качестве связи, избавленной от пространственно-временного контекста. В «Софисте» Платон высказал самую важную теорему, касающуюся сущности языка: «Но из одних имен, последовательно произнесенных, никогда не образуется речь (logos), так же и из глаголов, произнесенных без имен» [3. С. 389]. Выделение частей речи имело решающее значение, потому что заставляет признать категориальный характер языка. Это открытие для научной истории человечества имеет такое же значение, как теорема Пифагора – для геометрии.

По мнению немецкого исследователя Лео Вайсгербера, для обозначения языка греки, как правило, использовали слово «логос», первоначально обозначающее акт собирания чего-либо вместе. Термин «логос» восходит к индоевропейскому корню *leg*, производные от которого встречаются в латинских *legere* «читать», *lex* «закон», немецком *lesen* «читать», а также в английских словах *selection*, *collection* и *analects*. Вайсгербер обнаруживает в слове *logos* объединение «языка, мысли, вещи, сущности, этики и бытия» [4. S. 42]. Исследуя семантику «логоса», немецкий ученый приходит к следующему заключению: уже в самом этом слове заключено единство абстрактного, сверхиндивидуального и абсолютного, что характеризует всю греческую концепцию языка.

Формирование нового синтаксиса бытия является ответом на все тот же эпистемологический вопрос: «Что может знать познающий?» Вариант Платона: «Он может знать только то, что есть». В связи с этим и объектом науки является то, что «есть», т.е. наличие единого во многом. Платоновский язык знаменует разрыв с вековыми ментальными привычками греческой мысли, приобретенными в результате долгой поэтической практики в условиях устной культуры. Он провозглашает необходимость усвоения новой ментальной привычки – абстрагирующей концептуальной мысли, при которой разум должен научиться входить в новое синтаксическое состояние. Всякий раз, когда речь заходит об эпистемологии собственной системы Платона, он вынужден определять ее в противопоставлении с поэтической психологией и языком.

Наряду с эпистемологическими и технолингвистическими причинами появления языковой автономии следует отметить и нормативный аспект этого вопроса. Как отмечает Виктор Ингве, «...среди греков именно стоики несут ответственность за развитие философских оснований лингвистического мышления» [5. Р. 30]. Философская доктрина стоиков подразделялась на физику, этику и логику, которая, указывая путь к истине, была ее самой важной частью. Вся структура стоической диалектики служила исключительно логике и риторике в их крайне идеализированных и надличностных формах. Философы не задавались вопросом о субъекте речи, а человек появлялся в их рассуждениях в физическом, а не логическом разделе философии. Место человеческого существа определяется в контексте вопросов космологии, биологии, медицины, а также психологии речевой деятельности. Стоики «отделили теорию языка от людей, и получилось, что изначально носитель языка был лишен собственной лингвистической теории» [5. Р. 29]. Философия стоиков сделала важный шаг в сторону формирования языка как единого объекта, отделив логическое и грамматическое от физического и психологического.

Лингвистическая архитектоника поздних греческих философов оказалась весьма актуальной в связи с политическим казусом. В результате завоеваний Александра Македонского возник эллинистический мир, огромная империя, которой требовался единый язык. Необходимо было сформировать определенный стандарт правильности для административного класса, ставшего важным винтиком в колесе имперского управления. Согласно Ингве, «...греки испытывали потребность в стандартном языке для вновь завоеванной империи, который бы занял место многочисленных диалектов... Нормативная грамматика была разработана ради удовлетворения этой потребности» [5. Р. 32]. Диалектика стоиков во многом стала философской основой нормативной грамматики, которую можно обнаружить и у Дионисия Фракийского, и в ранних латинских грамматиках Доната и Присциана. Возможно, прескриптивистский взгляд также появился с развитием письменности, поскольку то, что можно записать, легко объективировать, а с помощью алфавитного письма можно наблюдать исторические изменения, которые усиливали идею о их едином субстрате. Предписанная норма воспринимается говорящими и пишущими как нечто внешнее по отношению к ним, создающее представление о языке как реальности, обладающей независимым существованием.

Историческая ситуация стала причиной новой потребности в обучении греческому языку иностранцев (затем эта проблема встанет перед арабами,

которые, воздвигнув империю, будут активно создавать грамматики). Значит ли это, что лингвистическую рефлексию породила практическая потребность? В данном случае мы можем ответить утвердительно. Однако же стремление к абстрагированию и обобщению, построению систематического описания языка не обязательно связано с практической необходимостью. И в далеком прошлом, и сегодня миллионы людей научились свободно и грамматически правильно говорить на втором языке, ни разу не открыв учебника грамматики.

К этому стоит добавить, что платоники весьма скептически оценивали перспективы изучения иностранного языка. Согласно Платону, в своей истинной и абстрактной форме знание невозможно получить впервые, а допустимо лишь вспомнить. Это связано с убеждением, что истина неизменна, а знание априорно находится в человеческой душе. Именно в этой парадигме Секст Эмпирик выдвинул свою идею о невозможности изучения языка в «Очертаниях пирронизма» (кн. 3) и «Против арифметиков» (кн. 1 и 11). Языковое означивание происходит либо по природе, либо по соглашению. Если языковые знаки являются естественными, то греки и иностранцы могли бы спокойно общаться, но этого не происходит. Однако изучение языка не может полагаться и на произвольные знаки. Тем, кто понимает конвенции соответствия слов и вещей, уже следует знать эти правила. Речь таких людей – это простое воспоминание лингвистических знаний. Однако не владеющие языком и желающие его изучить не имеют представления об этих правилах. Демонстрация не в силах им помочь, потому что многочисленные конвенции невидимы и не поддаются остенсивным определениям. Таким образом, обучение языку невозможно, потому что правила должны быть известны заранее. Дэвид Глидден в эссе «Попугаи, пирронисты и носители языка» характеризует это следующим образом: «Каждый носитель языка должен каким-то образом понимать правила, которые служат для упорядочивания его собственного племенного диалекта» [6. Р. 144]. Мы видим, что греческий философ настаивает на интроспективном способе постижения языковых правил. Выучить язык невозможно, потому что правила интуитивны. Отчасти это очень похоже на представление Хомского об авторитете носителя первого языка, определяющего всю генеративистскую теорию. Однако здесь важно подчеркнуть принципиальное отличие: рассмотрение языка носит исключительно философский характер, являясь ответом на стоицизм и эпикурейство. Укрепившись в платоновской философии, Секст Эмпирик совершенно не интересуется прикладными аспектами поставленных проблем. Он просто неявно ссылается на знаменитый платоновский парадокс Менона. Фактически Платон первым пришел к скептическому заключению о невозможности языкового обучения, предлагая свою знаменитую теорию воспоминания.

Необходимо подчеркнуть, что философская языковая рефлексия неразрывно связана с ее историей, начало которой было положено греческими мыслителями. Одна из влиятельных современных концепций языка как абстрактного объекта развивалась Джеральдом Кацем, полагавшим, что «с платоновской точки зрения, лингвистическая теория – это не более чем теория общей структуры предложений во всех естественных языках» [7. Р. 23]. Платоновская позиция в лингвистике становится основой решения более общей философской проблемы существования абстрактных объектов, а также крити-

ки номиналистических и концептуалистских языковых теорий. Являясь главным защитником платоновского каркаса рассуждений, Кац утверждает, что «задача лингвиста, как и математика, состоит в построении теории, раскрывающей структуру множества абстрактных объектов, а не теории эмпирической реализации знания об этих объектах» [8. Р. 22], на основании того, что «платоники относят лингвистику к математическим, а не к социальным, биологическим или физическим наукам, поскольку речь идет о реальности, потусторонней человеку и физическому миру» [8. Р. 23]. Конечно же, положения Каца о человеческом языке как о математической сущности отнюдь не бесспорно. Трудно представить обоснованность такого утверждения, поскольку языки существенно отличаются от математических сущностей своей подверженностью диахронической, географической и социальной вариативности. Однако если заменить в качестве абстрактных объектов «вечные» платоновские сущности историческими и социальными нормами языка, то общая схема рассуждений Платона вновь будет реабилитирована. И даже несмотря на то, что греческая философия языка, озабоченная проблемами истины, оставляет в стороне очень многие языковые вопросы, интересующие современное языкознание, ее вклад в формирование европейской лингвофилософии остается решающим.

Список источников

1. Casper C. de Jonge, Johannes M. van Ophuijsen. Greek Philosophers on Language. A companion to the ancient Greek language. Blackwell, 2010.
2. Havelock E. Preface to Plato. Cambridge : Belknap Press, Harvard University Press, 1963.
3. Платон. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1970. Т. 3.
4. Weisgerber L. Die Entdeckung der Muttersprache im europäischen Denken. Lüneburg : Heliand, 1948.
5. Yngve V.H. The struggle for a theory of native speaker. A Festschrift for Native Speaker, The Hague : Mouton. 1981.
6. Glidden D.K. Parrots, pyrrhonists, and native speakers. Language. Cambridge : Cambridge University Press. 1994.
7. Katz J. The philosophy of linguistics. New York : Oxford University Press, 1985.
8. Katz J. Language and other abstract objects. Oxford : Basil Blackwell, 1980.

References

1. de Jonge, C.C. & van Ophuijsen, J.M. (2010) *Greek Philosophers on Language. A companion to the ancient Greek language*. Blackwell.
2. Havelock, E. (1963) *Preface to Plato*. Cambridge: Belknap Press, Harvard University Press.
3. Plato. (1970) *Sochinenie v 3 t.* [Works in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
4. Weisgerber, L. (1948) *Die Entdeckung der Muttersprache im europäischen Denken*. Lüneburg: Heliand.
5. Yngve, V.H. (1981) *The struggle for a theory of native speaker. A Festschrift for Native Speaker*. The Hague: Mouton.
6. Glidden, D.K. (1994) *Parrots, pyrrhonists, and native speakers. Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Katz, J. (1985) *The Philosophy of Linguistics*. New York: Oxford University Press.
8. Katz, J. (1980) *Language and Other Abstract Objects*. Oxford: Basil Blackwell.

Сведения об авторе:

Найман Е.А. – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета; веду-

щий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия). E-mail: enyman17@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Nayman E.A. – DSc in Philosophy, Professor, Department of History of Philosophy and Logic National Research State University; Leading Research Fellow, Tomsk Scientific Center SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: enyman17@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.06.2023;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 11.06.2023;
approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 18.08.2023*

Научная статья

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/74/5

ГАРМОНИЯ ДВОЙСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ С. КЬЕРКЕГОРА

Наталья Валерьевна Рувимова

*Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет),
Москва, Россия, psiheya7777@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблеме двойственности творчества С. Кьеркегора – сосуществованию в наследии мыслителя псевдонимных сочинений наряду с религиозными работами, которые он подписывал своим именем. Обосновывается, что данная проблема является ключевой для решения вопроса о природе псевдонимии мыслителя, и предлагается ее возможное решение, которое опирается на анализ жизни и образа мысли Кьеркегора.

Ключевые слова: Кьеркегор, псевдоним, двойная рефлексия, эстетическое, религиозное

Для цитирования: Рувимова Н.В. Гармония двойственности: проблема эстетической продуктивности С. Кьеркегора // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 48–56. doi: 10.17223/1998863X/74/5

Original article

HARMONY OF DUALITY: THE PROBLEM OF KIERKEGAARD'S AESTHETIC PRODUCTIVITY

Natalia V. Ruvimova

Sechenov University, Moscow, Russian Federation, psiheya7777@mail.ru

Abstract. The problem of pseudonymity is central to the study of Kierkegaard's works, since in his case a pseudonym is not a fictional name behind which the author hides, but a character with his own worldview. The solution of this problem plays a primary role in the interpretation of Kierkegaard's legacy in its entirety. The core of the problem of pseudonymity, from my point of view, is the question that I propose to call the problem of aesthetic productivity, and the meaning of which is to find out what caused the thinker to create aesthetic pseudonymous works along with religious ones that he signed with his name and why, defining himself as a religious author, Kierkegaard created and could create pseudonymous works, was able to be aesthetically productive. In my proposed solution to this problem, I rely on two observations. Firstly, we can trace that one of the fundamental concepts for the Danish philosopher's work was the idea that the speaker, the author, and his existential state do not always coincide with his thought. As a result, if the author sets out to convey his current state, he must correlate what was said with it. Kierkegaard calls this correlation the "second reflection". Secondly, if we look at Kierkegaard's works, we will see that the aesthetic here is opposed to the religious. At the same time, Kierkegaard did not deny the aesthetic in himself. Using the second reflection, the thinker did not ignore ideas that, for one reason or another, he could define as aesthetic, but gave them to fictional pseudonymous authors and built them into the authorship system as pointers on the way to the religious. This is the answer to the question about his aesthetic productivity, the bifurcated nature of creativity. The reason for the thinker's attitude to the religious and the aesthetic, in my opinion, lies in his biography. He passed the point of no return, as I believe, not at the moment of breaking off his engagement with Regina Olsen, but earlier, when

Kierkegaard returned to his parents' house after a period of rebellion, reconciled with his father and shared his fears that the family was cursed by God for his father's sins. Kierkegaard fully accepted this legend and chose the path of a religious writer.

Keywords: Kierkegaard, pseudonym, double reflection, aesthetic, religious

For citation: Ruvimova, N.V. (2023) Harmony of duality: the problem of Kierkegaard's aesthetic productivity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 48–56. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/5

Проблема эстетической продуктивности как ядро проблемы псевдонимии в творчестве С. Кьеркегора

Центральной для исследования творчества С. Кьеркегора является проблема псевдонимии, поскольку в случае мыслителя псевдоним является не вымышленным именем, за которым скрывается автор, а персонажем со своим мирозерцанием. Решение этой проблемы играет первостепенную роль для интерпретации наследия Кьеркегора в его целостности. Ядром проблемы псевдонимии, с нашей точки зрения, является вопрос, который мы предлагаем назвать проблемой эстетической продуктивности, и смысл которого состоит в том, чтобы выяснить, что послужило причиной того, что мыслитель мог создавать эстетические псевдонимные сочинения наряду с религиозными, которые подписывал своим именем, почему его авторский дар проявлялся бинарным образом, почему, определяя себя в качестве религиозного автора, Кьеркегор создавал и мог создавать псевдонимные произведения, быть эстетически продуктивным.

Кьеркегор объясняет принципы псевдонимии в произведениях «Точка зрения на мою писательскую деятельность» и «О моей писательской деятельности» (последнее сочинение является краткой версией первого). Рассказанное автором в «Точке зрения» тем не менее не решает проблемы и также является предметом дискуссий среди исследователей¹.

В «Точке зрения» мыслитель рассматривает псевдонимные произведения как средство майевтики, целью которой было донесение сообщения об экзистенциальном характере христианства. Кьеркегор представляет свое авторство состоящим из двух линий публикаций: эстетическое авторство, в которое входят известные российскому читателю псевдонимные произведения вроде «Страха и трепета» Иоханнеса де Силенцио, представляет собой своего рода длинную «беседу об эстетическом», которая, по словам Кьеркегора, должна была вывести читателей из эстетической иллюзии относительного того, что они христиане, и привести к подлинно религиозному, в то время как параллельная публикация «Назидательных бесед»², которые мыслитель подписывал своим именем, – религиозная линия авторства – должна была указывать на эту цель.

Сам мыслитель делает в «Точке зрения» акцент на том, что именно проблема раздвоенности его творчества является ключевой, когда дает частям сочинения следующие заглавия: «Неоднозначность или раздвоенность творчества как целого, не зависящая от того, является ли автор эстетическим или

¹ Среди исследователей, скептически относящихся к трактовке авторства, данной Кьеркегором в «Точке зрения», можно выделить Иоакима Гарфа [1], Хеннинга Фенгера [2] и Роджера Пула [3], самым же ярким ее защитником является Марк Тьетън [4].

² Несколько сборников «Бесед» переведено на русский язык и издано А.В. Лызовым [5, 6].

религиозным автором» [7. Р. 29], «Объяснение: автор был и остается религиозным автором» [7. Р. 30]. Он объясняет, что с самого начала писательской деятельности был и оставался религиозным автором, а эстетические псевдонимные произведения создавал в целях донесения сообщения о христианстве – притворялся, играл роль эстетического автора.

При этом Кьеркегор признается, что изначально не имел подобного плана и только со временем авторство предстало перед ним в описанном виде [7. Р. 77]. Более того, в главе «Участие Провидения в моем авторстве» мыслитель изображает совершенно другую картину – он пишет, что посредством создания псевдонимных сочинений «опустошал себя от поэтического» [7. Р. 86]. На самом деле еще в начале работы Кьеркегор дает понять: «Само собой разумеется, что я не могу дать полное объяснение своей писательской деятельности, т.е., исключительно личной глубины внутреннего, которой принадлежит это объяснение. Отчасти причина состоит и в том, что я не могу таким образом делать публичными мои отношения с Богом, поскольку это ни больше ни меньше, чем универсальная человеческая глубина внутреннего, которой обладает каждый человек, которую было бы преступлением скрывать и долгом подчеркивать ее значимость и на которую я не мог бы притязать или к ней апеллировать. Отчасти также, потому что я не могу желать (и никто, я уверен, не мог бы пожелать поступить таким образом) обременять кого-либо чем-то, что касается исключительно моего характера, в котором, конечно, заключается большая часть объяснения моего характера как автора» [7. Р. 25–26].

Таким образом, «Точка зрения» оставляет проблему открытой. Проблема псевдонимии, исходя из содержания данного произведения, представляется нам состоящей из двух следующих: проблемы генезиса псевдонимии (реконструкции формирования системы авторства и восприятия ее Кьеркегором) и проблемы эстетической продуктивности, которой и посвящена данная статья.

Генезис псевдонима Анти-Климакуса как модель двойной рефлексии

Феномен псевдонимии у Кьеркегора не ограничивается созданием так называемых эстетических псевдонимов – в позднем творчестве мыслителя появляется религиозный псевдоним Анти-Климакус¹.

Зачем Кьеркегору понадобился религиозный псевдоним, если он сам определял себя как религиозного автора? Мыслитель считал, что «Точка зрения» и другие написанные в тот период работы выражают более высокую степень религиозности, чем ранее издаваемые им под своим именем «Назидательные беседы», и долго размышлял о том, имеет ли он моральное право более прямо и открыто, от своего лица, высказываться о том, что такое, по его мнению, настоящее христианство. С самого начала своего авторского пути Кьеркегор делал акцент на том, что не хочет быть проповедником и наставником в вере и не претендует на эту роль².

¹ В России из произведений, изданных мыслителем под этим псевдонимом, переведена и издана «Болезнь к смерти» [8]. Перевод выполнен С. и Н. Исаевыми.

² См., напр.: «...эта небольшая книга (названная „беседами“, а не проповедями, ведь ее автору не дана власть проповедовать; „назидательными беседами“, а не беседами для назидания, ведь ведущий эти беседы ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть учителем)...» [6. С. 10]

В результате мыслитель определяет свое отношение к христианству так: «...я понял, что являюсь, как я должен это назвать, поэтом религиозного, но не в смысле, что моя жизнь выражает противоположное – нет, я нахожусь в постоянной борьбе, а то, что я „поэт“, выражает, что я не путаю себя с идеальным» [7. Р. 212]. Это идеальное, образ совершенного христианина, и призван был воплощать собой Анти-Климакус. Кьеркегор характеризовал его следующим образом: «Вся предшествующая псевдонимия ниже, чем „возвышающий автор“¹, новый псевдоним же выше него» [7. Р. 6]. Что касается «Точки зрения», то мыслитель написал и опубликовал ее более нейтральную версию, которую озаглавил «О моей писательской деятельности».

Генезис псевдонима Анти-Климакус ясно указывает на то, что Кьеркегор придавал большое значение соответствию высказывания экзистенциальному состоянию его автора, говорящего. Мыслитель определяет себя как «поэта религиозного», «не путает себя с идеалом» и отдает «Я», от лица которого были написаны «Болельщик к смерти» и другие произведения, другому, который и должен олицетворять этот, по мнению Кьеркегора, более высокий, совершенный образ существования. Мы можем проследить, что разрыв между существованием говорящего и его мыслью является одним из основополагающих принципов творчества Кьеркегора.

Эту тему обсуждает в «Заключительном ненаучном послесловии к „Философским крохам“» псевдоним Йоханнес Климакус. Несмотря на то, что «Послесловие» – псевдонимная работа, она также является и важным источником для реконструкции авторского метода Кьеркегора – мыслитель планировал завершить авторство данным сочинением и потому через Климакуса непрямым образом намекает на установки, которые могли лежать в основе его творчества. Кьеркегор также указывает себя в качестве редактора работы, чтобы отразить это ее значение в ряду других псевдонимных сочинений². Одной из важных тем, которые поднимает в «Послесловии» Климакус, является учение о так называемой двойной рефлексии. Псевдоним описывает данное явление следующим образом: «Когда некая мысль нашла себе надлежащее выражение в слове, что достигается во время первой рефлексии, приходит время второй рефлексии, которая касается внутреннего отношения между сообщением и тем, кто сообщает, равно как и передает нам собственное отношение того, кто говорит и существует, к своей идее» [9. С. 83]. Наглядным примером второй рефлексии и является создание псевдонима Анти-Климакуса³. Также помещение философом на более высокую

¹ Кьеркегор так характеризует себя, поскольку под своим именем издавал «Назидательные беседы». При переводе данного отрывка мы отталкиваемся от варианта С. и Н. Исаевых («возвышающие»).

² Позже Кьеркегор напишет по этому поводу: «„Заключительное ненаучное послесловие“ не является эстетическим произведением, но, строго говоря, не является и религиозным. Вот почему оно подписано псевдонимным автором, хотя я поместил свое имя в качестве редактора – это намек по крайней мере для того, кто заботится о таких вещах или разбирается в них». [7. Р. 31–32].

³ Принято также говорить о феноменологическом методе двойной рефлексии у Гегеля, который он описывает в «Феноменологии духа» (см., напр.: [10. С. 509]). Нам представляется, что данный факт является, скорее, результатом переосмысления Гегеля Кьеркегором, который переносит представления первого о необходимости рефлексии сознания над имеющимся знанием в экзистенциальную плоскость. Кьеркегор известен своей любовью к пародии, этот прием часто используется им и в «Заключительном ненаучном послесловии», но наше дальнейшее рассмотрение покажет, что этот принцип не только не был всего лишь средством пародии, но и лежал в основе воззрений мыслителя на писательскую деятельность.

ступень Анти-Климакуса могло быть проявлением его смирения как христианина и нежелания становиться ментором в религиозных вопросах.

Представление о второй рефлексии и ее требование должны иметь основу в виде соответствующих взглядов на природу человека. Разрыв между экзистированием и мыслью и является принципиальным моментом для Климакуса и Кьеркегора. Читаем в «Послесловии»: «Являюсь ли я добрым, потому что я мыслю добро? Вовсе нет. <...> Сюда вторгается экзистенция, она-то и разделяет на части идеальное тождество бытия и мышления; я должен непременно экзистировать для того, чтобы быть способным мыслить, – и я должен быть способен мыслить (например, мыслить добро) для того, чтобы экзистировать в нем» [9. С. 322]. Псевдоним продолжает: «...сама экзистенция вторгается сюда, разделяя мышление и бытие, удерживая их отдельно друг от друга в некоторой последовательности» [9. С. 325]. Эти представления являются собой коренной разрыв Кьеркегора с предшествующей традицией, с *cogito* Декарта, позже доведенного до абсолюта Гегелем. Концепция Декарта обсуждается в ранней неопубликованной работе Кьеркегора «*De omnibus dubitandum est*», когда впервые и появляется псевдонимный автор Йоханнес Климакус.

Противопоставление эстетического и религиозного в творчестве Кьеркегора

Когда в «Точке зрения» Кьеркегор описывает создание эстетических произведений религиозным автором в целях донесения непрямого сообщения о христианстве, он ясно дает понять, что для него способность мыслить эстетическое не делает человека эстетиком. Однако религиозный автор, о котором идет речь в произведении, работает в сфере эстетического *сознательно*, преследуя определенные цели, чего, как мы уже выяснили, нельзя сказать о Кьеркегоре.

Соотношение эстетического и религиозного – одна из узловых проблем творчества Кьеркегора, которая является не только источником его возможных внутренних противоречий, но и, как нам представляется, также и двигателем этого творчества. Кьеркегор смотрел на мир и свое творчество через призму своего учения о стадиях человеческого существования (эстетической, этической и религиозной), в чем мы можем убедиться благодаря одной только «Точке зрения», где он делит свои произведения на эстетические и религиозные. Согласно учению о стадиях, изложенному в «Или – или», эстетическое не противоречит этическому и остается при переходе на эту более высокую стадию «в снятом виде», если использовать гегелевское выражение (см.: [11. С. 596–760]). Однако уже в следующей работе, «Страхе и трепете», мы сталкиваемся с темой перехода к религиозному как разрывом с мирским как в его эстетическом, так и этическом виде [12]. Если мы посмотрим на творчество Кьеркегора, то увидим, что эстетическое здесь противопоставляется религиозному по тому самому принципу «или – или». В «Точке зрения» Кьеркегор определяет религиозность современников как эстетическую иллюзию, выйти из которой им должен помочь религиозный автор, а Гегель и датское гегельянство с его взглядами на религию представляют собой такой же эстетический обман, для борьбы с которым Кьеркегор вынул из ножен свое перо. В учении о стадиях Кьеркегор мыслит их как принципиально неравно-

значные, однако также сам характер творчества датского мыслителя наводит исследователей на подобный вывод: «Многие авторы отмечают, что данные стадии (эстетическая, этическая и религиозная, по Кьеркегору) совершенно равнозначны. Отчасти это правда, однако только в том смысле, что они не являются ступенями. Субъект Кьеркегора прыгает между стадиями, а не поднимается» [13]. Джейми Феррейра выделяет напряжение между эстетическим и религиозным в качестве одной из основополагающих для творчества Кьеркегора проблем [14. Р. 192–193] и указывает на ее корень, который и является причиной того, что стадии существования могут восприниматься как равнозначные: «...то, что может и должно быть разделено концептуально, часто необходимо совмещать в реальной жизни...» [14. Р. 192]. Эстетическое и религиозное в реальном человеке невозможно отделить друг от друга, и человеческое стремление к идеальному рождает борьбу этих начал, которая получает особенный накал в европейской культуре, поскольку христианство ставит этот вопрос именно в плоскости бескомпромиссного «или – или». В своей сердцевине проповедь Христа призывает полностью отринуть все мирское ради спасения души¹. Эту сущность христианства, состоящую в его полной потусторонности, блестяще раскрывает Василий Васильевич Розанов [15].

Кьеркегор видел эту проблему не только как христианин, она имела для него и личный характер и потому могла восприниматься им особенно болезненно. На мыслителя не могло не оставить отпечатка строгое религиозное воспитание, полученное от отца, причиной которого были мрачные настроения последнего. Этот эффект усиливался благодаря максималистскому и бескомпромиссному характеру Кьеркегора, его образу мысли по принципу того самого «или – или». Стремление мыслителя к религиозному и его максимальное дистанцирование от эстетического в конце его жизни нашло закономерное выражение в открытой атаке на датскую лютеранскую церковь, которую он обличал в обмирщении и забвении учения Христа.

Религиозное и эстетическое в жизни Кьеркегора

Кьеркегор осознавал вынужденную двойственность человека и, как нам представляется, был далек от гофмановского рассеивания во множестве «Я», о котором писала Пиам Павловна Гайденок [16]². Он не отрицал эстетического в себе и, как мы указывали выше, в конце жизни определял себя как «поэта религиозного». Используя вторую рефлексю, как это было в случае создания псевдонима Анти-Климакуса, мыслитель не игнорировал идеи, которые по той или иной причине мог определять как эстетические, а отдавал их на откуп вымышленным авторам-псевдонимам и встраивал в систему авторства в качестве указателей на пути к религиозному. В этом и состоит от-

¹ В беседе «Полевая лилия и птица небесная», написанной в 1849 г., Кьеркегор пишет, одновременно делая намек на вышедшее в то же время второе издание «Или – или»: «Как ты знаешь, в мире много говорят о некоем Или – или, и это Или – или обращает на себя большое внимание <...>. Или – или есть: или Бог – или... да ведь все равно что; что бы ни выбрал человек, если он не выбрал Бога, он упустил свое Или – или, или он потерял для своего Или – или» (орфография источника. – Н.Р.) [5. С. 52–53]. Кьеркегор обсуждает место из Евангелия от Матфея, где также мы читаем: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (Мф 6:24–34, цит. по: [5. С. 18]).

² «Кьеркегор всю жизнь пытался преодолеть раздвоенность – и оставался раздвоенным...» [16. С. 206].

вет на вопрос о его эстетической продуктивности, раздвоенном характере творчества. Так, в начале авторства он издал под псевдонимом «Или – или», а религиозные «Назидательные беседы» подписал своим именем. «Или – или» вместе с «Повторением» и «Страхом и трепетом» могли иметь несколько целей: и не прямое донесение сообщения о религиозном экзистировании, и необходимость донести нечто до Регины Ольсен, и полемику с современным гегельянством, и просто желание автора дать возникшей идее жизнь. Вполне возможно, когда мыслитель признается в «Точке зрения», что «опустошал себя от поэтического», речь шла именно о второй рефлексии идей, которым он хотел дать жизнь, но при этом не ассоциировал себя с ними экзистенциально, и именно этими подробностями не считал нужным «обременять» читателя [7. Р. 25–26, 86]. С нашей точки зрения, псевдонимия Кьеркегора является следствием этой его религиозной работы с эстетическим в себе. При этом понимание сугубо религиозного мыслителем может отличаться от нашего. Так, Гайденок отмечает, что в работах, которые Кьеркегор относит к эстетическим, присутствует множество религиозных мотивов [16. С. 47–48].

Н.Б. Тетенков также видит в дихотомии «автор – его мысль» ключ к объяснению феномена псевдонимии у Кьеркегора [17]. Тетенков считает, что в псевдонимных произведениях мыслитель реализовывал множество своих экзистенциальных возможностей. Владимир Биbihин же определяет создание псевдонимов иным образом: «Воображаемые персонажи, которых Кьеркегор выдает за авторов своих эстетических работ, становятся разметками низших, чем искомый подлинный „Ты“, уровней существования, „наблюдательных постов“, с которыми Кьеркегор предпримет размежевание, конечно, но которые надо сперва вывести на свет и разобрать» [18. С. 86]. Сам Кьеркегор, как мы уже упоминали, пишет об «опустошении от поэтического».

Причина отношения мыслителя к религиозному и эстетическому, по нашему мнению, кроется в его биографии. Будучи решительным человеком, мыслящим по принципу «или – или», Кьеркегор выбирает путь религиозного автора, а в конце жизни и автора-мученика. Точка невозврата, как мы считаем, была пройдена им не в момент разрыва помолвки с Региной Ольсен, а раньше, когда после периода бунта Кьеркегор помирился с отцом. Мыслитель не просто восстановил отношения с ним, но и разделил его опасения, что за его, отца, грехи семья проклята Богом. Кьеркегор полностью воспринял эту легенду и выбрал путь религиозного писателя. Помолвка с Региной Ольсен была спонтанным шагом, на который Кьеркегор пошел под влиянием эмоций из-за наличия соперника в лице Фредерика Шлегеля, который позже и станет ее мужем [19. Р. 135–144]. Уолтер Лоури высказывает, с нашей точки зрения, очень проницательное предположение, что отец с самого детства направлял Кьеркегора к тому, что он должен будет в будущем пожертвовать собой ради избавления семьи от власти проклятия, которое, как он был уверен, Бог наложил за его грехи [19. Р. 31–55]. Алистер Хеннэй высказывает сомнение, что на мыслителя могли оказать серьезное влияние представления отца о проклятии семьи, но в то же время считает, что главным мотивом в выборе литературной стези для Кьеркегора было именно желание защитить веру отца перед лицом современной спекулятивной философии [20. Р. 88–101].

Кьеркегор мог не помириться с отцом или помириться, но не разделить его взгляды на их семью, и при этом как быть верным христианству, так и отказаться от веры в Бога. Был у него период, когда он осмысливал разные возможности [19. Р. 79–92; 20. Р. 30–58]. Кьеркегор мог стать простым госслужащим подобно его герою ассессору Виллему из «Или – или» или же ученым-естествоиспытателем, как его родственник, палеонтолог Питер Вильгельм Лунд (1801–1880), с которым он вел переписку, – возможно, даже известным. При любом другом выборе на каждой из развилок история могла обрести совершенно другого автора или же вообще не обрести Кьеркегора в качестве мыслителя.

Список источников

1. Garff J. The Eyes of Argus: The Point of View and Points of View with Respect to Kierkegaard's "Activity as an Author" // *Kierkegaardiana*. 1991. Vol. 15. P. 29–54.
2. Fenger H. Kierkegaard, the myths and their origins: studies in the Kierkegaardian papers and letters. New Haven : Yale University Press, 1980.
3. Poole R. Kierkegaard: The Indirect Communication. Virginia : University of Virginia Press, 1993.
4. Tietjen M. To Believe or Not to Believe: Toward a Hermeneutic of Trust // *International Kierkegaard Commentary*. Macon, GA : Mercer University Press, 2010. Vol. 22: The Point of View. P. 78–104.
5. Кьеркегор С. Беседы. М. : Свято-Владимирское изд-во, 2009.
6. Кьеркегор С. Девять бесед 1843 года. М. : Рекорд, 2016.
7. Kierkegaard S. The Point of View. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1998.
8. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М. : Академ. проект, 2012.
9. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам». М. : Академ. проект, 2012.
10. История философии : от философии Древнего Востока до философии XXI века : учебник / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова, Д.В. Бугая. М. : ЛЕНАНД, 2014.
11. Кьеркегор С. Или – или. М. : Академ. проект, 2014.
12. Кьеркегор С. Страх и трепет. М. : Академ. проект, 2014.
13. Кругликов С. Повторение Кьеркегора как тождество субъекта // *Credo New*. 2016. № 2. URL: http://intelros.ru/readroom/credo_new/kre2-2016/30159-povtorenie-kerkegora-kak-tozhdestvo-subekta.html?ysclid=19dczdyca893077039
14. Ferreira M.J. Kierkegaard. Wiley-Blackwell, A JohnWiley & Sons, Ltd., Publication, 2009.
15. Розанов В.В. Темный лик // Темный лик. Метафизика христианства. СПб., 1911. С. 479–523.
16. Гайденок П.П. Трагедия эстетизма. О мирозерцании Сёрена Киркегора. М. : Республика, 1997.
17. Тетенков Н.Б. С. Кьеркегор: движение к множественной субъективности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 1. С. 71–77.
18. Бибихин В.В. Кьеркегор и Гоголь // Мир Кьеркегора. Русские и датские интерпретации творчества Сёрена Кьеркегора : сб. ст. М. : Ad Marginem, 1994. С. 82–91.
19. Lowrie W. A Short Life of Kierkegaard. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1974.
20. Hannay A. Kierkegaard: A Biography. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

References

1. Garff, J. (1991) The Eyes of Argus: The Point of View and Points of View with Respect to Kierkegaard's "Activity as an Author." *Kierkegaardiana*. 15. pp. 29–54.
2. Fenger, H. (1980) *Kierkegaard, the myths and their origins: studies in the Kierkegaardian papers and letters*. New Haven: Yale University Press.
3. Poole, R. (1993) *Kierkegaard: The Indirect Communication*. Virginia: University of Virginia Press.

4. Tietjen, M. (2010) To Believe or Not to Believe: Toward a Hermeneutic of Trust. In: Perkins, R.L. (ed.) *International Kierkegaard Commentary*. Vol. 22. Macon, Georgia: Mercer University Press. pp. 78–104.
5. Kierkegaard, S. (2009) *Besedy* [Conversations]. Translated from Danish. Moscow: Svyato-Vladimirskoe izd-vo.
6. Kierkegaard, S. (2016) *Devyat' besed 1843 goda* [Nine Conversations of 1843]. Moscow: Rekord.
7. Kierkegaard, S. (1998) *The Point of View*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
8. Kierkegaard, S. (2012a) *Bolezn' k smerti* [The Sickness unto Death]. Translated from Danish. Moscow: Akadem. proekt.
9. Kierkegaard, S. (2012b) *Zaklyuchitel'noe nenauchnoe posleslovie k "Filosofskim krokham"* [Final non-scientific afterword to "Philosophical crumbs"]. Translated from Danish. Moscow: Akadem. proekt.
10. Vasilev, V.V., Krotov, A.A. & Bugay, D.V. (2014) *Istoriya filosofii: Ot filosofii Drevnego Vostoka do filosofii XXI veka* [History of philosophy: From the philosophy of the Ancient East to the philosophy of the 21st century]. Moscow: LENAND.
11. Kierkegaard, S. (2014a) *Ili – ili* [Or – or]. Translated from Danish. Moscow: Akadem. Proekt.
12. Kierkegaard, S. (2014b) *Strakh i trepet* [Fear and Trembling]. Translated from Danish. Moscow: Akadem. proekt.
13. Kruglikov, S. (2016) Povtorenie K'erkegora kak tozhdestvo sub"ekta [The repetition of Kierkegaard as the identity of the subject]. *Credo New*. 2. [Online] Available from: http://intelros.ru/readroom/credo_new/kre2-2016/30159-povtorenie-kerkegora-kak-tozhdestvo-subekta.html?ysclid=l9dczdyca893077039
14. Ferreira, M.J. (2009) *Kierkegaard*. Wiley-Blackwell, A John Wiley & Sons, Ltd.
15. Rozanov, V.V. (1911) *Temnyy lik. Metafizika khristianstva* [Dark Face. Metaphysics of Christianity]. St. Petersburg: F. Vaysberg & P. Gershunin. pp. 479–523.
16. Gaydenko, P.P. (1997) *Tragediya estetizma. O mirosozertsanii Serena Kirkegora* [The tragedy of aestheticism. On the worldview of Søren Kierkegaard]. Moscow: Respublika.
17. Tetenkov, N.B. (2017) S. K'erkegor: dvizhenie k mnozhestvennoy sub"ektivnosti [S. Kierkegaard: movement towards multiple subjectivity]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University*. 1. pp. 71–77.
18. Bibikhin, V.V. (1994) K'erkegor i Gogol' [Kierkegaard and Gogol]. In: Frishman, A. (ed.) *Mir K'erkegora. Russkie i datskie interpretatsii tvorchestva Serena K'erkegora* [The World of Kierkegaard. Russian and Danish Interpretations of Søren Kierkegaard's Works]. Moscow: Ad Marginem. pp. 82–91.
19. Lowrie, W. (1974) *A Short Life of Kierkegaard*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
20. Hannay, A. (2001) *Kierkegaard: A Biography*. Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторе:

Рувимова Н.В. – ассистент кафедры гуманитарных наук Института социальных наук Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) (Москва, Россия). E-mail: psiheya7777@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ruvimova N.V. – assistant lecturer at the Department of Humanities of the Institute of Social Sciences, Sechenov University (Moscow, Russian Federation). E-mail: psiheya7777@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 30.10.2022;
approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 101.1

doi: 10.17223/1998863X/74/6

ДИСКУРС САМОБЫТНОСТИ В ФИЛОСОФИИ В.Ф. ЭРНА

Александр Владимирович Усачев

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, Россия,
a.usacev@mail.ru*

Аннотация. Цель данного исследования – определение существенных характеристик самобытности русского философского мышления на примере материалов философии замечательных русских мыслителей Н.Аю Бердяева, Е.Н. Трубецкого, В.В. Розанова и др. Особый акцент сделан на произведениях В.Ф. Эрна, который практически все свое творчество посвятил проблемам уникальности и самобытности русской мысли. Есть уникальные стороны философского мышления в России, которые определяют его самобытность и самостоятельность.

Ключевые слова: русская философия, персонализм, экзистенциализм, Логос, субстанция, творчество

Для цитирования: Усачев А.В. Дискурс самобытности в философии В.Ф. Эрна // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 57–65. doi: 10.17223/1998863X/74/6

Original article

THE DISCOURSE OF IDENTITY IN THE PHILOSOPHY OF VLADIMIR ERN

Alexandr V. Usachev

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia, a.usacev@mail.ru

Abstract. The aim of this study is to determine the essential characteristics of the identity of Russian philosophical thinking on the example of the materials of the philosophy of the remarkable Russian thinkers Berdyaev, Trubetskoy, Rozanov, and others. Special emphasis was placed on the writings of Vladimir Ern, who devoted almost all his works to the problems of the uniqueness and originality of Russian thought. There are unique aspects of philosophical thinking in Russia that determine its identity and independence. The methodology of this study include structural and functional methods to determine the connections and relationships between various phenomena, and a comparative method to make a comparative basis for identifying common and special in the material under study. The main conclusions of this study are that Russian philosophical thinking really has unique features that allow it to consider world philosophical problems from its own point of view. In Russian philosophy, one can find all the essential features of world philosophy that allow it to analyze universal problems. This research can be used in the analysis of modern philosophical problems that are prominent in the contemporary philosophical community, using methods of work inherent in Russian philosophy. The material of this article can be useful when writing a dissertation research on Russian philosophy, and can also be considered as data for an elective course on Russian philosophy. The originality of this research is due to the existing controversy about the most important aspects of Russian philosophical thought, which is being developed today by many theorists within the framework of the worldview that emerged in the second half of the 19th – the first half of the 20th centuries. A Russian philosophy structure is proposed, which reflects the originality of

philosophical thought in Russia, and Western European thinking and Russian philosophical thinking are compared.

Keywords: Russian philosophy, personalism, existentialism, logos, substance, creativity

For citation: Usachev, A.V. (2023) The discourse of identity in the philosophy of Vladimir Ern. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 57–65. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/6

Тема самобытности органично связана с качеством самосознания. Самосознание играет роль первичного понятия, которое позволяет на фоне научной профессиональной специализации осмыслять бытийную связь в единстве, выявляя общие тенденции и закономерности. В. Эрн с наибольшей последовательностью осуществляет метод историко-философского исследования, согласно которому судьба мыслителя, ее изломы и напряженность не случайным, а необходимым образом оказывают влияние на стиль и содержание философии. Данная особенность добротного анализа, проводимая Эрном в жизнь, настойчиво свидетельствует о применении метода соответствия судьбы и фактуры философии. Философия и сама суть органическая часть биографии и судьбы человека [1. Р. 438]. Но одно дело оговариваться, таким образом подчеркивая некое равнодушие к философии как делу жизни, а совсем другое – выявлять сущностные моменты, которые высказывают принципиальные положения мышления и вполне могут существовать в качестве аргументов в доказательстве тех или иных положений. Они, возможно, и не будут носить спекулятивный характер и в то же время будут обладать убедительной силой, просто не заключенной только в каркас понятийных средств. Отделять философию от жизни – значит производить операцию, явно искусственную, блокирующую большую часть идей, которые заключены в поведении, поступках, одним словом, в этическом срезе бытия мыслителя. Эта особенность довольно-таки примечательная, так как в западной философии точка зрения прямо противоположная.

Особой страницей сущностного обсуждения самобытности русской религиозной философии является творчество В.Ф. Эрн (1882–1917). «По мнению Эрн, Россия, будучи наследницей восточного православия, всецело восприняла вместе с ним и особенности восточнохристианского мышления, которым и остается верной и до сих пор» [2. С. 666]. Русский мыслитель сделал тему самобытности основной в своих философских исследованиях. Он писал: «Русская философия занимает среднее положение между философской мыслью Запада, находящейся в неустанном течении и порыве, и философской мыслью Востока, парящей в орлиных высотах и находящейся в неустанной напряженности вдохновенного созерцания» [2. С. 222].

В. Эрн видел в религии основополагающее качество не только самого бытия, но и философии. Как заметила Л.А. Мурзанова, «...религия – один из мощнейших факторов объединения народа. Принятие христианства во многом изменило мировоззрение и способ существования на Руси, народу необходимо укорениться в бытии, отстоять самобытность и независимость. Выбор православия в качестве государственной религии неслучаен, это решение было обоснованным не только с политической точки зрения, но также способствовало сохранению самобытности русской культуры и было ближе к народу, соответствовало национальному характеру» [3. С. 90]. В.Ф. Эрн, в свою

очередь, отмечал нераскрытый потенциал религии в вопросах организации общественной, индивидуальной, другими словами, мирской жизни. Привлекая термины богословия, Эрн был в ряду тех, кто считал аскетику важной дисциплиной, но в то же время требующей дополнений в вопросах, ежедневно возникающих у любого христианина. Это стремление нашло воплощение в проекте соединения политических и религиозных практик, возникшем по следам Русской революции 1905 г. Он получил название «Христианского братства борьбы». Тогда людям, и менее конфессиональным, была заметна нерешительность традиционных духовных институтов России в умиротворении конфликта и поиска компромисса. Проект был утопичным и по своим проявлениям неярким и неэффективным. Однако он очень многое говорит о личности Эрна. Прежде всего, в нем конкретизируется идея «логизма» в смысле совпадения теоретического и практического знания. «Христианское братство борьбы» было первым пониманием призванности мышления в идее активных действий. После этого, во время начала Первой мировой войны, появятся цикл статей под названием «Меч и крест» и две лекции «Время славянофильствует», в которых философское слово призвано было сыграть роль онтологического обоснования самобытности русской мысли. Отличительная особенность дискурса Эрна состоит в том, что он не комментирует и не обвиняет, а предметно и аргументированно проводит все бытийные связи, воплощенные в каждом элементе активизировавшегося милитаризма. Русский философ показывает органическое взаимодействие способа мыслить и образа поступка. Это же его убеждение ложится в основу его трактовки самобытности.

Одна из основных проблем русской мысли состоит в том, что важно преодолеть прерывание постепенности: «Для русской истории характерна прерывность» [4. С. 7]. Следовательно, одна из задач заключается в том, чтобы возобновить деятельность русской философии в условиях, когда основные темы философствования остались в прошлом и словно потеряли субстанцию своего развития. Именно об этом пишет С.С. Хоружий, когда констатирует факт продолжительного перерыва в осуществлении мышления: «Необходимо заново обрести пространство мысли и координацию в нем или, иными словами, восстановить контекст...» [5. С. 135]. Сущностью такого движения может стать обращение к традиции, постоянное тяготение к ней, которое не может быть заменено чем-то другим. Возможны разные пути. Один из них состоит в том, чтобы возобновить вопрошание тех же предметов, которые стали основой для работы у русских религиозных философов, несмотря на разность идеологием, нормативной базы, которые говорят о себе в настоящее время. Самобытность становится одной из основных особенностей русской философии, размышления о ней являются существенным фактором для того, чтобы вернуть философию в современную культуру и начать, с одной стороны, заново, а с другой – продолжать разработку тематики, которая стала основной для исторического развития отечественной мысли. «Православное мышление... предполагает осознанное возвращение к патристическим источникам...» [6. С. 96]. Подчеркивать самобытность – значит удерживать себя в лоне тех философских событий, которые ранее позволили обосновать русскую мысль, а также ее существенность в одном из выдающихся способов объективации культуры – в философии.

В обозначенном контексте важно иметь в виду, что духовный опыт православной церкви стал тем отправным пунктом, который позволил осуществить передачу основных смыслов, ставших во главу угла в русской религиозной философии. Православные практики сообщают мысли персоналистическое свойство, что позволяет говорить о человеке как образе Божиим. Известный специалист в области русской культуры и проблем ее самобытности Т. Шпидлик отмечал: «В чем же состоит величие человека? Все Отцы единодушно утверждают, что человек – это образ Божий. Такова его истинная „природа“, природа обоженного существа. Размышляя над этим откровением, разные авторы выделяют различные его аспекты: знание, свободу, способность управлять остальным творением» [7. С. 207]. На пересечении русской и западной мысли рождается проблематика самобытности. Она становится основополагающей темой, выступающей ключом к решению вопроса о том, в чем раскрываются основные мотивы русской мысли, что является условием ее развития в рамках русской религиозной философии.

Еще одним фактором самобытности русской философии является русская идея. Она стала несущей конструкцией основного диалога о том, почему русская мысль стала уникальным явлением в палитре мировой философии. А. Вилицкий писал: «„Русская идея“ – термин, используемый русскими мыслителями для определения характерных особенностей русской культуры, духовного облика русской нации, значения русской истории и, как правило (хотя не без исключений), уникальной миссии России во всемирной истории человечества» [6. С. 98]. Русская идея становится существенным обстоятельством для анализа феномена самобытности и передачи инициативы философствования от предыдущих поколений последующим. «Благодаря Соловьеву, термин „русская идея“ понимается ретроспективно как обозначение группы проблем, характерных для философских дискуссий о сущности „русскости“» [6. С. 99]. Россия за два десятилетия XX в. пережила три революции и две войны, что выразилось в стремлении познать ход русской истории онтологически и антропологически. Важно было решить вопрос о том, что такое человек как основа всех исторических изломов, куда он стремится и что собой представляет. В этой связи русская идея может предоставить весь ход развития самосознания в России, существенной частью которого является самобытность. Она сочеталась с русской идеей в том, что исторически должно было произойти возвращение «к собственным православным корням» [6. С. 99]. Один из аспектов самобытности заключается в несении определенной миссии и демонстрация Западу решения многих социальных проблем и вопросов, которые возникли в Новое и Новейшее время. Однако такие проблемы возникают не только в социальном плане, но и в философском знании. Запад основывает свое мышление на рациональности. В этом контексте русская философия явилась одним из национальных проектов, который был способен показать образцы мышления не в рациональном ключе, а в рамках органического целостного мировоззрения.

В статье «Самобытность как концепт русской философии» исследователь Л.А. Мурзанова утверждает, что самобытность как тема осмысления набирает силу после размышлений П.Я. Чаадаева, который стоял на позициях религиозного детерминизма. «Мыслитель оценивает русскую самобытность и независимость негативно, как причину ее отставания от передовой цивилиза-

ции» [3. С. 87]. В контексте этих рассуждения Россия получала уникальную возможность по-новому и исторически мудро решить те противоречия, которыми была полна европейская история.

Осмысление сближения веры и жизни выражает попытку продумать бытие. По поводу соотношения восточного и западного мирозерцания В.Ф. Эрн писал: «Историческое столкновение *ratio* и *Λογος*’а, неминуемое и неизбежное, может произойти лишь в России. Ибо Россия своей культурностью ввела и продолжает все в большей степени вводить в себя европейское начало рационализма, проникающего собой всю новую культуру Европы; своей религией существенно и неотъемлемо внедряла в себя восточное начало божественного *Λογος*’а» [2. С. 228]. Основа сближения не только волевая. Религия – это всегда делание: духовное или интеллектуальное, подвижническое или богословское. В отличие от рационализма, который чаще всего стремится нейтрализовать в дискурсе все возможные противоречия, религия говорит о «бодром признании» (П.А. Флоренский) противоречий. Один из важнейших признаков русской религиозной философии, который с большей или меньшей степенью ясности был в каждом мыслителе школы, – это специфическая трактовка понятий западной метафизики. Она заключается в том, что ряд понятий, составляющих корпус рационализма, трактуется в изначальном понимании. Религиозная интенция такова: «пафос мирового возврата к Отцу», «это пафос утверждения трансцендентализма» [8. С. 319]. Трансцендентальное в перечисленных свойствах есть универсальные предпосылки осмысления опыта, носящие неопытный априорный характер. Оно мыслится исключительно по отношению к разуму, к его центральному положению [9. С. 190]. В русской философии, и в частности в творчестве В. Эрна, и субъект, и трансценденция, и творчество – понятия, которые непосредственно связаны с Богом абсолютной трансценденцией и являются условием самобытности. Суперпозиция такой постановки вопроса состоит в признании целостности бытия, а любая его трактовка является частичной. Западная философия не менее интенсивно продумывает проблему, которая укоренилась в цивилизации в Новое время [10. Р. 121]. Борьба за Логос – это борьба за сущность русской мысли. Обыденность в России и Европе понимается примерно одинаково. Другое дело, как она концептуализируется в философской работе. Выделить, раскрыть, сущность, укорененную в Логосе, значит не быть полностью растворенным в существовании. Общехристианские черты дают возможность анализировать те компоненты обыденности, которые деформируют Логос в человеческом восприятии. И в конечном итоге борьба за Логос, принимая во внимание выход в свет журнала как повод для полемических рассуждений Эрна, – это еще и творческое обретение аутентичной формы философствования, которая ложится в основу самобытности. «<...> Эрн представил русскую философию в качестве воплощения духа восточной Церкви. Поэтому она абсолютно отличалась от западной философской традиции» [6. С. 94].

Не только в особом использовании понятий метафизики развивается русская самобытная мысль. В.Ф. Эрн писал: «Приводить пример религиозности русской мысли и как бы доказывать эту религиозность – это значит ломиться в открытую дверь» [2. С. 228]. Импульс, исходящий от православия, не менее силен, чем западная метафизика. Эффект, порождаемый западным знанием,

носит полемический, противоречивый, идентификационный характер. Смысл влияния церковного предания несколько другой. Практики умного делания транслируют на русское религиозно-философское знание особенные черты. Динамизм, «живые созерцания духа» (Н. Бердяев), всемирная отзывчивость, всечеловечность (Ф.М. Достоевский) – это сущности, самодостаточные и отражающие глубину прозрений, самобытный строй интеллектуального поиска.

Гений философа неотделим от гения религиозного. В.Ф. Эрн, комментируя эту особенность, писал: «На западе есть много философов глубоко религиозных – всякий гений так или иначе религиозен. Но их религиозность коренится в их личности, а не в самом принципе их философствования. Этот принцип, т.е. *ratio*, безрелигиозен...» [2. С. 225]. Сравнение не складывается таким порядком, при котором главное – это доказать превосходство. Принципиальная основа заключается в том, что в процессе осмысления отечественной культуры рождаются предпосылки для саморазвития, для движения вперед по магистрали движения культуры. Самобытность связана с онтологией, а не психологией, с действительным положением дел, а не самоощущением, – это важнейший вывод, отражающий характер российского мышления и в историческом, и в актуальном измерении.

Принципиальным моментом самобытности является происхождение русской мысли из восточнохристианского мирозерцания. «Не субъективный произвол, а какая-то роковая историческая закономерность в судьбе России заставляет русских философов размышлять на тему самобытности русской философии» [11. С. 8]. В начале XX в. роль христианства рассматривалась с разных позиций. Общая канва редакций исторического христианства складывалась из самых различных идей. В.В. Розанов (1856–1919) говорил о более внимательном отношении к Ветхому Завету, к семейным практикам, характерным для древнего дохристианского человечества. В частности, Розанов комментировал мнение о том, что монашество как вершина христианской жизни, отрицающая возможность спасения в мире, – это стереотип, пришедший из греческого православия на Русь в Средние века. В соответствии с аскетикой монашество суть ангельские чины, но, говоря по-христиански, крест, несомый в отправлении житейских обязанностей по воспитанию детей, в просвещении, в творчестве не менее важен и спасителен [12. С. 48]. Н.А. Бердяев (1874–1948) говорил о Третьей христианской эпохе, смысл которой в творчестве. Он истолковал созидательное начало как существенно религиозное и, в свою очередь, в полном соответствии с христианской сотериологией, спасительной проблематикой. Бердяев пишет: «И Бог ждет от человека антропологического откровения творчества...» [13. С. 128]. Человек должен заняться творчеством новых бытийных форм, так как мир, согласно христианской догматике, находится в седьмом дне творения, когда Бог не создает ничего нового. «В творчестве снизу раскрывается божественное в человеке, то свободного почина самого человека, а не сверху» [13. С. 47]. Именно этим и должен заняться человек. В Шестодневе речь идет о создании сущего и души живой, главных предметных форм, составляющих мир. Человек же способен встать на путь совершенствования, который, прежде всего, связан с личностным становлением и развитием. Главное пространство реализации этих проектов – дух. Речь в последнюю очередь идет о совместном администрировании, управлении общественными институтами. Более того,

довольно интересно выразил свое видение вопроса самобытности Е. Трубецкой (1863–1920), который, работая над книгой о В.С. Соловьеве (1853–1900), прибыл в Ватикан и вдруг зримо соприкоснулся с предметной основой идеи основателя оригинальной русской философии о полном слиянии власти церковной и светской, что было одним из условий самобытности. В одном из писем кн. Е.Н. Трубецкой пишет: «Соловьев к концу жизни бросил теократию; в предисловии к переводу Платона он прямо говорит, что должен был отказаться от любимой мечты. Почему? Он убедился, что соединение Церкви может привести к Царствию Божию на небе, а никак не на земле; в „Трех разговорах“ оно происходит в пустыне между горстью христиан разных исповеданий; никакого внешнего могущества теократии в результате не наступает, а, напротив, – сразу настает конец мира. „Теократия“ – остаток панславистской мечты о внешнем величии России; в „Трех разговорах“ Соловьев приходит к заключению, что скорее внешнее унижение может побудить Россию исполнить свое внутреннее назначение» [14. С. 344].

В России понятия метафизики используются не в противовес религиозному смыслу, устоявшемуся в эпоху эллинизма и Средние века, но в их продолжение [15. Р. 38]. Если же эксплицировать проблему в структурах западной академической мысли, можно сказать, что философы в России игнорируют результаты Нового времени и воспринимают философию в контексте религиозного поиска изначальных смыслов.

Заключение

По итогам исследования можно сделать следующие выводы.

Для отражения самобытности русской религиозной философии мыслители придерживаются понятия Логоса и придают ему фундаментальное значение. В Логосе интересен прежде всего его переход от античности к христианству, а также сосредоточенность в нем всех существенных определений мышления. Логос может быть противопоставлен рациональности, и он способен показать ее ограниченность.

Логос сочетает в себе уникальное и универсальное, причем можно сказать, что уникальное явлено в универсальном. Это в точности повторение теории эйдоса Платона, в которой сказано, что нет идеального предмета вообще, но есть идеальное (совершенное) выражение (образ) данного предмета.

В. Эрн использует возможность вопрошать Логос античности и христианства помимо установок Нового времени, т.е. он непосредственно соприкасается с древними источниками, чем реализует идею о том, что самобытность возникает не от усиленного игнорирования западной мысли, а от специфического гнозиса античности и Святых Отцов.

Самобытность русской религиозной философии связана с такими темами, как русская идея, антропологический поворот русской философии, преодоление прерванной постепенности в настоящее время. Исследователи отмечают, что возобновление самобытной русской философской мысли не только возможно, но и необходимо, поскольку в отечественной мысли содержатся все условия осуществления самобытности, которая играет не только идеологическую роль, но и эвристическую. Противоречия, возникающие в современном мире между Востоком и Западом, воспроизводят конструкции, уже много раз обсужденные на страницах произведений русских философов

Список источников

1. Ivleva M.L., Romanov D.D. Russian symbolism on social aesthetics // RUDN Journal of Sociology – Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Sotsiologiya. 2020. T. 20, № 2. P. 436–442.
2. В.Ф. Эрн: pro et contra. СПб. : ПХГА, 2006. 1064 с.
3. Мурзанова Л.А. Самобытность как концепт русской философии // Ученые записки Орловского государственного университета, 2015. № 6 (69). С. 87–95.
4. Бердяев Н.А. Русская идея. Париж : YMCA-PRESS, 1971. 254 с.
5. Хоружий С.С. О пройденном. Пути русской философии. URL: <https://predanie.ru/book/220235-o-proydennom-vokrug-vseedinstva/> (дата обращения: 05.08.2022).
6. Валицкий А. Русская идея // Гуманитарные науки. 2012. № 4 (8). С. 92–101.
7. Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/russkaja-ideja-inoe-videnie-cheloveka/1_2_1 (дата обращения: 05.08.2022).
8. Эрн В.Ф. Сочинения. М. : Правда, 1991. 576 с.
9. Трошина Н.В. Самобытность России: к вопросу о содержании концепта «Самобытность» в дискурсе русского славянофильства // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4. С. 189–193.
10. Pylaev M. Prolegomena to any future religious studies that may appear as Christian religious studies // Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seria I. Bogoslovie, Filosofia, Religiovedenie. 2018. № 80. P. 119–126. DOI: 10.15382/sturI201880.119-126
11. Худякова Г.П. Самобытность русской философии: Аспект мировоззренческого поступка : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тюмень, 1998. 49 с.
12. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. М. : Искусство, 1995. 370 с.
13. Бердяев Н.А. Философия свободы // Судьба России. М. : ЭКСМО-ПРЕСС ; Харьков : ФОЛГО, 2000. 736 с. (Антология мысли).
14. Взыскующие Града. Переписка. URL: www.krotov.org/1909 год/121 (дата обращения: 08.04.22).
15. Chernyaev A.V., Berdnikova A.Y. Crisis of renaissance type of culture in russian and foreign thought: ideological sources of n. A. Berdyayev's "new middle ages" // Vestnik Slavianskikh Kultur-Bulletin of Slavic Cultures-Scientific and Informational Journal. 2020. T. 58, Dec. P. 72–83.

References

1. Ivleva, M.L. & Romanov, D.D. (2020) Russian symbolism on social aesthetics. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 20(2). pp. 436–442.
2. Ern, V.F. (2006) *Pro et contra*. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities. p. 222.
3. Murzanova, L.A. (2015) Samobytnost' kak kontsept russkoy filosofii [Originality as a concept of Russian philosophy]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6(69). pp. 87–95.
4. Berdyayev, N.A. (1971) *Russkaya ideya* [The Russian idea.]. Paris: YMCA-PRESS.
5. Khoruzhiy, S.S. (n.d.) *O proydennom. Puti russkoy filosofii* [About the passed. The ways of Russian philosophy]. [Online] Available from: <https://predanie.ru/book/220235-o-proydennom-vokrug-vseedinstva/> (Accessed: 5th August 2022).
6. Valitskiy, A. (2012) Russkaya ideya [The Russian idea]. *Gumanitarnye nauki*. 4(8). pp. 92–101.
7. Shpidlik, T. (n.d.) *Russkaya ideya: inoe videnie cheloveka* [Russian idea: a different vision of a person]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/russkaja-ideja-inoe-videnie-cheloveka/1_2_1 (Accessed: 5th August 2022).
8. Ern, V.F. (1991a) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.
9. Troshina, N.V. (2016) Samobytnost' Rossii: k voprosu o sodержanii kontsepta "Samobytnost'" v diskurse russkogo slavyanofil'stva [The identity of Russia: On the concept "identity" in the discourse of Russian Slavophilism]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 189–193.
10. Pylaev, M. (2018) Prolegomena to any future religious studies that may appear as Christian religious studies. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta. Seria I. Bogoslovie, Filosofia, Religiovedenie – St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*. 80. pp. 119–126. (In Russian). DOI: 10.15382/sturI201880.119-126

11. Khudyakova, G.P. (1998) *Samobytnost' russkoy filosofii: Aspekt mirovozzrencheskogo postupka* [The originality of Russian philosophy: An aspect of a worldview act]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Tyumen.
12. Rozanov, V.V. (1995) *V mire neyasnogo i nereshennogo* [In a world of the unclear and unresolved]. Moscow: Iskusstvo.
13. Berdyaev, N.A. (2000) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: EKSMO-PRESS; Kharkov: FOLIO. p. 128.
14. Keidan, V.I. (ed.) (1909) *Vzyskuyushchie Grada. Perepiska* [Seekers of the City. Correspondence]. [Online] Available from: www.krotov.org/1909_god/121. (Accessed: 8th April 2022).
15. Chernyaev, A.V. & Berdnikova, A.Y. (2020) Crisis of renaissance type of culture in Russian and foreign thought: Ideological sources of Nikolay A. Berdyaev's "New Middle Ages." *Vestnik Slavi-anskikh Kultur – Bulletin of Slavic Cultures*. 58. pp. 72–83. (In Russian). DOI: 10.37816/2073-9567-2020-58-72-83

Сведения об авторе:

Усачев А.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социальных наук Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия). E-mail: a.usacev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Usachev A.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Bunin Yelets State University (Yelets, Russian Federation). E-mail: a.usacev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 18.08.2023*

Original article

УДК 1(091)

doi: 10.17223/1998863X/74/7

THE MYSTERY OF THE “SIMPLE OBJECT” IN WITTGENSTEIN’S *TRACTATUS*

Sofia V. Danko

Independent researcher, Moscow, Russian Federation, danko.sofia@gmail.com

Abstract. The concept of the object in the *Tractatus Logico-Philosophicus* is still a mystery to scholars. It is yet unclear whether the object is a physical quality, a universal, a Platonic form, an abstract metaphysical construct, etc. There is still no consensus either on how the object relates to the name in the proposition and how the object, while remaining “simple”, determines all logically possible events. This is only a small part of the questions that researchers have in connection with this concept. The article proposes a detailed reconstruction of the “logical structure” presented in the *Tractatus* and puts forward a version of the answer to the question: What is a simple object?

Keywords: Ludwig Wittgenstein, *Tractatus Logico-Philosophicus*, simple object, atomic fact, logical structure

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00927: Defining Nothingness: Conceptions of Negativity in Continental Philosophy (2021).

I would like to express my sincere gratitude to Vasily Petrov, Zinaida Sokuler, Yulia Gorbatoва and Dmitriy Kanavin for their critical comments, which allowed me to rethink some of the ideas in this work. I would also like to express my gratitude to Dmitry Turko for his professional editing of the text of this article.

For citation: Danko, S.V. (2023) The mystery of the “simple object” in Wittgenstein’s *Tractatus*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 66–83. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/7

Научная статья

ЗАГАДКА «ПРОСТОГО ОБЪЕКТА» В ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМ ТРАКТАТЕ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Софья Владимировна Данько

Независимый исследователь, Москва, Россия, danko.sofia@gmail.com

Аннотация. Концепт «объекта» в «Логико-философском трактате» до сих пор остается загадкой для исследователей. Все еще неясно, является ли «объект» физическим качеством, универсалией, платоновским эйдосом, абстрактным метафизическим конструктом и т.п. Все еще нет единого мнения, каким образом объект соотносится с именем в предложении, каким образом объект, оставаясь «простым», определяет собой все логически возможные события, и это только малая часть вопросов, возникающих у исследователей в связи с данным концептом. В статье предлагается детальная реконструкция представленной в Трактате «логической структуры» и выдвигается версия ответа на вопрос: «Что такое простой объект?»

Ключевые слова: Людвиг Витгенштейн, Логико-философский трактат, простой объект, атомарный факт, логическая структура

Благодарности: Исследование подготовлено в рамках гранта РФФИ «Определение Ничто: концепции негативности в континентальной философии»; 20-011-00927 в 2021 году.

Выражаю искреннюю благодарность Василию Петрову, Зинаиде Сокулер, Юлии Горбатовой и Дмитрию Канавину за критические замечания, позволившие переосмыслить некоторые изложенные здесь идеи. Сердечно благодарю Дмитрия Турко за профессиональное редактирование текста этой статьи.

Для цитирования: Danko S.V. The mystery of the “simple object” in Wittgenstein’s *Tractatus* // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 66–83. doi: 10.17223/1998863X/74/7

Introduction

The “object” as a concept in Wittgenstein’s *Tractatus* has intrigued early Wittgenstein scholars for many decades. This topic continues to provoke heated debates. Researchers discuss Wittgenstein’s inheritance of Russell’s main ideas [1–3] and ontological status of simple objects (see, for instance, [4; 5]); they criticize Wittgenstein’s claim that the object and the substance of the world are identical (see [6; 7]); they put forward more and more new assumptions about the metaphysical premises of the *Tractatus* [8. P. 99; 9; 10]. They consider, among other things, the assumption that Wittgenstein himself did not really understand what he meant by the object [11]. Some say that “the failure of the doctrine of simple objects was built into that doctrine from its inception and that its deconstruction is already apparent in the final passages of the *Tractatus*” [8. P. 116], etc.

Apparently, the concept of object is still considered problematic: as Eric Lemaire [12] writes, “The important point is that there is absolutely no consensus about Wittgenstein’s view of simple objects in the scientific community. The difficulty with this problem is that there is no textual evidence to support one of the possible solutions”. “It is hard to resist the conclusion that Wittgenstein never supplied an adequate way of recognizing when a proposition is fully analyzed, and consequently that he failed to specify a means for recognizing something as a Tractarian object”.

We can agree that Wittgenstein never indicated a reliable way of recognizing an object. It is possible that he deliberately evaded the task of defining this simplest element of his logical structure: “<...> He believes that logically demonstrating the need for such objects is enough” [13. P. 38].

Wittgenstein famously replied to Malcolm that, at the time of writing the *Tractatus*, he considered himself a logician and did not think it necessary to provide specific examples [14. P. 86]. Hintikka believes that “Wittgenstein is not always a completely reliable witness concerning his earlier views” [1. P. 129]. Carruthers also notes that “writing of the *Tractatus* seems to have been highly intuitive, with much apparently going unsaid, even in Wittgenstein’s own thoughts” [15. P. xiii].

In this context, it seems to me useful to focus on the most problematic questions about the object and try to find the answers.

Particular emphasis will be placed on the unthinkability of logical possibility. In my opinion, in the *Tractatus* scholarship this important circumstance has not been taken into account in due measure. I will show that paying attention to this detail allows us to better understand what a simple object is, what place it occupies in the logical structure and how it relates to the observable picture of the world.

1. Difficulties in reading the *Tractatus*

According to the *Tractatus*, the world consists of “atomic facts” (TLP 1, 1.2, 2), while atomic facts consist of “objects” (entities, things) (TLP 2.01), which are the indivisible “substance of the world”. Objects correspond to names, and facts correspond to propositions. Objects, like their names, are “simple” and indivisible (TLP 2.02). Facts, like propositions, are logically independent: “Any one can either be the case or not be the case, and everything else remain the same” (TLP 1.21). There is “no order of things a priori” (TLP 5.634), “Everything we see could also be otherwise” (TLP 5.634).

Such a picture seems paradoxical and raises many questions: if the world consists of facts, and the facts of objects (things), then the simplest elements of the world should be objects. Then why is it the “world is the totality of facts, not of things” (TLP 1.1)? And why are objects (entities, things) simple? All the things we know, obviously, have many features that preclude them from being simple. As Hidé Ishiguro notes, “The tiny fleck of snow on my palm is made of H₂O; it fell at a particular time in January 1968 in a particular spot in London, etc. etc.” [16]. Moreover, it is completely unclear how these things can be “other”, and be other in all respects at that. In some ways, of course, they can change, but, obviously, not in any way. If, for example, the chemical formula of water changed, on what grounds would we continue to consider it water? Are names like “water”, “oxygen”, etc. not the names of simple objects? In this case, what exactly “could be otherwise”? And what is meant by “name” in the *Tractatus*?

It is also unclear how it is possible to formulate an “elementary proposition” describing an atomic fact: any fact known to us, according to the *Tractatus*, must be considered “complex” since it inevitably includes compound, composite things that have many different qualities.

Is there a chance to discover “atomic facts” and “simple objects” in the observable picture of the world, or are those purely theoretical concepts that nothing in the world corresponds to?

Let us try to understand all these questions better.

2. Main points on the “simple object” in the *Tractatus*

2.1. The necessity of simple substances

According to the *Tractatus*, objects are a necessary condition for the meaningfulness of language and the certainty of the world itself¹: “Objects form the substance of the world. Therefore, they cannot be compound” (TLP 2.021). “If

¹ According to the *Tractatus*, the world consists of facts. The language consists of propositions isomorphic to facts. Facts and propositions are isomorphic by their logical form: propositions create conceivable images of facts (TLP 3.141, 2.141). The conceivable “image” of what is happening is the meaning of the proposition; the image is also the thought (TLP 3). The proposition “shows” how things are: “to think” means to imagine a state of affairs – an apple is red, a cat is on a rug, ice is cold, etc. (TLP 4.031). A proposition creates an image of a possible state of affairs (TLP 4.0311), and, in order to establish its truth or falsity, this image should be compared with observed facts (TLP 2.222, 2.223). Everything that can be observed must also be conceivable (as an image or “picture” of what is happening), and everything that is conceivable must be accessible to observation or imaginative representation (TLP 2.11, 2.17). The isomorphism of facts and propositions corresponds to the isomorphism of their elements – “simple objects” and their “names” (TLP 3.22, 4.0311). In the following, I will not specifically dwell on the distinction between “simple objects” and their “names” and I will talk about them while keeping their interchangeability in mind. The same applies to “facts” and “propositions”.

the world had no substance, then whether a proposition had sense would depend on whether another proposition was true" (*TLP* 2.0211). "It would then be impossible to form a picture of the world (true or false)" (*TLP* 2.0212).

Indeed, if a proposition makes sense, then we can establish its truth or falsity¹. If names that make up a certain proposition are not simple, these names imply further propositions (in a compressed form). Then the truth or falsity of the first proposition will depend on the truth value of all further propositions included in the first proposition. If there are no simple names, such a reduction will have to be continued indefinitely. In this case, we will never be able to establish the truth value of the first proposition (as well as all new propositions included in it). Accordingly, no proposition will be meaningful.

In a word, if there are no simple names, then all propositions will be infinitely complex and therefore will not have a truth value. Consequently, all propositions will turn out to be meaningless, i.e., not a single proposition will contribute to a true or false "picture of what is happening". No proposition will tell us what is "happening" or "not happening". In this case, it will really be impossible to build any "picture of the world".

However, it is obvious that native speakers are able to establish the truth or falsity of the propositions used in their language. They have quite definite pictures of ongoing events (pictures of the world). It follows that at some stage all propositions can be reduced to simple propositions consisting of further indivisible simple names². Simple propositions create a picture of "atomic facts" which is made up of indivisible objects (simple objects). Simple objects correspond to simple names in propositions: "In the proposition the name represents the object" (*TLP* 3.22).

The argument from the "certainty of the world" (in other words, from the certainty of the pictures of what is happening) does not convince everyone (see [7]), but most scholars admit its validity (see [17; 18]).

I think we can accept the argument offered by Wittgenstein and agree that simple names and simple objects must exist³. However, we do not yet know what exactly is meant by "simple objects" and what names in the language can be considered "simple".

2.2. The object's occurrence in a fact. The constancy of logical possibilities

The key feature of a simple object is its ability to "occur in a fact", that is, to acquire some physical quality or to relate to other objects. Facts are described by propositions, for example, "grass is green", "the book is on the table", etc. At the same time, the meaning of any proposition is completely exhausted by the picture of the fact the proposition describes (we can imagine what it looks like).

¹ The *Tractatus* belongs to the tradition, according to which all meaningful propositions must have a truth value (be true or false).

² Wittgenstein does not use the expression "simple name" in the *Tractatus*, but he speaks of replacing a simple object with a name in a proposition, from which we can conclude that names associated with objects are also simple (i.e., they cannot be broken down into further propositions).

³ I will show later that the "existence" of objects means their presence in the logical structure, not their existence in the physical world or metaphysical reality. The logical structure itself is "transcendental", it creates a condition for discussing the existing, while the question whether the logical structure itself exists is meaningless.

Simple objects do not exist in isolation from their possibilities to occur in a fact. All their possibilities are predetermined in the logical structure: "In logic nothing is accidental: if a thing can occur in an atomic fact the possibility of that atomic fact must already be prejudged in the thing" (TLP 2.012). "If I can think of an object in the context of an atomic fact, I cannot think of it apart from the possibility of this context" (TLP 2.0121). Let me emphasize that the space of logical possibilities is determined not by what happens, but by what can happen. For example, the proposition "the table is by the window" reports what is happening, and therefore it can be either true or false (what is happening may or may not occur). The very logical possibility for the table "to be by the window" cannot really be ruled out because then this circumstance ("to be by the window") would turn out to be logically impossible for the table. *If a table can be by the window, if it is logically possible, then the table cannot be conceived apart from this possibility.*

But the table, like any other physical thing, is obviously not a simple object due to its many different qualities. Then what object can be considered simple, and what possibilities are implied for it?

2.3. The object's logical form

Without specifying what simple objects are, Wittgenstein gives examples of their "logical form" that predetermines *the ways* in which objects can occur in facts¹: "The possibility of its occurrence in atomic facts is the form of the object" (TLP 2.0141).

"A spatial object must lie in infinite space <...>" (TLP 2.0131). "A speck in a visual field need not be red, but it must have a colour; it has, so to speak, a colour space round it. A tone must have a pitch, the object of the sense of touch a hardness, etc." (TLP 2.0131). "Space, time and colour (colouredness) are forms of objects" (TLP 2.0251).

The shapes of objects put a limit on what is conceivable and expressible in language. For example, propositions like "green is wider than blue", "B-flat is darker than C-sharp", "the face has lost all color" can, of course, be used as metaphors, but their literal sense is missing. We cannot imagine *what they would look like* (as opposed to situations such as "this rabbit is white", "there is a glass on the table", etc.).

2.4. Internal and external qualities of the object

The list of logical forms mentioned in the *Tractatus* is obviously incomplete. However, it is clear that *every* form of an object a priori and invariably contains *all* the possibilities of its occurrence in a fact. In a sense, *all* these possibilities are known: "If all objects are given, then thereby are all *possible* atomic facts also given" (TLP 2.0124). "Objects contain the possibility of all states of affairs" (TLP 2.014).

In other words, a simple object's form presupposes all the possibilities of its occurrence in a fact. These possibilities imply all the possible qualities (and relations) that the object will acquire if it occurs in a fact. Wittgenstein calls the

¹ One can learn about the requirements of logical form only "from within" the language. Because some language constructs are meaningless, it is impossible to imagine what it is like that they communicate ("depict").

qualities or relations possible for an object “internal”. If they are actualized in reality, they become “external”. Since all possible occurrences of the object in a fact are known, all its “internal qualities” (which determine each possibility) are known. If a quality possible for an object becomes real, we get an “atomic fact” in which the object is represented in its “external qualities”. Each of the “external qualities” defines a specific material property, or, in other words, an occupied place in the space of logical possibilities: “A spatial object must lie in infinite space. (A point in space is a place for an argument.)” (*TLP* 2.0131).

Every fact that has taken place is logically possible, but no fact is logically necessary. Because “external qualities” are logically undetermined, logic does not prescribe which of the possible facts “will be the case”. Only the general necessity for an object to have some kind of material quality in accordance with the requirements of the “logical space” is logically determined (*TLP* 2.0131, 3.4, 3.42).

In particular, an extended object¹ must necessarily occupy some space (logic “knows” every such possibility and every “internal quality”). But there is no logical necessity for it to occupy *this* and not some other place. Which specific place will be occupied (which specific possibility will be realized) will manifest in the “external quality”. Besides, logic “does not know” at which point in space the “extended” object will be located, what specific density the “object of the sense of touch” will have, which color will be realized for the object “in a visual field” (out of the whole spectrum of logically possible colors), etc. “In order to know an object, I must know not its external but all its internal qualities” (*TLP* 2.01231).

As evident, all internal qualities of an object are extremely specific (see [11]). Every fraction of any dimension is taken into account in the space of logical possibilities; therefore, any physical quality (any shade of color, any density, etc.) is basically *logical* (for details, see section 10 below).

The specific possibility of an object’s occurrence in one or another atomic fact may never be realized (for every logical space, “I can think² of this space as empty” [*TLP* 2.013]). In this respect, logical possibility is precisely *possibility* and not necessity (that something material will actualize in the world). However, *in the very* possibility of what *can* happen there is no longer any arbitrariness or variability: any logical possibility is always already present: “<...> A new possibility cannot subsequently be found” (*TLP* 2.0123).

So, according to the *Tractatus*, simple objects must exist and they can occur in facts. Logic presupposes all their “internal qualities”, i.e., all possible occurrences of objects in facts, but not “external qualities”. Logic does not predetermine which possibilities will be realized.

However, the simple object itself is still shrouded in mystery. It is possible to shed light on it by clarifying the specifics of logical possibility.

3. Key to the “simple object”: logical possibility cannot be conceived

According to the *Tractatus*, any thought is an imaginable picture of what is happening. “To think” means to *imagine* a concrete picture of a fact: “The logical

¹ The capacity to have spatial coordinates is some object’s logical form that objects of a different form lack. For example, a sound (tone) has a “pitch” and does not have a spatial position (unlike spatial vibrations of the membrane that accompany the sound).

² “Logical space”, of course, cannot be “thought”: only facts can be thought, but metaphorically he speaks here “of this space as empty”, i.e., logical space is a region of unrealized logical possibilities.

picture of the facts is the thought" (*TLP* 3). Accordingly, it is not the possibilities themselves that are imaginable and expressible in propositions, but only their material realizations, i.e., imaginable, *material* images of facts. In these facts objects have already been determined in their external qualities. The possibilities themselves remain unimaginable, and therefore unthinkable.

In my opinion, this obvious circumstance is often blurred by the unconscious identification of a fact's *possibility* with a *possible* fact's material image. When we talk about the possibility of some fact, we usually imagine it in the form of a material picture-image (otherwise we cannot think of anything). There is a risk to mistakenly see in this mental image the logical possibility *itself*. For example, we say "it may be cloudy tomorrow", imagining a colored picture of a cloudy day as an unrealized possibility. The mistake is that such a picture is *no longer* a pure possibility. This is due to the fact that any image for the senses should be understood as a material fact, as a realized sensual image (even if it was realized only in the imagination).

Accordingly, it is permissible to speak of a "realized" possibility only conventionally. One can just as conventionally say about the "realized" possibility that it "is the case" now. Conventionality is due to the fact that at the level of "realized" possibility which is "the case", one does not think of a possibility itself (which is unthinkable), but only of its material realization, i.e., one thinks not of a fact's possibility, but of a possible material fact, and only in relation to that possible fact it will be true to say that it is "either the case or not the case".

In other words, one should be aware of the unbridgeable gap that lies between the *possibility of a fact* and a *possible fact*. Even if the possibility, relatively speaking, is "realized" in the world of material facts, in itself it remains only a possibility, ethereal and unthinkable.

It is clear that the "unbridgeable gap" concerns only the difference in "ways" (modes) of the fact's and its possibility's existence. The other aspect of this gap is their organic correlation: every possibility is always the possibility of a fact (thought, meaning, proposition), while the fact exists only in correlation with its possibility.

Let me explain why I consider paying attention to this topic so important. We really tend to somehow imagine everything we talk about, in one way or another. Therefore, the moment we mention possibilities, imaginative thinking comes into force. For example, the possibility for a table to be by the window is immediately presented as a *picture* of a table being by the window. However, this imaginary picture is obviously "complex" since it includes many specific properties (color, shape, etc.). Accordingly, any "possibilities" will inevitably be imagined in the form of compound pictures of what is happening, including things familiar to us in all their concreteness and qualitative complexity. In this case, even in our assumptions we will never break through to "simple objects" and their elementary ("atomic") possibilities: in any imagined picture, we will deal only with compound things and with complexes made up of various situations (and not with one specific elementary situation). Therefore, there is a danger of taking a concrete physical thing (a table, a tree, a hare, etc.) for an object, and then unsuccessfully looking for simplicity in it. Another danger lies in the identification of a simple object with an abstract idea of homogeneous physical things (in the spirit of Platonic forms). There are no grounds for that in the *Tractatus*: all logical possibilities are equal,

since they are all logically independent, therefore “<...> There is no order of things a priori” (TLP 5.634).

If we take into account the unthinkability of logical possibility, it will be much easier to distance ourselves from an imaginable picture of the world and “line up” elementary logical possibilities, each of which is unthinkable, unimaginable and unobservable. Accordingly, it will become clear that a simple object of logical possibilities is also unobservable and unthinkable. Further, it will be shown that the object remains like this at all levels, including in the case of its actual occurrence in material facts. This will help us understand *what exactly* remains behind the scenes, that is, to understand what a “simple object” is. But first, let us see how we are to conceive logical possibility if it is unthinkable.

4. How to approach unthinkable possibilities

A particular difficulty here is that an unthinkable logical possibility has to be introduced through the *conceivable*: if it is *conceivable* for an object to have color, then it is unthinkable that it does not have this possibility. This is how we introduced this concept here, using the material situation as an example: if it is conceivable that a table can be by the window, then it is unthinkable that it does not have this possibility. Wittgenstein himself says in the *Tractatus*: “<...> If I can think of an object in the context of an atomic fact, I cannot think of it apart from the *possibility* of this context” (TLP 2.0121). It is as if he suggests conceiving possibilities themselves, possibilities that the object necessarily has.

This should not mislead: indeed, in order to testify to the possibility of a situation, one must first have this situation in mind (i.e., think, imagine it). Then one must move on to the fact that this situation is only possible (which means that it does not exist yet). It turns out that in order to conceive *only the possibility* of a situation, one must conceive or imagine its absence, which, of course, is impossible: the absence of a situation *does not look like anything*. Nevertheless, it is precisely this yet unrealized possibility that must be kept in mind in order to finally understand the concept of a simple object. To do this, one must adhere to such an understanding of the possibility that *does not allow its negation*, since any conceivable, imaginable (if only in the imagination) fact *does allow* negation. Even this is not enough: obviously, in the *Tractatus* Wittgenstein is talking about *elementary* logical possibilities that can be realized in the form of an object occurring in an atomic fact. This means that in order to proceed to unimaginable, unthinkable *elementary* possibilities, one must first conceive of an atomic fact and then “imagine” that it has not yet taken place. However, here a new difficulty awaits us: an atomic fact in itself is unimaginable and unthinkable; all conceivable facts are always compound (like our “table” example). Even the most “primitive” fact, it would seem, like an object’s having a color, is also always presented as a complex. We are unable to conceive or observe the spot color without imagining the outline of this spot (even if this spot occupies all our visual field, we still refer to the extension of the visual field). Therefore, even at the level of pure possibility all conceivable facts will refer us to a complex of logical possibilities and not to a single possibility.

It turns out that a simple object is hidden in two “kinds of unthinkability” simultaneously: in addition to the unthinkability of the logical possibility itself, the simple object is hidden by the very *elementarity* of the logical possibility which

does not allow one to start from the atomic fact as its material correlate and move from a conceivable situation to its unthinkable possibility.

Apparently, it is impossible to conceive the way leading to the simple object. This way can only be considered indirectly, by analogy with what we are able to conceive. That is why Wittgenstein spoke about how all propositions of the *Tractatus* are meaningless, calling them the sketches of a "weak draughtsman": in order to show how propositions of a language can be meaningful, it is necessary to show the unthinkable logical background of any thought. The language does not have any legitimate means to achieve that task. All "normal" propositions of the language depict something conceivable, visible, tangible, and therefore compound.

4.1. On terminology in the *Tractatus*: some examples

Wittgenstein does not explicitly state the unthinkable of logical possibilities, nor does he say that no natural language proposition is an elementary proposition and no observable thing is a simple object. Besides, many phrases of the *Tractatus* can be misleading, for example: "...Logic treats of every possibility, and all possibilities are its facts" (*TLP* 2.0121). This part apparently says that all possible facts are already implied in logic. However, the same part does not preclude a reading in which logical possibilities themselves are understood as facts. The inaccuracy of such a reading is clearly evidenced by the existence of the part that says logical possibility cannot be denied (*TLP* 2.0121), which means that it cannot be a fact that may not be the case (*TLP* 1.21) (the last two aspects figure as the "essence" of the *Tractatus*, and, apparently, we should be guided by them).

Here is another example of a "dangerous" aphorism: "The substance of the world *can* only determine a form and not any material properties. For these are represented by the propositions formed by the configuration of the objects" (*TLP* 2.0231). This thesis explains well the relationship between a logical possibility and a material fact, but even here it must be taken into account that not a single sentence of a natural language "depicts" separate "configurations of objects": each configuration is an atomic fact that can only be described by an elementary proposition, the image of which is inaccessible to us: "not a single proposition of ordinary language seems to be elementary" [19. P. 157].

The following remark should also be approached with caution: "'An atomic fact is thinkable' means: we can imagine it" (*TLP* 3.001). This remark emphasizes that every fact is a thinkable fact, and every thought necessarily presupposes an articulated image of the fact. Nevertheless, atomic facts cannot be literally considered thinkable. Since their images are given in thought only as parts of compounds, they cannot be "observed" separately.

Similar difficulties are associated with most of the *Tractatus*' theses, the discussion of which is a subject for another research.

5. What is a simple object? ("form of dependence" and "form of independence" of a simple object)

Since the object of pure possibility does not yet possess any actual quality, it can apparently be considered "simple", i.e., devoid of qualities. However, does the very possibility of having some quality not provide complexity to an object? The answer lies in the aphorisms that distinguish between the "form of dependence" and the "form of independence" of a simple object:

"The thing is independent, in so far as it can occur in all possible circumstances, but this form of independence is a form of connexion with the atomic fact, a form of dependence. <...>" (TLP 2.0122)

"The thing" here apparently means the same as "simple object". Its "dependence" consists in the fact that it does not exist "separately" from its logical possibilities: if something is possible for an object, it cannot be "imagined" that it does not have such a possibility. At the same time, an object (thing) is not bound to any specific possibilities. It can have *any* color, *any* density, etc., and this is a "form of its independence"¹.

Of course, if we consider logical possibilities as images held in the imagination, then objects will always be endowed with some qualities, i.e., they will inevitably have some form, some color, etc. In this case, it will be extremely difficult to understand how an object can be simple. If we discard conceivable images, then we can turn to an object that does not yet have any actual qualities. The next step is to understand that no possible quality is logically necessary for the object. If the object had logically necessary qualities, they would immediately make it compound, since it could occur in facts only together with these qualities. However, the object does not have any logically necessary qualities, it can both "occur" and "not occur" in any material fact possible for the object. It follows that the object of pure logical possibilities is indeed "simple".

Obviously, the object of logical possibilities itself is neither observable nor thinkable, just as logical possibilities themselves. Now I want to show that it will remain the same in the case of its actual occurrence in facts. Here again we must note that no actual quality of an observed or imagined object is necessary for it.

One can object that, observing, for example, a tree, we observe an object with its necessary qualities. Such an objection implies empirical, not logical connections; logically not a single thinkable quality of any object is necessary. Any fact (for example, a tree's having roots, foliage, etc.) may "not be the case", any proposition about qualities (or relations) can be negated. This means that not only at the level of unthinkable possibilities, but also at the level of actual facts the object does not have any necessary qualities; for it there is "nothing what it's like". But "nothing what it's like" of an object can be observed due to the same logical form: "A speck in a visual field <...> must have a colour <...> A tone must have a pitch, the object of the sense of touch a hardness, etc. (TLP 2.0131)". Everyone can see this from their own experience. There is, of course, logical necessity in the "must haves" listed, but this necessity is devoid of concreteness, and only a concrete quality can be observed. Since no specific quality is logically necessary for an object, any specific quality is extrinsic to it. That is why the object remains simple in the facts that are the case: not a single observable quality or relation is its own, the object itself is "nothing what it's like" (colorless, ethereal, unextended, timeless, etc.).

Lewis Carroll spoke of similar things in his book *The Logic Game*: "People have asked the question 'Can a Thing exist without any Attributes belonging to it?' It is a very puzzling question, and I'm not going to try to answer it: let us turn up our noses, and treat it with contemptuous silence, as if it really wasn't worth

¹ The "form of dependence" and the "form of independence" are the two sides of an object's logical possibility to occur in facts; both forms characterize precisely the possibility, and not reality. Both forms, therefore, are related to the internal and not external (material, realized) qualities of the object.

noticing” [20. P. 2]. Thanks to Wittgenstein, we can now stop turning up our noses and provide to the “puzzling question” a perfectly accurate (albeit “meaningless”) answer: in the material world, any object will inevitably have some attributes (the material world consists of facts), but none of these attributes will be necessary for the object; any object can have any attributes possible for it.

Carroll’s next question is even closer to our topic: “But, if they put it the other way, and ask ‘Can an Attribute exist without any Thing for it to belong to?’, we may say at once ‘No: no more than a Baby could go a railway-journey with no one to take care of it!’ You never saw ‘beautiful’ floating about in the air, or littered about on the floor, without any Thing to BE beautiful, now did you?” [20. P. 2]. Of course, Wittgenstein in the *Tractatus* offers more convincing arguments, where the object turns out to be the thing that provides certainty to the world (*TLP* 2.021, 2.0211, 2.0212) and acts as a condition for the proposition’s truth value, making every proposition “articulate” (*TLP* 3.141, 3.251). In addition, Wittgenstein shows that the object of any quality or relation is “simple”: only concerning a simple object can *any* thinkable qualities or relations be affirmed or denied. Carroll’s answer is also quite convincing: a property cannot “float” without its object. If there are any properties and relations, then there must be objects of these properties and relations.

Of course, it does not follow from what has been said that a simple object is hidden in things as an invisible “spirit” of these things. On the contrary, a simple object turns out to be indifferent to all the properties that form things known to us. There is nothing in the simple object that would induce it to realize these and not other of its possibilities to occur in facts. Apparently, there is no point in discussing how it exists and whether it exists at all. The parts of the *Tractatus* dealing with the existing object should obviously be understood as metaphors. Wittgenstein was interested not in the ontological, but exclusively in the logical status of simple objects. All that can be said is that logic organizes language in this way, “*the language which I understand*” (*TLP* 5.62). For the same reason, one should not try to “count” objects, i.e., asking the question “how many simple objects are there in a compound called a tree?”. Obviously, simple objects do not pile up in a logical structure like bricks at a construction site: rather, one should speak of an object as an inevitable *effect* of the way a fact or a proposition is formed in logic¹. It is clear that there is only one such way: the occurrence of an object in a fact, and this way necessarily implies an object (thing) of any qualities and relations – approximately in the same way as addition implies added terms. After all, we do not ask how many added terms (concepts, not numbers) exist in the world. Of course, one and the same effect can manifest itself many times over (in each case when an object occurs in a fact), and in this sense we can speak of an “expanding set” of objects, by analogy with how the set of added terms expands with each new operation of addition. The same analogy explains the reference to objects in the plural in the *Tractatus* (and in this paper).

However, the *Tractatus* also contains statements that seem to indicate there is a *difference* in the logical form of objects, and hence in objects themselves: “If I know an object, then I also know all the possibilities of its occurrence in atomic facts” (*TLP* 2.0123). Should we not, after all, in this case, recognize the diversity of

¹ An object’s occurrence in a fact is isomorphic to a name’s occurrence in a proposition.

objects in the logical structure? Most likely not, for this aphorism only emphasizes the already stated (earlier in the *Tractatus*) the presence of *all* the possibilities for an object to occur in a fact, and their presence *all at once*. “To know all objects” means to know all these possibilities. The diversity of these possibilities is determined by the difference in “logical spaces” (color, length, density, etc.), while the object itself relates to its logical form (i.e., to all logical possibilities to occur in a fact) as simple. Therefore, it does not make sense to look for differences in objects themselves.

Now I propose the following definition of a simple object. A simple object is an unobservable and unthinkable object of any thinkable quality or relation. This object is simple, since any thinkable (concrete) quality or relation is not logically necessary for it and is not its own quality.

6. The object in coordination with observable things and events

Now it is time to harmonize the logical structure with ordinary language and the familiar picture of the world. For example, imagine a specific apple and try to identify its logical form. As an object “in a visual field”, the apple must have a color; as a “spatial object”, it must have some form; as an “object of the sense of touch”, some density, etc. Let *this* apple be red and round (we will not specify its other qualities).

Now, pointing at this apple, let us ask ourselves: what is it? What *exactly* is red, round, etc.? Apparently, this, of course, is an apple. The relative stability of the apple’s qualities makes it possible to reliably distinguish it from other objects (although sometimes there is a risk of confusing an apple with similar objects, for example, with a quince). When we describe *this* apple, we proceed from the fact that we already know what an apple is in general, and in relation to *this* apple we only specify its specific qualities (for example, this apple is red, although apples can also be yellow or green).

But what exactly do we mean by the *apple itself*? Whose qualities do we specify? What is the apple itself, as a “thing” known to us?

If you look closely, it turns out that by using the name “apple” we are able to indicate only the properties and relations that characterize the apple as “this” object. And *nothing else is given* to us. When being observed, the object of these properties and relations does not manifest itself in any way, and only the logical structure does not allow us to doubt that this object *exists*. And this is so not only by virtue of the proof that Wittgenstein provides in his *Tractatus*. We are really unable to imagine glossy, white or heavy, without always imagining an object having these properties. It is the object that makes any material image “articulate” (TLP 3.251) allowing us to affirm or deny any thinkable qualities (or relations): the object is red, but may not be red, the object grows on a branch, but may not grow on a branch, and the same for all other qualities that characterize an apple. It is clear that if all the qualities of the apple are negated, nothing will remain of the apple, but until the very last negation, the object will appear in the proposition, and it will obviously be simple. Of course, this object will not be given either in observation or thought, but it will conscientiously perform its function so long as we affirm or negate any of *its* qualities or relations. *Its* qualities and relations and not those of the apple. We only thought that we were discussing the apple’s qualities and not those of this mysterious object. Our ability to negate any

thinkable quality refers us precisely to a simple object that has no name in natural language. Only the names for compound things exist in our language, and we have no choice but to use them to designate objects with qualities and relations.

7. Object in coordination with natural language names

And yet, where does the word "apple" come from? The *Tractatus*, as usual, does not contain a direct answer to such questions, but it contains a suggestive remark (see *TLP* 3.342). It says that this word, like any other, is an "arbitrary" naming of a distinct complex of atomic facts, i.e., a complex of certain properties and relations. Since any fact may or may not be the case, any complex could not exist, but some complexes are stable, and therefore we are accustomed to think of them as "things" and come up with meaningful names for them (see *TLP* 5.471). Obviously, all physical "things" (apples, cats, trees, tables), as well as their names in natural language, are complexes, and complexes themselves are formed due to the multitude of arbitrary occurrences of objects in specific configurations (facts). Each specific configuration contains "zero", unthinkable, uncolored, unextended, immaterial "points" – simple objects. Each configuration is a *realization* of simplest logical possibilities for a simple object in the "physical world". *The whole world* consists of such simple situations. Stable complexes of some situations figure in the world as "things" named in the language.

8. Atomic facts as images of simple propositions

It is clear that in natural observation we do not encounter either simple objects or individual "acts" of their realization. In practice, we deal only with complexes, with "things" in their established qualities and relations with other things. And yet, logically, every thing is reduced *exhaustively* to atomic facts, and every description of a thing is reduced to simple propositions as their images.

Of course, this reduction is not a natural language practice: "simple images", like simple objects, are not distinguishable either in observation or in thought. And yet, simple images of "realized" logical possibilities can, conditionally, be singled out from the complex that *accompanies* their existence.

For example, the image of a "cat on a rug" can, conditionally, be considered simple if we consider that this is an image of only one atomic fact, only one realized logical possibility, consisting in a spatial configuration of primordially simple and nameless objects lacking any definition. But this simple image merges in our imagination with many other images accompanying it. This is how complex "things" familiar to us emerge: a cat and a rug. The material image corresponding to the elementary proposition appears *for us* in unity with other material images (observed and remembered). This unity comes from the relative stability of some compounds *so-named*. This stability prompts us to imply additional images that are not directly generated by *this* simple proposition. A compound image covers an indefinite set of observable and recalled qualities of a cat and a rug: it is difficult to determine which qualities we include in the complex and which we do not. Many qualities of compound things that we know may not be taken into account (for example, we may not think the cat has a skeleton), but it is quite obvious that the image of each simple proposition is combined with a number of other, implied images. That image includes something more than, for example, only the spatial arrangement of objects.

A complex, compound image seems to us to be simple. We are not aware that the additional qualities of *this* cat and *this* rug (shape, color, density) are determined by *other* realized atomic facts. These latter are *other* images that are described by *other* propositions which are *implied* propositions.

For logic, it is completely indifferent what kind of compound things we are talking about: a proposition can report the configuration of a given cat and a given rug (in their specific physical qualities), the configuration of a rug, floor and ceiling in this room, or, say, the configuration of the cat's brain and its circulatory system, etc. In all cases, the names denote some stable compounds in a proposition, but each simple proposition reports only one realized possibility (all the rest configurations are only implied).

Simple (i.e., those not containing logical conjunctions) natural language propositions "stuff" the names we are used to with all the "off-screen" configurations. By concentrating on one specific quality, propositions "pull together" all the implied qualities into one whole, "into a unit" [21. P. 71].

This is how the illusion arises that named compounds of atomic facts (as physical realizations of incorporeal objects) have integrity. The illusion leads to the erroneous belief that a simple proposition can be understood *from itself*.

This illusion is called a "universal" in philosophy. The same illusion prompts us to see things around us, not facts, but now it should become clear that *logically* (i.e., by absolute necessity) things are nothing but relatively stable compounds of elementary facts that are contingent by their logical nature.

9. Can a hare be different?

The stability of linguistically named complexes is due to observation or invention. If we so desire, we ourselves can create stable complexes, invent unicorns, dragons, centaurs, etc. We can also literally produce various complexes (furniture, clothes, technical devices, etc.).

In logic itself, there is nothing that makes complexes exist necessarily:

5.634. Everything we see could also be otherwise.

Everything we can describe at all could also be otherwise. There is no order of things a priori.

So, everything thinkable, observable, expressible in a language can be different. Every quality of a material (including imaginary) thing, insofar as it is conceivable, turns out to be accidental and contingent.

In connection with the last statement, it is worth thinking again about the so-called "essential" qualities of things: is it possible, for example, to think of a cubic and blue hare? Would a hare remain a hare?

It is clear that an object's simplicity already excludes all the necessary qualities of things, and yet this question can be confusing.

In order to understand this, it is necessary to clarify once again exactly how complex "things" ("objects") are conceived.

From the logical point of view, each concrete object is a contingent complex of atomic facts arbitrarily named by some name. The complex called "hare" was formed in the same way as any other complex: in one atomic fact, a simple object occurred in the space of color (as having *such and such* a color), in another it occurred in the space of density, and so on. Since we repeatedly encountered

complexes similar to each other, the name "hare" was fixed in the language and received its status of a "common" name.

Since contingent complex "things" do not have any necessary qualities, at any moment they can be of any form: become round, cubic, hard, soft, blue, red, etc.

Nevertheless, hares, like all other objects designated in the language, *cannot be anything at all* if these names have already been used (albeit arbitrarily) to refer to *quite definite* complexes of atomic facts. It is clear that if a certain complex is already conceived in a definite form, it cannot simultaneously be conceived differently, in a different form. Instead of *such* complexes, there can of course appear *other* complexes, but if we already mean *this* complex, then it cannot be meant as *another* complex.

Of course, we can imagine a winged blue cubic "creature", but why on earth would we call it a hare? The currently existing language conventions do not provide any basis for this (although it cannot be ruled out in the future). Anyway, the question comes down to what qualities or relations we mean when we use the name "hare". If now by "hare" we mean something oblong, white or gray, then a blue cubic being would not be a hare, in exactly the same sense as something oblong is not cubic, and something white or gray is not blue.

In itself, the question whether the hare will be preserved after a radical modification of its material properties simply does not make sense for logic. For logic, there is no hare and never has been. There have been and are only complexes of possible atomic facts. The fact that some complexes are regularly reproduced is of no interest to logic, as well as the fact that we have arbitrarily designated a certain stable, regularly renewed material complex by the name "hare".

Thus, the famous philosophical problem of essence and substance gets incredibly more simple and appears in the form of a question *whether it is possible to think of something white as something blue, of a one-meter length as a two-meter length, etc.* Of course, this is impossible. Moreover, it is logically impossible, and everything that concerns the "essence" of a hare and all other objects known to us is connected to this impossibility.

In this and subsequent discussion, I am guided by TLP 6.3751 and by Wittgenstein's idea in *Some Remarks on Logical Form* which limited the *Tractatus* statement about the compatibility of all elementary propositions: "The mutual exclusion of unanalyzable statements of degree contradicts an opinion which was published by me several years ago and which necessitated that atomic propositions could not exclude one another" [22. P. 168]. Ian Proops also writes about the need to mathematically differentiate qualities: "Wittgenstein concludes that the impossibility of something's having both exactly one and exactly two degrees of brightness emerges as an irreducibly mathematical impossibility" [11].

10. Logically impossible configurations

Since every thing is a complex of logically possible object configurations (atomic facts), any configuration realizes only what is logically possible. Since names (nominal forms) of natural language are tied to certain complexes, and since verbs and adjectives report a certain configuration of specific complexes, some configurations turn out to be logically impossible.

In his *Private Notebooks: 1914–1916*, Wittgenstein remarks that it is impossible to imagine a clock sitting on a table: "Unthinkable!" [21. P. 70], but not

because the clock cannot assume any position of its own accord: the point, apparently, is that it does not have corresponding “external”, physical qualities. There are no “movable joints” that allow the clock to assume a sitting position.

Another example from the *Notebooks* is that it is impossible to “lean the ball against the wall”¹; namely, this is precisely logically impossible. Due to its round shape, the ball cannot be supported by a vertical plane. It cannot be leaned against a support without which it would fall.

For the same reasons that blue cannot be white, round cannot be cubic, etc., a ball cannot be leaned against a wall, and a clock cannot sit on a table.

Conclusion

I hope I succeeded in showing how the object (or thing) of any qualities and relations can remain simple. For this, it was necessary to independently affirm the inconceivability and unimaginability of logical possibilities: at the level of conceivable, material images, any object always has some qualities that mask its simplicity. However, if we ignore material images, then the object’s simplicity becomes obvious: at the level of pure logical possibilities, the object still does not have any actual qualities; none of its possible qualities have taken place yet. Accordingly, the object does not have any qualities “of its own”, i.e., logically necessary qualities inherent in the object. Therefore, in the material world, in the facts that have taken place, the object will remain simple because it *may not have* any of the qualities or relations acquired by it; accordingly, any proposition about any fact admits its negation.

The stability of named complexes in the language prompts us to consider certain qualities as necessary, essential, proper qualities of named things (tables, trees, hares, etc.). However, the *Tractatus* is not about empirical laws, but about logical requirements; logically speaking, no conceivable quality is necessary, and therefore the object of any conceivable quality is in itself “simple”. Of course, such an object cannot be given in observation or representation, and yet there is no need to assume it has a special metaphysical status: it is enough to keep it in mind as a necessary element of our language’s logic, since any quality or relation must have its own object.

References

1. Hintikka, M.B. (1986) *Investigating Wittgenstein*. New York, NY, USA: Blackwell.
2. Pears, D. (1977) The Relation between Wittgenstein’s Picture Theory of Propositions and Russell’s Theories of Judgment. *The Philosophical Review*. 86(2). pp. 177–196. DOI: 10.2307/2184005
3. Pears, D. (1987) *The False Prison: A Study of the Development of Wittgenstein’s Philosophy*. Vol. 1. Oxford, England: Clarendon Press.
4. Malcolm, N. (1986) *Nothing is Hidden: Wittgenstein’s Criticism of His Early Thought*. New York, NY, USA: Blackwell.
5. Suárez, A.G. (2014) The Metaphysical Status of the Objects of Wittgenstein’s “Tractatus.” *Teorema: Revista Internacional de Filosofía*. 33(2). pp. 29–44.
6. Ludwig, J. (1976) “Substance” and “Simple Objects” in Tractatus 2.02 ff. *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 29(5). pp. 307–318.
7. Speaks, J. (2007) *Wittgenstein on facts and objects: the metaphysics of the Tractatus*. [Online] Available from: https://www3.nd.edu/~jspeaks/courses/2007-8/43904/_HANDOUTS/wittgenstein-facts-objects.pdf

¹ [21. P. 91].

8. Sluga, H. (2012) Simple Objects: Complex Questions. In: Zalabardo, J.L. (2012) *Wittgenstein's Early Philosophy*. 1st ed. Oxford: Oxford University Press. pp. 99–118.
9. Labron, T. (2017) *Science and religion in Wittgenstein's fly-bottle*. New York: Bloomsbury Academic, an imprint of Bloomsbury Publishing Inc.
10. Paul, G. (2020) Wittgenstein: The Notion of an Object. *Journal of Critical Reviews*. 7(09). pp. 3446–3448.
11. Proops, I. (2022) Wittgenstein's Logical Atomism. In: Zalta, E.N. & Nodelman, U. (eds) *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Fall. Stanford: Metaphysics Research Lab, Stanford University.
12. Lemaire, E. (2006) The Problem of Simple Objects. In: Gasser, G., Kanzian, Chr. & Runggaldier, E. (ed.) *Papers of the 29th International Wittgenstein Symposium*. pp. 171–173.
13. Sokuler, Z.A. (1994) *Lyudvig Vitgenshteyn i ego mesto v filosofii XX v.* [Ludwig Wittgenstein and his place in the philosophy of the 20th century]. Dolgoprudnyy: Allegro-Press.
14. Malcolm, N. (1958) *Ludwig Wittgenstein: A Memoir*. Oxford, England: Clarendon Press.
15. Carruthers, P. (1990) *The Metaphysics of the Tractatus*. New York: Cambridge University Press.
16. Ishiguro, H. (1969) Use and Reference of Names. In: Winch, P. (ed.) *Studies in the Philosophy of Wittgenstein*. London: Routledge. pp. 20–50.
17. Klemke, E.D. (1971) *Essays on Wittgenstein*. Urbana: University of Illinois Press.
18. Griffin, J. (1964) *Wittgenstein's Logical Atomism*. Clarendon Press.
19. Surovtsev, V.A. (2001) *Avtonomiya logiki: istochniki, genezis i sistema filosofii rannego Vitgenshteyna* [The Autonomy of Logic: The Sources, Genesis, and System of Early Wittgenstein's Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Carrol, L. (1886) *The Game of Logic*. London and New York: Macmillan.
21. Wittgenstein, L., von Wright, G.H., Anscombe, G.E.M. & Klemke, E.D. (2004) *Notebooks 1914–1916*. Oxford: Blackwell.
22. Wittgenstein, L. (1929) Some Remarks on Logical Form. *Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. 9. pp. 162–171.
23. Wittgenstein, L. (1922) *Tractatus Logico-Philosophicus*. Translated by C.K. Ogden. London: Routledge & Kegan Paul.

Список источников

1. Investigating Wittgenstein / ed. J. Hintikka. New York, NY : Blackwell, 1986. xx + 326 p.
2. Pears D. The Relation between Wittgenstein's Picture Theory of Propositions and Russell's Theories of Judgment // *The Philosophical Review*. 1977. Vol. 86, № 2. P. 177–196.
3. Pears D. The False Prison: A Study of the Development of Wittgenstein's Philosophy. Oxford : Clarendon Press, 1987. Vol. 1. 216 p.
4. Malcolm N. Nothing is Hidden: Wittgenstein's Criticism of His Early Thought. New York, NY : Blackwell, 1986. 264 p.
5. Suárez A.G. The Metaphysical Status of the Objects of Wittgenstein's "Tractatus" // *Teorema: Revista Internacional de Filosofía*. 2014. Vol. 33, № 2. P. 29–44.
6. Ludwig J. "Substance" and "Simple Objects" in Tractatus 2.02 ff // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*. 1976. Vol. 29, № 5. P. 307–318.
7. Speaks J. Wittgenstein on facts and objects: the metaphysics of the Tractatus. 2007. URL: https://www3.nd.edu/~jspeaks/courses/2007-8/43904/_HANDOUTS/wittgenstein-facts-objects.pdf
8. Sluga H. Simple Objects: Complex Questions // *Wittgenstein's Early Philosophy*. 1st ed. / ed. J.L. Zalabardo. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 99–118.
9. Labron T. Science and religion in Wittgenstein's fly-bottle. New York : Bloomsbury Academic, an imprint of Bloomsbury Publishing Inc, 2017. 138 p.
10. Paul G. Wittgenstein: The Notion of an Object // *Journal of Critical Reviews*. 2020. Vol. 7, № 09. P. 3446–3448.
11. Proops I. Wittgenstein's Logical Atomism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Fall 2022 / ed. E.N. Zalta, U. Nodelman. Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2022.
12. Lemaire E. The Problem of Simple Objects // *Papers of the 29th International Wittgenstein Symposium* / ed. G. Gasser, Chr. Kanzian, E. Runggaldier. P. 171–173.
13. Сокулер З.А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в. : курс лекций. Долгопрудный : Аллегро-Пресс, 1994. 173 с.
14. Malcolm N. *Ludwig Wittgenstein: A Memoir*. Oxford : Clarendon Press, 1958. 100 p.

15. *Carruthers P.* The Metaphysics of the Tractatus. New York : Cambridge University Press, 1990. xii + 232 p.
16. *Ishiguro H.* Use and Reference of Names // Studies in the Philosophy of Wittgenstein. London : Routledge, 1969. P. 20–50.
17. *Klemke E.D.* Essays on Wittgenstein. Urbana : University of Illinois Press, 1971. xi + 552 p.
18. *Griffin J.* Wittgenstein's Logical Atomism. Clarendon Press, 1964. 184 p.
19. *Суровцев В.А.* Автономия логики: источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 311 с.
20. *Carrol L.* The Game of Logic. London ; New York : Macmillan, 1886. 96 p.
21. *Notebooks 1914–1916* / L. Wittgenstein, G.H. von Wright, G.E.M. Anscombe, E.D. Klemke, 2nd ed. Oxford : Blackwell, 2004. 495 p.
22. *Wittgenstein L.* Some Remarks on Logical Form // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1929. Vol. 9. P. 162–171.
23. *Wittgenstein L.* Tractatus Logico-Philosophicus / tr. by C.K. Ogden. London : Routledge & Kegan Paul, 1922. 189 p.

Information about the author:

Danko S.V. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, independent researcher (Moscow, Russian Federation). E-mail: danko.sofia@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Сведения об авторе:

Данько С.В. – кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь (Москва, Россия). E-mail: danko.sofia@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*The article was submitted 10.06.2023;
approved after reviewing 12.07.23; accepted for publication 18.08.2023
Статья поступила в редакцию 10.06.2023;
одобрена после рецензирования 12.07.23; принята к публикации 18.08.2023*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 101.1:316, 37.012.1, 37.012.8, 371

doi: 10.17223/1998863X/74/8

ИССЛЕДОВАНИЕ ДАННЫХ КАК ЦИФРОВАЯ ПРАКТИКА СУБЪЕКТИФИКАЦИИ

Андрей Александрович Дерябин

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Москва, Россия;*

*Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия,
andred@yandex.ru*

Аннотация. Овладение дата-грамотностью рассматривается как цифровая практика с акцентом на ее субъектной составляющей. Культивация субъектности в процессе эпистемической практики исследования данных противопоставляется латентно дисциплинарным цифровым практикам «заботы о себе». В качестве критерия различения дисциплинарных и подлинно самопреобразующих «технологий Я» предлагается событие продуктивного действия, результатом которого становится локальная онтологическая модель субъекта. Демонстрируется, как цифровая образовательная практика в соответствующей дидактической системе может способствовать разработке персонально значимых онтологических моделей учащихся. Обсуждается особое значение работы с социально-гуманитарными данными как предпосылка такого результата.

Ключевые слова: субъект, субъектность, практика, технологии Я, культурно-историческая психология, данные, дата-грамотность, образование, Data Science

Благодарности: статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Дерябин А.А. Исследование данных как цифровая практика субъектификации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 84–95. doi: 10.17223/1998863X/74/8

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

DATA ANALYSIS AS A DIGITAL PRACTICE OF AGENCY DEVELOPMENT

Andrey A. Deryabin

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russian Federation;*

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, andred@yandex.ru

Abstract. With the development of ICT, numerous digital practices and tools have emerged, which at first glance appear to be means of “care of the Self”, but a critical stance often

reveals their disciplinary nature. The aim of this article is to suggest a criterion that distinguishes latent disciplinary “technologies of the Self” from genuinely productive and emancipatory digital practices of self-transformation. I examine the practice of data analysis as a technologically mediated, motivated epistemic practice, which, in my opinion, fits within Foucault’s concept of “care of the Self”. This is maintained by my experience of conducting data literacy bootcamps, which showed that working with data has a potential for agency development. As to the accessibility of data analysis practices, I see that they have long extended beyond IT companies, becoming available to the public in a variety of contexts, from data journalism to data literacy education programs for teenagers. Data analysis as a digital practice is examined within the framework of Andrew Pickering’s account of scientific practices as “dance of agencies”. Pickering argues that human agency and disciplinary (discursive) agency are not separate or distinct but are rather intertwined and co-constitutive. The researcher constructs data-driven narratives that allow them to position themselves in relation to the data and phenomena that are publicly represented through them, and to reconfigure power/knowledge discourses accordingly. To distinguish between disciplinary and genuinely self-transformative “technologies of the Self”, I propose a two-stage Productive Action concept suggested by Boris Elkonin within cultural-historical psychology. The result of fulfilled productive action is a change of one’s local ontological model. I demonstrate how productive action in digital educational practice can contribute to the development of students’ personally significant ontologies. The special significance of working with social and humanitarian data as a prerequisite of such an outcome is discussed. The article was prepared as a part of the state-assigned research work of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Keywords: agency, subject, practice, technologies of the Self, data literacy, education, cultural-historical psychology, Data Science

Acknowledgments: The study was prepared as part of the research work of the state assignment to RANEPA.

For citation: Deryabin, A.A. (2023) Data analysis as a digital practice of agency development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 84–95. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/8

Введение

Существует по меньшей мере два аспекта, в которых мы можем говорить о «технологиях Я» в цифровой среде, отталкиваясь от работ М. Фуко [1]: (1) первоначальное понятие Фуко как практика мотивированного само-совершенствования; (2) его современная материализация – в отличие от процедур, описанных Фуко, это то, как технологические системы способны влиять на трансформацию человека либо по замыслу, либо как побочный эффект. То, что во времена, описываемые Фуко, было преднамеренными операциями, в нашем сегодняшнем контексте дополнено непреднамеренными последствиями нашего ежедневного взаимодействия с технологиями. Вездесущность информационно-коммуникационных технологий толкает наши онтологические рамки во все более технически опосредованный контекст. Эти технологии, подспудно и глубоко изменяя наши отношения со временем, пространством, людьми и, следовательно то, как мы представляем себе и формируем наше Я, воздействуют на наши онтологические представления. Не без иронии называя эти редко осознанные, беспорядочные действия современного человека по переделке, экспериментированию, регулировке, приспособлению своего Я к быстро меняющейся техносреде «он-

тологической возней»¹, R. Hernández-Ramírez утверждает, что под воздействием информационно-коммуникационных технологий растущее число аспектов нашей жизни, особенно изменений нашего социального Я, фактически стало практиками, сводящимися к самодизайну посредством создания изображений и текстов в социальных сетях, имеющими, однако, последствия для жизни индивида в реальном мире непосредственных социально-экономических отношений [2]. Какие именно эффекты оказывают цифровые коммуникации на широкий социокультурный контекст и психопатологию обыденной жизни, является предметом рефлексии для критических теоретиков. Так, K. Nygren и K. Gidlund, продолжая линию рассуждений Маркса и Фуко в направлении власти технологий, говорят о новой форме отчуждения – «цифровом отчуждении» между внепространственной (цифровой) и локализованной формами бытия и, соответственно, между онлайн- и оффлайн-идентичностями [3].

Множество сегодняшних практик цифровой квантификации Я, объединенных темой «осознанности» и лозунгом «будь лучшей версией себя», на поверку оказываются не освобождающими, но латентно дисциплинарными. Хотя может показаться, что все они вписываются в первоначальную концепцию «заботы о себе» Фуко, конкретные цели, стоящие за сегодняшним стремлением «массового человека» к самопреобразованию, могут отличаться от идеалистического стремления к власти над собой в античный период [2] – зачастую это прагматическое стремление к увеличению социального капитала или личной эффективности в неолиберальном контексте [4]. И дискурс «креативного класса», и доводы в пользу квантифицированного Я как способа создания «лучшей версии себя», таким образом, – это производные идеологии, которая игнорирует реальность классовых эксклюзий, блокированных возможностей и ограничений социальной структуры [5], настаивая на чудесной способности каждого человека «быть тем, кем он хочет быть» без каких-либо общественных изменений, с соответствующим предположением, что он хочет быть ничем иным, как дисциплинированным субъектом в неолиберальных отношениях.

Современные работы в области философии техники [6], медиа [7] и философии информации [8] не рассматривают *технологически опосредованные мотивированные эпистемические практики «заботы о себе»*, оставляя это поле, вероятно, философии образования, и больше фокусируются на захватывающих онтологических последствиях внедрения в повседневную жизнь VR, цифровых симуляций и других технологически опосредованных форм социальных взаимодействий. Однако среди «технологий Я» у Фуко важную часть занимают именно эпистемические практики.

Задача данной статьи – выделить признак, позволяющий отделить латентно дисциплинарные технологии Я как формы «онтологической возни» от

¹ В оригинале: tinker (англ.) – «пытаться отремонтировать или улучшить что-то случайным или небрежным образом» (Oxford Dictionary of English); «вносить небольшие изменения во что-то с целью ремонта или улучшения, особенно таким образом, который может оказаться бесполезным» (Oxford Advanced American Dictionary). Слово «возня» нам представляется наиболее подходящим для перевода: «возня» – шумные, беспорядочные движения (в игре, забаве, драке и т.п.); кропотливое, медлительное занятие, работа, хлопоты («Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова).

подлинно продуктивных, эмансипирующих цифровых практик самопреобразования – неотъемлемого элемента субъектификации и агентности.

С этой целью мы рассматриваем эпистемическую практику исследования данных, видя в ней, с одной стороны, субъективирующий потенциал, с другой – констатируя, что данная практика давно вышла за пределы офисов IT-компаний, став доступной публике в широком диапазоне контекстов – от дата-журналистики до образовательных программ по дата-грамотности, адресованных подросткам.

Под дата-грамотностью понимается способность читать, понимать и передавать информацию, представленную в виде данных. Она включает в себя навыки и знания, необходимые для интерпретации данных и принятия обоснованных решений на их основе в повседневной жизни. В современном датафицированном мире это является важным элементом формирования личности, способной принимать рациональные решения, осуществлять этический выбор и вырабатывать политические мнения. Определение «критическая» в отношении дата-грамотности относится к критике и рефлексивному отношению к данным и многомерным импликациям их растущего применения в современном обществе. Критическая дата-грамотность включает в себя понимание властного дисбаланса общественных структур и внимательное отношение к тому, как власть влияет на цели и способы использования данных. Индивиды, обладающие критической грамотностью в области данных, обладают компетенциями и мотивацией, чтобы действовать в целях общественной справедливости и личной безопасности [9].

1. Исследование данных как научная практика: импликации для дата-грамотности и субъектности учащегося

В рассмотрении дата-грамотности как цифровой практики мы отталкиваемся от социофилософской концептуализации научных практик в русле STS¹, предпринятой Эндрю Пикерингом [10]. Пикеринг исследует взаимодействие (1) материальных, (2) концептуальных (понятийных, мыслительных) и (3) социальных факторов в научных достижениях и демонстрирует, как эти компоненты взаимно направляют и корректируют друг друга в процессе научной деятельности. Пикеринг утверждает, что научный результат является результатом диалектики сопротивления объекта изучения и адаптации исследователя к складывающимся материальным и социальным обстоятельствам исследования наряду с материальными и мыслительными (концептуальными) компонентами процесса. Агенты (или акторы) этого процесса, который Пикеринг называет «танцем агентностей» (dance of agencies; в другом переводе – «танец действия»), – это одновременно его «дисциплинарные», «человеческие» и «материальные» составляющие во всем их разнообразии. В таблице обобщена проекция практик работы с данными на систему координат, предложенную Пикерингом.

Оперирование понятием «агент» (в русском переводе в этом контексте – «актор» или «субъект») позволяет автору выйти на важную тему личной субъектности исследователя и ее культивации в исследовательском или учебном процессе.

¹ STS (Science and Technology Studies) – исследования науки и техники (англ.).

Аспекты агентности и практики исследования данных

Агентность	Аспект практики и производства знаний	Вызовы, стоящие перед исследователем
Материальная агентность. То, как данные и инфраструктура их обработки (hardware, software) влияют на результаты их изучения	Материальный. Относится к информационным и физическим объектам, инструментам, компьютерам, инфраструктуре и оборудованию, которые используются в исследованиях. Материальность определяет доступные виды экспериментов, наблюдений и данных	Вызовы, стоящие перед исследователем Сбор данных, понимание того, как выборки и измерения влияют на изменчивость данных. Отделение «шума» от полезных данных. Опыт чистки сырых данных и инжиниринга данных. Понимание контекстов, в которых появились данные, актуализация знаний в предметной области, которой касаются данные
Человеческая агентность / Субъектность. Относится к способности людей действовать, думать и принимать решения. В научной практике человеческий потенциал включает в себя личное творчество и изобретательность исследователя, а также их социальный и культурный контекст, например, профессиональные нормы и ценности	Концептуальный. Относится к идеям, теориям и моделям, которые используются для осмысления данных. Эти концепции часто выражаются с помощью математического аппарата, диаграмм и других символических представлений. Концептуальные рамки – это не только абстрактные идеи, но формируются материальными практиками и в социальном взаимодействии	Выделение и понимание понятий и категорий, необходимых для проведения исследования данных; отделение известного от неизвестного, применение логики, умение формулировать гипотезы и проверять их. Субъективация исследователей в процессе моделирования, когда они принимают решения, какие переменные включить или исключить из модели, когда решают, какие предположения сделать о поведении этих переменных, и когда используют модели для составления прогнозов. Исследователи должны постоянно корректировать и адаптировать свои модели в ответ на неожиданные результаты или новые данные, а это требует самоопределения, рефлексии, высокой степени импровизации и творчества
Дисциплинарная агентность. Относится к способности научных дисциплин формировать научную практику. Коренится в культурно-исторических контекстах, в которых развиваются и взаимодействуют научные дисциплины, включая интеллектуальные традиции, социальные нормы и материальные практики	Социальный. Относится к культурному и социальному контексту, в котором осуществляется научная практика. Сюда входят нормы, ценности и институты, регулирующие научную работу, а также социальные взаимодействия, влияние социальных сетей и сообществ на производство знания	Актуализация знаний в области научных методов, критериев научности. Необходимость овладения вычислительной техникой, методами и инструментами, используемыми в практике Data Science и машинного обучения (например, программирование, научные вычисления с данными, использование облачных сервисов, интегрированных сред разработки и систем контроля версий)

Атрибут человеческой субъектности (агентности) проявляется здесь в необходимости самостоятельно принимать ряд решений о предмете / объекте своего дата-исследования, релевантного его / ее интересам, что с необходимостью вовлекает в исследование ценностные и нормативные представления индивида, делая исследование формой высказывания о себе и окружающем мире. Это же включает в себя выстраивание исследователями основанных на данных нарративов, которые одновременно являются эмпирически обоснованными и личностно значимыми. Эти дата-нарративы позволяют исследователям позиционировать себя по отношению к данным и феноменам, которые через них представлены публично, и переконфигурировать соответствующим образом дискурсы власти / знания.

2. Продуктивное действие как условие субъектификации

Как нам различить дисциплинарные цифровые технологии, которые, например, манифестируют себя как «приложения для саморазвития», и те, которые взламывают привычную онтологию, обеспечивая новые способы продуктивного действия?

Здесь уместно упомянуть теоретическое обоснование нарративной психотерапии, которую ее авторы во многом строят на критических идеях Фуко относительно власти / знания [11]. Нарративный терапевт стремится стимулировать у клиента то, что Фуко называл «восстанием подчиненных знаний»; особенно те личные знания и опыт, которые были заглушены, маргинализированы или дисквалифицированы существующими доминантными конфигурациями власти / знания. Это высвечивание подчиненных знаний в терапевтическом диалоге через альтернативные истории, которые включают жизненно важные и ранее игнорируемые аспекты жизненного опыта, имеет результатом новую форму субъекта: личность становится субъектом новых нарративов, которые, в свою очередь, подразумевают различные практики власти / знания.

Другими словами, подобная эпистемическая практика помогает индивиду совершить некое «продуктивное действие», результатом которого являются его модифицированная в направлении более эффективного существования субъективность и порой дизруптивная, отклоняющаяся от привычных представлений онтологическая модель, раскрывающая новые способы продуктивного действия в мире.

Используя концепт «продуктивного действия», мы ссылаемся на одноименную работу Б.Д. Эльконина [12], который характеризует его следующим образом: «Продуктивное действие не предполагает „заготовленной“ задачи, в которой есть явственное указание на то, к чему надо прийти, не предполагается „правильный“ ответ. Постановка вопроса и проявление условий ответа на него, т.е. выявление задачи, – забота самого автора». Продуктивное действие в первом приближении имеет два такта: во-первых, построение некоего предмета, или «произведения»; во-вторых, его включение в жизнь других людей через презентацию и порождение у публики «смыслового поля», позволяющего по-новому взглянуть на вещи.

Первый такт продуктивного действия предполагает преодоление привычного способа представления и действия. Это преобразование заданного (опытом, навыками, другими) поля действия, преодоление детерминированных ограничений действия и зачастую отрицание чего-то, ранее принятого субъектом (стереотипного представления, алгоритма действия, традиции и проч.). Этот отход от шаблона задает построение нового пространства возможностей. Отметим, что в освоении работы с данными индивид в данном случае попадает в «валки практики», по Пикерингу, обкатывающие его привычные способы работы с информацией, теорией, обыденными представлениями и заставляющие преодолевать сопротивление данных и методов работы с ними.

Второй такт продуктивного действия – «публикация», т.е. публичная презентация произведения – есть испытание значимости и уместности произведения. Лишь на этом такте продуктивное действие можно полагать завер-

шенным. «Признание значимости произведения публикой есть свидетельство того, что способ построения произведения порождает собственное смысловое поле» [12]. В приведенном ниже примере это «открытие» исследованием данных, которое позволяет иначе смотреть на феномены, репрезентированные в данных, создает новую перспективу видения вещей, применимую за пределами выборки, которую исследовал индивид.

Рассмотрим кейс ученического исследования данных о представленности регионов России в новостях за 10-летний период, реализованный в рамках авторской образовательной программы «Дата-кампус» [13]. Обучение происходило в режиме онлайн в географически распределенных проектных командах. Команда описываемого проекта состояла из 7 человек из 6 разных городов в возрасте от 14 до 17 лет без предшествующего знания Data Science. Команда самостоятельно поставила цели проекта, руководствуясь ранее изученным на лекциях и мастер-классах материалами, с помощью наставников подобрала соответствующие методы обработки естественного языка (библиотека Gensim) и реализовала тематическое моделирование с использованием метода LDA (Latent Dirichlet Allocation – латентное размещение Дирихле), визуализировала темы и интерпретировала их. Всего было выделено и интерпретировано 9 тем: деятельность чиновников, чрезвычайные происшествия, коррупция, Роспотребнадзор, криминал, санитария-заболевания, катастрофы, Минобороны, митинги. Команда выявила сезонную и долгосрочную динамику тематик, проанализировала, в каких регионах выявленные темы наиболее выражены. В заключение учащиеся наложили темы на карту России с индикацией наиболее часто встречающихся тематик для каждого региона, создав, таким образом, интерактивную медийную карту региональной проблематики.

На этапе интерпретации построенной модели участники анализировали, как обозначенные темы представлены в разных регионах, какие регионы России близки по своему тематическому профилю, как выраженность этих тем меняется со временем по всей стране или в конкретном регионе. Наконец, как всплески тематик связаны исторически с общественно-политической и экономической жизнью страны и региона. Исследование подобных вопросов и интерпретация получаемых результатов ставит перед участниками, в свою очередь, ряд проблем, например: Почему главный ньюсмейкер в регионе – это губернатор или представители каких-либо силовых ведомств? Почему в публичном дискурсе недопредставлены культурные или общественные организации? Почему такое огромное внимание отводится чрезвычайным ситуациям, различного рода происшествиям – только ли здесь дело в медиалогике («хорошие новости – это плохие новости») или информационное пространство определенным образом деформировано? Узнает ли участник вообще край своего проживания, свою территорию в том, как она представлена в этих новостях? А если не узнает, то в чем здесь дело? Причина в качестве обработки данных, или в параметрах модели, или дело все-таки в реальной деформации медийного поля со стороны СМИ? Под влиянием каких причин реальная работа СМИ отличается от нормативного идеала? Поиск ответов на эти вопросы приводит учащихся к предположениям о том, какие управленческие решения нужны, чтобы медийная репрезентация региона в большей степени соответствовала действительности. В этом смысле построенная учащи-

мися модель новостной повестки региона и – опосредованно – самого региона – является управляющей моделью.

Как мы видим, исследование текстовых данных подняло важные вопросы, которыми участники ранее не задавались, создало у авторов исследования и у аудитории «смысловое после», вне которого помыслить эту проблематику ранее было затруднительно. Это не вполне артикулировано в упомянутой статье Б.Д.Эльконина, но результатом «публикации» в продуктивном действии выступает локальная онтологическая модель, которая обеспечивает потенциал смены интерпретативных рамок, а в пределе – онтологических (отвечающих на вопрос: Как устроен мир на самом деле?) представлений субъекта.

Эпистимическое событие описанного типа выполняет онтологическую функцию по отношению к субъекту, обеспечивая оформление им собственного образа действительности, связанного с решаемой исследовательской проблемой, – локальную онтологию. Подлинно продуктивный результат при этом – построение индивидом образа собственного существования и действия в рамках реконструированной им системы деятельности и отношений. По словам Б.Д. Эльконина, продуктивное действие – это акт развития, «лишь здесь личность входит в Мир, утверждается, и поэтому лишь здесь Личность присутствует в бытии, становится действительным фактом, а не лишь важным, но не оправданным допущением» [12].

Таким образом, событие продуктивного действия в изложенном выше смысле – это тот признак, который позволяет отделить латентно дисциплинарные цифровые технологии Я как формы «онтологической возни», воспроизводящей доминирующую конфигурацию власти / знания, от подлинных, онтологически продуктивных цифровых практик самопреобразования.

3. Значение социогуманитарного содержания в овладении дата-грамотностью

Приведенный выше кейс описывает продуктивное действие в рамках образовательного события. Опыт внедрения разнообразных образовательных практик с использованием цифровых ресурсов демонстрирует значительный потенциал цифровых инструментов для осуществления онтологической функции в образовании (см., напр.: [13–15]). Особенно важно отметить их роль в развитии следующих способностей у учащихся:

- анализ и моделирование систем различной сложности;
- проектирование принципиально значимых решений и сценариев их реализации;
- конструирование собственного жизненного пути.

Функции цифровых инструментов в образовании способствуют разработке персонально значимых онтологических моделей учащихся. А.А. Попов и соавт. [16], однако, указывают на то, что эти функции цифровых технологий реализуются только при использовании их в соответствующей дидактической системе. В рамках классической дидактики подобная цифровая медиация онтологий неуместна, так как противоречит дисциплинарному членению знания, единообразной структуре деятельности и пр. Напротив, в контексте открытого образования [17] цифровые инструменты полностью реализуют свой потенциал, поскольку отвечают потребности постоянного творческого переосмысления

текущей или исторической ситуации, моделирования будущих действий и самостоятельного выбора оптимальных инструментов.

Ключевым инструментом, превращающим цифровые технологии в инструментарий такой дидактики, является система образовательных задач, которые актуализируют для учащихся практические и онтологические проблемы¹, решение которых требует комплексного изучения различных аспектов реальности на основе цифровых данных (числовых, текстовых, аудиовизуальных) с последующим построением модели и поиском на ее основе решения, связанного с конструированием *социокультурного объекта*². Так, в образовательных проектах решаемые учащимися проблемы и локальная онтологизация осуществляются вокруг лично затрагиваемых их проблем городского развития [13], образовательных и карьерных перспектив [14], развития местных сообществ [15], семейной геобиографии [18] с такими социокультурными объектами, как городская среда, регион, репродуктивное здоровье и миграция населения соответственно.

В. Ли и соавт., разворачивая трехслойную гуманистическую модель взаимодействия учащегося с данными, выделяют, помимо личностного и дисциплинарного, социополитический слой, который они определяют как «устойчивые политические и социальные нарративы, которые влияют на цели и методы, с помощью которых наборы данных конструируются, интерпретируются и используются как социальные тексты» [19]. Авторы приводят несколько образовательных кейсов, которые демонстрируют, что явное привлечение внимания учащихся к социально-политическому аспекту данных может привести их к лучшему пониманию взаимосвязей между выстраиваемыми ими моделями, собой и обществом. Понимание учащимися способов кодирования политических и общественных идеологий в наборах данных и их использовании, манипулирование данными для поддержки дискурса власти / знания, подкрепления или маргинализации отдельных социальных групп, а также распознавание того, какие степени доступа к данным предоставляются теми или иными институтами и организациями и насколько прозрачна политика доступа к данным для общественности, – все это может быть результатом образовательных событий, в которых, к примеру, данные о социальной идентичности и мобильности (и связанные с ними вопросы истории и политики) намеренно переплетаются с живым опытом, интервью, ведением дневника и другими способами познания и вовлекают учащихся в новые способы восприятия сложных данных. Это позволяет учащимся исследовать, как действия людей, последствия этих действий и их историко-политический контекст влияют на них самих и на общество в целом.

¹ Некоторые авторы используют в данном контексте термин «онтопрактика»: «продуктивная деятельность человека, обусловленная непрерывным самоопределением по отношению к каждой новой конфигурации обстоятельств его жизнедеятельности и направленная на постоянный поиск адекватной модели мира и реализации ее в конкретных практически значимых собственных действиях» [20].

² Под социокультурным объектом здесь понимается сущность, артефакт, конструкт, который несет в себе значения, ценности и практики, формируемые социальными взаимодействиями и культурными контекстами. Социокультурные объекты могут быть и материальными артефактами (произведения искусства, одежда, архитектура), и нематериальными (ритуалы, язык, символы или традиции), в частности социально-политическими и экономическими конструктами, например: «человеческий капитал», «бедность», «нация» и пр. Определение «социокультурный» означает сочетание социальных и культурно-исторических аспектов, которые влияют как на сам объект, так и на индивидов и группы, во взаимодействии которых он представлен.

Заключение

Мы описали, как в процессе овладения практикой анализа данных создается возможность для построения критического дискурса гражданственности, складывания рефлексивного самосознания и обновленной локальной онтологии субъекта. Мы полагаем, что такая самотрансформация становится возможной при совершении продуктивного действия, событие которого отличает подлинно самопреобразующую «технологию Я» от латентно дисциплинарных цифровых практик «заботы о себе».

Однако чтобы осуществить «заботу о себе» в цифровой эпистемической практике, необходимо использовать технологии в рамках соответствующей дидактической системы, которая акцентирует внимание на онтопрактических проблемах и требует комплексного изучения тех или иных аспектов действительности. Особое значение при этом имеет решение задач, связанных с анализом и моделированием социокультурных объектов.

Список источников

1. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 96–122.
2. Hernández-Ramírez R. Technology and self-modification: understanding technologies of the self after Foucault // Journal of Science and Technology of the Arts. 2017. № 9 (3). С. 45–57. DOI: 10.7559/citarj.v9i3.423
3. Nygren K.G., Gidlund K.L. The Pastoral Power of Technology. Rethinking Alienation in Digital Culture // tripleC: Communication, Capitalism & Critique. 2012. Vol. 10 (2). С. 509–517. DOI: 10.31269/triplec.v10i2.388
4. Moore P., Robinson A. The Quantified Self: What Counts in the Neoliberal Workplace // New Media and Society. 2016. № 18 (11). С. 2774–2792. DOI: 10.1177/1461444815604328
5. Smail D. Power, Interest and Psychology: Elements of a Social Materialist Understanding of Distress. Ross-on-Wye : PCCS Books, 2009.
6. Bakardjieva M., Gaden G. Web 2.0 Technologies of the Self // Philosophy & Technology. 2011. № 25 (3). С. 399–413. DOI: 10.1007/s13347-011-0032-9
7. Gualeni S. Virtual Worlds as Philosophical Tools: How to Philosophize with a Digital Hammer. London : Palgrave MacMillan, 2015. DOI: 10.1057/9781137521781
8. Floridi L. Information Technology // A Companion to the Philosophy of Technology / ed. by J. Olsen, S. Pedersen, V. Hendricks. Massachusetts ; Oxford : Blackwell Publishing, 2009. P. 227–231. DOI: 10.1002/9781444310795.ch41
9. Pangrazio L., Selwyn N. 'Personal data literacies': A critical literacies approach to enhancing understandings of personal digital data // New Media and Society. 2019. Vol. 21, № 2. P. 419–437.
10. Pickering A. The Mangle of Practice. Time, Agency and Science, Chicago : University of Chicago Press, 1995.
11. Payne M. Narrative Therapy: An Introduction for Counsellors. 2nd ed. London : Sage, 2006.
12. Эльконин Б.Д. Продуктивное действие // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 1. С. 116–122. DOI: 10.17759/chp.2019150112
13. Deryabin A.A., Glukhov P.P. Regional and Urban Data Science Projects for Citizen and Youth Engagement // Education and City: Quality Education for Modern Cities : European Proceedings of Educational Sciences / eds. S. Vachkova, S.S. Chiang. European Publisher, 2022. Vol. 3. P. 41–48. DOI: 10.15405/epes.22043.4
14. Геоэкономика. Геополитика. Геокультура // Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов. 2005. URL: <https://goo.gl/h2CBRp> (дата обращения: 05.06.2023).
15. Humphreys P.C., Lorac C., Ramella M. Creative Support for Innovative Decisions // Journal of Decision Systems. 2001. Vol. 10 (2). P. 241–263. DOI: 10.3166/jds.10.241–263
16. Попов А.А., Аверков М.С., Дерябин А.А., Глухов П.П. Расширительные возможности цифровой дидактики в задачно-деятельностном подходе // Большие данные в образовании: доказательное развитие образования : сб. науч. ст. II междунар. конф., 15 октября 2021. С. 140–154.
17. Попов А.А., Ермаков С.В. Дидактика открытого образования. 3-е изд., испр. и доп. М. : НКЦ, 2020. 352 с.

18. Kahn J. Learning at the Intersection of Self and Society: The Family Geobiography as a Context for Data Science Education // *Journal of the Learning Sciences*. 2020. Vol. 29, № 1. P. 57–80.
19. Lee V.R., Wilkerson M.H., Lanouette K. A Call for a Humanistic Stance Toward K–12 Data Science Education // *Educational Researcher*. 2021. Vol. 50, № 9. P. 664–672 DOI: 10.3102/0013189X211048810
20. Попов А.А. Образование как онтопрактическое конструирование. Ч. 1 // Интерактивное образование : электрон. журн. 26.04.2021. URL: <https://interactiv.su/2021/04/26/образование-как-конструирование/> (дата обращения: 04.05.2023).

References

1. Foucault, M. (2008) *Tekhnologii sebya* [Technologies of the self]. *Logos*. 2(65). pp. 96–122.
2. Hernández-Ramírez, R. (2017) Technology and self-modification: understanding technologies of the self after Foucault. *Journal of Science and Technology of the Arts*. 9(3). pp. 45–57. DOI: 10.7559/citarj.v9i3.423
3. Nygren, K.G. & Gidlund, K.L. (2012) The Pastoral Power of Technology. Rethinking Alienation in Digital Culture. *TripleC: Communication, Capitalism & Critique*. 10(2). pp. 509–517. DOI: 10.31269/triplec.v10i2.388
4. Moore, P. & Robinson, A. (2016) 'The Quantified Self: What Counts in the Neoliberal Workplace.' *New Media and Society*. 18(11). pp. 2774–2792. DOI: 10.1177/1461444815604328
5. Smail, D. (2009) *Power, Interest and Psychology: Elements of a Social Materialist Understanding of Distress*. Ross-on-Wye: PCCS Books, 2009.
6. Bakardjieva, M. & Gaden, G. (2011) Web 2.0 Technologies of the Self. *Philosophy & Technology*. 25(3). pp. 399–413. DOI: 10.1007/s13347-011-0032-9
7. Gualeni, S. (2015) *Virtual Worlds as Philosophical Tools: How to Philosophize with a Digital Hammer*. London: Palgrave MacMillan. DOI: 10.1057/9781137521781
8. Floridi, L. (2009) Information Technology. In: Olsen, J., Pedersen, S. & Hendricks, V. (eds) *A Companion to the Philosophy of Technology*. Massachusetts; Oxford: Blackwell Publishing. pp. 227–31. DOI: 10.1002/9781444310795.ch41
9. Pangrazio, L. & Selwyn, N. (2019) 'Personal data literacies': A critical literacies approach to enhancing understandings of personal digital data. *New Media and Society*. 21(2). pp. 419–437.
10. Pickering, A. (1995) *The Mangle of Practice. Time, Agency and Science*. Chicago: University of Chicago Press.
11. Payne, M. (2006) *Narrative Therapy: An Introduction for Counsellors*. 2nd Edition. London: Sage.
12. Elkonin, B.D. (2019) Produktivnoe deystvie [Productive Action]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*. 15(1). pp. 116–122. (In Russian). DOI: 10.17759/chp.2019150112
13. Deryabin, A.A. & Glukhov, P.P. (2022) Regional and Urban Data Science Projects for Citizen and Youth Engagement. In: Vachkova, S. & Chiang, S.S. (eds) *Education and City: Quality Education for Modern Cities*. Vol 3. pp. 41–48. European Publisher. DOI: 10.15405/epes.22043.4
14. Federal Repository of the Unified Collection of Digital Educational Resources. (2005) *Geoekonomika. Geopolitika. Geokultura* [Geoeconomics. Geopolitics. Geoculture]. [Online] Available from: <https://goo.gl/h2CBRp> (Accessed: 5th June 2023).
15. Humphreys, P.C., Lorac, C. & Ramella, M. (2001) Creative Support for Innovative Decisions. *Journal of Decision Systems*. January. DOI: 10.3166/jds.10.241–263
16. Popov, A.A., Averkova, M.S., Deryabin, A.A. & Glukhov, P.P. (2021) Rasshiritel'nye vozmozhnosti tsifrovoy didaktiki v zadachno-deyatelnostnom podkhode [Expanding possibilities of digital didactics in the task-activity approach]. In: Fiofanova, O.A. (ed.) *Bol'shie dannye v obrazovanii: dokazatel'noe razvitiye obrazovaniya* [Big data in education: evidence-based development of education]. Moscow: Delo. pp. 140–154.
17. Popov, A.A. & Ermakov, S.V. (2020) *Didaktika otkrytogo obrazovaniya* [Didactics of Open Education]. 3rd ed. Moscow: NKTs.
18. Kahn, J. (2020) Learning at the Intersection of Self and Society: The Family Geobiography as a Context for Data Science Education. *Journal of the Learning Sciences*. 29(1). pp. 57–80.
19. Lee, V.R., Wilkerson, M.H. & Lanouette, K. (2021) A Call for a Humanistic Stance Toward K–12 Data Science Education. *Educational Researcher*. 50(9). pp. 664–672 DOI: 10.3102/0013189X211048810
20. Popov, A.A. (2021) *Obrazovanie kak ontoprakticheskoe konstruirovaniye* [Education as ontopractical construction]. *Interaktivnoye obrazovanie*. 26th April 2021. [Online] Available from: <https://interactiv.su/2021/04/26/obrazovanie-kak-konstruirovaniye/> (Accessed: 4th May 2023).

Сведения об авторе:

Дерябин А.А. – научный сотрудник Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия); ассистент кафедры социологии и массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). ID 0000-0002-8454-611X, Web of Science ResearcherID AAX-9230-2021, Scopus Author ID 57340520700. E-mail: andred@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Deryabin A.A. – researcher at Federal Institute for Education Development, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation); research assistant at the Department of Sociology and Mass Communication, Novosibirsk State Technical University, (Novosibirsk, Russian Federation). ORCID ID 0000-0002-8454-611X, Web of Science ResearcherID AAX-9230-2021, Scopus Author ID 57340520700. E-mail: andred@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.06.2023;
одобрена после рецензирования 11.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 02.06.2023;
approved after reviewing 11.07.2023; accepted for publication 18.08.2023*

Научная статья
УДК 304.2+378.4
doi: 10.17223/1998863X/74/9

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК ДОМИНИРУЮЩИЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Владимир Валерьевич Петров

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия;
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия, vvpetrov@mail.nsu.ru*

Аннотация. Показана специфика локализационных процессов, влияющих на образовательную политику. Обосновано, что отечественная система образования неизбежно подвергнется трансформации, но в рамках локализации по-прежнему будут доминировать уже разработанные глобализационные механизмы и стратегии, в рамках которых возможна ориентация преимущественно на национальные запросы.

Ключевые слова: высшая школа, регионализация, интернационализация

Для цитирования: Петров В.В. Локализация как доминирующий фактор развития национальных систем образования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 96–104. doi: 10.17223/1998863X/74/9

Original article

LOCALIZATION AS A DOMINANT FACTOR OF THE NATIONAL EDUCATION SYSTEMS' DEVELOPMENT

Vladimir V. Petrov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation;
Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation,
vvpetrov@mail.nsu.ru*

Abstract. The systemic transformations that took place at the turn of the 21st century left a serious imprint on the development of all domestic social institutions. Under the influence of globalization transformations, Russian higher education has largely rebuilt its own structure in accordance with “Western” models. The changed external conditions associated with forced localization lead to the need to transform the model of production organization and the translation of fundamental knowledge. Current requests addressed to the higher education system can be divided into two types: national and international. In the former case, the principle of regionalization becomes relevant, as a request is formed for the development of education in specific regions. In the latter case, the request is directed to the sphere of foreign policy and is largely due to relations with other states, which at the moment appear to be the top-priority subjects of cooperation. The processes of regionalization and localization are the result of global transformations, but, at the same time, they are significantly different. The first involves the implementation of globalization processes by expanding the range of participants, the second involves a change in the vector of interaction: the number of participants decreases, but the number of connections between participants increases, that is, characteristic features inherent in global processes are preserved. The current situation, in which all social institutions are involved, is a symbiosis

of globalization trends superimposed on the policy of reducing and concretizing interstate agreements and extremely overgrown digitalization traces that have created previously impossible ways of transmitting and processing information. Reorientation to other areas of international cooperation implies the implementation of systematic joint educational policies. Changing the vector of interaction will not entail a radical change in the principles of building the national educational process. The national education system will inevitably undergo transformation, but, within the framework of localization, the already developed globalization mechanisms and strategies will continue to dominate. Within them it is possible to focus mainly on the national demands of the Russian society without rejecting the demands of other national education systems, with which partnerships are predicted in the long term.

Keywords: higher education, regionalization, internationalization

For citation: Petrov, V.V. (2023) Localization as a dominant factor of the national education systems' development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 96–104. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/9

Системные трансформации, произошедшие на рубеже XX–XXI вв., наложили серьезный отпечаток на развитие всех отечественных социальных институтов. Российская образовательная политика¹, реализуемая на протяжении последних двух десятилетий, ориентировала отечественную высшую школу на вхождение в международное научно-образовательное пространство. В качестве одного из значимых критериев успешности российских университетов выступали их позиции в различных международных рейтингах [2]. Стремясь соответствовать предъявляемым критериям, ведущие российские университеты вынуждены были трансформироваться по образу и подобию зарубежных моделей, сформировавшихся под воздействием глобализационных преобразований. Вхождение России в Болонский процесс серьезно ускорило коренную перестройку отечественной высшей школы: хотя декларируемая цель во многом достигнута не была [3. С. 147], частичная унификация отечественных университетов в соответствии с европейскими и американскими моделями привела к слому доминировавшей в России русско-немецкой модели. Последующий во многом формальный выход Российской Федерации из Болонской системы весной 2022 г. [3. С. 147], связанный в том числе с процессами локализации, привел к необходимости смены вектора развития отечественной высшей школы. Проблему, затрагиваемую в данной работе, можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, под воздействием глобализационных преобразований российская высшая школа во многом перестроила собственную структуру в соответствии с западными (преимущественно европейскими и американскими) образцами, ориентируясь на вхождение в международное образовательное пространство; с другой стороны, изменившиеся внешние условия, связанные с принудительной локализацией, подразумевают трансформацию модели организации производства и трансляции фундаментального знания. В настоящий момент отсут-

¹ Мы разграничиваем понятия «образовательная политика» и «политика в области образования». Политика в области образования – это общая политика государства, но примененная к отдельной сфере общественной жизни – образованию. Она определяет стратегию образовательной деятельности, ее главные цели и задачи, охватывает всю совокупность мер, которые проводятся государством в отношении образования (включая воздействие других направлений внутренней российской политики: экономической, социальной, информационной и др.). Образовательная политика вырабатывается только применительно к сфере образования, включает тактику развития образования, конкретные цели, задачи, сроки, конкретных людей – организаторов процесса образования. Образовательная политика, в свою очередь, влияет на стратегию образования [1. С. 146].

ствуется четкое понимание, в каком направлении должны проводиться трансформационные преобразования и возможна ли очередная коренная перестройка отечественной высшей школы.

Для того чтобы понять, какие механизмы трансляции фундаментального знания могут быть использованы в стремительно изменившихся социокультурных условиях, необходимо обозначить последствия произошедших глобализационных преобразований и выявить суть процесса локализации применительно к отечественной высшей школе.

Как известно, систему образования можно рассматривать с точки зрения двух разных подходов: первый подразумевает систему как некую целостность, в которой элементы взаимозависимы друг от друга; второй же предполагает систему как множество элементов, включающее отношения этих элементов между собой. Мы будем придерживаться первого подхода, так как у второго есть значительный недостаток, который отмечает В.А. Якунин: при анализе системы как множества мы выделяем отдельные элементы как основу; для системы же генетически первичным является признак целостности. При этом элементы системы являются выделяемыми, т.е. она не является монолитной, и мы можем подвергать анализу отдельные ее составляющие [4. С. 24].

В то же время у термина «система образования» нет единой трактовки: он может трактоваться и как глобальная «единая планетарная образовательная система, которую составляют континентальные, национальные и региональные подсистемы» [5. С. 31], и как система непрерывного образования, и как синоним понятия «педагогическая система» [6. С. 3].

Несмотря на различие в подходах к определению, система образования и система подготовки кадров отражают конкретные оперативные (текущие) и, безусловно, перспективные потребности развития страны и ее экономики во всем их многоаспектном понимании [7. С. 123], что предполагает необходимость реагирования системы на актуальные запросы общества. В отечественных реалиях в начале XXI в. наиболее важные из подобных запросов были обусловлены государственными трансформациями, в том числе процессами глобализации. В частности, процесс вхождения Российской Федерации и ее институтов в Болонское пространство, который так и не был реализован в полной мере в России [2. С. 146], тем не менее привел к серьезнейшим изменениям в российской образовательной политике.

В формате данной работы мы не проводим анализ трансформации отечественной системы образования до и после присоединения Российской Федерации к Болонскому процессу, так как во многом институт образования стремится опираться на актуальные общественные запросы [8. С. 4]. Мы обращаем внимание на тот факт, что модернизация происходит не вследствие ухудшения системы, а из-за ее несоответствия социальному запросу. Это подтверждается рядом исследований, в которых отмечено, что государства, имеющие собственные образовательные традиции, настаивают на сохранении национальных приоритетов собственных образовательных программ, хотя и могут заимствовать зарубежные практики [8. С. 5]. С другой стороны, не унифицируя в целом национальные системы, но допуская возможность частичной интеграции, можно столкнуться с ошибками образовательной политики из-за обильного количества недостатков процесса [9. С. 181–184], таких

как, например, численный рост университетской бюрократии, сокращение влияния академического сообщества, расширение власти управленческого аппарата и др. [10. С. 299]. К сожалению, посредством реализации ряда непродуманных реформ в России был реализован наиболее примитивный путь интеграции, фактически разрушающий национальную систему образования [8. С. 6]. Тем не менее в рамках мировых трендов в России произошли следующие ключевые преобразования: во-первых, сформировалось глобальное коммуникативное пространство, оказавшее существенное влияние на все стороны жизни общества [8. С. 4]; во-вторых, глобализационная экономика потребовала изменения основных подходов к подготовке специалистов [11. С. 282]; в-третьих, формирование базовых профессиональных компетенций стало выступать в качестве приоритетной миссии [10. С. 301].

Другим, не менее важным, фактором, оказавшим серьезное влияние на институт образования, стала стремительная цифровизация всех сфер социальной жизни. Под цифровизацией в данной работе мы понимаем использование цифровых технологий в рамках определенной сферы (в данном случае – образования), адаптацию принципов ее работы в соответствии с представленными техническими средствами и перенос элементов данной сферы в цифровую среду. Цифровизация образования направлена в конечном итоге на формирование эффективного способа преподавания и обучения посредством создания новой образовательной среды с применением информационно-коммуникационных технологий. [12. С. 109–110].

Виртуальное пространство, активно развивающееся в настоящее время, также можно назвать цифровой средой, однако важно понимать, что речь идет не столько о технических средствах, сколько о межличностном взаимодействии, осуществляющемся посредством цифровых технологий. В этом плане для цифровых технологий важным является наличие внешних ограничений, препятствующих развитию физической коммуникации. В качестве примера можно привести пандемию COVID-19 как значительный фактор, способствующий интенсивной цифровизации: из-за различных ограничений, подразумевающих социальное дистанцирование, учебным заведениям пришлось стремительно адаптироваться к сложившейся ситуации невозможности проведения очных занятий. «Принудительная цифровизация» во многом стала вынужденной мерой, но при этом, несмотря на краткосрочность данного периода, инертная система отечественного образования смогла адаптироваться и оказалась способной к организации дистанционных занятий в большем масштабе и на гораздо более высоком уровне, нежели до пандемии. Примечательным становится тот факт, что вызвавшие данный запрос факторы уже изменились либо полностью прекратили свое влияние, однако разработанные и успешно апробированные технологии взаимодействия в рамках системы образования по-прежнему достаточно широко используются для решения ряда задач, не связанных с пандемийными ограничениями.

Обращаясь к вопросам глобализации, отметим, что из-за ситуации на мировой арене был заблокирован ряд направлений по реализации образовательных услуг. Апогеем этого стал выход Российской Федерации из Болонского процесса, что означает переход от глобализационных стратегий к локализации образования. В случае же с цифровизацией ситуация, скорее, обратная. Из-за все более и более увеличивающихся темпов внедрения высо-

ких технологий во все сферы общественной жизни влияние данного фактора лишь обострилось, что вылилось в конфликт между привычной системой высшего образования и характерной для последнего десятилетия системой онлайн-взаимодействия.

Говоря о локализации образования, необходимо конкретизировать причины выбора именно такого термина. В данной работе мы говорим о явлении, подразумевающим отказ от глобализации как от процесса всемирной интеграции и унификации [13. С. 12]. Но при этом воспринимать термин «локализация» как антоним «глобализации» также является некорректным. В данном случае речь идет не о разрыве контактов на мировой арене, а о сокращении их количества до определенных государств; тем не менее в рамках оставшихся межгосударственных взаимодействий сохраняются характерные для глобализации интеграция и унификация. В связи с этим некорректно использовать и термин «национализация», так как, несмотря на необходимость адаптации системы образования, изменения не подразумевают общеизоляционистского характера. Теоретически для описания произошедших качественных изменений можно обратиться к термину «регионализация», однако здесь важна и его трактовка. Распространены два основных подхода к его пониманию: первый предполагает создание различных политических союзов и объединений, при этом каждая страна, входящая в данные объединения, является «инициатором глобализации» [14. С. 47]; т.е. под регионализацией подразумевается четкий вектор в рамках процесса глобализации, определяющий основных союзников. Вторая же трактовка предполагает путь, схожий с национализацией, однако в данном случае это обусловлено не изоляцией от других систем, а сохранением региональных особенностей [15. С. 228]. Исходя из данных трактовок, термин «локализация» зачастую используется в качестве синонима «регионализации» (во второй трактовке, так как делается акцент на сохранение культурных особенностей тех или иных регионов). Так, например, исследователи характеризуют политику Китая применительно к образованию, называя подобную стратегию «китайский стиль – западный опыт» [16. С. 192]. Тем не менее в данной работе мы предлагаем несколько иное понимание данного понятия: озвученная трактовка предполагает изначальную ориентацию на поддержание характерных особенностей региона (национальная образовательная система, специфические черты образования в конкретном регионе и т.д.). Мы подразумеваем под локализацией переориентацию имеющейся системы. В данном случае имеет место регионализационный характер процесса, так как при таком подходе локализация также подразумевает реализацию образовательной политики через союзы и объединения. При этом мы акцентируем внимание именно на сокращении направлений коммуникации.

Данное уточнение имеет принципиальное значение. Процессы регионализации и локализации являются следствием глобальных преобразований, но при этом имеют значительное отличие. Первый предполагает реализацию глобализационных процессов путем расширения спектра участников, а второй – изменение вектора взаимодействия: уменьшается количество участников, но количество связей между участниками увеличивается, т.е. характерные черты, присущие глобальным процессам, сохраняются.

Таким образом, актуальные запросы, адресованные системе высшего образования, можно подразделить на два типа: национальные и интернацио-

нальные. В первом случае становится актуальным принцип регионализации, так как формируется запрос на развитие образования в конкретных регионах. В данном случае регионализация способствует поддержанию академического лидерства, что обеспечивает общий рост качества образования в стране. Данное обстоятельство, в свою очередь, может способствовать как общему развитию государства, так и улучшению ситуации в регионах [17. С. 161]. Значимой становится и тенденция на кластеризацию образования [18. С. 5]; кластером в данном случае является «совокупность взаимосвязанных учреждений профессионального образования, объединенных по отраслевому признаку, предприятий соответствующей отрасли и иных заинтересованных сторон» [19. С. 398]. Среди преимуществ данного подхода выделяют возможность аккумуляции ресурсов вузов, интеграцию образовательных элементов, перспективы так называемого *resource sharing* – совместного использования образовательных технологий и ресурсов учреждений, входящих в кластер [18. С. 5]. В рамках регионализации подобные явления приобретают качественные улучшения, так как развитие как центральных, так и региональных учебных заведений способствует общему экономическому развитию на всех уровнях.

Под интернациональными запросами мы подразумеваем те, что направлены на сферу внешней политики и во многом обусловлены отношениями с другими государствами. В данном случае за счет переориентации на иные направления международного сотрудничества наиболее важной задачей становится развитие контактов с теми государствами, которые в данный момент предстают наиболее приоритетными субъектами сотрудничества. В контексте образования это формирует ряд следующих задач: расширение языковой подготовки в вузах (опираясь на наиболее приоритетные страны), акцент на специализациях, востребованных в тех государствах, сотрудничество с которыми является наиболее перспективным, а также развитие программ обмена для привлечения иностранных студентов. Процесс решения данных задач подразумевает реализацию систематических совместных образовательных политик [20, 21]. В качестве примера успешной реализации данного подхода можно привести договор с Китаем «О правовой помощи по гражданским и уголовным делам» [22], который в том числе предполагает возможность легитимизации документов об образовании обеих стран друг другом.

Соответственно, смена вектора взаимодействия не повлечет за собой радикального изменения принципов построения национального образовательного процесса; напротив, если отследить тенденции, оказывающие влияние на общество в течении последних двадцати лет, мы можем заметить, что наиболее влиятельными из них следует считать глобализацию и цифровизацию. Первая в начале XXI в. способствовала всесторонним контактам между государствами, налаживанию связей и союзов; вторая же является естественным следствием развития технологий, улучшающих и дополняющих многие сферы жизни человека. Впоследствии оба фактора могут претерпеть изменения – как из-за естественного развития (например, в контексте глобализации невозможно осуществлять бесконечное расширение контактов при наличии ограниченного числа потенциальных союзников), так и из-за ответов социума на обстоятельства, вызванные данными тенденциями. Произошедшая локализация является следствием столкновения глобализационных тенденций с изменениями в социально-политической обстановке на планете; цифровизация

же дошла до невероятных масштабов, порождая все больше новых специфических обстоятельств. Актуальная ситуация, в которую вовлечены все социальные институты (а следовательно, и система образования), представляет собой симбиоз глобализационных тенденций, наложенных на политику сокращения и конкретизацию межгосударственных договоров и чрезвычайно разросшихся следов цифровизации, создавших ранее невозможные способы передачи и обработки информации. Отечественная система образования неизбежно подвергнется трансформации, но в рамках локализации по-прежнему будут доминировать уже разработанные глобализационные механизмы и стратегии, в рамках которых возможна ориентация преимущественно на национальные запросы российского общества, без отторжения запросов других национальных систем образования, с которыми в долгосрочной перспективе прогнозируются партнерские отношения.

Список источников

1. *Петров В.В.* Университетские системы в трансформирующихся обществах. Новосибирск : Манускрипт, 2020. 324 с.
2. *Проект* повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров. URL: <http://5top100.ru/> (дата обращения: 18.06.2022).
3. *Петров В.В.* За пределами Болони: перспектива развития отечественных университетов в условиях локализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 142–150.
4. *Якунин В.А.* Обучение как процесс управления. Психологические аспекты. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 160 с.
5. *Свиридов О.А.* Теория и методология функционирования образовательных систем : дис. ... д-ра экон. наук. Йошкар-Ола, 2006. 363 с.
6. *Чечель И.Д., Потемкина Т.В.* Образовательная система: многообразие значений, особенности функционирования // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. Т. 2 (10). 15 с.
7. *Удалов Ф.Е., Алехина О.Ф., Рыбакова И.В.* О системе образования и подготовки кадров // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2020. № 3 (82). С. 122–127.
8. *Миронов В.В.* Болонский процесс и национальная система образования // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. Т. 1, № 2. С. 4–8.
9. *Эзрох Ю.С.* Болонская система высшего образования в России: мифы и реальность // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2016. № 2 (500). С. 172–185.
10. *Путинцева Н.А.* Болонская система – образование новой реальности // Обучение и воспитание : методики и практика. 2013. № 10. С. 297–301.
11. *Максимова Ю.С.* Об эффективности внедрения Болонской системы и английского языка как средства преподавания в Российских вузах // KANT. 2021. № 1 (38). С. 281–287.
12. *Колганов Е.А., Лехмус М.Ю., Сафуанов Р.М.* Цифровизация системы образования // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер. Экономика. 2019. № 2 (28). С. 108–113.
13. *Глебов Г.И., Милаева О.В.* Современные международные отношения. Пенза : Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2010. 98 с.
14. *Арасланова А.А.* Регионализация высшего образования в контексте повышения доступности образования и обеспечения равных возможностей // Проблемы и перспективы образования в России. 2010. № 3. С. 46–57.
15. *Хаминов Д.В.* Историческое образование и наука в советской высшей школе: региональный аспект (на материалах сибирского научно-образовательного комплекса). Томск : ТГУ, 2019. 720 с.
16. *Сунь Янь.* Локализация и интернационализация образования и его значение в культурных инновациях Китая // Материалы международной IX научной конференции: «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации». Чита : Забайкальский гос. ун-т, 2018. С. 189–201.
17. *Воденко К.В.* Регионализация государственной политики в сфере высшего образования в контексте становления академического лидерства // Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 156–168.

18. Попова Е.В. Инновации в развитии высшего образования в цифровой экономике // Инновации и инвестиции. 2023. № 1. С. 4–8.
19. Кетова Н.П., Вэй Синьчжэ. Образовательные кластеры в России и Китае: формирование, управление, стратегии развития // Креативная экономика. 2021. № 2. С. 393–410.
20. Минобрнауки России подпишет программу научно-технического сотрудничества с Таиландом // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/67162/> (дата обращения: 11.01.2023).
21. Образование, наука и гранты: Минобрнауки России намерено расширить сотрудничество с Индией // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/66883/> (дата обращения: 15.12.2022).
22. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901090> (дата обращения: 14.01.2023).

References

1. Petrov, V.V. (2020) *Universitetskie sistemy v transformiruyushchikhsya obshchestvakh* [University systems in transforming societies]. Novosibirsk: Manuscript.
2. Stop100.ru. (n.d.) *Proekt povysheniya konkurentosposobnosti vedushchikh rossiyskikh universitetov sredi vedushchikh mirovykh nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov* [A project to increase the competitiveness of leading Russian universities among the world's leading scientific and educational centers]. [Online] Available from: <http://Stop100.ru/> (Accessed: 18.06.2022).
3. Petrov, V.V. (2023) Outside Bologna: National universities' development perspective in the localization context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 72. pp. 142–150. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/72/13
4. Yakunin, V.A. (1988) *Obuchenie kak protsess upravleniya. Psikhologicheskie aspekty* [Learning as a management process. Psychological aspects]. Leningrad: Leningrad State University.
5. Sviridov, O.A. (2006) *Teoriya i metodologiya funktsionirovaniya obrazovatel'nykh sistem* [Theory and methodology of the functioning of educational systems]. Economy Dr. Diss. Yoshkar-Ola.
6. Chechel, I.D. & Potemkina, T.V. (2012) *Obrazovatel'naya sistema: mnogoobrazie znacheniy, osobennosti funktsionirovaniya* [Educational system: variety of meanings, features of functioning]. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2(10). p. 40.
7. Udalov, F.E., Alekhina, O.F. & Rybakova, I.V. (2020) O sisteme obrazovaniya i podgotovki kadrov [On the system of education and training]. *Promyshlennost': ekonomika, upravlenie, tekhnologii*. 3(82). pp. 122–127.
8. Mironov, V.V. (2006) Bolonskiy protsess i natsional'naya sistema obrazovaniya [The Bologna Process and the National Education System]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(2). pp. 4–8.
9. Ezrokh, Yu.S. (2016) Bolonskaya sistema vysshego obrazovaniya v Rossii: mify i real'nost' [The Bologna system of higher education in Russia: Myths and reality]. *Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal EKO*. 2(500). pp. 172–185.
10. Putintseva, N.A. (2013) Bolonskaya sistema – obrazovanie novoy real'nosti [The Bologna system – the formation of a new reality]. *Obuchenie i vospitanie: metodiki i praktika*. 10. pp. 297–301.
11. Maksimova, Yu.S. (2021) Ob effektivnosti vnedreniya Bolonskoy sistemy i angliyskogo yazyka kak sredstva prepodavaniya v Rossiyskikh vuzakh [On the effectiveness of the introduction of the Bologna system and the English language as a means of teaching in Russian universities]. *KANT*. 1(38). pp. 281–287.
12. Kolganov, E.A., Lekhmus, M.Yu. & Safuanov, R.M. (2019) Tsifrovizatsiya sistemy obrazovaniya [Digitalization of the education system]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika*. 2(28). pp. 108–113.
13. Glebov, G.I. & Milaeva, O.V. (2010) *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya* [Modern international relations]. Penza: Penza State University.
14. Araslanova, A.A. (2010) Regionalizatsiya vysshego obrazovaniya v kontekste povysheniya dostupnosti obrazovaniya i obespecheniya ravnymkh vozmozhnostey [Regionalization of higher education in the context of increasing the accessibility of education and ensuring equal opportunities]. *Problemy i perspektivy obrazovaniya v Rossii*. 3. pp. 46–57.

15. Khaminov, D.V. (2019) *Istoricheskoe obrazovanie i nauka v sovetskoj vysshey shkole: regional'nyy aspekt (na materialakh sibirskogo nauchno-obrazovatel'nogo kompleksa)* [Historical Education and Science in the Soviet Higher School: Regional Aspect (Based on the Materials of the Siberian Scientific and Educational Complex)]. Tomsk: Tomsk State University.
16. Sun Yan. (2018) Lokalizatsiya i internatsionalizatsiya obrazovaniya i ego znachenie v kul'turnykh innovatsiyakh Kitaya [Localization and internationalization of education and its significance in the cultural innovations of China]. *Aktual'nye problemy razvitiya KNR v protsesse ee regionalizatsii i globalizatsii* [Topical Problems of China's Development in the Process of its Regionalization and Globalization]. Proc. of the 9th International Conference. Chita: Transbaikalian State University. pp. 189–201.
17. Vodenko, K.V. (2021) Regionalizatsiya gosudarstvennoy politiki v sfere vysshego obrazovaniya v kontekste stanovleniya akademicheskogo liderstva [State policy regionalization in higher education in the context of academic leadership formation]. *Voprosy upravleniya*. 1(68). pp. 156–168.
18. Popova, E.V. (2023) Innovatsii v razvitiy vysshego obrazovaniya v tsifrovoy ekonomike [Innovations in the development of higher education in the digital economy]. *Innovatsii i investitsii*. 1. pp. 4–8.
19. Ketova, N.P. & Wei Xinzhe. (2021) Obrazovatel'nye klasteri v Rossii i Kitae: formirovanie, upravlenie, strategii razvitiya [Educational clusters in Russia and China: formation, management, development strategies]. *Kreativnaya ekonomika*. 2. pp. 393–410.
20. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (n.d.) *Minobrnauki Rossii podpiset programmu nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva s Tailandom* [The Ministry of Education and Science of Russia to sign a program of scientific and technical cooperation with Thailand]. [Online] Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/67162/> (Accessed: 11th January 2023).
21. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. (n.d.) *Obrazovanie, nauka i granty: Minobrnauki Rossii namereno rasshirit' sotrudnichestvo s Indiy* [Education, Science and Grants: The Russian Ministry of Education and Science intends to expand cooperation with India]. [Online] Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/66883/> (Accessed: 15th December 2022).
22. Cntd.ru. (n.d.) *Dogovor mezdu Rossiyskoy Federatsiei i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy o pravovoy pomoshchi po grazhdanskim i ugovnym delam* [Treaty between the Russian Federation and the People's Republic of China on legal assistance in civil and criminal cases]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/1901090> (Accessed: 14th January 2023).

Сведения об авторе:

Петров В.В. – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры социальной философии и политологии Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Petrov V.V. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, senior researcher, Department of Social and Legal Research, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); associate professor, Department of Social Philosophy and Political Science, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: vvpetrov@mail.nsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.06.2023;
одобрена после рецензирования 11.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 05.06.2023;
approved after reviewing 11.07.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 167.7

doi: 10.17223/1998863X/74/10

ПОДХОД К ТЕОРЕТИЗАЦИИ СЛОЖНЫХ ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Николай Сергеевич Розов

*Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия;
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск,
Россия, nrozov@gmail.com*

Аннотация. Изложен подход к интеграции разнородных методов и процедур для теоретического исследования больших и сложных предметных областей. В качестве основы взяты разнородные идеи классической и современной методологии науки (Ч. Пирс, К. Гемпель, Р. Коллингвуд, Ст. Тулмин, И. Лакатос, У. Куайн, Ч. Рэгин, Л. Фогелин, Д. Кампанаро).

Ключевые слова: сложные предметные области, наилучшее объяснение, абдукция, гипотетико-дедуктивный метод, качественный сравнительный анализ

Для цитирования: Розов Н.С. Подход к теоретизации сложных предметных областей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 105–112. doi: 10.17223/1998863X/74/10

Original article

THEORIZATION OF COMPLEX SUBJECT AREAS

Nikolai S. Rozov

*Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation,
nrozov@gmail.com*

Abstract. The article outlines an approach to integrating heterogeneous methods and procedures for theoretical investigation of large and complex subject areas. Seemingly heterogeneous ideas of classical and modern scientific methodology are taken as a basis. In the study of private phenomena, along with relevant methods of obtaining and processing data, abduction is used as “inference to the best explanation” through a systematic comparison with alternative explanations according to given criteria (Peirce, Quine, Fogelin, Campanaro). The importance of applying the classical inductive methods of Bacon-Mill is shown. The research also includes parallel advancement at high levels of abstraction: general questions are posed regarding the structural elements and main processes in the subject area under study (“question logic” according to Collingwood), previously grounded principles and laws are taken into account in the chosen research program (Lakatos), conceptual constructions are constructed as heuristic means of understanding and explaining (Toulmin). All these ideas are also used to obtain the “best explanation” of specific phenomena. It may be quite sufficient, but it cannot be considered reliably substantiated (proven). When more reliable knowledge is needed, depending on the nature of available data, different methods are used, among which QCA (Qualitative Comparative Analysis, Ragin et al.) and the hypothetico-deductive explanatory scheme (Hempel) in an extended version are indicated as promising for polar types of cognitive situations. The QCA method is becoming increasingly

widespread, especially in sociological and political science research. The essence of the method consists in finding the cause of a phenomenon as a complex combination of presence / absence of features (binary values of hypothetical factors) in its conditions through a number of operations, such as: distinguishing two groups of “positive” and “negative” cases; building a double table, as in the combined Bacon-Mill similarity and difference method; formally representing each case through a combination (logical multiplication) of presence / absence factors in Boolean algebra apparatus; constructing and simplifying general formulas; conceptual interpretation. The considered approaches to the study of a complex subject area are combined in a single scheme presented graphically. The first stage consists in obtaining the best explanation of a particular group of phenomena and in strict justification of this explanation through deduction from new theoretical statements. The second stage combines the nomological method of Hempel and the qualitative comparative approach by Ragin. The conditions contributing to meaningful theoretical hypotheses are discussed.

Keywords: complex subject areas, discovery context, justification context, best explanation, abduction, hypothetico-deductive method, qualitative comparative analysis

For citation: Rozov, N.S. (2023) Theorization of complex subject areas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 105–112. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/10

Необходимость интеграции общих и частных объяснений

Сложные предметные области определим как охватывающие обширное разнообразие явлений, которые не только генетически и причинно связаны между собой, но также переживают эволюционные (в том числе накопительные, катастрофические, циклические) изменения в разных масштабах времени. К таким областям, в частности, относятся геологические изменения, трансформации природных ландшафтов и крупных экосистем, биологическая эволюция вообще и эволюция отдельных групп таксонов, антропогенез, происхождение языка, когнитивная эволюция человека, крупные сферы преистории и (письменной) истории и др.

В плане эпистемологии специфика таких областей состоит в неизбежных разрывах и напряженности между частными исследованиями малых отдельных и общим осмыслением, пониманием сущности, структуры, динамики и эволюции крупных целостностей и процессов. Именно плотная связанность явлений и сложная динамика, эволюция процессов в таких областях диктуют необходимость интеграции методов объяснения.

Абдукция и «наилучшие объяснения»

Все более популярным становится метод *абдукции*, который теперь обычно трактуется как «умозаключение к наилучшему объяснению».

«Абдукция – это метод составления общего предсказания без положительной уверенности, что оно будет успешным в каком-то отдельном случае; обычно его оправданием является то, что это единственно возможная надежда рационального регулирования нашего будущего поведения, и что индукция из прошлого опыта дает нам серьезное основание надеяться, что он будет успешным и в будущем» [1. С. 199].

Наилучшие объяснения, т.е. наиболее правдоподобные, убедительные, получившие множественные преимущества над альтернативами, требуются при выявлении единичных причин в частных случаях, а также при осмыслении крупных процессов и целостностей [2–4].

Критерии *наилучшего объяснения*, по Фогелину, включают:

- 1) эмпирическую широту (для множественных явлений);
- 2) общность (для разнообразия явлений);
- 3) скромность (не объяснять лишнее, не выходить за границы);
- 4) опровержимость (сходно с фальсифицируемостью по К. Попперу);
- 5) консерватизм (не отбрасывать ранее надежно установленные объяснения или принципы);
- 6) простоту (сходно с «экономией мышления» и «бритвой Оккама»);
- 7) множественность контрастов (в других условиях должно было происходить иначе, что подтверждено) [3. Р. 618–620].

Потребности практики, особенно в вопросах экологии, безопасности, общественного здоровья, также диктуют достижение большей строгости, убедительности, даже доказательности научных результатов.

Следует отметить расплывчатость методологического статуса *наилучшего объяснения*: является ли оно частным объяснением конкретного случая или общим теоретическим объяснением случаев такого типа? Судя по всему, эта расплывчатость неслучайна. Речь должна идти о некоем промежуточном варианте, который можно выразить так: «Данное явление **В** объясняется такой причиной **А**, поскольку в подобных случаях обычно такая причина и действует». С одной стороны, научная значимость таких объяснений выше, чем узких объяснений *ad hoc*, с другой стороны, здесь нет строгой доказательности, нет общего теоретического обоснования, а значит, нет *полноценного научного объяснения* [5].

Сочетание «мягких и жестких» методов

Если разделить «контекст открытия» и «контекст обоснования» [6], то к первому следует отнести «мягкие» способы получения *наилучшего объяснения* путем абдукции, тогда как второй «контекст» требует более строгих, «жестких» методов, прежде всего гипотетико-дедуктивного подхода в духе *номологии* [5] и систематических сравнений, соединяющих индуктивные методы с формализацией [7].

Теоретическое исследование сложных предметных областей требует на разных своих этапах *совмещения разнородных методологических идей*, которые долгое время считались антагонистическими и несовместимыми.

Явная фиксация исследовательских вопросов позволяет более прицельно *выбирать базовые понятия, исходные принципы, онтологию* (составляющие ядра исходной исследовательской программы, или парадигмы¹). В исторических и социальных исследованиях привлекаются как общенаучные парадигмы, теории, принципы (эволюционные, системные, функционалистские, динамические), так и специальные (социологические, экономические, психологические, культурологические). Применение таких абстрактных знаний в предметных исследованиях области предполагает их конкретизацию и синтез. Так строятся *предметные понятийные конструкции, модели, или концепты*, соединяющие абстракции с доступными эмпирическими данными и их обобщениями.

¹ Далее для краткости будем использовать термин Т. Куна «парадигма», но со значением «научной исследовательской программы» как прогрессирующей последовательности все более совершенных теорий – по И. Лакатосу [8].

В последующем анализе групп явлений, требующих теоретического объяснения, эти концепты, будучи своего рода каркасами взаимосвязанных понятий, позволяют задавать «хорошие вопросы» [9] и служат подсказками для формулирования гипотез.

Выявление общих причин явлений: почему номология и систематические сравнения обязательны

Под номологией здесь понимается ключевая идея объяснительного подхода К. Гемпеля о необходимости сочетания общего суждения («охватывающего закона» либо «универсальной гипотезы») и начальных условий в качестве предпосылок для дедуктивного вывода суждения об объясняемом или прогнозируемом явлении [5].

С одной стороны, строгое доказательство каких-либо научных суждений не представляется возможным без дедукции. С другой стороны, противники дедуктивного подхода (среди которых весьма активны как раз приверженцы *умозаключений к наилучшему объяснению*) справедливо указывают, что сам по себе дедуктивный вывод не ведет к приращению знания, поскольку в предпосылке уже скрыт результат вывода [3].

Известное решение состоит в творческом подъеме на более высокий уровень общности, абстрактности и формулировании «универсальной» гипотезы (далее будем называть ее теоретической) [5, 10].

Необходимой стороной в «контексте обоснования» являются систематические сравнения. Будучи противниками сравнений, приверженцы идиографии в классическом и до сих пор не завершенном *Spore о методе* (Methodenstreit) ратуют за детальный и глубокий анализ, интерпретацию единичных и уникальных случаев [11]. Однако сколь угодно детальный *анализ единичного случая принципиально не позволяет отделить существенное от несущественного*. Отделить сущности от привходящих случайных моментов позволяет именно систематическое сравнение разных случаев проявлений этих сущностей.

Систематические сравнения – «машина» по производству и проверке нетривиальных гипотез

Метод *качественного сравнительного анализа* (QCA – Qualitative Comparative Analysis) неоднократно описан в том числе в отечественной литературе и с иллюстрациями применения [7, 11, 12]. Метод все шире распространяется, особенно в социологических и политологических исследованиях, множатся его версии, модификации, совмещения с другими подходами [13].

Суть метода в его исходной, уже классической форме состоит в поиске причины явления как сложного сочетания наличия / отсутствия признаков (бинарных значений гипотетических факторов) в его условиях через выполнение следующих основных операций:

- построение генеральной совокупности случаев с изучаемым явлением;
- выделение двух групп «положительных» и «отрицательных» случаев (есть объясняемое явление или его нет, но могло бы быть), причем выбираются наиболее яркие, показательные случаи с достаточными данными о их условиях;

- построение двойной таблицы, как в соединенном методе сходства и различия Бэкона–Милля (в строках – «положительные» и «отрицательные» случаи, в столбцах – значения факторов: 1 – присутствие, 0 – отсутствие);

- формальное представление каждого случая через сочетание (логическое умножение) присутствия / отсутствия факторов в аппарате Булевой алгебры (большие буквы означают присутствие фактора, малые – отсутствие);

- построение общих формул как логического сложения так представленных случаев (отдельно для «положительных» и «отрицательных»);

- упрощение формул через факторизацию, устранение тавтологий и выявление «первичных импликантов» с максимальным «покрытием»;

- интерпретация получившегося решения, содержательный анализ взаимосвязи выявленных сочетаний, возможная переформулировка факторов с повторением цикла процедур;

- придание формуле статуса теоретической гипотезы, проверка ее на других случаях из генеральной совокупности;

- выявление аномалий (случаев, противоречащих гипотезе) и их преодоление через устранение логических ошибок, переформулировку факторов, повторные исследования и т.д.;

- численные уточнения выявленной закономерности (более детально см.: [11. С. 206–212, 271–321]).

Разумеется, полученное ранее методом абдукции «наилучшее объяснение» здесь используется в первую очередь, будучи разложенным на отдельные бинаризованные факторы.

Также проверке подлежит множество факторов из альтернативных объяснений, из эвристик, понятийных конструкций и релевантных парадигм в теоретическом слое. Именно систематический учет факторов с возможностями проверки на всей генеральной совокупности случаев обеспечивает гораздо большую обоснованность полученных этим методом объяснений по сравнению с результатом абдукции.

Если косвенными данными и общими принципами подкрепляется *теоретическая гипотеза*, то тем самым становятся более правдоподобными суждения интересующей нас *эмпирической гипотезы* [14].

Если гипотеза не подкрепляется, то следует искать другое содержательное объяснение, переформулировать и вновь проверять гипотезу [10. С. 226]. Кроме того, появляются богатые возможности варьирования условий.

Контурсы развития исследовательской программы и прорыв к теории

Объединим в одной схеме получение наилучшего объяснения частной группы явлений и строгое обоснование этого объяснения через дедукцию из новых теоретических положений, имеющих самостоятельную ценность. На втором – теоретическом – этапе также объединим полярные подходы: применение номологического метода К. Гемпеля и исходную версию качественного сравнительного подхода по Ч. Рэгину (рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь основных этапов исследования сложной предметной области. Этап абдукции представлен как левый нижний контур. Заштрихованные блоки означают результаты: теоретически фундированные объяснения конкретных явлений (итог правого нижнего контура движения по часовой стрелке) и уточнения общих теоретических знаний (итог верхнего контура против часовой стрелки).

Путь к открытию – интеллектуальные условия успешной интуиции

Научное исследование, как и всякое другое ремесло, с необходимостью включает множество однотипных, стандартных действий, овладение которыми требует специального образования, непосредственного обучения у «мастера», нескольких лет практического опыта. Самой проблемной и туманной остается область творческого поиска. Именно в этом пункте в известных реальных, а также легендарных описаниях открытий чаще всего фигурируют случайные образы (типа «упавшего на Ньютона яблока»), метафоры, сны и т.п. Здесь господствуют нарративы от «принципиальной непознаваемости творческого импульса» до «подключения к космическому или божественному Разуму».

В методологии изучения сложных предметных областей камнем преткновения остается прорыв к идее, содержанию теоретической гипотезы или адекватному перечню правильно сформулированных гипотетических причинных факторов. Когда этот шаг сделан, далее уже обращаются к надежной «технике», которая (при доступе к данным, разумеется), как по рельсам, приведет к тем или иным обоснованным результатам.

Две заштрихованные стрелки к блоку гипотез (см. рис. 1) не могут означать ни корректный дедуктивный вывод, ни корректное индуктивное обобщение, они служат лишь «подсказками», эвристиками, причем без какой-либо гарантии успеха.

Творческий компонент в человеческом познании никогда не будет полностью алгоритмизирован. Однако нет запрета на выявление и даже конструирование условий, облегчающих поиск.

Главной подсказкой для формирования таких условий является необходимость упорного и разнообразного сопоставления явлений из блока «Конкретные знания» с концептами и эвристиками блока «Теоретические знания» (см. рис. 1). Именно на этом пути больше всего шансов получить интуитивное понимание внутренней природы явлений (часто вначале лишь через смутные образы или метафоры), которые подлежат дальнейшей артикуляции, экспликации в формулировках теоретической гипотезы или перечня поразному сочетающихся гипотетических факторов.

Далеко не все знания удается эффективно эксплицировать. Тем более не поддаются формализации целостные, интуитивные представления экспертов, специалистов, полученные в долгом опыте и в общении с коллегами. Разработка подходов к исследованию сложных предметных областей имеет богатую историю, однако настоящий потенциал эффективности таких подходов еще предстоит раскрыть. Шагом на этом пути призваны стать предложенные выше идеи и модели интегративного подхода к построению частных объяснений и общих теорий в таких областях.

Список источников

1. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М. : Логос, 2000.
2. Рузавин Г.И. Абдукция и методология научного поиска // Эпистемология и философия науки. 2005. № 6 (4). С. 18–37.
3. Fogelin L. Inference to the Best Explanation: A Common and Effective Form of Archaeological Reasoning // American Antiquity. 2008. Vol. 72, № 4. P. 603–625.
4. Campanaro D.M. Inference to the Best Explanation (IBE) and archaeology: Old tool, new model // European Journal of Archaeology. 2021. Vol. 24, № 3. P. 412–432.
5. Гемпель К. Функция общих законов в истории (первоначально опубликовано в 1942 г.) // Время мира. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. С. 16–31.
6. Reichenbach H. Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. University of Chicago Press, 1938.
7. Ragin C.C. The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley : University of California Press, 1987.
8. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М. : Медиум, 1995.
9. Коллингвуд Р. Идея истории. Автобиография / пер. с англ. Ю.А. Асеева. М. : Наука, 1980.
10. Тулмин С. Человеческое понимание. М. : Прогресс, 1984.
11. Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2009.
12. *Configurational comparative methods* / eds. B. Rihoux, C.C. Ragin. London : Sage, 2008.
13. Маркс А., Рюу Б., Рэйгин Ч. Истоки, развитие и применение качественного сравнительного анализа: опыт первых 25 лет // Политическая концептология. 2017. № 1. С. 57–86.
14. Stinchcombe A. Constructing Social Theories. Chicago ; London : University of Chicago Press., 1987.

References

1. Piers, Ch.S. (2000) *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works]. Moscow: Logos.
2. Ruzavin, G.I. (2005) *Abduksiya i metodologiya nauchnogo poiska* [Abduction and Methodology of Scientific Search]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 6(4). pp. 18–37.

3. Fogelin, L. (2008) Inference to the Best Explanation: A Common and Effective Form of Archaeological Reasoning. *American Antiquity*. 72(4). pp. 603–625.
4. Campanaro, D.M. (2021) Inference to the Best Explanation (IBE) and archaeology: Old tool, new model. *European Journal of Archaeology*. 24(3). pp. 412–432. DOI: 10.1017/ear.2021.6
5. Hempel, K. (2000) Funktsiya obshchikh zakonov v istorii (Pervonachal'no opublikovano v 1942 g.) [The Function of General Laws in History (originally published in 1942)]. In: Hempel, K. et al. *Vremya mira* [Time of the World]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograph. pp. 16–31.
6. Reichenbach, N. (1938) *Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge*. University of Chicago Press.
7. Ragin, C.C. (1987) *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.
8. Lakatos, I. (1995) *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program* [Falsification and methodology of research programs]. Translated from Hungarian. Moscow: Medium.
9. Collingwood, R. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Translated from English by Yu.A. Aseev. Moscow: Nauka.
10. Tulmin, St. (1984) *Chelovecheskoe ponimanie* [Human Understanding]. Moscow: Progress.
11. Rozov, N.S. (2009) *Istoricheskaya makrosotsiologiya: metodologiya i metody* [Historical Macrosociology: Methodology and Methods]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
12. Rihoux, B. & Ragin, C.C. (ed.) (2008) *Configurational Comparative Methods*. London: Sage.
13. Marx, A., Ryu, B. & Ragin, Ch. (2017) Istoki, razvitie i primeneniye kachestvennogo sravnitel'nogo analiza: opyt pervykh 25 let [Origins, development and application of qualitative comparative analysis: The experience of the first 25 years]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 1. pp. 57–86.
14. Stinchcombe, A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Сведения об авторе:

Розов Н.С. – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия); профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: nrozov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rozov N.S. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, chief researcher of the Department of Social and Legal Research, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); professor at the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia). E-mail: nrozov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023;
одобрена после рецензирования 11.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 19.06.2023;
approved after reviewing 11.07.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 316.4.06

doi: 10.17223/1998863X/74/11

ДИСКУРСИВНАЯ ТРИХОТОМИЯ В УРБАНИСТИКЕ: МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КИТАЕ

Ирина Александровна Савченко¹, Евгений Владимирович Кремнёв²

¹ *Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
savchenko-514@mgpu.ru*

² *Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия;
Российско-китайский центр междисциплинарных исследований Социологического
института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия,
kremnyov2005@mail.ru*

Аннотация. Раскрывается трихотомия исследовательских доминант китайской управленческой урбанистики (марксизма, традиционализма и прагматизма). Показано, что такая трихотомия одновременно является продуктом и источником внутренней трихотомии китайского общества, пытающегося соединить постулаты марксизма, практику рынка и культурную традицию. Анализируются причины адаптивности китайской науки к трихотомному состоянию, среди которых – отсутствие «запрета на повтор» и примат консенсуса над «чистым знанием».

Ключевые слова: городское социальное управление, социология в Китае, марксизм, традиционализм, прагматизм

Благодарности: исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Для цитирования: Савченко И.А., Кремнёв Е.В. Дискурсивная трихотомия в урбанистике: модели социального управления в Китае // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 113–125. doi: 10.17223/1998863X/74/11

Original article

DISCURSIVE TRICHOTOMY IN URBAN STUDIES: MODELS OF SOCIAL MANAGEMENT IN CHINA

Irina A. Savchenko¹, Evgeny V. Kremnyov²

¹ *Moscow City University, Moscow, Russian Federation;
Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
savchenko-514@mgpu.ru*

² *Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation;
Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research, Sociological Institute of the Russian
Academy of Sciences – a branch of the Federal Research Center of the Russian Academy
of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; kremnyov2005@mail.ru*

Abstract. The article reveals the trichotomy of the three research dominants of Chinese managerial urbanism (Marxism, traditionalism and pragmatism). It shows that such a trichotomy is both a product and a source of the internal trichotomy of Chinese society,

which is trying to combine the postulates of Marxism, the market and tradition. The authors analyze reasons for the adaptability of Chinese science to the trichotomous state, among which are the absence of a “ban on repetition” and the primacy of consensus over knowledge. The Chinese practice of urban management has a number of innovations (they are related to the specifics of the organization of communication between government structures, between government and society, and at the level of local government); however, the question arises whether the works of Chinese researchers that create a scientific foundation for such innovations have novelty. “Sinicized Marxism” is largely borrowed from the dialectical materialism of the Soviet model. Chinese traditionalism can be considered a unique Chinese product, but it also reveals common features with the traditions of other peoples. Moreover, the traditionalist side of Chinese ideology is organic for rural areas today, but has lost its connection with the culture of the metropolis. Pragmatic models, however, may be consistent with the “everyday pragmatism” of Chinese society, but they are borrowed from Western sociology of management as scientific constructs (Taylor, Mayo, Draker, etc.) and urban sociology (Burgess, Park, Becker, etc.). It is on these models that actual practices of various levels of social management in Chinese cities are based. Chinese science turned out to be quite labile and adapted to various kinds of borrowings. At one time, Petrov discovered the “prohibition on repetition-plagiarism” in the matrix of scientific knowledge, formed several centuries before Hume, Kant and Hegel by medieval scholastics, such as Thomas Aquinas and his disciples. However, this prohibition does not apply in the Far Eastern traditions, where copying is not considered reprehensible. The trichotomous state of Chinese science produces a partial loss of rational scientific content in the works of Chinese authors. Cognition as such turns out to be less significant compared to the balance between the factors of external sociality. The peculiarity of Chinese models of urban social management is not in the scientific novelty of individual models, but in the unique trichotomous unity of the three paradigms and in adaptive borrowing technologies. All this forms the phenomenon of Chinese urban management.

Keywords: urban social management, sociology in China, Marxism, traditionalism, pragmatism

Acknowledgements: the study is supported by the grant of the Russian Science Foundation. Project No. 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

For citation: Savchenko, I.A. & Kremnyov E.V. (2023) Discursive trichotomy in urban studies: models of social management in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 113–125. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/11

Введение

Городское социальное управление стало объектом китайской социальной науки сравнительно недавно: на рубеже XX и XXI вв. Китайские власти только к этому периоду стали рассматривать городское управление как особый тип управленческой активности. Причина запоздалого научного интереса к данной проблеме – еще и в том, насколько тернист был путь социальных наук в континентальном Китае. Их долгое становление в XX в. столкнулось с труднопреодолимыми идеологическими противоречиями после прихода к власти Коммунистической партии Китая. Пока социальная наука Тайваня, Гонконга и Макао без серьезных открытий и потрясений двигалась «в направлении Запада» [1. Р. 917], в КНР она на некоторое время оказалась под запретом, а после официального возрождения в конце 1970-х – перед жестким выбором между научным знанием и идеологией. Вместе с тем успехи внутренней экономики в КНР сначала потребовали интенсифицировать урбанизацию, которая, в свою очередь, привнесла в жизнь Китая современную городскую культуру с ее социальной модернизацией. Именно тогда

начал формироваться социальный запрос на участие в процессах городского управления образованного и социально активного населения города, в среде которого особое место занимает научное сообщество. С начала нынешнего столетия стало появляться все больше работ, в основу которых положены проблема диверсификации субъектов городского управления и переход от сугубо административных вертикальных методов управления к совещательным горизонтальным. Именно тогда «административное» управление трансформировалось в «социальное», что подчеркивалось как в социально-политическом информационном поле, так и в научном.

Несмотря на то, что позитивистский вектор социальной науки обозначил себя еще на рубеже XIX–XX вв. [2], в ряде случаев собственно научное знание не может быть напрямую вычленено из текстов китайских исследователей: оно упаковано в идеологический каркас. Научный текст в китайской социологии города предстает как своего рода «головоломка для избранных», владеющих «правилами чтения».

Методы и методология исследования

Чтобы понять логику развития науки (в данном случае подходов к изучению городского социального управления в Китае), мы обращаемся к проблематике субъектов научно-инновационного процесса, в частности к понятиям внутренней, внешней и открытой социальности, предложенным И.Т. Касавиным [3. С. 118–119].

Категория «внешней социальности» позволяет понять миссию современной китайской социологии города. Эта миссия – в том, чтобы создать социально-коммуникационный фундамент для роста китайских городов и в целом для процветания китайского общества. В то же время, чтобы соответствовать этой миссии, китайские социологи призваны каким-то образом уже на уровне внутренней социальности осуществлять конвергенцию марксизма, западного прагматизма и традиционализма и предлагать конвергентные решения задач городского социального управления. Но именно открытая социальность позволяет молодой китайской социальной науке развиваться вне определенного метода или парадигмы, свободно выбирая и заимствуя из мирового научного и культурного опыта все, что представляется ценным и значимым.

Методологическая конвергенция марксизма, традиционализма и прагматизма объясняет внутреннюю трихотомию китайской социальной науки. Три концептуальные доминанты китайской социологии города причудливым образом уживаются как в научно-экспертном дискурсе, так в дискурсе общественного мнения.

В данном случае мы склонны не соглашаться с Е. Меллгаардом, порицавшем синологию за так называемый «философский поворот». Философские категории, по мнению ученого, слишком узки, чтобы отдать должное широкому спектру стилей и интересов китайских мыслителей. «Стиль философии, – пишет Е. Меллгаард, введенный в изучение китайской научной мысли, связан не с чтением, а с анализом, и поэтому он сводит уникальную мысль к аргументам и подводит конкретное под абстрактные категории» [4. Р. 321].

На примере нашего исследования мы стремимся показать, что междисциплинарность в целом и метод философского анализа в частности могут

быть крайне полезны для социологии, в данном случае для социологии городского управления.

В процессе изучения концептуальных исследовательских направлений, определяющих подходы к городскому социальному управлению в Китае, было изучено 93 социологических работы китайских авторов, написанных с 2000 по 2023 г. Они были отобраны из общенациональной базы данных научных исследований CNKI (*China National Knowledge Infrastructure*, 中国知网) методом сплошной выборки. В данной статье в качестве примеров упоминаются некоторые из отобранных работ. В ходе их изучения применяются классические методы: анализ, обобщение, аналогия и сравнение.

Методологической основой исследования стал диалектический метод познания, позволивший рассматривать изучаемые явления в комплексе всех свойственных им внутренних противоречий.

Марксизм и традиционализм как официальные доминанты социального управления в Китае

Партийно-государственные структуры Китая традиционно рассматривают науку как один из наиболее действенных (наряду с медиа и образованием) *прикладных* идеологических инструментов. Отсюда – требование к идеологическому наполнению научного текста, поскольку городское управление в значительной степени остается в ведении партийно-государственного аппарата. Идеологическое наполнение китайской науки обеспечивается действием двух доминант: марксистской и традиционалистской.

Первая доминанта строится на постулатах позднего марксизма, или, в более привычном варианте, диалектического материализма, или марксизма-ленинизма. Здесь примечательны многочисленные труды китайских ученых, в которых обосновывается роль марксизма в процессах социального управления [5, 6].

Марксистская методология в китайской социологии управления функционирует достаточно лабильно и умело используется как доказательный инструмент утверждения, что Коммунистическая партия Китая является инициатором всех инноваций. Примером может служить работа Сунь Говэня о переходе к новой модели социального управления в КНР [7]. Труд полностью посвящен толкованию положений, изложенных в «Постановлении ЦК КПК по некоторым важным вопросам всестороннего углубления реформ», принятом 2013 г. на Третьем пленуме ЦК КПК XVIII созыва. Идеологизированная внешняя социальность заставляет автора отбирать лишь те материалы, которые подтверждают инновационность новой модели городского менеджмента и отсталость, архаичность прежней концепции. Такая трансформация интерпретируется как переход от административно-ориентированного «управления» к социально-ориентированному «руководству». Здесь можно добавить, что идея дифференциации администрирования, руководства и управления принадлежит Г.П. Щедровицкому [8]. Между тем в документах КПК (а вслед за ними – и в современной китайской социологии) управление (гуанли) стало трактоваться как жесткая, а руководство (чжили) – как «мягкая» форма организации деятельности, в то время как в работах Г.П. Щедровицкого и его последователей мы встречаем совсем иные интерпретации понятий. В данном случае мы имеем дело отнюдь не с особенностями перевода терминов с одно-

го языка на другой: Сунь Говэнь пытается дать научное обоснование идеологической ловушке, в которой оказался практический китайский городской менеджмент.

Гибридная концепция, формирующаяся в КНР, получила название «китаизированный марксизм». Многие современные работы, использующие концепцию китайского марксизма, сосредоточены на анализе городского управления через призму регион-специфичного опыта [9, 10]. Применительно к реалиям городского социального управления марксистская парадигма транслируется не только через медийно-образовательные практики, но, что особенно важно, через визуальную семиотику китайских городов, в которой отражаются многочисленные идеологические символы (флаги, звезды и пр.), а также образы Маркса, Ленина, Мао Цзэдуна, Сталина, чьими портретами украшены улицы китайских городов. Так, улицы, названные в честь Сталина, есть в Люйшуне (Порт-Артур), Даляне (Дальний), Харбине, где также расположен Сталинский парк.

Однако и здесь мы наблюдаем внутреннюю трихотомию. Действительно, китайские ученые приобрели достаточный опыт работы в рамках марксистско-ленинской методологии. Между тем жители китайских городов и тем более, молодежь, хотя и вовлечены в идеологически заряженную коллективную общественно-политическую жизнь города, ментально ориентированы на ценности рынка (деньги, мобильность, индивидуализм) и потребления (дорогие девайсы и другие внешние признаки престижа и благополучия, действующие согласно «эффекту Веблена»).

И здесь обретает актуальность **вторая официальная доминанта** китайской социологии городского управления. Эта доминанта основана на китайском этноцентризме, постулирующем, что Китай являет пример собственного, специфического типа цивилизации, порождающего особый тип знания, в котором заимствование достижений других цивилизаций не имеет решающего значения. Популяризации этой идеи способствуют и власти Китая. Ряд китайских авторов, вдохновленных внешним социальным заказом, активно развивают идеи уникальности китайской культуры и традиции [11], возрождения традиции [12], индигенизации социогуманитарных наук в общем и социологии в частности [13].

Дух самобытности все еще очень силен и развит в китайских селах (но не в городах), где есть много уникальных культурных образцов, находящихся отражение в фольклоре, обычаях, артефактах. Вместе с тем процессы индустриализации, модернизации и, конечно же, урбанизации являются неизменными причинами и следствиями технического и социального прогресса, который, как правило, сопровождается утратой традиции. Поэтому китайские ученые прилагают весьма заметные усилия для сохранения и усиления традиции именно в городах, и задача эта весьма сложна.

В 1991 г. Рональд Глассман, наблюдавший за индустриальным ростом и экономическим развитием Китая, который он считал «эпицентром масштабных социальных и политических потрясений», предсказал скорый переход КНР «от коммунизма к демократии» [14]. Однако сегодня, спустя более чем 30 лет, мы не видим признаков отказа КНР от идеологизированности научного нарратива как основной силы внешней социальности в современных социально-политических условиях. Марксизм рассматривается как концептуаль-

ная база китайского варианта «устойчивого развития», а традиционализм продолжает искусственно культивироваться как способ сохранения китаецентричности социальной жизни.

Тем не менее конвергенция марксизма и традиционализма в определенной степени «ускользает» из общей логики развития современной науки. Более того, она не формирует реальных практических рычагов для эффективного городского социального управления. Такие рычаги китайские исследователи заимствовали из западной прагматической урбанистической традиции, в которой интегрированы внутренняя и внешняя социальность.

Прагматическая урбанистика в Китае

Китай импортировал и продолжает импортировать рациональное знание, зародившееся в недрах западной цивилизации. Не составляют исключение и социологические подходы [15].

Решения, заимствованные китайскими учеными из западной прагматической урбанистической традиции, направлены на практические задачи городского управления, ландшафтного проектирования, развития коммуникаций и связей различного уровня (в том числе на актуальную для китайского города проблему коммуникаций между организациями местного самоуправления и официальными органами власти). Неслучайно китайские урбанисты [16, 17] столь часто ссылаются на работы Э. Берджесса, Дж.Г. Мида, Р.Э. Парка – основателей чикагской социологической школы, заложивших основы методологии городских исследований. Не менее популярны в китайской урбанистике работы представителей второго поколения чикагской школы – Г. Беккера, И. Гофмана, А. Страусса [18–21].

Возникает вопрос: не испытала ли китайская наука каких-либо сложностей при усвоении вроде бы чуждых ей «прагматических моделей»? «Обыденный» прагматизм можно определить как «практичность, направленность на осуществление „полезных“ задач» в китайском обществе [22], а наряду с натуралистическим взглядом на реальность и приоритетом витальных ценностей он составляет суть китайского мировоззрения [23]. Прагматизм в науке, оказываясь в этом случае фактором внешней и внутренней социальности, уравнивает идеологизированность и отводит ей такую роль, в которой она не мешает достижению практически значимого результата. Прагматические модели городского социального управления могут быть разных типов, в одних идеологический фактор является вспомогательным, в других – базовым.

Изучая прагматически ориентированные урбанистические модели городского социального управления, мы получаем доступ к образу реального современного китайского города, управляемого на основе сложной сети взаимодействий с вовлечением большого числа акторов. В самом общем смысле иерархия уровней его управления в таких моделях предстает через дихотомию «власть–горожане» (рис. 1). На верхнем уровне находится проблема передачи части полномочий в управлении городом его жителям, на среднем – связь власти и горожан, их коммуникация, на нижнем – задача выработки механизмов самоуправления.

На *верхнем уровне* иерархии социального управления городом обнаруживается дихотомия «общность управления» и «консультативное управле-

ние». Эти партийно-государственные идеологемы одновременно рассматриваются как работающие управленческие инструменты.

Рис. 1. Иерархия уровней городского управления в прагматических моделях

В работе Хэ Вэя «Формирование общности управления: изучение консультативного управления в городских сообществах (на примере района Путо города Шанхая)» [24] «консультативное управление» интерпретируется как инструмент достижения консенсуса при отсутствии иных инструментов «городского типа» – демократических рычагов участия горожан в общественно-политической жизни. В таких условиях «консультации» (заслушивание мнений и предложений городских жителей по вопросам социального развития во всех сферах общественной жизни) являются, по мнению Хэ Вэя, жизненно необходимым инструментом стабильной работы городской системы.

Применительно ко **второму уровню** городского социального управления, представляющему собой способ взаимодействия власти и горожан, в прагматических моделях острее всего стоит проблема отчужденности этих двух акторов. Власть воспринимает городское сообщество как потенциально конфликтное и стремящееся к беспорядку. Городское сообщество воспринимает власть как строго принудительный, административный аппарат, плохо способный прислушиваться к тому, что происходит снизу. В данном случае перед исследователями обозначает себя задача формирования иных образов: сверху – заботливый наблюдатель, снизу – созидающий и самоорганизующийся социум. Представитель китайского «научного менеджмента» Юй Цзинхуэй напоминает, что совсем недавно население не рассматривалось в качестве активного актора и субъекта социального управления. Рассуждая о механизмах взаимодействия и взаимовлияния двух этих уровней управления (власти и горожан), Юй Цзинхуэй фиксирует, что привычных каналов социального участия – выборов и жалоб – не просто недостаточно для современного бурно развивающегося и глобализирующегося общества, более того, общественность настроена критично по отношению к ним. Эти каналы расширяются за счет развития системы публичных слушаний, средств массовой информации, местных сообществ в качестве посредника для коммуникации властей с населением [25].

Общественным организациям в прагматико-ориентированных моделях отводится существенная роль: в условиях отсутствия демократических механизмов управления они представляют собой связующее звено между обществом и властью. Китайский социолог Сюй Юнь указывает на важную проблему в этой сфере: поскольку в КНР не существует общественных организаций, независимых от государства, встает проблема осуществления функции реального, а не фиктивного выражения интересов горожан. Обосновывается идея, что так называемая модель «прямого культивирования» общественных организаций со стороны властей устарела. Поэтому в настоящее время можно наблюдать поиски путей внедрения новых моделей – как совместного «культивирования» со стороны власти и общества, так и «социального культивирования», т.е., перехода рычагов управления общественными организациями в руки городского сообщества [26]. Именно концепт «культивирования» описывается китайскими учеными как индекс демократизации городского менеджмента. Такой подход можно описывать как признак традиционализма в современных социальных технологиях.

Нижний уровень иерархии городского социального управления – это пространство, где городские жители устанавливают горизонтальные связи без прямого воздействия властных структур. В китайской науке низовое звено именуется «городским сообществом». Примерами прагматически ориентированных работ в русле данной проблематики служат труды Лу Дэцзя [27], Чэнь Цзюня и Чжан Мина [28]. На указанном уровне обнаруживается два базовых противоречия в системе городского социального управления: 1) между усиливающейся диверсификацией социальных интересов и продолжающей развиваться вертикальной структурой административных органов управления; 2) между запросами административной системы на выполнение ее требований и неготовностью граждан их исполнять, отсутствием мобильности на низовом уровне. Решение проблемы некоторые исследователи видят в усилении горизонтальных связей на уровне городских сообществ: внутри них ядром должны стать органы управления самого сообщества, а в числе задач правительственных учреждений соответствующего уровня должны остаться помощь в планировании, финансировании, а контроль – только по необходимости. На примере исследования Лу Дэцзя можно отследить примат прагматики: традиционализм здесь выражен лишь в формальных отсылках к традиционной культуре, а идеологические аспекты ограничиваются указанием на ведущую роль партии и государства в процессах социального управления и описание роли низовых партийных организаций в развитии городских сообществ.

Внимательное изучение прагматически ориентированных моделей городского социального управления в Китае позволит без труда увидеть, что их концептуальный каркас сформирован в западной социологии города и менеджменте (Ф. Тейлор, А. Файоль, Г. Эмерсон, Э. Мэйо, Р. Блейк, П. Дракер, Г. Хикс, Р. Джулет, Э. Дейл и др.). Неслучайно некоторые авторы на Западе пишут о «научной прозорливости» китайских ученых [29], а также о продуктивном сотрудничестве США и Китая в различных областях науки [30].

Заключение

Трихотомия трех исследовательских доминант китайской управленческой урбанистики одновременно является продуктом и источником внутрен-

ней трихотомии китайского общества, пытающегося соединить постулаты марксизма, рынок и традицию.

Факторы идеологии, внутри которой обнаруживается дихотомия марксизма и традиционализма, и прагматики, обнаруживающей действительные противоречия как в китайском обществе, так и в попытках разрешения и научной интерпретации этих противоречий, в перспективе также будут состоять в отношениях взаимного противоречия. Преодоление этих противоречий будет оставаться одной из базовых имплицитных задач, стоящих перед китайским социологом.

Китайский традиционализм в определенной степени можно считать уникальным китайским продуктом, хотя, безусловно, он обнаруживает общие черты с традициями других народов. Марксистская парадигма, пусть и имеет китайскую специфику, во многом заимствована из диалектического материализма, сформировавшегося в Советском Союзе. Управленческие прагматические модели, будучи согласованными с «обыденным прагматизмом» китайского общества, как научные конструкты заимствованы из западной социологии города и социологии управления. Китайская наука, как и ее внешняя и внутренняя социальности, оказалась гибкой и адаптивной к разного рода заимствованиям.

М.К. Петров обнаружил в свое время, что средневековые схоласты (Фома Аквинский и последователи) задолго до Юма, Канта и Гегеля определили матрицу научного познания, в которой, помимо прочего, «как в массиве фундаментального знания, как и в продуктах приложения и разработки действует запрет на повтор-плагиат» [31. С. 86]. Этот запрет не действует в дальневосточных традициях, где копирование не считается предосудительным.

Сосуществование и уравнивание трех моделей могут быть мотивированы и одной из черт китайского этносознания – умением следовать «срединности» в любом социальном взаимодействии, в том числе в управлении [32]. Это регион-специфичная черта выражается в постоянном поиске способов адаптирования любых социальных контактов и любого продукта человеческой деятельности, в том числе научного. При этом частичная потеря рационального, собственно научного содержания объясняется двумя предпосылками. Во-первых, для китайского ученого познавательный результат, мотивированный внутренней социальностью, в ряде случаев менее важен, нежели соблюдение «срединности», которая в реальности отражает перевес в сторону внешней социальности. Во-вторых, достаточному количеству китайских исследователей изначально понятны приоритеты расстановки факторов внешней социальности в научном тексте.

Существует некое согласие между научным сообществом и властью по поводу того, какая именная часть исследовательской работы содержит научно обоснованные способы решения проблем городского социального управления, какая часть удовлетворяет требованиям государственной системы, а какая уравнивает старое, привычное, незнакомое с инновационным, социально не присвоенным. Участники «научного процесса» в Китае достигают необходимого консенсуса и продолжают воспроизводить устоявшиеся исследовательские модели.

Если мы зададимся вопросом: в чем состоит специфика китайских моделей городского социального управления, то, вероятно, не будем указывать

в качестве ответа на научную новизну какой-либо модели и на ценность нового знания. Специфика состоит в трихотомном единстве науки, практики и культурной традиции, которое создает уникальную концепцию китайского городского управления. Китайская социология не закреплена рамками определенной парадигмы. Идеология уравнивается открытой социальностью, которая дает китайским ученым свободу научного поиска.

Список источников

1. Park W., Wu J., Erduran S. The nature of stem disciplines in the science education standards documents from the USA, Korea and Taiwan // *Science & Education*. 2020. Vol. 29, № 4. P. 899–927.
2. Веселова Л.С., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // *Социологические исследования*. 2018. № 7 (411). С. 124–134.
3. Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб.: РХГИ, 1998. 408 с.
4. Møllgaard E. Eclipse of reading: on the “philosophical turn” in American sinology // *Dao*. 2005. Vol. 4, № 2. P. 321–340.
5. 张丽莉. 马克思主义视域下的社会管理思想研究 [Исследование идеологии социального управления с точки зрения марксизма]. 博士学位论文. 南开: 南开大学, 2013. 160页.
6. 卢旭东. 论思想政治工作的社会管理功能 [О функциях социального управления в идеологической и политической работе]. 博士学位论文. 北京: 中共中央党校, 2014. 201页.
7. 孙国文. 从社会管理到社会治理的嬗变 [Переход от социального управления к социальному руководству]. 硕士学位论文: 社会学. 南京: 南京师范大学, 2016. 51页.
8. Щедровицкий Г.П. Организация, руководство, управление. Т. 5: Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы. М.: Путь, 2003. 288 с.
9. 肖振猛. 中国社会管理理论与实践研究 [Исследование теории и практики социального управления в Китае]. 博士学位论文. 武汉: 武汉理工大学, 2013. 138页.
10. 丁元竹. 中国社会管理的理论建构 [Конструирование теории социального управления в Китае] // *学术月刊*. 2008. 第2期. 第26–36页.
11. 卢啸. 柳宗元社会治理思想初探 [Предварительное исследование идеологии социального управления Лю Цзунъюаня]. 硕士学位论文. 济南: 山东大学, 2021. 37页.
12. 张晓艺. 儒学复兴的行动逻辑 — 基于鲁城政府、社会组织与当地百姓的经验研究 [Логика возрождения конфуцианства в действии: исследование на основе опыта правительства, общественных организаций и местного населения в Лучэне]. 博士学位论文 (社会学). 上海: 华东师范大学, 2019. 278页.
13. 李宗克. 社会学本土化论题的历史演进与理论反思 [Историческая эволюция и теоретическое осмысление тезиса об индигенизации социологии]. 博士学位论文 (社会学). 上海: 华东理工大学, 2013. 132页.
14. Glassman R. *China in Transition: Communism, Capitalism, and Democracy* First Edition. Westport: Praeger. 1991. 304 p.
15. 何祎金. 中国社会学的历史与理论: 阐释、调适与融合 [История и теория китайской социологии: интерпретация, адаптация и интеграция]. 北京: 社会科学文献出版社, 2018. 243页.
16. 周新年. 顺德地方社会与集体空间研究 [Исследование местного сообщества и коллективного пространства в Шуньдэ]. 博士学位论文. 广州: 华南理工大学, 2018. 780页.
17. 汤黎. 人口、空间与汉口的城市发展 (1460–1930) [Население, пространство и городское развитие Ханькоу (1460–1930)]. 博士学位论文. 武汉: 华中师范大学, 2008.
18. 程清远. 戈夫曼拟剧论视角下公共图书馆读者服务研究 [Исследование обслуживания посетителей публичной библиотеки с точки зрения драматургической теории И. Гофмана] // *甘肃科技*. 2023. 第39卷. 第3期. 第63–66页.
19. 刘鹏, 高欢欢. 从戈夫曼的拟剧理论看青年学生的“饭圈文化” [Студенческая «культура фэндома» в свете драматургической теории И. Гофмана] // *声屏世界*. 2022. 第5期. 第77–79页.

20. 杨大千, 曹慧. 临床检验人员的知识现状和需求的质性研究 [Качественное исследование текущих знаний и потребностей клинических экспертов] // 2014浙江省检验医学学术年会. 大会交流. 中国杭州, 2014年8月20–22日.
21. 石士钧. 加里·贝克尔 – 92经济学王冠摘取者 [Гери Беккер – нобелевский лауреат по экономике 1992 года] // 上海经济研究. 1993. 第46, 48页.
22. Хандархаева В. В. Расчетливость, прагматичность в древних религиозных верованиях китайцев // Вестник Бурятского государственного университета. 2022. № 2. С. 44–50.
23. Кобзев А.И. Китайский путь человечества // Восток. 2016. № 4. С. 16–27.
24. 何威. 治理共同体建构: 城市社区协商治理研究— 以上海市普陀区为例 [Построение общности управления: исследование консультативного управления в городских сообществах на примере района Путо, г. Шанхай]. 博士学位论文: 社会学 (城市社会学). 上海: 华东师范大学, 2018. 208页.
25. 于景辉. 全球化背景下的我国社会管理机制创新研究 [Исследование инноваций в механизмах социального управления в Китае в контексте глобализации]. 博士学位论文. 专业名称: 社会学. 吉林大学. 长春: 吉林大学, 2011. 121页.
26. 许芸. 社会治理视角下的社会组织培育与发展研究 — 以江苏省南京市为例 [Исследование культивирования и развития общественных организаций в перспективе социального управления на примере города Нанкин провинции Цзянсу]. 博士学位论文: 社会学 (社会政策). 南京: 南京大学, 2015. 167页.
27. 陆德佳. 城市社区管理体制的构建与完善 — 以苏州市平江区个案的研究 [Построение и совершенствование системы управления городскими сообществами на примере района Пинцзян города Сучжоу]. 博士学位论文: 社会学 (社会政策). 南京: 南京大学, 2015. 167页.
28. 陈俊, 张明. 城市社区建设与街道体制创新 [Создание городских сообществ и инновации уличных систем] // 广西社会科学. 2004. 第1期.
29. Greenhalgh S. Science and serendipity: finding COCA-COLA in China // Perspectives in Biology and Medicine. 2019. Vol. 623, № 1. P. 131–152.
30. Wagner C.S., Bornmann L., Leydesdorff L. Recent developments in CHINA–U.S. cooperation in science // Minerva. 2015. Vol. 53, № 3. P. 199–214.
31. Петров М.К. Проблемы современного науковедения // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5, № 4. С. 79–96.
32. Малявин В.В. Экономика жизни. Менеджмент и стратегии бизнеса в Китае. М.: Феория, 2013. 400 с.

References

1. Park, W., Wu, J. & Erduran, S. (2020) The nature of stem disciplines in the science education standards documents from the USA, Korea and Taiwan. *Science & Education*. 29(4). pp. 899–927.
2. Veselova, L.S., Deriugin, P.P. & Lebedintseva, L.A. (2018) Vektory stanovleniya kitayskoy so-tsiologii: pragmaticheskaya napravlennost', sokhranenie traditsii [Vectors of Chinese sociology becoming: Pragmatic orientation and maintaining of tradition]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 124–134.
3. Kasavin, I.T. (1998) *Migratsiya. Kreativnost'. Tekst. Problemy neklassicheskoy teorii pozna-niya* [Migration. Creativity. Text. Problems of non-classical theory of cognition]. St. Petersburg: Russian Schistian Academy for the Humanities.
4. Møllgaard, E. (2005) Eclipse of reading: on the “philosophical turn” in american sinology. *Dao*. 4(2). pp. 321–340.
5. Zhang Lili. (2013) *Makesi zhuyi shiyu xia de shehui guanli sixiang yanjiu* [A Study of Social Management Ideology in Marxist Perspective]. PhD thesis. Nankai: Nankai University.
6. Lu Xudong. (2014) *Lun sixiang zhengzhi gongzuo de shehui guanli gongneng* [On the social management function of ideological and political work]. PhD thesis. Beijing: Party School of the Central Committee of the Communist Party of China.
7. Sun Guowen. (2016) *Cong shehui guanli dai shehui zhili de shanbian* [Transition from social management to social governance]. MA thesis. Nanjing: Nanjing Normal University.
8. Shchedrovitskiy, G.P. (2003) *Organizatsiya, rukovodstvo, upravlenie* [Organization, governance, management]. Vol. 5. Moscow: Put'.

9. Xiao Zhenmeng. (2013) *Zhongguo shehui guanli lilun yu shijian yanjiu* [Research on the Theory and Practice of Social Management in China]. PhD thesis. Wuhan: Wuhan University of Technology.
10. Ding Yuanzhu. (2008) *Zhongguo shehui guanli de lilun jiangou* [Theoretical Constructs of Social Management in China]. *Xueshu yuekan – Academic Monthly Journal*. 2. pp. 26–36.
11. Lu Shuang. (2021) *Liu Zongyuan shehui guanli sixiang chu tang* [A Preliminary Study of Liu Zongyuan's Ideology of Social Governance]. MA thesis. Jinan: Shandong University.
12. Zhang Xiaoyi. (2019) *Ruxue fixing de xingdong luoji – ji yu Lucheng zhengfu, shehui zuzhi yu dangdi baixing de jingyan yanjiu* [The logic of Confucianism Revival in Action: An Empirical Study of Government, Social Organizations and Local People in the City of Lucheng]. PhD thesis. Shanghai: East China Normal University.
13. Li Zongke. (2013) *Shehuixue bentuhua lunti de lishi yanjin yu lilun fansi* [Historical Evolution and Theoretical Reflection of the Thesis of Indigenization of Sociology]. PhD thesis. Shanghai: East China University of Science and Technology.
14. Glassman, R. (1991) *China in Transition: Communism, Capitalism, and Democracy*. Westport: Praeger.
15. He Yijin. (2018) *Zhongguo shehuixue de lishi yu lilun: chanshi, tiaoshi yu ronghe* [The History and Theory of Chinese Sociology: Interpretation, Adaptation and Integration]. Beijing: Social Science Literature Press.
16. Zhou Xinnian. (2018) *Shunde defang shehui yu jiti kongjian yanjiu* [Study on Shunde Local Society and Collective Space]. PhD thesis. Guangzhou: South China University of Technology.
17. Tang Li. (2008) *Renkou, kongjian yu Hankou de chengshi fazhan (1460-1930)* [Population, Space, and Urban Development in Hankou (1460–1930)]. PhD thesis. Wuhan: Huazhong Normal University.
18. Cheng Qingyuan. (2023) *Gefuman nijulun shijiao xia gonggong tushuguan dushe fuwu yanjiu* [A Study of Public Library Patron Services from the Perspective of Goffman's Mimesis Theory]. *Gansu keji – Gansu Science and Technology*. 39(3). pp. 63–66.
19. Liu Peng & Gao Huanhuan. (2022) *Cong Gefuman de nijulun kan qingnian xuesheng de "fanquan wenhua"* [The Students' "Fandom Culture" in the Light of Goffman's Mimesis Theory]. *Shengping shijie – Voice & Screen World*. 5. pp. 77–79.
20. Yang Dagan & Cao Hui. (2014) *Linchuang jianyan renyuan de zhishi xianzhuang he yaoqiu de zhixing yanjiu* [A Qualitative Study on the Current Knowledge and Needs of Clinical Laboratory Personnel]. *2014 Zhejiang Provincial Academic Conference on Laboratory Medicine*. Conference Communication. Hangzhou, China. August 20–22, 2014. pp. 45–52.
21. Shi Shijun. (1992) *Jiali Beikeer – 92 jingjixue wangguan zhaiqizhe* [Gary Becker – the 1992 Nobel Prize Winner in Economics]. *Shanghai jingji yanjiu – Shanghai Economic Research*. 4. pp. 46–48.
22. Khandarkhaeva, V.V. (2022) *Raschetlivost', pragmatichnost' v drevnikh religioznykh verovaniyakh kitaitsev* [Calculosity, pragmatism in ancient religious beliefs of the Chinese]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 44–50.
23. Kobzev, A.I. (2016) *Kitayskiy put' chelovechestva* [Chinese Way of Humanity]. *Vostok*. 4. pp. 16–27.
24. He Wei. (2018) *Zhili gongtongti jiegou: chengshi shequ xieshang zhili yanjiu – yi Shanghai shi Putuo qu wei lie* [The Construction of Governance Community: A Study of Consultative Governance in Urban Communities: The Case of Putuo District, Shanghai]. PhD thesis. Shanghai: East China Normal University.
25. Yu Jinghui. (2011) *Quanchihua beijing xia de wo guo shehui guanli jizhi chuangxin yanjiu* [Research on the Innovation of China's Social Management Mechanism in the Context of Globalization]. PhD thesis. Changchun: Jilin University.
26. Xu Yun. (2015) *Shehui zhili shijiao xia de shehui zuzhi peiyu yu fazhan yanjiu – yi Jiangsu sheng Nanjing shi wei lie* [Research on the Cultivation and Development of Social Organizations in the Perspective of Social Governance – A Case Study of Nanjing, Jiangsu Province]. PhD thesis. Nanjing: Nanjing University.
27. Lu Dejie. (2015) *Chengshi shequ guanli tizhi de goujian yu wanshan – yi Suzhou shi Pingjiang qu ge'an de yanjiu* [The Construction and Improvement of Urban Community Governance System – A Case study of Pingjiang District, Suzhou]. PhD thesis. Nanjing: Nanjing University.
28. Chen Jun & Zhang Ming. (2004) *Chengshi shequ jianshe yu jiedao tizhi chuangxin* [Urban community construction and street system innovation]. *Guangxi shehui kexue – Guangxi Social Sciences*. 1.

29. Greenhalgh, S. (2019) Science and serendipity: finding COCA-COLA in China. *Perspectives in Biology and Medicine*. 623(1). pp. 131–152.

30. Wagner, C.S., Bornmann, L. & Leydesdorff, L. (2015) Recent developments in CHINA–U.S. cooperation in science. *Minerva*. 3.53(3). pp. 199–214.

31. Petrov, M.K. (2014) Problems of Modern Science Studies. *Sotsiologiya nauki i tekhnologiy – Sociology of Science and Technology*. 5(4). pp. 79–96.

32. Malyavin, V.V. (2013) *Ekonomika zhizni. Menedzhment i strategii biznesa v Kitae* [The Economy of Life. Management and Business Strategies in China]. Moscow: Feoriya.

Сведения об авторе:

Савченко И.А. – доктор социологических наук, доцент, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: savchenko-514@mgpu.ru

Кремнёв Е.В. – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой китайоведения (факультет иностранных языков) Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия); ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kremnyov2005@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Savchenko I.A. – Dr. Sci. (Sociology), docent, professor of the All-University Department of Philosophy and Social Sciences, Institute for the Humanities, Moscow City University (Moscow, Russian Federation). E-mail: savchenko-514@mgpu.ru

Kremnev E.V. – Cand. Sci. (Sociology), docent, head of the Department of Sinology, Faculty of Foreign Languages of the Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation); associate research fellow, Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Research, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – a branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: kremnyov2005@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.07.2023;

одобрена после рецензирования 11.07.2023; принята к публикации 18.08.2023

The article was submitted 02.07.2023;

approved after reviewing 11.07.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 124.6: 141.32: 123

doi: 10.17223/1998863X/74/12

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ СУДЬБУ ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

Елена Людвиговна Яковлева

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань, Россия,
mifoigra@mail.ru*

Аннотация. В оптике внимания оказалась судьба гения, исследуемая на основе аналитического метода. Выдвинуто положение о том, что гений в силу творческой активности способен менять ход жизненных событий, избегая необходимости и предопределенности. В качестве судьбоносных экзистенциалов, инициирующих активность и непредсказуемость проявлений гения, названы воображение, интеллигибельная интуиция и гиперчувствительность, рождающая меланхолию. Данные экзистенциалы одновременно и заданы личности художника, что говорит об их судьбоносности, и позволяют ему проявлять себя непредсказуемо, свидетельствуя о возможности изменения траектории судьбы.

Ключевые слова: судьба, гений, воображение, интеллигибельная интуиция, гиперчувствительность

Для цитирования: Яковлева Е.Л. Экзистенциалы, определяющие судьбу творческой личности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 126–135. doi: 10.17223/1998863X/74/12

Original article

EXISTENTIALS THAT DETERMINE THE FATE OF A CREATIVE PERSON

Elena L. Yakovleva

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russia, mifoigra@mail.ru

Abstract. The object of the study is the fate of a genius and the search for its distinctive features that make the artist relatively free in the predestination of being. The analysis of philosophical concepts on the problem of fate identified two trends in its interpretation. One of them has a fatal orientation, emphasizing the impossibility of a person's choice in existential situations; the other has optimistic features, suggesting the activity of a strong-willed person in changing the course of fate and avoiding predestination. The position is put forward: a genius as a strong-willed person, by virtue of his creative activity, is able to influence his own destiny. The search for evidence of the thesis allowed identifying such unique features of the artist's active energy as imagination, intelligent intuition and hypersensitivity, which entails melancholy. These qualities are predestined to the genius, not only determining the process of creation, but also influencing changes in the trajectory of fate through personal manifestations. Thus, imagination simultaneously acts as the source of the creative process and the manifestations of the artist, determining the course of events in his life. Thanks to imagination, the creator plunges into an imaginary world, contemplating and developing in it the images and ideas visible to him (involvement-in-himself), experiencing inspiration and ecstasy (exit-from-himself), which makes his existential manifestations and the course of life unpredictable. Imagination is connected with intelligent intuition. It helps to perceive information, work with it, freely combining its various

elements, and at the same time constitute their own meanings and manifest themselves in accordance with them. Intuition, when in a state of self, is directed to getting out of oneself, beyond the limits of visual-imaginative thinking. Thanks to intuition, the artist expands his own horizon and goes into another dimension, which helps him to discover something new, acting as a brilliant insight. In addition to the above, genius is characterized by hypersensitivity. Experiencing every episode of his life, the artist experiences a colossal palette of feelings and emotions, which indicates his intense search for inclusion in the flow of life. At the same time, the creative process is accompanied not only by feelings of uplift and inspiration, but also by the manifestation of states of hopelessness, longing, fatigue, and even depression. These moods turn out to be indicators of melancholy, demonstrating the vulnerability of a creative person and the intense tension of his life. Focusing attention on the object of creativity, the artist rushes among extremes in his life manifestations, going beyond the limits of what is permissible and often losing his sense of proportion. Imagination, intuition and hypersensitivity play the role of fateful existential forces of a creative person, allowing one to feel the pulsation of time and combine time layers. The functioning of the listed existentials turns out to be not only a source of the artist's creative activity, but also his unpredictable manifestations, which causes changes in fate.

Keywords: fate, genius, imagination, intelligent intuition, hypersensitivity

For citation: Yakovleva, E.L. (2023) Existentials that determine the fate of a creative person. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 74. pp. 126–135. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/12

Проблема судьбы оказывается довольно актуальной для современной личности, стремящейся не столько понять, сколько прославить себя. В связи с этим оптика ее внимания нередко переключается на гениальных людей, позволяя сравнить / соизмерить собственные жизненные ситуации с событиями из биографии творцов. Яркость и необычность жизни креативного человека, странность творческого видения и величие / непостижимость художественных шедевров, бросивших вызов вечности, пленяют людей. Встают вопросы: *Чем отличается судьба гения? Что делает гения уникальным? Что в судьбе творца является предзаданным и свободным?* Решению данных вопросов и посвящена статья.

Методологической основой исследования является аналитический метод. Опираясь на идеи Я. Голосовкера, А.С. Кармина, К. Свасьяна, К. Юханнисон, Э. Гуссерля, выделены черты, придающие судьбе гения уникальность и активность, что позволяет художнику уходить от предопределенности.

Наши рассуждения начнем с понимания судьбы в целом. Многие философские системы выстраивались вокруг проблемы судьбы и решения вопросов предначертанного в ней или оказавшегося свободным волеизъявлением, осуществленного или нереализованного смысложизненного поиска, счастливой или горестной участи человека. В размышлениях философов о судьбе мы не найдем однозначности, встречая идеи связи судьбы с течением жизни, переплетением временных и пространственных аспектов, объективного и субъективного, где индивид обнаруживает случайность / необходимость, свободу / несвободу, силу / безволие, раскрывающие перед ним значимость / абсурдность / драматичность / трагичность свершаемого и влияющие на положение дел в настоящем / будущем. При этом источником трансформации могут быть Бог / Случай / Воля, находящиеся вне человека, или *нечто*, добровольно избираемое индивидом. В результате личность оказывается зависимой / свободной от обстоятельств, отрешенно бросая все на произвол судьбы или постигая Я / ситуацию / бытие. Неизбежность судьбоносных событий способна

парализовать личность либо сделать неистово восстающей / мятущейся, заставить испытывать благоговение либо ненавидеть свою участь. Например, Гомер считал, что человек осознает власть судьбы и свою пассивную участь в ней из-за невозможности управления силами природы. Стоики трактовали судьбу как естественный закон, который индивид не в силах изменить: «все случающееся с тобою было изначально суждено тебе и сопряжено с тобою в силу устройства Целого», поэтому необходимо «приспособиться к тому окружению, в котором тебе предназначено жить» (Марк Аврелий) [1]. В Средневековье идея судьбы связывалась с божественным предначертанием, которому должен был подчиниться человек: «судьба находится в Боге» и «ничто не избегает своей судьбы», попадая под ее порядок [2]. Э. Левинас, затрагивая проблему судьбы личности, безапелляционно утверждает, что «бытие глубоко чуждо, оно нас ушибает», и человеку не остается ничего другого, как «терпеть его объятия, удушающие, подобно ночи» [3. С. 11]. Индивид обречен на разрыв с бытием: его нельзя пережить, а возможно только переносить, выдерживая натиски. Единственное, что способно доставить человеку удовольствие в неизбежности, это его нравственное проявление.

Но в трактовках судьбы можно встретить и иную точку зрения. По Гераклиту, личность, осуществляя поиск Логоса, формирует характер, который определяет ее судьбу, помогая «в изменениях найти свое предназначение» [4]. Платон выдвигает положение о возможности вмешательства в судьбу со стороны человека: все «подчиняется року, но не все им предопределено» [5. С. 463], потому что у индивида есть возможность свободного выбора в своей судьбе посредством «своевременного применения искусства кормчего» [6. С. 160]. Платоновское понимание судьбы, с одной стороны, свидетельствует о предзаданности событий в жизни личности, а с другой – предполагает индивидуальную свободу от судьбоносных детерминант. Подобная двойственность характерна и для возрожденческих идей: с одной стороны, судьба олицетворяла фортуна, функционирование которой подчинялось логике случайности, а с другой стороны, человек наделялся колоссальной энергией и мощью, благодаря чему выступал в качестве *творца своей судьбы*. Индивид следует заданному и создает собственную судьбу, что олицетворяет своеобразную *волю к воле*. М. Хайдеггер, рассуждая о власти судьбы в жизни человека (она есть «пред-назначение, исходящее от явленности бытия сущего» [7. С. 181] и «всецело исходит из сущности самого бытия» [8. С. 340], в которое необходимо вслушиваться и быть покорным), допускает умение личности раскрывать собственное потаенное, помогающее осуществлять свободный выбор (в) пути.

Русский мыслитель Н.Г. Чернышевский, анализируя мифы в греческих трагедиях, пришел к выводу, что судьба капризна и своенравна, посылая в качестве испытания *случай*, который «невозможно предусмотреть, невозможно сказать, почему случилось так, а не иначе» [9]. При этом русский критик, подобно Платону, не отрицает роли сильной личности, способной принимать решения и действовать в непредвиденных условиях в исполнении судьбы, пусть даже задуманное дело принимает иной оборот. А.Ф. Лосев трактовал судьбу как жизненное, смыслообразующее понятие, помогающее самовыразиться человеку: ее необходимо выстраивать или плыть по волнам, постоянно осуществляя выбор, в котором проявляется сущность личности.

В целом, начиная с античности, сформировались две линии в понимании судьбы: первая имеет фатальную направленность, указывая на безальтернативность человеческой жизни ввиду предзаданности судьбы высшими силами, вторая – оптимистичную, позволяя волевой личности свободно менять ход событий, уходя от необходимости и предопределенности.

Если принять в качестве аксиомы тезис о наличии у каждого человека судьбы, то судьба художника в большей степени вписывается во вторую линию ее трактовки. Гений выступает в роли волевой личности в силу своей творческой активности, непредсказуемости жизненных порывов, способных менять предопределенность и заданный ход событий. Данное положение рождает вопрос: какие экзистенциалы влияют на траекторию судьбы творца?

В качестве ключевой характеристики гения выступают творческий потенциал и способность к созданию нового на основе *воображения*, концентрирующего внутреннее внимание и сосредоточенность. Опираясь на идеи Я. Голосовкера, можно заключить, что в судьбе гения воображение обладает тройкой природой, выступая в качестве творческого побуждения, творческой деятельности и самого творения. Черпая импульс в бытийных ситуациях, воображение не только играет роль истока творческого процесса, но и делает художника одержимым замыслом, влияя на ход событий его жизни и проявлений в них. Творец погружается в собственный воображаемый мир, созерцая и развивая воображаемые образы и идеи (*вовлечение-в-себя*), испытывая воодушевление и экстаз (*выход-из-себя*), что делает непредсказуемым его Я и течение жизни. В момент созерцания происходит наивысшее напряжение в одной точке энергии, ума и жизненной силы, а творец «становится всецело имажинативной волей, умственной волей» [10], проявляя себя осознанно / неосознанно в бытии. Воображение таит в себе «бесконечности воображения» и «сложнейшие метаморфозы пред лицом великого верховного закона, господствующего в существовании, – закона Мечущейся Необходимости», согласно которому «все свершается с необходимостью, но сама „данная“ необходимость не необходима», она случайна [10]. В этой случайности заложены метафизическая вариативность проявлений творца и возможность множества модификаций его судьбоносных предъявлений. В описаниях Я. Голосовкера мы встречаем сходность характеристик судьбы и воображения: оба феномена есть одновременно заданность Я и ресурс для выбора. Перечисленное позволяет говорить о *судьбоносности воображения* в бытии гения.

Рассуждая о воображении, Я. Голосовкер приходит к выводу, что оно наделяет личность творца *интеллигибельной интуицией*, помогающей «ухватить общий и создать одновременно свой смысл» [10]. Интуиция позволяет не только воспринимать информацию, но и интенсивно работать с ней, свободно комбинируя различные ее элементы. Как считает А.С. Кармин, интуиция, интегрируя разрозненные части «в некую новую целостность», дает возможность гению выйти «в „третье измерение“, чтобы преодолеть барьеры, преграждающие ей дорогу к новому знанию при движении в одной и той же плоскости» [11. С. 609]. Интуиция способствует осуществлению прорыва гения в пространстве и времени, что переживается им как озарение.

Интуитивное созерцание мироздания «покоится на некоем *бессознательном геометризме* взгляда», сочетающем в себе мысль, опыт и чувства,

что «порождает мир в модусе бесконечно разнообразных „инвариантных“ перспектив» [12. С. 133]. Интуиция влияет на принятие решений и действий внутри ситуации. При состоянии *в себе* интуиция стремится к *выходу из себя*, за пределы наглядно-образного мышления, что расширяет горизонт творца. Способствуя внезапным озарениям, где схватывается «все общим взглядом» и возводится «к единой идее, то, что повсюду разрознено» [13], интуиция побуждает творца к действиям.

Перечисленные характеристики свидетельствуют о том, что интуиция выступает в качестве судьбоносной силы гения, предзаданной ему и позволяющей свободно проявлять себя. Подчиняясь в период творческого вдохновения силе интуитивного озарения, творец следует за ним, нередко не замечая никакие преграды. Интуиция подсказывает творческой личности о правильности либо опасности ее действий. Она возвышает «до той данности, которая есть „восприятие“, восприятие в себе», что помогает «созерцательно постигать сущность» [14], исходя из этого ориентироваться в бытии и действовать. Воображение и интуитивное озарение нередко воспринимаются в качестве *счастливой случайности*, помогающей разрешить ситуацию и создать новое. Мгновенность вспышки в сознании делает гения безвольным из-за краткости озарения, но далее творец становится активным, работая с полученной информацией и осуществляя свой выбор, требующий сознательной работы и воли.

Анализ судеб творческих личностей свидетельствует об их *гиперчувствительности*. Каждый эпизод и ситуацию бытия гений *переживает*, позволяя «воздействовать на себя чему-либо» или испытывая *нечто* [15. С. 218] с колоссальной палитрой чувств и эмоций. Гиперчувствительность свидетельствует о включенности в событие и жизненный поток, где эмоциональная изменчивость-в-постоянстве способствует насыщению смыслами в творческих поисках гения. Гиперчувствительность художника задана природой, свободна в проявлениях и влияет на поступки, что свидетельствует о ее *судьбоносности*.

В творческом процессе художник не только испытывает воодушевление, но и приходит в состояния уныния, тоски, безысходности, усталости, ужаса и даже депрессии. Перечисленное свидетельствует о *меланхолии*, которая относится к разряду *высоких страданий* и говорит об уязвимости души. Со времен античности к числу меланхоликов, характеризующихся развитым воображением, интуицией, несдержанностью чувств и эмоций, относили великих людей. Черная желчь¹ творца «может моментально переходить из холодного состояния в очень горячее», вследствие чего гений «способен к огромному выплеску энергии, все может сгореть моментально, вслед за чем наступает колоссальный упадок сил» [16]. Он заставляет сделать намеренный перерыв в творчестве, давая художнику время для восстановления собственных сил и запасов энергии.

Благодаря гиперчувствительности и меланхолии гений проживает собственную жизнь и события в ней довольно интенсивно, насыщенно и сосредоточенно, нередко «в состоянии стресса, который держит нервную систему в постоянном напряжении» [17. С. 104]. Его жизнь проходит в хаосе чувств и

¹ Слово *меланхолия* в переводе с греческого означает *черная желчь*. Эта таинственная субстанция оказывается метафорой, плодом воображения Гиппократ.

нервозности, заставляя метаться от аскетичной изоляции или публичности к отрешенности из-за фокусирования повышенного внимания на Я / идее / объекте творчества. Балансируя на границе реального и воображаемого миров, художник подчиняется власти воображения и интуиции, дает волю своим чувствам и эмоциям. Гений томится по метафизическому, желая прикоснуться к нему, познать и понять: он «открыт для окружающего мира, и это приносит ему боль» [17. С. 100]. Он способен выходить за границы допустимого, теряя чувство меры. Но его чувствительность интеллектуальна благодаря интенциональности гения. Каждый объект и событие как «данность, принадлежащая к миру, есть данность в „как“ некоего горизонта, в котором имплицитно наличествуют все новые горизонты, так что в конечном счете любая данность влечет за собой мировой горизонт» [18. С. 267], что способен уловить только гений, чутко вслушивающийся / всматривающийся в бытие с подключением интуиции и воображения. Его сознание пытается постичь не только смысловой горизонт происходящего в сиюминутной актуальности, но и динамику развития сущего и собственного Я во времени. Сознание творца «отталкивается... от *жизненного горизонта*, на котором актуально направленное Я может реактивировать прежние наслоения, осознанно достигая апперцептивных озарений и превращая их в созерцания» [18. С. 152]. Переживание событийности образует «вокруг него неопределенную атмосферу принадлежащих ему самому потенциалов восприятия» [12. С. 56], что расширяет горизонт творца и в дальнейшем подвергается художественной фиксации. Сознание художника вмещает в себя не только поток переживаний, но и осмысленную реакцию на происходящее, помогая конституировать смыслы и художественно оформлять их сначала в свободной вариативности в воображении, позже – в художественных произведениях. Истинный гений способен из «беспорядка, хаоса надежд, некоего первичного состояния, могущего быть эфемерным», из «одновременного присутствия всех будущих» создать «нечто более универсальное и... более философское» [19].

Творческая активность, инициированная воображением, интуицией и гиперчувствительностью гения, рождает внутренний конфликт при создании нового. В результате этого у личности, согласно Д. Дьюи, «нарушается привычная связь внешнего стимула (S) с реакцией организма (R)» [20]. Чувство затруднения оказывается пусковым механизмом для поиска путей в разрешении проблемы, ломая привычные траектории и алгоритмы действий, в том числе в жизни. Варианты возможных сценариев развития событий дают творцу «чувствовать себя драматургом собственных чувств, испытывать границы, прикасаться к недозволенному, обнажать по собственной воле душу, идти на поводу запретных желаний» [17. С. 106]. Воображение, интуиция и гиперчувствительность выводят гения в пограничную зону, *по-ту-сторону-бытия*, к истоку, к ключу понимания ситуации и смысла жизни.

Мы считаем, воображение, интуиция и гиперчувствительность с ее меланхоличностью играют роль *судьбоносных экзистенциальных сил* творческой личности, активизируя ее жизненный потенциал. Чуткое / спонтанное следование им приводит как к взлетам, так и к провалам, что осложняет жизнь гения, делая непредсказуемой / изломанной линию судьбы. Перечисленные экзистенциалы «по своему характеру трагичны», играя роль *побуда к бессмертию* и непрерывно пребывая «в борьбе со смертью, со стихийной

природой, с распадом, преодолевая их, осиливая их творческой формой» [10]. Благодаря воображению, интуиции и гиперчувствительности творческая личность особо чувствует *пульсацию времени* своей судьбы. С одной стороны, время ограничивает художника в рамках, связанных с осознанием конечности собственного бытия. Это придает его бытийствованию трагическое мироощущение, которое он демонстрирует / укрывает в творчестве. Судьба творца – это крик в вечность мироздания «в разомкнутой цепи непрекращающихся вопросов, толкований, прояснений и открытий» [12. С. 57] о смысле бытия и предназначении человеческой жизни. С другой стороны, творчество помогает расширить границы времени, совмещая прошлое, настоящее и будущее: вся бесконечная полнота «бывших и будущих, реальных и возможных свершений» стягивается в процессе создания произведения «в воронку первозданных потенций в ожидании своего звездного часа», чтобы «составить хоть сколько-нибудь отчетливое представление о переживаемом», «нечто еще-не-реализованном и, значит, возможном» [12. С. 123]. Процесс творения оказывается динамичным и насыщенным эмоционально-интеллектуальными смыслами. При создании нового происходит смешение пластов времени, где «прошлое „осовременивается“ в сознании через интенцию *воспоминания*», «„осовременивается“ и будущее через интенцию *ожидания*», «*реальным* оказывается текучесть извечно настоящего, данного... во всей полноте горизонта» [12. С. 129–130]. Художник творит, «нарушая себестождественность и раскрывая скобки, отделяющие его от конкретной предметности», где сознание «функционирует, переходя в зону чистых восприятий и устанавливая через них контакт с „исключенным“ миром», играющем роль возможного / еще-не-свершенного [12. С. 123]. Вследствие достижения полноты времени, способствующей собиранию переживаний и постижению многогранности смыслов посредством воображения, интуиции и гиперчувствительности, творец становится пророком, *изменяя модус онтологии* (К. Свасьян), в том числе собственной судьбы. Сознание гения одновременно переживает ситуацию настоящего и предчувствует будущее, не исключая из временной цепочки прошлого. Выворачивая «субъективность наизнанку» [3. С. 37], творец погружается в сущность бытия. Как заключил Н.А. Бердяев, акт творения как «духовная жизнь совершается вне времени, вне пространства, вне материи», рождая «внутреннее единство моей судьбы, судьбы мира, судьбы Бога» [21. С. 31]. Подобное *прикосновение* к бытию, инициируемое воображением, интуицией и чувствами, оказывается истоком *сказывания* / творчества и активности творца, способного изменить предзаданность начертанного ему судьбой.

В заключение подчеркнем: не существует единого понимания судьбы, особенно – судьбы гения. В отношении последнего можно говорить не только о предопределенности событий в жизни, но и о возможности активного выбора в предзаданности, меняющего траекторию движения. Судьбу гения от судьбы простого человека отличает творческая компонента, мощными стимулами которой выступают воображение, интуиция, гиперчувствительность и меланхолические настроения. Вследствие их действия судьба творческой личности, раздираемая метаниями и исканиями, взлетами и падениями, превращается в *экзистенциальную драму*, одновременно подчиненную неизбежному / предзаданному и в то же время характеризующуюся спонтанной сво-

бодой в проявлениях, что разрывает границы предопределенного. В объятиях судьбы творец одновременно игрок и играемый, ведущий и ведомый. Гений пытается порвать порочный круг судьбы посредством творчества, проявляя личную активность. Воображение, интуиция и гиперчувствительность помогают прикоснуться к истокам бытия. Каждое из этих экзистенциалов судьбоносно: оно одновременно предзадано гению и в то же время спонтанно / свободно в своем функционировании, проявляясь и исчезая неожиданно. Благодаря этим качествам творец живет сверхнапряженной жизнью, для которой характерна (нередко невидимая) гиперактивность сознания, обуславливающая его поступки. Воображение, интуиция и гиперчувствительность помогают художнику осуществлять смысложизненные поиски и демонстрировать Я. Экзистенциальная драма творческих поисков делает гения одновременно несчастным и счастливым, помогая ощутить причастность к бытию, его смыслам и их эфемерность. Судьбоносные перипетии и их драматическое / трагическое / благоприятное / удачное наполнение оборачиваются для гения счастьем познания бытия и творческого вдохновения. В самом процессе противостояния судьбе посредством мук творчества заключается счастье творца – одинокое, беспокойное, мятущееся, ищущее. На него обречен каждый гений. И в этом заключается его судьба, в которой благодаря экзистенциалам воображения, интуиции и гиперчувствительности возможны непредсказуемые повороты.

Список источников

1. Цитаты стоицизма. URL: <https://jegornagel.com/czitary-stoicizma-luchshie-czitary-stoikov/> (дата обращения: 21.07.2021).
2. Аквинский Ф. Сумма теологии. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/42> (дата обращения: 21.07.2021).
3. Левинас Э. От существования к существующему // Избранное. Тотальность и Бесконечное. М. : СПб. : Университетская книга, 2000. С. 7–65.
4. Гераклит. Цитаты. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/geraklit/> (дата обращения: 21.07.2021).
5. Платон. Диалоги. М. : Мысль, 2000. 607 с.
6. Платон. Законы. М. : Мысль, 1999. 832 с.
7. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Время и бытие : статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 177–192.
8. Хайдеггер М. Ницше. СПб. : Владимир Даль, 2007. Т. 2. 457 с.
9. Чернышевский Н. Эстетическое отношение искусства к действительности. М., 1976. 94 с. URL: http://az.lib.ru/c/chernyshewskij_n_g/text_0410.shtml (дата обращения: 21.07.2021).
10. Голосовкер Я. Имaginативный Абсолют. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/T/golosovker-yakov-emmanuilovich/izbrannoe-logika-mifa/2> (дата обращения: 21.07.2021).
11. Кармин А.С. Интуиция: философские концепции и научное исследование. СПб. : Наука, 2011. 901 с.
12. Свасьян К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. М. : Академический проект, 2010. 206 с.
13. Платон. Федр. URL: <http://psylib.org.ua/books/plato01/21fedr.htm> (дата обращения: 21.07.2021).
14. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=56073&p=1> (дата обращения: 21.07.2021).
15. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / науч. ред. В.С. Стенин и др. М. : Мысль, 2001. Т. 3: Н–С. 694 с.
16. Россигус А.А. История мрачного помешательства: меланхолия от Аристотеля до Дюрера. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/10691-melancholy> (дата обращения: 21.07.2021).
17. Юханисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь. М. : НЛЮ, 2012. 320 с.

18. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию. СПб. : Владимир Даль, 2004. 400 с.

19. Валери П. Об искусстве. URL: http://lib.ru/CULTURE/VALERY/about_art.txt (дата обращения: 21.07.2021).

20. Боровинская Д.Н. Актуализация методологических подходов к изучению мышления и креативности // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 4. URL: <http://fikio.ru/?p=4236> (дата обращения: 21.07.2021).

21. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2011. 640 с.

References

1. Nagel. E. (n.d.) *Tsitaty stoitsizma* [Stoic quotes]. [Online] Available from: <https://jegornagel.com/czitary-stoiczizma-luchshie-czitary-stoikov/> (Accessed: 21st July 2021).

2. Akvinskiy, F. (n.d.) *Summa teologii* [The sum of theology]. [Online] Available from: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-3/42> (Accessed: 21st July 2021).

3. Levinas, E. (2000) *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [Selected. Totality and the Infinite]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. pp. 7–65.

4. Heraclitus. (s.n.) *Tsitaty* [Quotes]. [Online] Available from: <https://ru.citaty.net/avtory/geraklit/> (Accessed: 21st July 2021).

5. Plato. (2000) *Dialogi* [Dialogues]. Moscow: Mysl'.

6. Plato. (1999) *Zakony* [Laws]. Moscow: Mysl'.

7. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 177–192.

8. Heidegger, M. (2007) *Nitsshe* [Nietzsche]. Vol. 2. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

9. Chernyshevskiy, N. (1976) *Esteticheskoe otnoshenie iskusstva k deystvitel'nosti* [Aesthetic relationship of art to reality]. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/c/chernyshevskij_n_g/text_0410.shtml (Accessed: 21st July 2021).

10. Golosovker, Ya. (n.d.) *Imaginativnyy Absolyut* [Imaginative Absolute]. [Online] Available from: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/golosovker-yakov-emmanuilovich/izbrannoe-logika-mifa/2> (Accessed: 21st July 2021).

11. Karmin, A.S. (2011) *Intuitsiya: Filosofskie kontseptsii i nauchnoe issledovanie* [Intuition: Philosophical Concepts and Scientific Research]. St. Petersburg: Nauka.

12. Svasyan, K. (2010) *Fenomenologicheskoe poznanie. Propedevtika i kritika* [Phenomenological knowledge. Propaedeutics and criticism]. Moscow: Akademicheskiiy proekt.

13. Plato. (n.d.) *Fedr* [Phaedrus]. [Online] Available from: <http://psylib.org.ua/books/plato01/21fedr.htm> (Accessed: 21st July 2021).

14. Husserl, E. (n.d.) *Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as a rigorous science]. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=56073&p=1> (Accessed: 21st July 2021).

15. Stepin, V.S. (ed.) (2001) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. p. 218.

16. Rossius, A.A. (n.d.) *Istoriya mrachnogo pomeshatel'stva: melankholiya ot Aristotehya do Dyurera* [A History of Dark Madness: Melancholy from Aristotle to Durer]. [Online] Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/10691-melancholy> (Accessed: 21st July 2021).

17. Yukhannison, K. (2012) *Istoriya melankholii. O strakhe, skuke i pechali v prezhnie vremena i teper'* [History of Melancholy. About Fear, Boredom and Sadness in the Old Days and Now]. Moscow: NLO.

18. Husserl, E. (2004) *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya filosofiya. Vvedenie v fenomenologicheskuyu filosofiyu* [The crisis of European sciences and transcendental philosophy. Introduction to Phenomenological Philosophy]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

19. Valerie, P. (n.d.) *Ob iskusstve* [About Art]. [Online] Available from: http://lib.ru/CULTURE/VALERY/about_art.txt (Accessed: 21st July 2021).

20. Bоровинская, Д.Н. (2020) Актуализация методологических подходов к изучению мышления и креативности [Actualization of methodological approaches to the study of thinking and creativity]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*. 4. [Online] Available from: <http://fikio.ru/?p=4236> (Accessed: 21st July 2021).

21. Berdyayev, N.A. (2011) *Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [Existential dialectics of the divine and the human]. Moscow: AST: Astrel': Poligrafizdat.

Сведения об авторе:

Яковлева Е.Л. – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой философии и социально-политических дисциплин Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (Казань, Россия). E-mail: mifoigra@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yakovleva E.L. – Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (Cultural Studies), docent, head of the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (Kazan, Russian Federation). E-mail: mifoigra@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.01.2022;
одобрена после рецензирования 11.07.2023; принята к публикации 18.08.2023*
*The article was submitted 01.01.2022;
approved after reviewing 11.07.2023; accepted for publication 18.08.2023*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.354:351/354
doi: 10.17223/1998863X/74/13

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ КОРПОРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ «ГИБРИДИЗАЦИИ» СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Валентин Павлович Бабинцев¹, Галина Николаевна Гайдукова²,
Жанна Александровна Шаповал³, Яна Александровна Пономарева⁴

^{1, 2, 3, 4} Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>, babintsev@bsu.edu.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>, g_gaidukova@bsu.edu.ru

³ <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>, shapoval@bsu.edu.ru

Аннотация. Цель настоящей работы – анализ некоторых новых тенденций в развитии профессиональной бюрократической корпорации в регионах России. Для эмпирического обоснования выводов обобщены и интерпретированы результаты ряда социологических исследований, проведенных авторами или при их участии в Белгородской области в период 2006–2021 гг. Отмечается, что «гибридизация» общественной жизни предъявляет ряд новых требований к профессиональной бюрократии и в целом ко всей системе управления.

Ключевые слова: бюрократия, бюрократическая корпорация, региональное управление, гибридизация социальной реальности, цифровизация

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>

Для цитирования: Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., Пономарева Я.А. Бюрократическая корпорация в условиях «гибридизации» социальной реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 136–150. doi: 10.17223/1998863X/74/13

SOCIOLOGY

Original article

BUREAUCRATIC CORPORATION IN THE CONDITIONS OF SOCIAL REALITY “HYBRIDIZATION”

Valentin P. Babintsev¹, Galina N. Gaidukova², Zhanna A. Shapova³,
Yana A. Ponomareva⁴

^{1, 2, 3, 4} Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

¹ <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>, babintsev@bsu.edu.ru

² <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>, g_gaidukova@bsu.edu.ru

³ <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>, shapoval@bsu.edu.ru

Abstract. The article considers bureaucracy as a specific dispersed corporation, whose substructures are distributed across spheres of life and levels of management, but,

nevertheless, are united by common formalized and non-formalized values, rules and norms. The authors note that, despite the long tradition of studying the bureaucratic management system, there are currently very few works on the problems of its change in the context of changes characterizing the new, augmented reality. The changes are especially contradictory at the level of regions – subjects of the Russian Federation. The aim of this work is to analyze some new trends in the development of professional bureaucratic corporations in Russian regions. For an empirical substantiation of conclusions, the authors summarized and interpreted the results of a number of sociological studies they conducted, including: a regional monitoring Rose of Quality, carried out from 2006 to 2011 and involving an assessment of the life quality and regional policy effectiveness in Belgorod Oblast (the method was a questionnaire survey; quota sample in different years ranged from 3,000 to 6,700 respondents); a sociological research Socio-Cultural Consequences of the Formation of Urbanized Sociobiotechnical Systems, implemented in Belgorod Oblast in 2019; an expert survey Problems of Bureaucratization of Regional Management (n = 40, 2021). The authors note that the ‘hybridization’ of public life imposes new requirements on the professional bureaucracy and, in general, on the entire management system. Firstly, it is necessary to expand the limits of the competence of management subjects due to knowledge and skills in technology, biology, ecology. Secondly, the “hybridization” of social reality requires a change in the bureaucrat style of thinking, which consists in its transition from a “monocausal” interpretation of processes to a “polycausal” one. Thirdly, the increase in the ability of management objects to self-organization and self-reproduction creates new requests for the bureaucratic corporation regarding the methods it uses. In particular, there is a need for a soft regulation, the conditions of which are: a strict, normative-based definition of the intervention limits in vital activity of the object; creation of a choice for him; treatment of counterparties as partners in the implementation of a common cause; reliance on the intellectual elite; use of a consensual language of communication.

Keywords: bureaucracy, bureaucratic corporation, bureaucratic management, regional management, hybridization of social reality, digitalization

Acknowledgements: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00150, <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>

For citation: Babintsev, V.P., Gaidukova, G.N., Shapova, Zh.A. & Ponomareva, Ya.A. (2023) Bureaucratic corporation in the conditions of social reality “hybridization”. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 136–150. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/13

Тезис о высокой динамике современной социальной реальности является едва ли не аксиомой для социологов. В.И. Чупров, Ю.А. Зубок и Н.А. Романович, в частности, пишут: «Изменения, характерные для эпохи постмодернизма, связаны с ускорением, отмечаемым во всех сферах жизнедеятельности современных обществ. Они проявляются в растущем динамизме общественных взаимодействий, в стремительном рождении и таком же быстром отмирании новых социальных образований, в расширении пространства свободы и ответственности индивидов и групп, в снижении предсказуемости изменяющихся жизненных ситуаций» [1. С. 23]. Одним из существенных следствий интенсивных перемен становятся постоянные коррективы статусно-ролевых характеристик большинства социальных групп или по меньшей мере их имиджевых характеристик. Однако существуют сообщества, положение которых меняется незначительно, во всяком случае именно такое впечатление создается в массовом сознании. Новации, которые внедряют их лидеры, воспринимаются весьма критически, как чисто декоративные (имитационные) меры, неадекватные совершающимся глобальным трансформациям.

К числу таких групп относится бюрократия, представляющая собой работников управления, деятельность которых подчинена формальным правилам. В своем строгом значении это определение применимо к так называемой профессиональной бюрократии, помимо которой существует бюрократия политическая. Различия между ними состоят в том, что политическая бюрократия, включающая в себя руководителей организаций и территориальных систем, вне зависимости от их уровня, выполняет функции целеполагания и регулирует внутриорганизационные и внешние отношения; профессиональная, владея технологиями управления, обеспечивает их деятельность. При этом в небольших организациях эти функции могут совмещаться в одном лице.

Феномен профессиональной бюрократии присущ любым иерархически организованным общественным системам, хотя обычно его анализируют применительно к государству, в рамках которого он получил не только наиболее полное воплощение, но и своего рода социокультурное оправдание, основные аргументы которого были сформулированы еще М. Вебером. Именно этот «певец бюрократии» настоятельно подчеркивал прогрессивное значение тенденции превращения «современного чиновничества в совокупность трудящихся (*Arbeiterschaft*), высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подготовкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства, а это бы ставило под угрозу чисто техническую эффективность государственного аппарата, значение которого для хозяйства, особенно с возрастанием социализации, постоянно усиливалось и будет усиливаться впредь» [2. С. 657].

Веберовский прогноз во многих отношениях осуществился на практике. Современная профессиональная бюрократия вышла далеко за пределы государственного аппарата и определяет, по меньшей мере с точки зрения технологий управления, процесс функционирования самых различных организаций, в том числе и оппонирующих государству институтам гражданского общества. В сущности, она представляет собой множество обособленных от контрагентов сообществ, характеризующихся организационным и субкультурным единством и составляющих в рамках одной страны постоянно воспроизводящую саму себя систему.

Эту систему вполне можно определить как корпорацию. Однако в данном случае необходимо сделать ряд уточнений. Понятие «корпорация» обычно употребляется в отношении крупных экономических субъектов. По определению П.А. Тихомирова, корпорация – «разновидность организации, которая отличается большими размерами и географией продаж и функционирования, наличием широкой сети экономически независимых организаций, входящих в нее». В качестве ее главных специфических черт, по его мнению, выступают «большая, чем в обычной организации, стратегическая направленность планов, стратегия на долговременное функционирование, комплексная программа развития корпорации» [3. С. 16]. Е.В. Бесликоева считает, что корпорация представляет собой «объединение, основанное на акционерной форме собственности, характеризующееся масштабностью производственной деятельности, развитой организационной структурой, профес-

сиональными управляющими во главе. Важной характеристикой корпорации выступает то, что она имеет миссию своей деятельности, ее участники объединены общей целью, нормами корпоративной культуры и принципами корпоративного поведения» [4. С. 7].

Безусловно, бюрократия не может рассматриваться в качестве самостоятельного субъекта хозяйственной деятельности, хотя ее отдельные группы имеют специфические хозяйственные экономические интересы. Однако нельзя не учитывать, что в последнее время понятие «корпорация» все чаще используется как характеристика «закрытой для „чужих“ общности, которую ее члены наделяют коллективной идентичностью» [5. С. 577]. По нашему мнению, данная дефиниция вполне применима для характеристики бюрократии, которая, выступая в качестве сообщества, отличается присущей ее членам коллективной идентичностью и солидарностью.

Однако бюрократия – это корпорация особого рода. Ее вполне можно определить как дисперсную корпорацию, подструктуры которой распределены по сферам жизни и уровням управления, но тем не менее объединены общими формализованными и неформализованными ценностями, правилами и нормами.

Корпоративность бюрократии, впрочем, не означает наличия в ее составе внутренних различий. В структуре корпорации, согласно выводам Г.П. Зинченко, можно выделить менеджеров и администраторов. «Разница состоит в том, что менеджеры воздействуют на социальные организации (предприятия, учреждения и т.п.), администраторы – на территориальные общности (страна, регион, город, деревня)» [6. С. 71]. Свои специфические интересы и сферы влияния имеют отдельные сегменты корпорации – «субкорпорации».

Наиболее влиятельная из них, разумеется, та, что сложилась в рамках государства, но наряду с нею функционируют и другие, осваивающие отдельные сегменты публичного пространства и отчетливо выделяющиеся в общей массе занятых в них работников – вплоть до демонстративного противопоставления им. Наглядным подтверждением этому служит, например, ситуация в вузах, где, как заключает А.Г. Зборовский, «академический менеджериализм и бюрократизация высшей школы послужили предпосылками превращения управленцев в ключевую вузовскую общность, зачастую противостоящую двум... основным – студентам и педагогам» [7. С. 5235].

В большинстве случаев формально сегменты бюрократической корпорации самостоятельны по отношению друг к другу, но в то же время органически связаны между собой. Эти связи всякий раз актуализируются в случаях, когда возникает необходимость реализовать или защитить групповой и частный интерес, что обычно не остается незамеченным общественным мнением, хотя в последнее время, как правило, воспринимается как вполне естественная практика (мелкие издержки системы управления). Но гораздо прочнее связи и зависимости на субкультурном уровне, на котором они обеспечиваются единством ценностных миров, стереотипов поведения и деятельности, воплощенных в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности, в субсистемах стилей и стилевого поведения, групповых формах культурных стандартов, что, согласно концепции О.Н. Римской, и составляет содержание любой субкультуры [8. С. 45].

Рассматриваемая в субкультурном контексте бюрократия вполне может быть представлена и как корпорация «диаспорического типа», в которой ее государственный компонент выступает в качестве материнского сообщества, продуцирующего социокультурные образцы, а субкорпорации в различных сферах общества – в качестве мультиплицирующих их диаспор.

Субкультурное единство этой системы выражается в формах бюрократической коллективной идентичности и солидарности, которые, в свою очередь, базируются на присущем членам корпорации представлении о причастности к власти.

Здесь необходимо сделать два пояснения. Во-первых, речь идет не об обладании властью, заключающемся в способности навязать свою волю другим, невзирая на сопротивление. Разумеется, бюрократия никогда не отказывается от попыток вмешиваться в процесс реализации властных функций (несмотря на то, что, согласно М. Веберу, профессиональный бюрократ не должен заниматься политикой), но все же власть в общественных структурах персонифицирована политической бюрократией (политику в данном случае мы понимаем в широком значении данного понятия как деятельность по руководству группами людей). Правда, нельзя не учитывать довольно известное заключение Р. Михельса о том, что любые руководители со временем трансформируются в управленцев [9, 10] и становятся олигархатом. В этой трансформации бюрократия играет весьма существенную роль, но все же она в большинстве случаев не носитель, а транслятор власти, ее коллективный технолог. Во-вторых, профессиональная бюрократия реализует свою причастность к власти на самых разных уровнях социальной организации – от небольших клубов и объединений, до – как уже отмечалось – государства и, несмотря на естественные различия в организации властных отношений, использует типичные поведенческие модели. В-третьих, причастность к власти – важнейший элемент бюрократического мышления, на основе которого ее представители различают «своих» и «чужих», выстраивая по отношению к ним различные (нередко прямо противоположные) стратегии поведения. При этом объем власти, к которой причастен управленец, хотя и имеет значение, не является главным маркером дифференциации. Важен сам факт причастности, означающий гораздо большее, нежели просто участие в реализации властных полномочий.

В сущности, причастность к власти представляет собой корпоративную социальную ренту бюрократии. При этом причастность приобретает символическое значение и выражается в отождествлении профессионального бюрократа с доступной ему системой власти, присвоении права говорить от ее имени, изобретении и применении групповых стандартов поведения (в частности, профессиональных кодексов), использовании специфического (канцелярского) языка. Существенно, что «печать причастности» сохраняется и после того, как субъект прекратил по тем или иным основаниям участвовать в работе бюрократического концерна.

Разумеется, дисперсная корпорация профессиональной бюрократии в отношении ее состава, пределов влияния и результатов деятельности не остается неизменной. Функционирование в условиях общества имиджей и рейтингов заставляет ее наиболее «продвинутых» представителей формировать новые образы бюрократической корпорации, обновлять технологии или хотя

бы убеждать контрагентов в инициации перемен, которые традиционно преподносятся как действия в интересах общества и благополучия его членов. Однако нельзя забывать, что мы достаточно давно живем в «обществе спектакля» [11], в котором многие действия не реализуются, а только имитируются, замещаются подделками, посредством которых можно вводить в заблуждение или же скрывать подлинные намерения [12].

В силу данной особенности любые декларации представителей бюрократической корпорации должны быть критически осмыслены и проверены. Однако, несмотря на давнюю традицию исследования бюрократической системы правления, в настоящее время крайне мало работ, посвященных проблемам ее изменения в контексте перемен, характеризующих новую, так называемую дополненную, реальность (дополненную современность), в которой «привычные со времен модернизации структуры – институты и интеракции, не исчезают, а совмещаются с вновь возникающими сетями и потоками» [13. С. 51]. Особенно противоречиво эти изменения протекают на уровне регионов, под которыми мы понимаем субъекты РФ.

В силу данного обстоятельства целью настоящей работы является анализ некоторых новых тенденций в развитии профессиональной бюрократической корпорации в регионах России.

Методы исследования

Анализ различных аспектов функционирования бюрократической системы правления исключительно сложен в силу ее традиционной закрытости для внешнего контрагента, главной причиной которой, по нашему мнению, является нежелание делиться знаниями о внутриорганизационных проблемах и той части технологий, которые относят к технологиям скрытого (манипулятивного) управления. Признание самого факта наличия действительно серьезных корпоративных проблем, а тем более допущение их публичного обсуждения, всегда рассматривалось в качестве табуированной темы в бюрократической среде, представители которой, как правило, руководствовались простым правилом: «Не следует выносить сор из избы». А поскольку отрицать наличие проблем вообще было бы очевидной глупостью, публичный дискурс обычно старались направить на обсуждение незначительных трудностей (в бюрократической интерпретации – «отдельных недостатков»). В результате доминантой бюрократического сознания была и остается установка на искусственную депроблематизацию управленческой реальности.

Данная установка характерна для государственных чиновников, для которых она дополнительно мотивирована, с одной стороны, стремлением избежать персональной ответственности, ибо в этой среде проблема обычно трактуется не как естественный момент в развитии, но результат чьей-то недоработки. Допущение применения данного правила применительно к себе для чиновника фактически означает признание собственного непрофессионализма, поскольку, как метко заметил Н. Талеб, вся конструкция бюрократии предназначена для того, чтобы отделить человека «от последствий его действий» [14. С. 30]. С другой стороны, возможности публичного дискурса здесь изначально ограничены природой государственного организма, имманентно включающего в себя момент анонимности, скрытности, что настоятельно подчеркивал П. Бурдьё: «...Я могу сказать, что государство – это

название, которое мы даем скрытым, невидимым принципам – указывая на своего рода *deus absconditus* – социального порядка и в то же время господства как физического, так и символического, а также физического и символического насилия» [15. С. 56].

Речь в данном случае не идет о конспирологической интерпретации государства, но о том, что часть его механизмов всегда будет доступна лишь профессионалам, принадлежащим к политической и профессиональной бюрократии. Это то, что сегодня довольно часто называют «глубинным государством», о конструкции которого можно судить лишь косвенно и до чего «не дотягивается» традиционная социология, особенно если она ограничивается эпизодическими опросами общественного мнения.

Указанные ограничения послужили основанием для использования комплекса методов исследования.

Во-первых, были использованы результаты систематического наблюдения авторов за работой бюрократических (государственных и негосударственных) сообществ в Белгородской области, осуществленного с 1993 по 2020 г. Это наблюдение реализовалось:

- в ходе работы одного из авторов статьи в качестве руководителя информационно-социологической группы управления по делам молодежи, одной из задач которой в 90-е гг. XX в. была разработка программ «Молодежь Белгородской области»;

- в процессе работы над региональными проектами – «Программой улучшения качества жизни населения Белгородской области» (2003) и «Стратегией „Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы“» (2011) – и научно-аналитического сопровождения их реализации;

- при разработке ряда региональных проектов: «Формирование системы общественной оценки органов власти, руководителей, государственных и муниципальных служащих Белгородской области» (2017); «Обоснование и разработка региональной модели коммуникаций власти и общества в нестабильной социальной среде» (2017);

- в ходе работы одного из авторов в составе Общественной палаты Белгородской области (с 2008 по 2018 г.), созданной для обеспечения согласования общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления.

Во-вторых, были обобщены и интерпретированы результаты ряда социологических исследований, проведенных авторами или при их участии:

- регионального мониторинга «Роза качества», осуществлявшегося при участии авторов с 2006 по 2011 г. и предполагавшего оценку качества жизни населения Белгородской области и эффективности региональной политики (метод – анкетный опрос; квотная выборка в разные годы варьировала от 3 000 до 6 700 респондентов);

- социологического исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем», реализованного авторами в 2019 г. в рамках выполнения гранта РФФИ «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем»;

- экспертного опроса «Проблемы бюрократизации регионального управления» (n = 40; 2021 г.).

Применение в течение длительного периода разнообразных методов исследования обусловлено как сложностью изучаемой проблемы, так и ограниченностью возможностей каждого из них.

Гибридизация социальной реальности и одномерность бюрократии

Одним из следствий глобализации общественной жизни является нарастание тенденции к формированию сложно структурированных социобиотехнических систем (СБТ-систем), интегрирующих природно-биологические, социальные, технологические и когнитивно-психологические процессы. «Генетика СБТ-систем имеет „гибридный“ характер, частично она конструируется человеческой деятельностью, а частично воспроизводится самими СБТ-системами» [16. С. 9]. Соединение в рамках этих систем, казалось бы, разнородных и трудно совместимых элементов дополняется изменением принципов их самоорганизации, ведущим из которых становится принцип гомеостаза, в соответствии с ним СБТ-системы сами формируют и поддерживают программу своего развития, ориентируясь на долгосрочные цели.

«Гибридизация» общественной жизни предъявляет ряд новых требований к профессиональной бюрократии (впрочем, как и ко всей системе управления).

Во-первых, интеграция в социальные процессы технико-технологических и биоэкологических элементов существенно меняет их содержательные характеристики, следовательно, и методы управления. Социальное управление все более технологизируется (наиболее наглядным выражением этой тенденции является цифровизация), что предполагает расширение пределов компетентности субъектов за счет знаний и навыков в сферах техники, биологии, экологии. Одновременно возникает опасность абсолютизации технологического знания, претендующего, как подчеркивал О.Н. Яницкий, на «всесторонний охват и регулирование» трансформации общественной жизни, что представляет собой «вызов самой сущности социального» [16. С. 9].

В данном контексте становятся крайне важными два близких по содержанию вопроса. Первый связан с определением способности профессиональной бюрократии, действующей в рамках субъекта РФ, расширить пределы своей компетентности в социальном управлении за счет технико-технологических и биоэкологических знаний, не увлекаясь при этом паранаучными по своей сути конструкциями. Второй – с выяснением способности ее к самоограничению в трактовке перспектив технологического знания и его практической реализации.

Ответ на второй вопрос вряд ли возможно дать в условиях дефицита конкретных эмпирических исследований. Однако собственные наблюдения позволяют предполагать, что он будет скорее отрицательным, чем положительным, хотя бы уже потому, что бюрократическая корпорация обычно не склонна к самоограничению и рассматривает присвоенные ею новации как своего рода универсальные и безальтернативные способы решения проблем. Специалисты склонны рассматривать эту позицию в качестве основы своеобразной идеологии менеджериализма. А.Р. Тузиков пишет: «Идеологический дискурс менеджериализма конструирует то, что принято называть здравым смыслом в социальном управлении, т.е. „очевидные“ для большинства схемы

оценки целей и способов осуществления управленческих действий. Зародившись в крупных корпорациях, он привнес во все другие сферы деятельности такие характерные для него императивы, как экономизм и примат финансового результата, эффективность как „безубыточность“ и результативность, конвертируемую в экономические показатели, а также культ количественных критериев оценки результативности в любом виде деятельности. Причем все это представляется как безальтернативная практика, вытекающая из вызовов „современности“» [17. С. 63]. Это, в частности, наглядно проявляется в отношении цифровизации.

Как показало проведенное нами в рамках исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» фокус-групповое интервью, менеджеры разных уровней (правда, работающие в городских организациях) именно с нею связывают решение основной массы проблем урбанизированных поселений. Поддержку большинства участников нашло следующее высказывание относительно главных тенденций развития города: *«...внедрение цифровых технологий в систему управления, ликвидация лишних цепочек в отношениях чиновников и населения, расширение дистанционного доступа к услугам, предоставляемым населению. „Государство в смартфоне“»* (Наталья, работник сферы культуры).

Ответ на первый вопрос представляется нам довольно парадоксальным. Прежде всего, довольно очевидно, что представители различных «субкорпораций» бюрократии проявляют неодинаковую способность к расширению пределов своих компетенций. Однако при всех различиях можно считать, что образцы поведения в данном случае (как и во многих других) задает «субкорпорация» государственных и муниципальных служащих, диспозиция которых весьма противоречива. С одной стороны, в рамках общей тенденции государственные и муниципальные служащие дружно восхваляют технологизацию. Но с другой, – весьма скептически относятся к конкретным ее проявлениям. Так, исследование «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» показало: только 20,6% рассматривают техническую грамотность в качестве признака культурного человека; 5,9% – умение пользоваться компьютерными технологиями.

Преимущественно негативное или близкое к негативному отношение к внедрению технических средств и технологий в социальные процессы создает существенный аксиологический барьер в отношении перспектив «технологизации мышления». При этом оно в очередной раз демонстрирует двойственность сознания профессиональной бюрократии, как показывает опыт, обычно проявляющуюся в публичном одобрении трендов, заданных политическими руководителями и нередко саботажем следования этим установкам в индивидуальных практиках.

Во-вторых, «гибридизация» социальной реальности требует изменения стиля мышления представителей бюрократической корпорации, заключающегося в переходе его от «монокаузальной» [15. С. 661] интерпретации процессов к «поликаузальной», предполагающей способность выявить максимально широкий спектр причин явлений и процессов, отражающих их «гибридность». Освоение этой, казалось бы, вполне естественной модели мышления у представителей бюрократической корпорации в регионе на практике также обусловлено существенными трудностями. Для значительной

части из них характерными чертами осмысления реальности являются контрастный «черно-белый» подход к оценке событий, анализ ее в так называемой «низкой размерности», предполагающий поиск одномерных причинно-следственных связей [14. С. 27]. Как правило, определяя их, представители бюрократической корпорации используют традиционные (клишированные) формулировки. Это хорошо продемонстрировал А.Э. Ушамирский на примере объяснения государственными и муниципальными служащими причин молодежных конфликтов. Наиболее важной среди них (48,6%) они назвали низкую культуру населения [18. С. 151]. Безусловно, данное обстоятельство имеет место, и на него можно ссылаться, рассматривая практически любую проблему, но оно, будучи просто широко используемым стереотипом, мало что проясняет в отношении конкретной ситуации.

В-третьих, повышение способности объектов управления к самоорганизации и самовоспроизводству формирует в бюрократической корпорации новые запросы в отношении применяемых ею методов. Традиционно среди них превалировало жесткое административное воздействие, опирающееся на систему санкций. Сегодня возникает потребность в мягком регулирующем воздействии, условиями которого являются строгое, нормативно обоснованное определение пределов вмешательства в жизнедеятельность объекта, создание для него возможности выбора, отношение к контрагентам как к партнерам в осуществлении общего дела, опора на интеллектуальную элиту, использование консенсусного языка общения.

И вновь возникает вопрос: в какой мере бюрократическая корпорация на уровне субъекта РФ способна соблюдать эти условия? Анализ экспертных оценок вызывает сомнения в ее способности к изменению методов управления (хотя, несомненно, ситуация и в данном случае различается в отдельных субкорпорациях). Однако при всех различиях основные параметры и здесь задает государственная бюрократия, которая пока мало способна к реальному переходу от администрирования к регулированию.

Так, в ходе исследования «Проблемы бюрократизации регионального управления» лишь 15% экспертов приняли точку зрения, что государственные чиновники воспринимают население в качестве партнеров; 35% убеждены – рассматривают его как пассивный объект; 32,5% – как источник проблем. Позиция государственных служащих воспроизводится администраторами негосударственных структур. В частности, в ходе исследования «Социокультурные следствия формирования урбанизированных социобиотехнических систем» эксперты, признав необходимость регулирования культурного процесса в городе, отметили, что к этому готовы в полной мере менеджеры творческих союзов (16,7%), общественных объединений (13,3%), муниципальные служащие (6,7%).

Тем не менее нельзя не отметить, что в последнее время бюрократическая корпорация становится все более открытой обществу. Тон здесь вновь задают государственные чиновники, многие из которых вынуждены делать это, подчиняясь требованиям политических руководителей. Открытость в данном случае – мера в значительной степени вынужденная, обусловленная кризисом коммуникаций власти и общества и, как следствие, снижением уровня взаимного доверия. Эту тенденцию на уровне субъекта РФ мы не раз фиксировали в ходе мониторинга «Роза качества». Так, в 2011 г. губернатору

Белгородской области доверяли 56,6% жителей, правительству – 46,5%, областной думе – 41,3%, Общественной палате – 35,7%, главам местного самоуправления городов и районов (в среднем) – 45,6%, главам поселений (в среднем) – 43,6%. При этом довольно низким был и показатель удовлетворенности населения информационной открытостью власти; в среднем он не превышал 50%. Более всего граждане были удовлетворены информационной открытостью губернатора (45,5%), несколько меньше – правительства области (36,5%) и Общественной палаты региона (28,3%).

При этом в ходе исследования «Проблемы бюрократизации регионального управления» в 2021 г. 37,5% экспертов в качестве одного из позитивных изменений в государственном управлении отметили улучшение коммуникаций между властью и населением. Это действительно имеет место и выражается в том числе в широком использовании современных информационно-коммуникационных технологий для непосредственного общения представителей бюрократической корпорации с гражданами.

Вместе с тем фиксация их массовой активности в социальных сетях, цифровых платформах и в традиционном пространстве не снимает проблему результативности этой работы, поскольку (это, в частности, отметили 17,5% экспертов) для бюрократии типична имитация реальной деятельности.

Существенную, хотя и противоречивую, роль в изменении информационно-коммуникационной среды функционирования бюрократии в регионах сыграло массовое внедрение в практику управления цифровых технологий. Прежде всего, они значительно расширили технические возможности управленческого воздействия, хотя многим администраторам и менеджерам пришлось пережить трудный этап освоения компьютеров и гаджетов. Цифровизация изменила характер взаимодействия членов бюрократической корпорации с контрагентами, минимизировав непосредственное (живое) общение и заменив его удаленным взаимодействием. Это опять-таки хорошо прослеживается на примере государственных чиновников, которые все чаще исключаются из процесса оказания услуг населению, что обычно рассматривается как фактор, снижающий уровень коррупции и оценивается весьма позитивно [19–24]. Однако в данном случае позитивные следствия цифровизация имеет скорее для граждан, чем для самих чиновников.

В то же время нельзя не признать: цифровизация, качественно меняющая посредством тотальной кодификации коммуникативную среду систем управления, объективно соответствует специфике бюрократического мышления, ориентированного на формальное восприятие «гибридной» реальности. Но такой, вполне оправданный в технологическом отношении, подход нередко приходит в противоречие с социокультурной традицией и потребностью людей в неформальном, эмоционально насыщенном и этически фундированном взаимодействии. Неразрешенность данного противоречия ведет к издержкам цифровизации, понимаемой в широком смысле как комплекс информационно-коммуникационных технологий в целом [25. С. 183]. Специалисты отмечают: «Многочисленные факты свидетельствуют, что возник социальный парадокс ИКТ: широкое внедрение этих технологий ведет не к укреплению и гармонизации глобальных макросоциальных связей и отношений, а к их разобщению, росту материальных и духовных диспаритетов, деградации институтов социального и политического сотрудничества и кооперации. Возник-

шие как инструмент коммуникации, ИКТ в сложившихся условиях усиливают тенденцию социальной дезинтеграции» [26. С. 17].

Таким образом, бюрократические коммуникации в субъектах РФ выстраиваются весьма неоднозначно. Разумеется, качество их различается в зависимости от статуса, структуры конкретных субкорпораций и их референтного окружения. Но главным формирующим коммуникативную среду, как, впрочем, и всю систему бюрократического управления, фактором является, на наш взгляд, широта «культурного горизонта». Она выражается в способности и готовности адекватно оценить характер и глубину стоящих перед бюрократической корпорацией проблем и их причины, осуществить рефлексию собственных ресурсных возможностей, если необходимо (а в условиях «гибридизации» социальной реальности это необходимо почти всегда), обратиться к экспертному сообществу и с учетом позиции последнего выстроить систему технологий регулирования общественных процессов.

Заключение

Несколько лет назад в ходе дискуссии теперь уже бывший губернатор Белгородской области Е. Савченко задал одному из авторов статьи вопрос о том, возможно ли в принципе качественное обновление бюрократической корпорации, позволяющее если не устранить полностью, то хотя бы минимизировать ее издержки. Ответ был дан отрицательный, но в то время он основывался, скорее, на интуитивном представлении о бюрократическом корпоративном управлении, без учета лишь намечавшейся тогда тенденции к «гибридизации» регионального социального пространства. Однако вопрос заставил заняться анализом проблемы более глубоко, с привлечением к нему других специалистов. Сегодня мы можем уже на основе не интуиции, но аналитических материалов уточнить свою позицию: бюрократическую корпорацию в регионе в обозримом будущем принципиально изменить невозможно, но делать это необходимо, действуя постепенно и последовательно, с опорой на принципы и правила социальной инженерии.

Список источников

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности. М. : Норма, 2019. 208 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с.
3. Тихомиров П.А. Корпоративная культура как фактор устойчивости организации : дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 224 с.
4. Бесликоева Е.В. Современная корпорация: социологический анализ собственности, власти и управления : автореф. дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2004. 24 с.
5. Идентичность: личность, общество, политика : энцикл. изд. М. : Весь мир, 2017. 992 с.
6. Зинченко Г.П. Государственная служба в предметном поле социологии // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 70–75.
7. Зборовский А.Г. Доверие в университете и университетский капитал // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов : сб. докл. VI Всерос. социолог. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М. : РОС : ФНИСЦ РАН, 2020. С. 5234–5240.
8. Римская О.Н. Феноменология субкультурных религий : дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2011. 172 с.
9. Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Диалог. 1991. № 3. С. 42–46.

10. Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Политология : хрестоматия / сост. М.А. Василик, М.С. Вершинин. М. : Гардарики, 2000. 843 с.
11. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М. : Логос, 1999. 224 с.
12. Тощенко Ж.Т. Новые лики деятельности : имитация // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 23–36.
13. Иванов Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 44–55.
14. Талеб Н.Н. Рискую собственной шкурой: скрытая асимметрия повседневной жизни. М. : Колибри : Азбука-Аттикус, 2018. 384 с.
15. Бурдьё П. О государстве : курс лекций в Коллеж. де Франс (1989–1992). М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
16. Яницкий О.Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 1 (21). С. 7–22.
17. Тузинов А.Р. Высшее образование: идеологемы реформ и практика имитаций // Управление устойчивым развитием. 2020. № 1 (26). С. 60–65.
18. Ушамирский А.Э. Социальный механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта : дис. ... д-ра социол. наук. Белгород, 2020. 477 с.
19. Benay A. Government digital: the quest to regain public trust. Toronto : Dundurn Press, 2018.
20. Dobrolyubova E., Starostina A. What Drives Adoption of E-Services in Russia? // Communications in Computer and Information Science. 2022. Vol. 1503. CCIS. P. 137–151. DOI: 10.1007/978-3-030-93715-7_10
21. Falk S., Rommele A., Silverman M. Digital government leveraging innovation to improve public sector performance and outcomes for citizens. Switzerland : Springer International Publishing, 2017. DOI: 10.1007/978-3-319-38795-6
22. Sirotkina N., Lazarevich S. Electronic Public Procurement: Case of Russia // International Journal of Public Administration. 2022. Art. 2018710. DOI: 10.1080/01900692.2021.2018710
23. Павлютенкова М.Ю. Электронное правительство vs цифровое правительство в контексте цифровой трансформации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 120–135. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.07
24. Эскиндаров М.А., Масленников В.В., Масленников О.В. Риски и шансы цифровой экономики в России // Финансы: теория и практика. 2019. № 23 (5). С. 6–17. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-6-17
25. Панов В.И., Патраков Э.В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М. : Психологический институт РАО ; Курск : Университетская книга, 2020. 198 с.
26. Левашов В.К., Сарьян В.К., Назаренко А.П., Новожилина О.П., Тощенко И.Ж., Шушпанова И.С., Саломатина Е.В. Развитие информационно-коммуникационных технологий и перспективы гражданского общества // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 13–20.

References

1. Chuprov, V.I., Zubok, Yu.A. & Romanovich, N.A. (2019) *Doverie v samoregulyatsii izmenyayushcheysya sotsial'noy real'nosti* [Trust in self-regulation of the changing social reality]. Moscow: Norma.
2. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress.
3. Tikhomirov, P.A. (2004) *Korporativnaya kul'tura kak faktor ustoychivosti organizatsii* [Corporate culture as a factor in the organization sustainability]. Sociology Cand. Diss. Moscow.
4. Beslikoeva, E.V. (2004) *Sovremennaya korporatsiya: sotsiologicheskii analiz sobstvennosti, vlasti i upravleniya* [The Modern Corporation: A Sociological Analysis of Property, Power, and Management]. Abstract of Sociology Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Semenenko, I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics. An Encyclopedia]. Moscow: Ves' mir.
6. Zinchenko, G.P. (2016) *Gosudarstvennaya sluzhba v predmetnom pole sotsiologii* [Public service in sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 2. pp. 70–75.
7. Zborovskiy, A.G. (2020) *Doverie v universitete i universitetskiy kapital* [Trust in the University and University Capital]. In: Mansurov, V.A. & Ivanova, E.Yu. (eds) *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsial'nom razvitii regionov* [Sociology and Society: Traditions and Innovations in the Social Development of Regions]. Moscow: ROS: FNISTS RAS. pp. 5234–5240.

8. Rimsкая, O.N. (2011) *Fenomenologiya subkul'turnykh religiy* [Phenomenology of Subcultural Religions]. Philosophy Cand. Diss. Tula.
9. Michels, R. (1991) *Sotsiologiya politicheskikh partiy v usloviyakh demokratii* [Sociology of political parties in a democracy]. *Dialog*. 3. pp. 42–46.
10. Michels, R. (2000) *Sotsiologiya politicheskikh partiy v usloviyakh demokratii* [Sociology of political parties in a democracy]. In: Vasilik, M.A. & Vershinin, M.S. (eds) *Politologiya* [Political Science]. Moscow: Gardariki.
11. Debord, G. (1999) *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Translated from French by S. Ofertas, M. Yakubovich. Moscow: Logos.
12. Toshchenko, Zh.T. (2012) *Novye liki deyatel'nosti: imitatsiya* [New faces of activity: imitation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 12. pp. 23–36.
13. Ivanov, D.V. (2020) Augmented modernity: Effects of post-globalization and post-virtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 44–55. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250009397-9
14. Taleb, N.N. (2018) *Riskuya sobstvennoy shkuroy: Skrytaya asimmetriya povsednevnoy zhizni* [Risking Your Own Skin: The Hidden Asymmetries of Everyday Life]. Moscow: KoLibri: Azbuka-Attikus.
15. Bourdieu, P. (2016) *O gosudarstve: kurs lektiy v Kollezhe de Frans (1989–1992)* [On the state: a course of lectures at the College de France (1989–1992)]. Translated from French. Moscow: Delo.
16. Yanitskiy, O.N. (2018) *K probleme modernizatsii gumanitarnogo znaniya* [On the problem of modernization of humanitarian knowledge]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 6-1(21). pp. 7–22.
17. Tuzikov, A.R. (2020) *Vysshee obrazovanie: ideologemy reform i praktika imitatsiy* [Higher education: ideologemes of reforms and the practice of imitation]. *Upravlenie ustoychivym razvitiem*. 1(26). pp. 60–65.
18. Ushamirskiy, A.E. (2020) *Sotsial'nyy mekhanizm regulirovaniya protsessa realizatsii interesov molodezhi v usloviyakh konflikta* [Social mechanism for regulating the process of realizing the interests of young people in a conflict]. Sociology Dr. Diss. Belgorod.
19. Benay, A. (2018) *Government Digital: The Quest to Regain Public Trust*. Toronto: Dundurn Press.
20. Dobrolyubova, E. & Starostina, A. (2022) What Drives Adoption of E-Services in Russia? *Communications in Computer and Information Science*. 1503. CCIS. pp. 137–151. DOI: 10.1007/978-3-030-93715-7_10
21. Falk, S., Rommele, A. & Silverman, M. (2017) *Digital government leveraging innovation to improve public sector performance and outcomes for citizens*. Switzerland: Springer International Publishing. DOI: 10.1007/978-3-319-38795-6
22. Sirotkina, N. & Lazarevich, S. (2022) Electronic Public Procurement: Case of Russia. *International Journal of Public Administration*. pp. 783–794. DOI: 10.1080/01900692.2021.2018710
23. Pavlyutenkova, M.Yu. (2019) *Elektronnoe pravitel'stvo vs tsifrovoye pravitel'stvo v kontekste tsifrovoy transformatsii* [Electronic government vs digital government in the context of digital transformation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 120–135. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.07
24. Eskindarov, M.A., Maslennikov, V.V. & Maslennikov, O.V. (2019) *Riski i shansy tsifrovoy ekonomiki v Rossii* [Risks and chances of digital economy in Russia]. *Finansy: teoriya i praktika*. 23(5). pp. 6–17. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-5-6-17
25. Panov, V.I. & Patrakov, E.V. (2020) *Tsifrovizatsiya informatsionnoy sredy: riski, predstavleniya, vzaimodeystviya* [Digitalization of the information environment: risks, representations, interactions]. Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education; Kursk: Universitetskaya kniga.
26. Levashov, V.K., Saryan, V.K., Nazarenko, A.P., Novozhenina, O.P., Toshchenko, I.Zh., Shushpanova, I.S. & Salomatina, E.V. (2016) *Razvitie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy i perspektivy grazhdanskogo obshchestva* [Development of information and communication technologies and prospects for civil society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 13–20.

Сведения об авторах:

Бабинцев В.П. – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального

исследовательского университета (Белгород, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Гайдукова Г.Н. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>. E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru

Шаповал Ж.А. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>. E-mail: shapoval@bsu.edu.ru

Пonomарева Я.А. – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Babintsev V.P. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0112-6145>. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Gaidukova G.N. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6300-9174>. E-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru

Zh.A. Shapoval – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation). ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8069-9274>. E-mail: shapoval@bsu.edu.ru

Ya.A. Ponomareva – postgraduate student, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation). SPIN-code elibrary.ru : 8062-2569

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 18.08.2023*

Научная статья

УДК 316.334

doi: 10.17223/1998863X/74/14

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА К СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

Никита Андреевич Вялых

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,
sociology4.1@yandex.ru*

Аннотация. Предлагаются система эмпирических индикаторов и методика социальной диагностики степени доверия общества к услугам здравоохранения в современной России. На основе данных социологического исследования выделяются поведенческие факторы доверия / недоверия потребителей медицинской помощи на личностном и институциональном уровнях. Делается вывод о противоречивом характере социального отношения общества к системе здравоохранения на этапе выхода из сложной эпидемиологической ситуации.

Ключевые слова: социальное доверие, потребление медицинской помощи, институт здравоохранения, социальный конструктивизм, российское общество, пандемия COVID-19

Благодарности: исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК-1818.2022.2) «Динамика социального доверия российского общества к институту здравоохранения в условиях пандемии COVID-19».

Для цитирования: Вялых Н.А. Факторы социального конструирования доверия российского общества к системе здравоохранения (на материалах социологического опроса) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 151–165. doi: 10.17223/1998863X/74/14

Original article

FACTORS OF SOCIAL CONSTRUCTION OF RUSSIAN SOCIETY'S TRUST TO THE HEALTHCARE SYSTEM (BASED ON THE MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY)

Nikita A. Vyalykh

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, sociology4.1@yandex.ru

Abstract. The article discusses the results of a sociological research of trust factors of medical care consumers in Russian regions during the actual end of the COVID-19 pandemic. The relevance of the observation is determined by the practical and scientific necessity to overcome the differences in understanding the phenomenon of social trust/distrust, especially in modern Russia, when the vector of transformation of the healthcare institution is corrected forcibly. Based on the empirical data, the author analyzes the society's medical behavior and their main problems, fears, alarms. He also reveals theoretical and methodological backgrounds of a sociological study of the healthcare system as a space for the construction and reproduction of social trust/distrust in Russian society. The cognitive limitation of the modern concepts is connected with the reduction of social trust to an unambiguously positive healthcare image and the accessibility of its individual functions in the minds of medical care consumers, although it should rather be about the

result of influence of the social situation, culture, as well as individual traits, social values, attitudes and self-preservation behavioral patterns. The study is based on the paradigm of social constructivism. This approach makes it possible to study both mental and behavioral factors that shape the crisis of public trust to the health care services. The author argues that social trust is constructed as a result of activity and requires directed efforts, an active position of potential patients. It is expedient to include the following in the structure of criteria for assessing social trust in the healthcare system: the attitude of consumers to medical organizations; the level of satisfaction with their personal doctors and needs; typical self-preservation practices; emotional mood, fears, and expectations from medical interventions. The author comes to the conclusion that the sociological toolkit will allow identifying implementation prospects for further fundamental research of the social trust problem in other public life subsystems.

Keywords: social trust, medical care consumption, healthcare institution, social constructivism, Russian society, COVID-19 pandemic

Acknowledgments: The study was carried out as part of the implementation of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences (МК-1818.2022.2): Dynamics of Social Trust of the Russian Society in the Healthcare Institution in the Context of the COVID-19 Pandemic.

For citation: Vyalykh, N.A. (2023) Factors of social construction of russian society's trust to the healthcare system (based on the materials of a sociological survey). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 151–165. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/14

Введение

Российское здравоохранение пребывает в состоянии непрерывного кризиса как минимум три последних десятилетия. Несовершенства системы оказания медицинской помощи обострила пандемия COVID-19, однако начиная со второго квартала 2022 г. наша страна вошла в фазу нормализации эпидемиологической обстановки, а значит сейчас уже можно попытаться обрисовать новые контуры социального портрета типичного потребителя медицинской помощи в контексте проблемы доверия. Цель статьи – дать социологическую оценку представлений, ценностей и установок, формирующих фон социального настроения общества в сфере здравоохранения.

Посредством формализованного анкетного опроса населения в 27 российских регионах (N = 834; квотная выборка по типу поселения, полу, возрасту; проведен в ноябре 2022 г. – январе 2023 г.) нам удалось дать описание содержательных аспектов структуры институционального доверия / недоверия к медицинским организациям, а также выявить ряд противоречий между мнениями, оценками ситуации, с одной стороны, и реальным медицинским поведением – с другой. В статье сформулированы основные выводы, полученные по результатам анализа социологических данных. Но перед этим необходимо обозначить теоретические предпосылки, повлиявшие на эмпирическую архитектуру социологического исследования, а также аргументировать выбор социальных индикаторов.

Доверие к системе здравоохранения в оптике социального конструктивизма

В нашу задачу не входит погружение во все версии и методологические оттенки конструктивизма, поэтому мы остановимся лишь на некоторых кон-

цептуальных положениях, которые имеют наибольшее значение для понимания сущности и ключевых признаков социального доверия в сфере здравоохранения.

Не будет ошибкой признать, что народная мудрость «Доверяй, но проверяй!» – квинтэссенция социального конструктивизма. С точки зрения социологии смысл социального доверия состоит вовсе не в транзакционных издержках пациентов, связанных с необходимостью контроля и верификации действий, решений, назначений медицинских работников и организаций, а также иных агентов, которые прямо или косвенно включены в систему общественного здравоохранения. Главная идея здесь состоит в том, что условием формирования и воспроизводства доверия является целерациональная деятельность, активная жизненная позиция самого потребителя медицинской помощи, его эмоции, смыслы, ощущения, «культурное знание» [1. С. 113]. Чтобы доверять или не доверять услугам здравоохранения, нужно пройти через длительный процесс самообразования и работы с информацией, общения с профессионалами и экспертами, наконец, просто обладать опытом, знать внутреннюю картину своего здоровья и болезней.

Пафос современных исследований заключается в отходе от изучения статичных социоструктурных барьеров терапевтического выбора (скажем прямо, уже набивших оскомину в социологии здравоохранения) в сторону познания доминант культуры болезни и культуры здоровья. Такой ракурс подкупает своей гуманистической направленностью, поскольку в центре внимания оказывается человек, его смысложизненные ценности, установки и потребности, что в целом отражает тренд методологического камбека феноменологической традиции в российской и зарубежной социологии [2–6]. Вместе с тем нельзя пренебрегать факторами давления институциональной среды, порождаемой взаимодействиями различных акторов, на формирование моделей медицинской активности потенциальных и реальных пациентов. Именно поэтому социальный конструктивизм в лучших познавательных традициях концепции П. Бергера и Т. Лукмана [7], делающий методологический упор на социальные практики, но отнюдь не отрицающий самодостаточность социальных структур, до сих пор так востребован учеными в области социологии здоровья и здравоохранения [8–10].

Социальный конструктивизм позволяет избавиться от привычных когнитивных фреймов, когда доверие рассматривается как положительное, предпочитаемое, социально санкционированное чувство, а недоверие – как замкнутость, закрытость, недалекость, интеллектуальная ригидность. Бывает и обратная ситуация, при которой доверие ассоциируется с некомпетентностью, безынициативностью, внушаемостью, а недоверие – с повышенным уровнем рефлексии, критичностью и неконформизмом. Мы считаем, что социальное доверие и недоверие в разных социокультурных обстоятельствах могут приводить, зачастую одновременно, и к позитивным, и к негативным эффектам, причем не только по отношению к конкретному субъекту как носителю доверия / недоверия, но и по отношению к большим социальным группам и, как следствие, к социальным институтам, базирующимся на общественных потребностях (которые невозможно удовлетворить одномоментно и в полном объеме), ресурсах (всегда дефицитных, особенно в системе медицинского обеспечения) и интересах (обычно разноректорных).

Доверие и недоверие – это всего лишь альтернативные, эмоционально окрашенные и социально детерминированные стили мышления агентов, которые не взаимоисключают, а, напротив, дополняют друг друга, образуя целостную систему представлений, ценностей, убеждений, поведенческих установок и ожиданий. Отправной для нас будет следующая дефиниция: социальное доверие потребителей медицинской помощи – это предрасположенность субъекта принимать решения относительно своего здоровья в институциональном пространстве здравоохранения, в значительной степени полагаясь на мнения, рекомендации, назначения, действия членов профессионального медицинского сообщества. При этом надо отдавать отчет в методологической ограниченности данного определения, сформулированного в духе парадигмы социологического номинализма, потому что в системе социального доверия перемешано великое множество контекстуальных и индивидуальных факторов экономического, духовного, политического, социально-психологического, социокультурного, социально-стратификационного плана, учесть которые даже в многолетнем монографическом исследовании просто нереально. К тому же нельзя исключать влияние случайных метафизических переменных, находящихся далеко за пределами социологической предметности.

В дальнейшем хочется сосредоточить внимание читателей на результатах эмпирической части нашего научного проекта. С теоретическими и методологическими установками, предопределившими стратегию социологического опроса, можно ознакомиться подробнее в опубликованных в 2022 г. работах автора [11, 12].

В поисках эмпирических аналогов социального доверия в сфере здравоохранения

В большинстве случаев доверие, о какой бы сфере ни шла речь, исследуется как нечто конвенциональное, очевидное и «понятное» всем: и обывателям, и научному сообществу. Отсутствие значимых попыток эмпирической интерпретации и операционализации, несмотря на внушительный объем научных трудов теоретико-методологического характера [13–18], порождает своего рода логический порочный круг, в котором доверие социологически препарируется через само себя и свои производные: веру, уверенность, недоверие. Поэтому в социологических работах, посвященных отношению потребителей к институту здравоохранения, можно встретить в основном всевозможные индексы и степени доверия / недоверия без какой-либо спецификации самого термина.

Разумеется, вопросы в стиле «в какой степени вы доверяете..?», «кому вы доверяете больше всего?» должны присутствовать в инструментарии, но как проверочные, дополнительные. У любого социолога, будь то ситуация интервью, фокус-группы или анкетирования, всегда присутствует искушение задать центральный исследовательский вопрос респондентам напрямую, переключая на них таким образом, осознанно или неосознанно, ответственность за результаты социологического обследования. Но, как говорится, так это не работает. На фундаментальные вопросы социологического исследования ответы должны давать сами социологи. Подобно врачам, формулирующим медицинские диагнозы и экспертные заключения на основе жалоб пациентов,

визуального осмотра, пальпации, лабораторных и аппаратных исследований, социологи ставят социальные диагнозы обществу, полагаясь на инструменты измерения, пусть и не всегда надежные и объективные. Спросить респондента только о том, доверяет ли он системе здравоохранения, будет так же наивно и бесперспективно, как, например, врачу предложить пациенту самому себе поставить диагноз и назначить лечение.

Не будем отрицать, что измерить характер доверия населения к здравоохранению через какие-то косвенные признаки и параметры крайне непросто, поскольку конвертация теоретических понятий в эмпирические индикаторы, а затем в вопросы анкеты и шкалы (варианты ответов) требует, во-первых, умения разрывать привычные познавательные шаблоны и штампы, во-вторых, внушительного опыта обыденного восприятия и чувственных переживаний процессов в роли пациента. Имманентная сложность распределения доверия зачастую приводит к тому, что его содержательные критерии, независимо от контекста и сферы интеллектуальной проблематизации, принимаются «по умолчанию» не только в повседневной реальности, но и среди профессиональных обществоведов.

На этапе программирования конкретно-социологического исследования мы сфокусировались на следующих атрибутивных признаках доверия и недоверия потребителей медицинской помощи, вокруг которых выстраивалась эмпирическая интерпретация и операционализация понятий¹: степень рискованности медицинского выбора, характер самосохранительной (в том числе профилактической) активности, способы принятия решений, влияние пандемии COVID-19 на отношение к медицине и здравоохранению. Подобный исследовательский подход позволил решить ряд задач, а именно: выявить эмоциональные и рациональные основы доверия потребителей к услугам здравоохранения; уточнить мотивы принятия решений и поведенческие практики в ситуации заболевания; вскрыть смысловые конструкции, модели адаптации и динамику ценностей социума в условиях пандемии COVID-19.

Специфика и противоречия личностного и институционального доверия общества к российскому здравоохранению

Первый вопрос, с которым мы обратились к респондентам, касался наиболее привычных практик поведения в ситуации манифестации каких-либо симптомов, приносящих выраженный и осознаваемый физический дискомфорт (табл. 1). На этапе тестирования инструментария методом экспертных оценок мы столкнулись с вполне ожидаемыми сложностями однозначного ответа информантов на данный вопрос, ибо поведение человека заранее не предопределено и может носить комбинированный характер в зависимости от специфики симптомов, сопутствующих ситуативных и контекстуальных факторов [19]. Но после пилотажного испытания анкеты было решено оставить этот вопрос, поскольку распределение ответов на него демонстрирует не только значительную опциональность стратегий поведения, но и скрытое недоверие экспертному медицинскому знанию.

¹ Электронная версия инструментария доступна для ознакомления по ссылке: <https://forms.yandex.ru/u/637fec53eb61467fc92356b5/> (дата обращения: 29.01.2023).

Таблица 1. Практики медицинской активности респондентов, % ответов по столбцу

Что Вы обычно делаете в первую очередь, когда ощущаете существенное недомогание и выраженный физический дискомфорт?	Обращаюсь (записываюсь на бесплатный прием) в медицинскую организацию (например, в поликлинику) по полису обязательного медицинского страхования	27,3
	Лечусь самостоятельно медицинскими препаратами, не обращаясь к врачам	35,6
	Обращаюсь сразу за платными медицинскими услугами	9,6
	Использую средства народной (нетрадиционной) медицины	5
	Ничего не предпринимаю, надеясь, что недомогание пройдет само собой	9,1
	Обращаюсь за помощью к хорошо знакомым медицинским работникам (например, близким родственникам, друзьям, работающим в сфере здравоохранения)	12,7
	Другое (сочетание различных способов, самолечение респондентами-врачами, поиск информации и советов в Интернете, самостоятельное использование ранее полученных медицинских предписаний)	0,6
	Всего	100

В полученных распределениях прослеживается тренд на уклонение от взаимодействия с профессиональными агентами здравоохранения как первичную предпочтительную реакцию. Альтернативные способы удовлетворения потребности в здоровье (самолечение, обращение к нетрадиционным практикам оздоровления, выжидание, терпение) коммулятивно превышают процент обращений к медицинским услугам, оказываемым платно либо по программе обязательного медицинского страхования, а также неформально – знакомыми медицинскими работниками.

В случае с практиками речь идет, как правило, о реальном опыте медицинской активности. При этом доверие – это динамическая черта социальных отношений, поэтому его можно и нужно измерять через определение предиспозиций, т.е. субъективно оцениваемых склонностей к некоему типу реагирования (потенциальному действию). Для этого мы поставили перед участниками опроса провокационное суждение: «Представим ситуацию, что Вы обратились к врачу и Вам рекомендовали для лечения (оздоровления, профилактики) список медицинских препаратов. Ваши действия». Согласно полученным данным, 38,4% респондентов будут безоговорочно в полном объеме выполнять предписания, назначения и рекомендации врача, 40,5% сначала изучат аннотации рекомендованных препаратов, возможные эффекты и противопоказания, ознакомятся с отзывами в сети Интернет, посоветуются с друзьями, членами семьи и только потом примут решение о стратегии лечения. При этом только 10,8% опрошенных отметили, что обратятся к другому врачу с целью проверки диагноза и уточнения полученных назначений, и почти столько же (10%) сразу ничего предпринимать не станут, постараются выждать время и по возможности обойтись без выполнения каких-либо медицинских предписаний и дополнительных консультаций. Встречалось также незначительное число иных высказываний (вариант «другое» – 0,4%), которые в основном разворачивались вокруг сложностей доступа хотя бы к одному специалисту и признанию возможности вносить самостоятельно коррективы в свое лечение, например, исключая прием отдельных медикаментов.

Также мы задавали респондентам вопрос, измеряющий самооценку рискогенности медицинского выбора: «Склонны ли Вы к медицинскому вмешательству с повышенным уровнем риска (скажем, к плановой хирургии-

ческой операции по совету врача), которое способно быстро и существенно улучшить качество жизни, самочувствие, если можно обойтись сравнительно безопасными, но менее эффективными и более затратными по времени, усилиям, стоимости методами (приемом препаратов и процедур, лечебной гимнастикой, изменением режима и условий труда, диетой)?». Признаемся, формулировка оказалась довольно громоздкой, быть может, она даже не всем оказалась достаточно ясна, но это уже хоть как-то приближает нас к пониманию составных элементов социального доверия в здравоохранении. Как мы и предполагали, крайние позиции «однозначно да» (10,3%) и «категорически нет» (12,5%) оказались не самыми популярными. Скорее склонны к рисковому медицинским вмешательствам 35% участников анкетирования, а «скорее нет, чем да» – 42,2%. В целом можно судить о предрасположенности общества к сравнительно мягким, консервативным методам медицинской интервенции из-за опасений и страхов врачебной ошибки.

В составе изученного контингента только треть опрошенных (34,3%) имеет постоянного врача (например, терапевта, семейного доктора или узкого специалиста), с которым советуется по всем или многим вопросам своего здоровья. Данную подгруппу мы попросили оценить пометками «согласен» / «не согласен» ряд высказываний, связанных с различными аспектами социального взаимодействия с личным врачом (табл. 2). Как мы видим, опрошенные достаточно высоко оценивают профессионализм своих постоянных врачей.

Таблица 2. Субъективная оценка респондентами личных качеств постоянного врача, валидный % ответов по столбцу

Варианты высказываний	Согласен	Не согласен
Мой врач всегда внимателен к моим потребностям и ставит их на первое место	90,9	9,1
Я иногда ставлю под сомнение профессионализм и компетентность своего врача	25,6	74,4
Я настолько доверяю своему врачу, что всегда стараюсь следовать его рекомендациям и назначениям	79,3	20,7
Мне кажется, что мой врач не делает всего, что должен и может, для улучшения моего здоровья и самочувствия	13,7	86,3
Мой врач – настоящий эксперт в решении вопросов, связанных со спецификой моих заболеваний	83,5	16,5
Я уверен (-а), что мой врач способен честно признать ошибку в назначениях / диагностике, если она им будет допущена	83,9	16,1
Иногда я беспокоюсь о том, что врач может не хранить информацию о состоянии моего здоровья в полной конфиденциальности	18,7	81,3

Еще один индикатор доверия – частота профилактической медицинской активности населения. Так, за последние два года за медицинской консультацией с профилактической целью, т.е. не испытывая каких-либо симптомов заболевания или недомогания, обращались 39,3% представителей выборочной совокупности. Интересной является информация о желании в случае необходимости получать лечение, проходить оздоровительные процедуры и медицинскую диагностику за рубежом, а также в ином субъекте РФ: 51,8 и 62,9% опрошенных соответственно хотели бы пользоваться такой возможностью. Это уже показатель резерва территориального, макросоциального доверия.

Следующий критерий доверия имеет отношение к эмоциональным переживаниям и настроениям в момент обращения за медицинской помощью.

Надежду, оптимизм, убежденность в профессионализме медицинского персонала чаще всего испытывают 17,9% опрошенных. 27,8% респондентов указали, что перед посещением медицинских организаций ощущают обычно тревогу, настороженность, сомнения в положительном результате, а 53,4% выбрали вариант «спокойное, нейтральное, сдержанное настроение без особых надежд, но и без выраженных опасений и тревоги». Встречались и иные суждения, в основном негативистского толка, в открытом варианте «другое» (1%): раздражение, чувство безысходности, умеренное волнение, разочарование, неуверенность в правильности оформлении медицинских документов и схеме лечения, невозможность вообще попасть по записи на прием.

Теперь настал момент раскрыть данные самого «важного» и в то же время наименее информативного вопроса исследования, касающегося обобщенного институционального доверия. Итак, 21,5% респондентов вполне доверяют медицинским организациям, в которые приходится обращаться постоянно или время от времени, 54,2% – по большей части доверяют, 21,8% – очень мало доверяют, 2,5% – не доверяют совсем. В интересах определения доминант социального доверия / недоверия перед участниками опроса была поставлена задача выбора из списка тезисов о здравоохранении наиболее близких по восприятию оценочных суждений (табл. 3).

Таблица 3. Оценка отдельных аспектов социального доверия в сфере здравоохранения, % ответов по столбцу

Я почти всегда уверен (-а) в компетентности врачей, с которыми приходится взаимодействовать постоянно или от случая к случаю	36,8
Платные медицинские услуги эффективнее бесплатной медицинской помощи, оказываемой по полису обязательного медицинского страхования	36,2
Только я несу ответственность за свое здоровье, а значит, должен самостоятельно принимать решения о степени и интенсивности медицинского вмешательства	32,9
Большинству современных российских врачей не хватает квалификации и умения корректно общаться с пациентами	32,7
Я сомневаюсь, что система здравоохранения и медицины действительно заинтересованы в улучшении здоровья человека и общества	25,7
Большинство российских врачей – высококвалифицированные профессионалы, на чье мнение и рекомендации можно положиться	16,3
В государственных бюджетных организациях медицинская помощь намного безопаснее, чем в коммерческих клиниках и частных медицинских кабинетах	9,8
Без профессиональной медицинской помощи даже с легким недугом или болезнью не справиться	7,7
Не разделяю ни одно из указанных суждений	4,4
Врачи могут только навредить моему здоровью, сделать хуже, поэтому я по возможности избегаю взаимодействия с ними	3,5
Всего ¹	206

¹ Множественный вопрос, допускался выбор от одного до трех оценочных высказываний из списка-таблицы, поэтому итог больше 100%.

И вот тут при сопоставлении ответов на различные вопросы возникает ощущение диссонанса, словно респонденты живут в некотором состоянии самообмана в системе «доверие другим – доверие себе». Но и мы – социологи – находимся в когнитивной ловушке своего дисциплинарного мышления, поскольку бесконечно измеряем всевозможные индексы доверия / недоверия населения политикам, институтам, источникам информации, близким людям, в общем кому угодно, но только не самим себе, персональному жизненному

опыту, знаниям и интуиции. Вышеприведенная статистика иллюстрирует довольно фантазмагорическую смесь социальных представлений потребителей медицинских услуг: с одной стороны, высокий уровень доверия врачам, в частности платной медицине, с другой стороны, сомнения в эффективности института здравоохранения, ядром которого по-прежнему остается условно бесплатное обязательное медицинское страхование, и в компетентности (в том числе коммуникативной) медперсонала.

Сейчас можно наблюдать постепенную синхронизацию вялотекущей либерализации института здравоохранения последних трех десятилетий и общественного сознания застрахованных. Только роль и перспективы самого медицинского страхования (как обязательного, так и добровольного) в этом процессе становятся все менее определенными [20].

Посткоронавирусный синдром социального (не)доверия общества к системе здравоохранения

В финальной части инструментария содержались вопросы по теме социальных эффектов новой коронавирусной инфекции. Когда, как не сейчас, спокойно и трезво, в период ухода пандемической проблематики из медиадискурса и повседневности, проанализировать динамику социального отношения общества к системе здравоохранения.

Большинство респондентов отметили, что их отношение к медицинским работникам за прошедшее с начала пандемии COVID-19 время существенных изменений не претерпело (54,3%) либо изменилось в лучшую сторону (27,1%). Только 8,8% опрошенных указали на изменения в худшую сторону, и примерно столько же затруднились ответить (9,8%). Умеренно позитивное коллективное восприятие медицинского сообщества подтверждается представлениями о престижности профессии врача. По мнению 57,9% участников опроса, профессия врача является вполне престижной, т.е. уважаемой и высоко ценимой, в современном российском обществе. Треть опрошенных (33,5%) считают, что это «обычная профессия, не слишком престижная, но и непрестижной ее назвать нельзя», меньшая доля (8,6%) назвала профессию врача однозначно непрестижной.

Анкетирваемым было предложено по пятибалльной шкале (1 – самый низкий уровень, 5 – самый высокий) оценить свои шансы на своевременное получение медицинской помощи (скорой, первичной, плановой) в острую фазу пандемии COVID-19 (март 2020 г. – март 2022 г.) и на момент заполнения анкеты. Средние значения получились следующими: 3,12 и 3,73 балла соответственно. В первом случае показатель моды (наиболее частотного ответа) составил 3 балла, во втором – 4. Затем мы попросили испытуемых охарактеризовать проблемы оказания медицинской помощи, с которыми они лично сталкивались в период пандемии COVID-19 (табл. 4). О различных недостатках высказались более половины опрошенных (58,3% от выборочной совокупности). Основными несовершенствами системы здравоохранения в период пандемии, по мнению респондентов, были финансовая и организационная недоступность медицинской помощи и лекарственных средств. Также многие говорили о не самом благоприятном эмоциональном фоне взаимодействия с агентами института здравоохранения (формализм и незаинтересованность либо открытые формы наблюдаемого пренебрежения).

Таблица 4. Проблемный фон потребления медицинской помощи в период пандемии COVID-19

Проблемы оказания медицинской помощи	Количество ответов	Валидный % ответов по столбцу
Существенные для личного (семейного) бюджета расходы на лекарственные препараты	202	24,3
Отсутствие необходимых медикаментов в аптечных пунктах	188	22,7
Ожидание бригады скорой медицинской помощи более двух часов с момента вызова	144	17,3
Высокая стоимость платных медицинских услуг (исключая покупку лекарств и услуги стоматолога)	133	16
Формализм и незаинтересованность медицинских работников	132	15,9
Отсутствие условий и необходимых медицинских технологий для диагностики, лечения, реабилитации	114	13,7
Отсутствие возможности получения бесплатной медицинской помощи	103	12,4
Ожидание медицинской помощи (консультативной, диагностической, лечебной) более 15 дней с момента записи	100	12
Неприемлемое (грубое, незтичное) отношение медицинского персонала	63	7,6
Удаленность, территориальное неудобство расположения медицинских организаций	59	7,1
Собственная лень, бездействие и невнимание к проблемам со здоровьем (инфекционного и неинфекционного характера)	43	5,2
Отказ в выдаче медицинского отвода от вакцинации	26	3,1
Другое (постановка неверного диагноза, невозможность планового обследования и получения медпомощи при хронических заболеваниях, отсутствие индивидуального подхода, сложности прохождения ковид-тестирования, принуждение к вакцинации)	9	1,1
Всего ¹	1 316	158,6

¹ Множественный вопрос, допускался неограниченный выбор вариантов ответа, включая открытую позицию «другое», поэтому итог больше 100%.

Небезынтересна социологическая картина лидеров мнения в контексте информационного сопровождения пандемии COVID-19 (табл. 5). Как следует из результатов опроса, россияне в большей степени доверяют источникам информации ближнего круга, включая доверие самим себе, а всевозможные институты и институции общественного мнения (как формальные, так и неформальные) следуют со значительным отрывом. Данный факт можно считать дополнительным аргументом в пользу методологии социального конструктивизма, признающей первичность микроуровневого социального взаимодействия в формировании невидимого, но вполне реального по своему «возвратному» давлению, атмосферного столба институционального доверия / недоверия. Так, уровень обезличенного доверия членам экспертного научного и медицинского сообщества коррелирует с доверием лично знакомым медицинским работникам.

Сопоставляя обобщенное доверие / недоверие с фактом наличия или отсутствия близко знакомых медицинских работников, можно обнаружить существенное влияние социального капитала личности на воспроизводство позитивного отношения к здравоохранению. Исследование показало, что в подгруппе доверяющих медицинским организациям (суммарно «вполне» и «по большей части») сравнительно больше было респондентов, у которых имеются среди близких родственников и друзей представители медицинской профессии, фармацевты, провизоры, с которыми они советовались по различным вопросам пандемии COVID-19. В консолидированной подгруппе условно недоверяющих, наоборот, просматривается либо отсутствие таких

знакомых, либо низкая продуктивность социальных контактов с близкими людьми, занятыми в сфере здравоохранения (табл. 6).

Таблица 5. Агенты социального доверия к системе здравоохранения в период пандемии COVID-19

Чье мнение о новой коронавирусной инфекции, ее особенностях, темпах распространения, способах профилактики для Вас было наиболее важным и достоверным в период с марта 2020 г. по март 2022 г.?	% ответов по столбцу
Лично знакомых медицинских работников, включая участковых терапевтов	41,2
Членов экспертного научного и медицинского сообщества, включая эпидемиологов, инфекционистов, иммунологов	38,7
Ближних родственников, друзей, коллег по работе / учебе	34,3
Для меня имели значение только мое собственное мнение, логика, интуиция, знания	21,7
Официальных представителей власти федерального и регионального уровней	16,2
Официальных средств массовой информации (центральных телеканалов, газет, радио)	13,4
Представителей неофициальных средств массовой коммуникации в интернет-пространстве	8,9
Никого из обозначенных субъектов	4,1
Артистов, творческих деятелей, музыкантов, работников культуры	1,6
Всего ¹	180,1

¹ Множественный вопрос, допускался выбор до трех вариантов ответа, поэтому итог больше 100%.

Таблица 6. Сопряженность обобщенного доверия с наличием близко знакомых медицинских работников

Есть ли среди Ваших близких родственников, друзей, представители медицинской профессии, фармацевты, провизоры, с которыми Вы советовались по вопросам COVID-19 (лечения, диагностики, профилактики, реабилитации, вакцинации)?	Доверяете ли Вы в целом медицинским организациям, в которые Вам приходится обращаться постоянно или время от времени?		% по выборке
	«Вполне доверяю» и «по большей части доверяю»	«Очень мало доверяю» и «не доверяю совсем»	
Да, есть, их помощь, советы оказались для меня эффективными и важными	45,3	32,5	42,2
Да, есть, однако существенной пользы их советы и рекомендации мне не принесли	7,9	9,9	8,4
Да, есть, но обращаться к ним за помощью, советом с начала пандемии COVID-19 не доводилось	15,7	20,2	16,8
Нет, такие люди в моем ближайшем окружении отсутствуют	31,1	37,4	32,6
Всего	100	100	100

Заключение

Наши допандемические социологические исследования и наблюдения регистрировали преимущественно неоконсервативные практики и представления о модели здравоохранения в России [21. С. 167]. В настоящее время доминируют трезвая оценка россиянами ситуации в здравоохранении и интенция на личный контроль. Пандемия COVID-19 стала решающим фактором осознания персональной ответственности общества за свое здоровье, что подтверждается растущим спросом на услуги платной медицины и попытками найти «своего» (семейного) врача.

В количественном исследовательском проекте нельзя достоверно определить, чем именно руководствуются люди, выбирая ту или иную позицию, но осмелимся предположить, что мотивация перепроверки диагнозов, назначений и возможные сомнения еще не свидетельствуют о недоверии. Приведенные социологические данные в каком-то смысле указывают на субъект-

ное, осознанное отношение общества к своему здоровью, что еще лет 15–30 назад было сложно себе представить. Сегодня мы наблюдаем не только трансформацию системы здравоохранения, но и трансформацию паттернов поведения акторов в этой системе, в частности переход от модели послушного и покорного пациента к модели сознательного потребителя медицинских услуг. Правда, социальный эффект подобной рационализации медицинского выбора непредсказуем, так как лечение, диагностика, реабилитация – это не замена смесителя на кухне, когда по своему кошельку и вкусовым пристрастиям можно выбрать практически безошибочно нечто оптимальное. Модифицируется и формат деятельности организаторов здравоохранения, чиновников на всех уровнях, которые являются уже не гарантами доступной и качественной медицинской помощи, но модераторами системных процессов. Также меняется функционал медицинских работников, становящихся провайдерами медицинских услуг, а не распределителями медицинской помощи и оздоровительных ресурсов как формы общественного блага.

Доверие и недоверие не есть дихотомия признания / отрицания способности медицины улучшать индивидуальное и общественное здоровье, скорее, это механизм конвертации культурного капитала (знаний о здоровье и болезнях, санитарно-гигиенической просвещенности, осведомленности о базовых организационно-финансовых принципах национального здравоохранения, понимания своих прав и обязанностей как пациента) в осознанный медицинский выбор. Соотношение риска ошибочных или неэффективных терапевтических назначений, связанного с делегированием пациентом врачу полномочий за свое состояние, с одной стороны, и личной ответственности за свое самочувствие – с другой, можно считать ключевым параметром индивидуальной для каждого человека тонкой балансировки доверия / недоверия на микроуровне системы здравоохранения.

Размышляя над результатами разведывательного эмпирического исследования, хочется отметить не столько значимость полученных частотных распределений, сколько социологическую функциональность выбранных индикаторов и параметров. Надеемся, что изложенные методические разработки, концептуальные соображения и выдержки из инструментария окажутся полезными коллегам для последующих фундаментальных исследований когнитивных и поведенческих аспектов доверия / недоверия как в сфере здравоохранения, так и в других социальных системах и сегментах повседневной реальности.

Список источников

1. *Финкельштейн И.Е.* Культурные (медицинские) представления хронических больных в период пандемии COVID-19: механизмы работы и формирования культурного знания в ситуации неопределенности // *Семиотические исследования*. 2022. Т. 2, № 3. С. 110–118.
2. *Макушева М.О., Нестик Т.А.* Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 427–447.
3. *Глушко И.В., Зуева Т.М.* Доверие как ресурс изменения социальных практик и институтов современного российского общества // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10, № 2-2. С. 72–77.
4. *Hong Z., Deng Z., Zhang W.* Examining factors affecting patients trust in online healthcare services in China: the moderating role of the purpose of use // *Health Informatics Journal*. 2019. № 25 (4). P. 1647–1660.

5. Jabeen F., Hamid Z., Akhunzada A., Abdul W., Ghouzali S. Trust and reputation management in healthcare systems: taxonomy, requirements and open issues // IEEE Access. 2018. № 6. P. 17246–17263.
6. Lee S. Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: exploring the role of institutional trust // Research on Aging. 2022. № 44 (1). P. 10–21.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
8. Лядова А.В. Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2021. Т. 27, № 4. С. 134–156.
9. Трапезникова Д.С., Гордеева С.С. Социальное конструирование здоровья и болезни // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2022. № 1 (6). С. 117–124.
10. Финкельштейн И.Е. Правила принятия терапевтических решений хроническими больными // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2021. Т. 13, № 2. С. 267–291.
11. Вялых Н.А., Беспалова А.А., Зарбашиев В.З. Факторы и проблемы социологического измерения доверия российского общества к системе здравоохранения в период пандемии COVID-19 // Векторы благополучия: экономика и социум. 2022. № 1 (44). С. 131–146.
12. Вялых Н.А. Феномен социального (не)доверия российского общества к институту здравоохранения в контексте пандемии COVID-19: когнитивные иллюзии и методологические проблемы // Вестник НГУЭУ. 2022. № 2. С. 178–193.
13. Боздан И.В., Чистякова Д.П., Праведников А.В. Проблематика доверия в социологии медицины // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 526–533.
14. Ten Have H., Gordijn B. Trust in healthcare and science // Medicine, Health Care and Philosophy. 2018. № 21 (2). P. 157–158.
15. Antinyan A., Bassetti T., Corazzini L., Pavesi F. Trust in the health system and COVID-19 treatment // Frontiers in Psychology. 2021. № 12. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.643758/full> (accessed: 16.01.2022).
16. Kovacs R.J., Lagarde M., Cairns J. Measuring patient trust: comparing measures from a survey and an economic experiment // Health Economics. 2019. Vol. 28, № 5. P. 641–652.
17. Gille F., Smith S., Mays N. What is public trust in the healthcare system? A new conceptual framework developed from qualitative data in England // Social Theory & Health. 2020. Vol. 19. P. 1–20.
18. Gille F., Smith S., Mays N. Towards a broader conceptualization of public trust in the health care system // Social Theory & Health. 2017. Vol. 15, № 1. P. 25–43.
19. Горошко Н.В., Емельянова Е.К., Пацала С.В. Проблема медицинской активности населения России в эпоху COVID-19 // Социальные аспекты здоровья населения: [сетевое издание]. 2022. № 68 (3). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1385/30/lang.ru/> (дата обращения: 25.01.2023).
20. Шишкин С.В. Является ли страховая российская система обязательного медицинского страхования? // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 32–47.
21. Вялых Н.А. Социальные представления о модели здравоохранения в российском обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 157–172.

References

1. Finkelstein, I.E. (2022) Kul'turnye (meditsinskije) predstavleniya khronicheskikh bol'nykh v period pandemii COVID-19: mekhanizmy raboty i formirovaniya kul'turnogo znaniya v situatsii neopredelennosti [Cultural (medical) perceptions of chronic patients during the COVID-19 pandemic: mechanisms of work and the formation of cultural knowledge in a situation of uncertainty]. *Semioticheskie issledovaniya*. 2(3). pp. 110–118.
2. Makusheva, M.O. & Nestik, T.A. (2020) Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 6. pp. 427–447. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.6.1770
3. Glushko, I.V. & Zueva, T.M. (2018) Trust as a resource for changing social practices and institutions of contemporary Russian society. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Socio-Educational Idea*. 10(2–2). pp. 72–77. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2-2-72-77

4. Hong, Z., Deng, Z. & Zhang, W. (2019) Examining factors affecting patients trust in online healthcare services in China: the moderating role of the purpose of use. *Health Informatics Journal*. 25(4). pp. 1647–1660.
5. Jabeen, F., Hamid, Z., Akhunzada, A., Abdul, W. & Ghousali, S. (2018) Trust and reputation management in healthcare systems: taxonomy, requirements and open issues. *IEEE Access*. 6. pp. 17246–17263.
6. Lee, S. (2022) Subjective well-being and mental health during the pandemic outbreak: exploring the role of institutional trust. *Research on Aging*. 44(1). pp. 10–21.
7. Berger, P. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Translated from English. Moscow: Medium.
8. Liadova, A.V. (2021) Social inequality and health: the historical and sociological study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 27(4). pp. 134–156. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-134-156
9. Trapeznikova, D.S. & Gordeeva, S.S. (2022) Sotsial'noe konstruirovaniye zdorov'ya i bolezni [Social construction of health and disease]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika – Social Sciences and Humanities Theory and Practice*. 1(6). pp. 117–124.
10. Finkelshtein, I.E. (2021) Therapeutic Decision-Making Rules by Chronic Patients. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy – Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 13(2). pp. 267–291. (In Russian). DOI: 10.25285/2078-1938-2021-13-2-267-291
11. Vyalykh, N.A., Beshpalova, A.A. & Zarbaliev, V.Z. (2022) Factors and issues of sociological measurement of social trust to the healthcare system in terms of the Covid-19 pandemic in Russia. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium – Journal of Wellbeing Technologies*. 1(44). pp. 131–146. (In Russian). DOI: 10.18799/26584956/2022/1/1150
12. Vyalykh, N.A. (2022) The Phenomenon of social (dis)trust of the Russian society in the institute for health protection in the context of the Covid-19 pandemic: cognitive illusions and methodological problems. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*. 2. pp. 178–193. (In Russian). DOI: 10.34020/2073-6495-2022-2-178-193
13. Bogdan, I.V., Chistyakova, D.P. & Pravednikov, A.V. (2021) Problematika doveriya v sotsiologii meditsiny [Problems of trust in the sociology of medicine]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2(162). pp. 526–533.
14. Ten Have, H. & Gordijn, B. (2018) Trust in healthcare and science. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 21(2). pp. 157–158. DOI: 10.1007/s11019-018-9840-3
15. Antinyan, A., Bassetti, T., Corazzini, L. & Pavesi, F. (2021) Trust in the health system and COVID-19 treatment. *Frontiers in Psychology*. 12. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.643758
16. Kovacs, R.J., Lagarde, M. & Cairns, J. (2019) Measuring patient trust: comparing measures from a survey and an economic experiment. *Health Economics*. 28(5). pp. 641–652. DOI: 10.1002/hec.3870
17. Gille, F., Smith, S. & Mays, N. (2020) What is public trust in the healthcare system? A new conceptual framework developed from qualitative data in England. *Social Theory & Health*. 19. pp. 1–20. DOI: 10.1057/s41285-020-00129-x
18. Gille, F., Smith, S. & Mays, N. (2017) Towards a broader conceptualization of public trust in the health care system. *Social Theory & Health*. 15(1). pp. 25–43. DOI: 10.1057/s41285-016-0017-y
19. Goroshko, N.V., Emelyanova, E.K. & Patsala, S.V. (2022) Problema meditsinskoy aktivnosti naseleniya Rossii v epokhu COVID-19 [The problem of medical activity of the population of Russia in the era of COVID-19]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya – Social Aspects of Population Health*. 68(3). [Online] Available from: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1385/30/lang,ru/> (Accessed: 25.01.2023).
20. Shishkin, S.V. (2022) Is the Russian system of compulsory health insurance an insurance one? *Voprosy ekonomiki*. 8. pp. 32–47. (In Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-32-47
21. Vyalykh, N.A. (2020) Social representations on the healthcare model in Russian society. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 56. pp. 157–172. (In Russian).

Сведения об авторе:

Вялых Н.А. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионо-

ведения Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vyalykh N.A. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute for Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: sociology4.1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 18.08.2023*

Научная статья

УДК 316.477

doi: 10.17223/1998863X/74/15

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ПЕРВОКУРСНИКОВ В УСЛОВИЯХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЙ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Татьяна Владимировна Гаврилюк¹, Владислав Юрьевич Бочаров²,
Таисья Владимировна Погодаева³

^{1, 2, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

² Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королёва,
Самара, Россия

² Социологический институт РАН филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

¹ tv_gavrilyuk@mail.ru

² v.y.bocharov@utmn.ru

³ t.v.pogodaeva@utmn.ru

Аннотация. На основе проведенного Центром образовательной аналитики ТюмГУ в декабре 2022 г. эмпирического исследования (N = 1 000) рассматриваются образовательные стратегии студентов-первокурсников в условиях обучения по индивидуальным траекториям. С помощью методов факторного и кластерного анализа выявлено четыре модальных типологических группы студентов-первокурсников («конформисты», «отличники», «активисты», «нигилисты»), каждой из которых присуща своя образовательная стратегия в вузе.

Ключевые слова: образовательные стратегии, индивидуальные образовательные траектории, студенческая молодежь, типологизация

Для цитирования: Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю., Погодаева Т.В. Образовательные стратегии первокурсников в условиях индивидуальных траекторий обучения в вузе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 166–175. doi: 10.17223/1998863X/74/15

Original article

EDUCATIONAL STRATEGIES OF FIRST-YEAR STUDENTS UNDER THE CONDITIONS OF INDIVIDUAL LEARNING PATHWAYS AT THE UNIVERSITY

Tatiana V. Gavrilyuk¹, Vladislav Yu. Bocharov², Taisia V. Pogodaeva³

^{1, 2, 3} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

² Samara University, Samara, Russian Federation;

² Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

tv_gavrilyuk@mail.ru

² v.y.bocharov@utmn.ru

³ t.v.pogodaeva@utmn.ru

Abstract. The most significant innovations in the field of higher education that need to be comprehended by the scientific community include the transition of a number of Russian universities to personalized learning along individual educational trajectories, which

radically changes agents' everyday practices within the educational space. Based on an empirical study conducted at the University of Tyumen in December 2022 (N = 1000), the educational strategies of first-year students in the context of individual educational trajectories have been considered in the article. Regarding studying at a university as a stage of the educational trajectory, which is part of the entire life path of a student, we use the temporal and value properties of the student's life world, their dynamics in the process of moving along an individual educational trajectory within the institutional space of the university as the basis for the typology of educational strategies. Factor analysis included the following components: 1) the meaning of past events ("Factors of the experience of studying at school"); 2) the value of relevant learning practices ("Factors of readiness for studying at a university (competence factors)" and "Factors of the principles importance of training within the individual educational trajectory"); 3) anticipation of the future – plans, goals, possible personal trajectories of life ("Factors of expectations from studying at a university" and "Professional prospects factors"). These groups of factors have been considered as independent empirical indicators and used as classification features for the subsequent differentiation of respondents into clusters. The result of the factor and cluster analysis is the typology of educational strategies of first-year students in the context of the implementation of the new educational model: "conformists", "excellent students", "activists", "nihilists"; each of them has its own educational strategy at the university. Conclusions are drawn about the expediency of building such a typology at the beginning of the student's educational trajectory, as this allows making timely management decisions on the development of educational strategies desirable for the university and the labor market and the correction of undesirable ones, as well as the possibility of further monitoring measurements.

Keywords: educational strategies, individual learning pathways, students, typology

For citation: Gavriluk, T.V., Bocharov, V.Yu. & Pogodaeva, T.V. (2023) Educational strategies of first-year students under the conditions of individual learning pathways at the university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 74. pp. 166–175. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/15

Введение

К наиболее значимым инновациям в сфере высшего образования, нуждающимся в осмыслении научным сообществом, относится переход ряда российских вузов к персонализированному обучению по индивидуальным образовательным траекториям (ИОТ). Цель представленной статьи – выделение типов образовательных стратегий студентов первого курса в новом образовательном пространстве, сформированном в результате внедрения модели обучения по ИОТ. Достижение поставленной цели состоит в решении последовательных задач: выяснить, какие типы студенческой рациональности сложились в границах нового образовательного пространства; как они артикулируются студентами на уровне идеально-типических конструкций (ключевые ценности в образовательной и карьерной сфере, идентификация с будущей профессией / сферой деятельности, карьерные и статусные цели, намерения и амбиции), в повседневных практиках на уровне ежедневных взаимодействий в коллективах (оценка технологии обучения по ИОТ, взаимодействия в группах, вовлеченность во внеучебную деятельность) и в контексте саморефлексии (оценка студентами собственной готовности к обучению на этапе вхождения в пространство вуза, характер планирования и целеполагания, компетенции и личностные качества, на формирование которых ориентированы студенты).

Обзор литературы

Понятие «образовательная стратегия» является устойчивым для российской социологии. Обобщение полувековой традиции исследования данной проблематики в отечественной науке представлено в коллективной монографии ФНИСЦ РАН «Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования». В книге дается исчерпывающий анализ образовательных стратегий выпускников 11-х классов, анализируется динамика мотивации образовательного выбора, характера планирования образовательного пути, связи образования и жизненного успеха в представлениях молодежи, факторов академической успешности [1]. Также следует отметить значимую работу К.С. Фурсова, в которой на основании факторного анализа выделено восемь типов образовательных стратегий студентов российских вузов, описана логика мотивации и действий студентов в их рамках, например: «самореализация в профессиональной сфере», «избегание деятельности (вечный студент)», «направленное развитие» и т.д. [2].

Среди недавних эмпирических проектов можно назвать мониторинг образовательных стратегий абитуриентов, проводимый исследователями из МГУ им. Ломоносова. На основании опроса школьников они выделили несколько типов стратегий, которые интерпретируются в качестве «моделей-целей» получения образования: образование как ценность; как средство достижения статуса и материального благополучия; как продолжение семейной традиции; как средство достижения иных целей [3. С. 117]. Можно также отметить статью П.А. Амбаров и Г.Е. Зборовского, посвященную стратегиям образовательного поведения студентов региональных вузов, нацеленным на достижение образовательной успешности. В результате авторы выделяют четыре таких стратегии: традиционную, инновационную, имитационную и стратегию «ухода» [4].

В зарубежном социологическом дискурсе среди подходов к исследованию образовательных стратегий и траекторий доминирует бурдьевиистская традиция, берущая начало в работе П. Бурдье и Ж.-К. Пассрона о воспроизводстве классовой структуры общества через образовательную систему [5]. В рамках структурных подходов образовательные стратегии студентов вузов чаще всего анализируются в категориях образовательного выбора и образовательных решений в связи с различиями экономического положения семьи [6] либо социального класса и классового культурного капитала [7]. Когда же решающее значение придается индивидуальной субъектности, внимание авторов концентрируется, как правило, на исследовании образовательного опыта людей в контексте жизненного пути, их повседневных практиках в границах образовательных институтов и за их пределами, индивидуальной логики интерпретации жизненных событий [8].

Методология, методы и дизайн эмпирического исследования

Исследование проводилось методом анкетного опроса, аудиторно, на базе программы «Анкетолог» и включало в себя предварительный инструктаж респондентов интервьюером. Эмпирическим объектом выступили студенты-первокурсники Тюменского государственного университета (ТюмГУ). Выборочная совокупность носит целевой характер, является репрезентативной по

полу и группе специальностей. Количество участников исследования составило 1 000 человек, из них студенты естественно-научных специальностей – 360 человек (36%), социально-гуманитарных специальностей – 640 человек (64%), что соответствует структуре генеральной совокупности первокурсников, поступивших в ТюмГУ в 2022 г (генеральная совокупность 3 760 человек, из них 2 253 женского пола, 1 507 мужского пола, 2 132 – социально-гуманитарные специальности, 1 228 – естественно-научные специальности). Из этих 1 000 человек были опрошены 400 человек (40%) мужского пола и 600 человек (60%) женского пола. Сбор данных производился в декабре 2022 г. Анализ осуществлялся в программе IBM SPSS Statistics, основными методами выступили частотный, факторный и кластерный анализ.

В рамках нашего исследования факторный анализ осуществлялся с помощью метода главных компонент (вращение Варимакс с нормализацией Кайзера) и выстраивался в границах темпоральной логики. Рассматривая учебу в вузе в качестве этапа образовательной траектории, являющейся частью всего жизненного пути студента, мы используем в качестве *основания типологии образовательных стратегий* темпоральные и ценностные свойства жизненного мира студента, их динамику в процессе движения по индивидуальной образовательной траектории в границах институционального пространства вуза. Факторный анализ включал в себя следующие компоненты: 1) значение прошлых событий («*Факторы опыта учебы в школе*»); 2) ценность актуальных учебных практик («*Факторы готовности к учебе в вузе (факторы компетенций)*» и «*Факторы важности принципов обучения по ИОТ*»); 3) предвосхищение будущего – планы, цели, возможные личные траектории жизни («*Факторы ожидания от учебы в вузе*» и «*Факторы профессиональных перспектив*»). Данные группы факторов рассматриваются нами как самостоятельные эмпирические показатели и используются в качестве классификационных признаков для последующего дифференцирования респондентов на кластеры.

Кластерный анализ выполнялся методом K-means. Обоснованность выбранной нами четырехкластерной модели подтверждается показателями F-статистики (статистика Фишера) и величиной статистической значимости (Sig). Итогом факторного и кластерного анализа является *типология образовательных стратегий первокурсников в условиях реализации ИОТ*.

Типология образовательных стратегий первокурсников в условиях реализации ИОТ

Социальный тип 1: «Конформисты» (28,3%)

Характеристики: конформизм, социальная пассивность, ориентация на минимизацию учебных усилий, тревога за будущее.

Основная образовательная стратегия – стратегия пассивного присутствия, выражающаяся в отсутствии интереса к учебным курсам, формальном выполнении минимальных требований на фоне отсутствия планирования и, как следствие, склонности к тревоге за свое профессиональное будущее, что может помешать успешному окончанию вуза.

Представители данного типа обладают низким уровнем уверенности в себе, не склонны на данном этапе своего жизненного пути принимать на себя ответственность за собственные успехи и неудачи. Мотивация образова-

тельного выбора у них в основном внешняя – стремление оправдать ожидания общества (почти 40% заявляют, что поступили в вуз только ради диплома) или родителей (почти четверть респондентов). Большинство представителей типа ориентировано на общение и веселую студенческую жизнь, только половина указывает на интерес к специальности как фактор выбора направления подготовки, при этом отмечается высокий удельный вес внешних факторов, определяющих выбор, – легкость поступления, стоимость обучения либо же просто случайность. Они считают достаточным минимальный уровень высшего образования, подкрепленный дипломом, в магистратуру большинство из них не собирается.

Базовые ценности «конформистов» – материальная обеспеченность (около 75%), обретение самостоятельности и финансовой независимости, обучение и саморазвитие, безопасность (около 70%). У представителей этого типа самый высокий уровень тревожности по массиву опрошенных – 58,7% отметили, что их тревожит профессиональное и карьерное будущее, что обусловлено стремлением адаптироваться к большинству, убежденностью в невозможности предугадать сценарии развития событий и, соответственно, нежеланием планировать будущее. Достаточно высока у них и вера в «счастливую случайность», способную изменить их профессиональное и карьерное будущее – почти 45%. Поэтому почти четверть (22,6%) уходят от размышлений о будущей работе, так как «перспектива их не радует», 56,5% же просто не знают, чем будут заниматься в жизни.

Четверть респондентов этого типа относят свою семью к рабочему классу, при этом «конформисты» в большей степени ориентированы на поддержание текущей статусной позиции.

Важнейшими личностными качествами для успешной учебы (помимо «заинтересованности в обучении, целеустремленности, мотивации», что считают главным представители всех типов) для них являются стрессоустойчивость и способность сдерживать эмоции. В процессе обучения в вузе по модели ИОТ они хотели бы развить такие качества, как общительность, умение работать в команде и дисциплинированность. Базовые знания, полученные в школе, более половины «конформистов» оценивают как недостаточные для успешной учебы в вузе, хуже всего у них развиты навыки публичных выступлений, умение понимать сложные тексты и иностранный язык. Большинство из них не уверены в своей способности адаптироваться в смешанных группах со студентами других специальностей и курсов, и почти треть не желает включаться ни в какие виды внеучебной деятельности. При этом все же они хотели бы учиться по индивидуальным образовательным траекториям с возможностью выбора учебных курсов (76,0%).

Социальный тип 2: «Отличники» (31,6%)

Характеристики: стремление к профессиональным знаниям, ориентация на мультидисциплинарность, высокий уровень самодисциплины и мотивации к учебе, сознательный выбор ИОТ, планирование образовательного пути.

Основная образовательная стратегия – стратегия личной ответственности, выражающаяся в высокой учебно-познавательной активности, стремлении к овладению дополнительными знаниями, как правило, в рамках образовательного пространства вуза. Очень высокая вероятность успешного окончания вуза.

«Отличники» позитивно настроены к учебе, рассматривают ее как основу личностного роста. Осознанно выбирали направление подготовки – порядка 80% из них руководствовались собственными интересами, около 40% также ориентировались на востребованность и престиж. Свыше 60% представителей этого типа ориентированы на магистратуру, при этом почти половина из них выбирают линейную образовательную траекторию – продолжение обучения в магистратуре по профилю. Каждый десятый хочет начать получать второе высшее образование параллельно основному.

Базовые ценности – обретение самостоятельности, обучение и саморазвитие, безопасность (74–77%). Почти на 100% уверены, что смогут быть успешными в профессии за счет собственного труда и целеустремленности, подавляющее большинство (86,7%) из них смотрят в будущее «с уверенностью и оптимизмом».

«Отличники» рассчитывают надолго остаться в профессии. Среди представителей данного типа наиболее выражена группа с самыми высокими зарплатными ожиданиями – 22,8% хотят зарабатывать свыше 100 тысяч рублей в течение первых нескольких лет после окончания вуза. Пятая часть «отличников» мечтает о максимальном карьерном росте – стать топ-менеджером компании. В два раза чаще в сравнении с другими типами они относят родительскую семью к «элите» (7%) и семьям с высоким уровнем дохода (8,2%), что согласуется и с их зарплатными ожиданиями. Чаще имеют происхождение из семей высшей части среднего класса, так как почти 40% из них утверждают, что родители имеют накопления, чтобы свободно купить недвижимость или автомобиль.

Учились в школе с интересом, высоко оценивают уровень подготовки в школе и профессионализм своих учителей. Главными для успешной учебы качествами считают трудолюбие и дисциплину; больше всего хотят развить за время учебы по ИОТ креативность и нестандартное мышление. «Отличники» имеют высокий уровень вовлеченности в университетское пространство, высоко оценивают свои адаптационные способности. В этой группе наблюдается поддержка всех принципов ИОТ, даже непопулярного принципа обучения в смешанных группах (уровень поддержки – 67,1%).

Социальный тип 3: «Активисты» (24,4%)

Характеристики: стремление к групповой работе, широкие неформальные коммуникации, высокий уровень готовности к внеучебной деятельности, невысокая степень внутренней мотивации к учебе.

Основная образовательная стратегия – расширение социального капитала, использование неформальных связей для адаптации в вузе и решения учебных задач, а также в целом для достижения жизненного успеха. Достаточно высокая вероятность успешного окончания вуза.

«Активисты» позитивно настроены к образованию в целом – почти так же, как и «отличники». Половина планирует заниматься самообразованием во время учебы в вузе, треть собирается пройти обучающие курсы по интересам параллельно основной учебе.

Базовые ценности – финансовая независимость и обеспеченность (77–79%), безопасность и благополучие семьи (73–74%), обучение и саморазвитие (70%). Среди «активистов» доля рассчитывающих на собственные усилия

как ключевой фактор достижения жизненного успеха свыше 90%, но оптимистично настроенных в отношении собственного будущего существенно меньше, чем среди «отличников», – на 20%.

Большинство представителей этого типа рассчитывают надолго остаться в профессии. Как и «отличники», они осознанно выбирали направление подготовки. Социальное происхождение представителей этой группы – в основном средний класс.

Ожидания от учебы связаны с приобретением особого жизненного опыта студенчества, общением и развлечениями, а также реализацией своих интересов вне специальности обучения. В меньшей степени они рассчитывают на обретение актуальных профессиональных знаний и широких компетенций, необходимых для работы. Они чаще других подчеркивают важность умения полноценно отдыхать и беречь нервы, а также способность находить контакт с преподавателем как необходимые качества для успешной учебы.

Уровень базовых знаний на этапе вхождения в вузовское пространство они оценивают достаточно высоко (хуже всего, по их мнению, развиты компетенции в цифровой сфере и уровень иностранного языка). В то же время у них очень высокие показатели в оценке навыков презентации и командной работы, а также умения писать тексты. За время учебы в вузе по модели ИОТ они хотели бы развить креативность и нестандартное мышление, навыки самоорганизации, ответственность, лидерские качества, умение ставить цели и достигать их. Хотели бы учиться по индивидуальным образовательным траекториям с возможностью выбора учебных курсов 74,6%. Порядка половины «активистов» ценят способ обучения в смешанных группах за возможность расширить свои контакты, однако для представителей типа это не является принципиальным, так как они способны устанавливать контакты и вне непосредственной учебной деятельности.

Социальный тип 4: «Нигилисты» (15,7%)

Характеристики: негативный настрой, низкая вовлеченность в групповую работу, отсутствие интереса к обучению, критичное отношение к системе обучения по ИОТ, ориентация на индивидуальное выполнение учебных заданий.

Основная образовательная стратегия – стратегия избегания, выражающаяся в негативном отношении к учебе в вузе, критичном настрое относительно технологии обучения по ИОТ, ориентации на тестовую систему оценивания знаний. Высокая вероятность не закончить вуз.

«Нигилисты» не хотят задумываться о будущем, достаточно часто не имеют представления о путях достижения жизненного успеха. Треть «нигилистов» уверены в бессмысленности планирования будущего, оптимистично в оценке собственных перспектив настроены менее 40%, крайне негативно – 16,6%. В гораздо меньшей степени в сравнении с другими типами рассчитывают на значимость собственных усилий в достижении хорошего профессионального и карьерного будущего.

В этой группе самый низкий уровень позитивных ожиданий от учебы в сравнении с другими типами (40–50%), за исключением оценки актуальности знаний (66,2%). Утверждение же о значимости особого жизненного опыта студенчества, общения и развлечений разделяют менее четверти предста-

вителей этого типа, что позволяет говорить о низкой степени их вовлеченности в коммуникацию со сверстниками. Самыми важными качествами для успешной учебы «нигилисты» считают самостоятельность и ответственность. «Нигилисты» испытывают сложности с публичными выступлениями и овладением иностранным языком. Высоко оценивают они только сформированный за время учебы в школе навык «искать и систематизировать информацию». «Нигилисты» менее всех остальных типов ориентированы на развитие каких-то личностных качеств, больше всего они хотят выработать в себе общительность, умение ладить с людьми, умение ставить цели и достигать их, навыки самоорганизации.

Базовые ценности – материальная обеспеченность (73%), далее следуют все остальные обозначенные в описаниях других типов ценности (в диапазоне 65–68%).

Около 40% не собираются связывать свою жизнь с выбранной специальностью. В три раза чаще в сравнении с другими типами у них выражено стремление «вообще не работать» (7,6%) либо нежелание задумываться над данным вопросом (15,9%). В 2–3 раза чаще они также рассчитывают и на минимальный диапазон зарплат – каждый 10-й респондент полагает, что будет получать 20–30 тыс. после окончания университета. Свыше трети (35,3%) «нигилистов» заранее исключают для себя возможность карьерного роста, не имеют карьерных амбиций. При этом четверть из них относят свою семью к рабочему классу.

Наиболее критично из всех они настроены к технологии обучения по ИОТ – 22,9% предпочли бы учиться по единой для всех программе, и еще 15,9% говорят о том, что технология обучения для них не важна. Идею обучения в смешанных группах поддерживают всего 15,3%, тогда как 40% открыто говорят, что идея плохая. Половина говорит о том, что приходит в университет только учиться и никакие иные мероприятия для них не представляют интереса. Чаще других типов испытывают сложности в адаптации, каждый пятый говорит, что адаптироваться в смешанных группах ему будет тяжело.

Выводы

Доминирующими типами студентов-первокурсников оказались «отличники» (31,6%) и «конформисты» (28,3%), реализующие стратегии личной ответственности и пассивного присутствия в границах образовательного пространства университета. На последующих этапах реализации проекта планируется осуществление регулярного мониторинга динамики образовательных стратегий, способов планирования и действия в рамках выстраивания студентами своей индивидуальной траектории обучения.

Полученные эмпирические данные дают возможность для принятия управленческих решений по развитию желательных для вуза и рынка труда образовательных стратегий («отличники» и «активисты») и коррекции нежелательных («конформисты» и «нигилисты»), а также для дальнейших мониторинговых замеров. Возможности обоснованного планирования и поиска социальных резервов в условиях еще не полностью освоенного ни преподавателями вузов, ни самими студентами нового образовательного пространства – важная черта реализуемого нами подхода. Обучение планированию

образовательных стратегий активно практикуется в зарубежных вузах [9]. Представляется целесообразным поставить аналогичную задачу и перед российскими вузами, если мы хотим сохранять и развивать технологию обучения по индивидуальным траекториям.

Список источников

1. *Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования* / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. М. : ЦСПиМ, 2015.
2. *Фурсов К.С.* Образовательные стратегии студентов российских вузов на этапе выхода на рынок труда: опыт эмпирического исследования // Вопросы образования 2006. № 2. С. 222–241.
3. *Васенина И.В., Липатова М.Е., Сушко В.А.* Профессиональные и образовательные стратегии современных абитуриентов // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2019. № 25 (4). С. 102–123. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123
4. *Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.* Пути к успешности в образовании: поведенческие стратегии студенчества в региональных вузах России // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 11. С. 64–80. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-64-80
5. *Бурдье П., Пассрон Ж.-К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Просвещение, 2007.
6. *Lane M.* Explaining Educational Choice // Sociology. 1972. № 6 (2). P. 255–266. DOI: 10.1177/003803857200600206
7. *Pitzalis M., Porcu M.* Cultural capital and educational strategies. Shaping boundaries between groups of students with homologous cultural behaviours // British Journal of Sociology of Education. 2017. Vol. 38, is. 7. P. 956–974. DOI: 10.1080/01425692.2016.1205968
8. *Wong B., Chiu Y.-Li.T.* Swallow your pride and fear': the educational strategies of high-achieving non-traditional university students // British Journal of Sociology of Education. 2019. Vol. 40, is. 7. P. 868–882. DOI: 10.1080/01425692.2019.1604209
9. *Endres T., Leber J., Böttger C., Rovers S., Renkl A.* Improving Lifelong Learning by Fostering Students' Learning Strategies at University // Psychology Learning & Teaching. 2021. Vol. 20, № 1. P. 144–160. DOI: 10.1177/1475725720952025

References

1. Konstantinovskiy, D.L., Abramova, M.A., Voznesenskaya, E.D., Goncharova, G.S., Kostyuk, V.G., Popova, E.S. & Cherednichenko, G.A. (2015) *Novye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya* [New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research]. Moscow: TsSPiM.
2. Fursov, K.S. (2006) *Obrazovatel'nye strategii studentov rossiyskikh vuzov na etape vykhoda na rynek truda: opyt empiricheskogo issledovaniya* [Educational strategies of Russian university students at the stage of entering the labor market: empirical research experience]. *Voprosy obrazovaniya – Educational Studies*. 2. pp. 222–241.
3. Vasenina, I.V., Lipatova, M.E. & Sushko, V.A. (2019) Professional and educational strategies of modern applicants. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 25(4). pp. 102–123. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123.
4. Ambarova, P.A. & Zborovsky, G.E. (2021) Ways to Success in Education: Students' Behavioral Strategies in Regional Universities of Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 30(11). pp. 64–80. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-11-64-80.
5. Bourdieu, P. & Passron, J.-K. (2007) *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: Elements of the theory of the education system]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Prosveshchenie.
6. Lane, M. (1972) Explaining Educational Choice. *Sociology*. 6(2). pp. 255–266. DOI: 10.1177/003803857200600206
7. Pitzalis, M. & Porcu, M. (2017) Cultural capital and educational strategies. Shaping boundaries between groups of students with homologous cultural behaviours. *British Journal of Sociology of Education*. 38(7). pp. 956–974. DOI: 10.1080/01425692.2016.1205968

8. Wong, B. & Chiu, Y.-Li.T. (2019) Swallow your pride and fear': the educational strategies of high-achieving non-traditional university students. *British Journal of Sociology of Education*. 40(7). pp. 868–882. DOI: 10.1080/01425692.2019.1604209

9. Endres, T., Leber, J., Böttger, C., Rovers, S., & Renkl, A. (2021) Improving Lifelong Learning by Fostering Students' Learning Strategies at University. *Psychology Learning & Teaching*. 20(1). pp. 144–160. DOI: 10.1177/1475725720952025

Сведения об авторах:

Гаврилюк Т.В. – кандидат социологических наук, доцент, руководитель Центра образовательной аналитики Тюменского государственного университета, ведущий научный сотрудник Научно-учебной лаборатории исследования рынка труда Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Бочаров В.Ю. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королёва (Самара, Россия); ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия); аналитик Центра образовательной аналитики Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: v.y.bocharov@utmn.ru

Погодаева Т.В. – кандидат экономических наук, доцент, советник ректора Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: t.v.pogodaeva@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Gavrilyuk T.V. – Cand. Sci. (Sociology), docent, head of the Center for Educational Analytics, leading researcher of the Labor Market Research Laboratory, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

Bocharov V.Yu. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor, Department of Sociology and Cultural Studies, Samara University (Samara, Russian Federation); associate researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation); analyst of the Center for Educational Analytics, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: v.y.bocharov@utmn.ru

Pogodaeva T.V. – Cand. Sci. (Economics), docent, advisor to the Rector of the University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: t.v.pogodaeva@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.05.2023;

одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 18.08.2023

The article was submitted 02.05.2023;

approved after reviewing 28.06.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 374

doi: 10.17223/1998863X/74/16

ИНТЕРВЕНЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ В РОССИЙСКУЮ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ: ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

Андрей Петрович Глухов¹, Анастасия Александровна Андреева²,
Максим Юрьевич Гурин³, Диана Олеговна Королева⁴

^{1, 2, 3, 4} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

¹ *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *GlukhovAP@tspu.edu.ru*

² *aaandreeva@hse.ru*

³ *myugurin@edu.hse.ru*

⁴ *dkoroleva@hse.ru*

Аннотация. В рамках экосистемного образовательного подхода дается дескрипция процессов интервенции EdTech-компаний и переформатирования образовательного ландшафта российской системы образования в результате пандемийной акселерации и постпандемийной турбулентности. Авторы делают выводы о пандемийной акселерации развития образовательных платформ, их экосистемном позиционировании, установке на конвергенцию с традиционными образовательными учреждениями, акценте на качестве услуг, господдержке и коллаборации внутри отрасли.

Ключевые слова: образовательные онлайн-платформы, EdTech-компании, образовательная экосистема, образовательный ландшафт, институциональный дизайн системы образования.

Благодарности: публикация подготовлена в рамках поддержанного РНФ научного проекта № 22-18-00687 «Исследование трансформации институционального дизайна российской образовательно-инновационной системы в условиях постпандемической реальности: экосистемный анализ и картографирование ландшафта».

Для цитирования: Глухов А.П., Андреева А.А., Гурин М.Ю., Королева Д.О. Интервенция электронных образовательных платформ в российскую систему образования: экосистемный подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 176–189. doi: 10.17223/1998863X/74/16

INTERVENTION OF ELECTRONIC EDUCATIONAL PLATFORMS INTO THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM: AN ECOSYSTEM APPROACH

Andrey P. Glukhov¹, Anastasia A. Andreeva²,
Maksim Yu. Gurin³, Diana O. Koroleva⁴

^{1, 2, 3, 4} *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

¹ *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *GlukhovAP@tspu.edu.ru*

² *aaandreeva@hse.ru*

³ *myugurin@edu.hse.ru*

⁴ *dkoroleva@hse.ru*

Abstract. Within the framework of the ecosystem educational approach, the authors describe the processes of intervention by EdTech companies and the reformatting of the educational landscape of the Russian education system as a result of pandemic acceleration and post-pandemic turbulence. The authors briefly review ecosystem approaches to the analysis of the transformation of the educational system and the processes of intervention in it by EdTech companies, and summarize the positive aspects of the partnership between EdTech and higher education, with an emphasis on the lack of efforts towards the formation of a new educational ecosystem and the need to “harmonize” the relationship between innovative business institutions and traditional education. The study is based on a series of expert interviews with leaders of electronic educational platforms in the EdTech sector. The interviews focused on issues related to the structure of demand, the identification of competitive and collaborative strategies, the transformation of business models, the formats for the interaction of online platforms with traditional educational institutions, regulatory and subsidizing state interventions in the industry. The authors draw conclusions about the pandemic acceleration in the development of educational platforms and the acceleration of the formation of a digital educational environment in the Russian education system, the increased positioning of online platforms as mediation hubs and communication centers of the educational ecosystem, the mutual convergence of EdTech companies and traditional educational organizations. The authors describe how electronic educational platforms have tested a whole range of different business strategies in a short time, involving both “niche” consolidation in the found special segments (project-based learning, working with talented children) and business scaling to a wide range of segments, types of education (corporate, family formation) and geographical areas. In conclusion, the authors summarize that, with all the difficulties, the EdTech industry has a certain scaling potential due to the involvement of new unused segments of educational services’ consumers (individual and corporate), support and efforts of the state aimed at the digital transformation of the economy, the creative potential of companies that have learned to survive in crisis conditions.

Keywords: educational online platforms, EdTech companies, educational ecosystem, educational landscape, institutional design of education system

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00687.

For citation: Glukhov, A.P., Andreeva, A.A., Gurin, M.Yu. & Koroleva, D.O. (2023) Intervention of electronic educational platforms into the Russian education system: an ecosystem approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 176–189. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/16

Введение

В постпандемийный период мы стали свидетелями значительной трансформации институционального дизайна и образовательного ландшафта всей российской образовательной экосистемы. Такие факторы, как пандемийный переход на дистант всей системы общего и профессионального образования, процесс цифровизации экономики и перенос всех типов профессиональных коммуникаций на цифровые платформы, выступили в качестве ключевых драйверов изменений. Сами электронные образовательные платформы все в большей степени берут на себя функции виртуальных экосистем, гарантирующих связность всех игроков и социальных практик в образовательной экосистеме [1].

EdTech-компаниям в пандемийный период удалось воспользоваться своеобразной растерянностью формальных образовательных институций и в рамках агрессивной бизнес-стратегии осуществить глубокие интервенции в сферу образования, предлагая инновационные образовательные услуги с акцентом на замещение традиционной классно-урочной системы и быстрый результат в виде получения узких практико-ориентированных компетенций.

В системе образования возникает новая ситуация, когда за счет прихода в нее новых игроков со своими стратегиями и установками меняются ее структурный дизайн и режимы взаимодействия между акторами: происходит стратегическое взаимопересечение и конкуренция / кооперация формальных / неформальных игроков и организаций / компаний.

Фаблабы, мейкерспейсы, акселераторы, хакатоны, кейс-чемпионаты, ресурсы кейс-сообществ, бизнес-школы, краудфандинговые и краудсорсинговые платформы и другие новые пространства и форматы совместной инновационно-образовательной деятельности трансформируют институциональный дизайн и структурное наполнение образующейся инновационной образовательной экосистемы.

Новые акторы, появившиеся в рамках образовательного поля, выступают как мощные акселераторы процессов внутрисферного взаимодействия, переводя всю образовательную систему на другой уровень коммуникационной связности игроков, потребителей и институций. Внутри сферы более активно происходит взаимный обмен инновационными практиками, запускается трансфер образовательных инициатив.

Происходящие в экосистеме образования процессы затрагивают не только новых (в основном происходящих из EdTech-сферы) игроков, но и меняют стратегическое поведение традиционных акторов: школы, колледжи и университеты становятся более открытыми, отзывчивыми к вызовам и проницаемыми для инноваций под давлением конкуренции со стороны неформальных игроков [2].

Ряд конкурентных преимуществ отличает EdTech-компании и электронные образовательные платформы от традиционных образовательных организаций: 1) легкое масштабирование за счет сетевого эффекта при внешних благоприятных условиях (как, например, в период ажиотажного пандемийного спроса); 2) быстрые трансформация и реагирование при отсутствии тормозящего посредничества образовательных административных структур; 3) создание коротких петель обратной связи и взаимодействия с образова-

тельным сообществом при смещении фокуса внимания с внутренней административной активности на внешнее взаимодействие с потребителями (CRM) [3. С. 45].

Притом что интервенции EdTech-компаний в сферу общего и высшего профессионального образования в период пандемии носили во многом реактивный характер в режиме антикризисного управления, стратегические последствия этого переформатирования образовательной экосистемы не до конца прослеживаются [4. С. 126].

Ворвавшиеся на рынок традиционного образования в период пандемии образовательные онлайн-платформы с гибридной историей симбиоза медиа и педагогики задают паттерн поведения для других нетрадиционных акторов образовательной экосистемы.

Эвристически ценной является дескрипция процессов интервенции EdTech-компаний и переформатирования институционального дизайна и образовательного ландшафта российской системы образования в результате пандемийной акселерации и постпандемийной турбулентности.

Цель нашего исследования – описание ситуации переформатирования институционального дизайна, режимов коммуникации, коллабораций и конкуренции, бизнес-стратегий основных игроков российского образовательного поля через оптику и фокусировку одного из новых акторов образовательной экосистемы – электронных образовательных платформ.

Обзор литературы

Методологической рамкой исследования послужил экосистемный подход к описанию институциональной трансформации образования. Изменения ландшафта российской инновационно-образовательной системы в направлении большего институционального разнообразия, пространственной диффузии и межинституционального взаимодействия и синергии требуют своего анализа в терминах экосистемы.

Развитие экосистемного взгляда на образовательное пространство зарождалось в концепциях образовательной экологии Л. Кремина [5] и спиральных моделях Triple Helix [6], Quadruple Helix [7], раскрывающих включение государства, бизнеса, социума, активистов и проблем окружающей среды в образовательную сферу. Наряду с пространством институциональной коллаборации в образовательной экосистеме исследуются также пространство мобильности человеческого капитала [8], социальные переменные образовательной модели [9], социальная инфраструктура создания, передачи и коммерциализации знаний [10].

С середины 10-х гг. XXI в. наблюдается экспоненциально возрастающий интерес научного сообщества к теме экосистемного подхода в образовании, выразившийся в том числе в росте количества публикаций, посвященных описанию экосистемных характеристик образовательного пространства. Гибкие форматы коммуникации образовательных организаций с обучающимися, новые формы организации образовательных процессов [11], достижения устойчивости [12] и социальной справедливости и преодоления социального неравенства в образовании [13] становятся важнейшими темами экосистемных исследований. Тематики добровольной инклюзии социальных сообществ и предпринимательских структур в образовательные экосистемы [14], плат-

форменных эффектов в образовании [15] и децентрализованных форм организации и управления в образовательном пространстве [16, 17] также привлекают существенное внимание исследователей и аналитиков. Активно ведется дискуссия относительно нахождения оптимальных конфигураций самой образовательной экосистемы, вынужденной соблюдать баланс между эффективностью и востребованностью, с одной стороны, и в то же время инклюзивностью и доступностью [18].

В целом в рамках образовательной аналитики экосистемный переход выглядит как резкая трансформация традиционных институтов образования и размыкание, диффузия образовательных практик как институционально, так и пространственно (в рамках городской, страновой и глобальной локализации) [19]. Образование как формат деятельности частично деинституционализируется, деформализуется и становится инициативой и миссией отдельных компаний, сообществ, организаций и личностей. Дополнительно происходит диффузия образовательных практик во всю институциональную структуру городов и других локаций. Таким образом, то, что воспринималось как дополнительные активности, акторы и продукты на границах образовательной системы, «прорастает» в основу системы, интегрируется во все ее части и частично способствует появлению новых аттракторов, притягивающих изменения и задающих качественные трансформации. Деятельность новых акторов выходит за пределы образовательной среды, все в большей мере встраивается в практики сообществ и является частью совместной деятельности, социальной и персональной трансформации в сообществе [20].

Возникает резонный вопрос о побудительных причинах подобной радикальной трансформации всего образовательного пространства и пересборке его в новом формате игроков, институций и коммуникаций между ними. Радикальная эксплозия неформального (прежде всего, внешкольного и вневузовского) инновационного образования и передел сфер влияния и воздействия на потребителей образовательных услуг требуют выработки объяснительной концептуальной модели с выявлением причин и наброском сценариев дальнейшей трансформации инновационно-образовательной сферы. Исследователи Центра образовательных разработок Московской школы управления СКОЛКОВО (SEDeC) «Эпоха „Гринфилда“ в образовании» выдвигают в качестве причины экосистемного перехода появление новой технологической платформы образования: «...появилась устойчивая модель воспроизводства и развития новой образовательной практики. Это произошло благодаря тому, что за последние несколько лет сформировалась новая технологическая платформа образования, которая объединяет преимущества отдельных EdTech-проектов в единую систему, предлагающую полноценный образовательный опыт и альтернативу традиционным форматам обучения» [21]. Авторы доклада видят в качестве причины серьезных изменений сложившегося образовательного ландшафта новую волну технологических инноваций, затронувшую относительно консервативную сферу образования и интервенцию EdTech-компаний в образовательные практики.

С. Кортни определяет данный процесс как «колонизацию» EdTech-компаниями сферы образования, где корпоративизм и корпоративные субъекты процветают [22]. В результате возникает гетерогенная сеть властных отношений, соединяющая общественность (например, школы, департаменты, ми-

нистерства и национальные правительства) и частных субъектов (например, предприятия, некоммерческие организации, группы защиты интересов и благотворительные организации).

Датификация и цифровизация систем мониторинга и управления образованием также ведут к его коммодификации. С. Гартунг выделяет различные формы прямой или косвенной коммодификации, включая такие практики, как заключение контрактов, финансирование за счет спонсорства, сборка информационных комплексов, состоящих из данных для получения прибыли, а также услуги по посредничеству данных [23. С. 161].

Критически настроенные исследователи предупреждают, что датификация сужает дискурс и объем таких сложных понятий, как преподавание и обучение [24–26], и порою сводят преподавателей и студентов высших учебных заведений к простому объекту цифровизации, не рассматривая их как активных субъектов, участвующих в формировании цифрового будущего [27, 28].

Ф. Макгилкрист использует понятие «жестокости оптимизма», описывая ситуацию инвестиций в EdTech и датификацию образования, когда аппаратное и программное обеспечение финансируется как средство для устранения разрыва в достижениях обучающихся, защиты конфиденциальности и выявления образовательного неравенства, однако подобный технологический оптимизм не в состоянии решить фундаментальные социальные проблемы, вызывающие подобное неравенство [29].

Российские исследователи также видят реальную необходимость проникновения EdTech-компаний в учебный процесс и подчеркивают, что причиной отставания подготовки цифровых кадров для киберэкономики является общепринятая теория о разделении научной и образовательной функций EdTech. Такое разделение не соответствует потребностям современной России и вместо стимулирования развития цифровых кадров сдерживает цифровую модернизацию [30. С. 163]. Исследователи предлагают объединить функции R&D и функции подготовки цифровых кадров для создания прорывных цифровых технологий с использованием EdTech.

Эвристически ценной является дескрипция процессов интервенции EdTech-компаний и переформатирования институционального дизайна и образовательного ландшафта российской системы образования в результате пандемийной акселерации и постпандемийной турбулентности.

Целью нашего исследования было описание ситуации переформатирования институционального дизайна, режимов коммуникации, коллабораций и конкуренции, бизнес-стратегий основных игроков российского образовательного поля через оптику и фокусировку одного из новых акторов образовательной экосистемы – электронных образовательных платформ.

Резюмируя последствия процессов интервенции EdTech в образовательную сферу, можно сослаться на взвешенную позицию Х. Шарма, который, с одной стороны отмечает, что партнерство между EdTech и высшим образованием неизбежно, поскольку образование сейчас как никогда нуждается в технологической поддержке для создания устойчивой системы, продвигающей обучение на протяжении всей жизни. Новые возможности образования от технических достижений до педагогических инноваций, снижения цифрового разрыва и межкультурного сотрудничества необходимо признать и оптимизировать для формирования эффективного человеческого капитала.

С другой стороны, Х. Шарма указывает на недостаточность усилий в направлении формирования новой образовательной экосистемы и необходимость «гармонизации» отношений и даже частичной конвергенции институтов инновационного бизнеса и традиционного образования: «Для решения этих задач важно выделить существующие линии взаимоотношений между EdTech-компаниями, их услугами и высшим образованием. Это возможно только при совместной реструктуризации и конвергенции норм высшего образования и рынка» [4. С. 134]. В данной статье авторы пытаются восполнить методологический дефицит описания того нового состояния переформатирования российской образовательной экосистемы, которое возникает в пандемийный период в результате интервенции в сферу образования EdTech-компаний и электронных образовательных платформ, исходя из оптики видения самих новых игроков и специфики российской ситуации.

Методы и результаты

Методологическим ориентиром исследования послужила интерпретация электронных образовательных платформ и сектора EdTech в целом как новой технологической платформы образования, выстраивающей новую экосистему и бизнес-модели на рынке образовательных услуг [21].

В основу эмпирической рамки была положена серия полуструктурированных экспертных интервью с руководителями и публичными спикерами ведущих онлайн-образовательных платформ в российском сегменте EdTech. В частности, экспертами выступили руководители и спикеры таких компаний и платформ, как GlobalLab, Skyeng, Native class, Фоксфорд, Стимул, Мобильное электронное образование (МЭО), руководители вузовского образовательного направления ВКонтакте. Интервью осуществлялись в онлайн-формате и предполагали структурированную беседу с фокусировкой на вопросах, связанных с изменением структуры спроса и рыночных сегментов с приходом пандемии и массовым переходом на дистанционное обучение, выявлением конкурентных и коллаборативных стратегий онлайн-платформ в отрасли, трансформацией бизнес-моделей и педагогического дизайна онлайн-платформ, форматов взаимодействия с традиционными институтами образования (прежде всего со школами и учителями), регулятивными и субсидирующими интервенциями государства в отрасль и влиянием на рынок и игроков постпандемической турбулентности.

Резкое изменение конфигурации спроса в пандемийный период спровоцировало как реакцию формирование новых корпоративных стратегий и бизнес-моделей, включая переформатирование конкурентного взаимодействия, а также новые форматы педагогического дизайна и взаимодействия с потребителями образовательного контента на уровнях b2c, b2b и b2g.

Пандемийный переход российской системы образования в формат дистанта некоторые эксперты характеризуют как выход из зоны комфорта, сопряженный с акселерацией трансформационных процессов, запущенных задолго до пандемии: *«анализ и скорость изменений стали выше, но тренды сохранились»* (Т. Крупа, президент компании GlobalLab, материалы экспертного интервью). Проявившийся в первые месяцы ажиотажный спрос потребовал переформатирования педагогического дизайна: пришлось разрабатывать *«четкий алгоритмический инструментарий для педагогов, усилить*

коммуникации с родителями, учителями, производить инвестиции в новый продукт» (Т. Крупа, президент компании GlobalLab, материалы экспертного интервью). Педагогическим дизайнерам платформ пришлось в плане улучшения «упаковки» образовательного продукта запускать редизайн интерфейса, юзабилити, навигации самих платформ, в плане совершенствования коммуникаций с потребителями создавать клиентскую службу, занимающуюся методической помощью, прежде всего учителям.

Крупные игроки рынка EdTech, в частности компания ВКонтакте, получили вал запросов от образовательных организаций и от профильных министерств и ведомств и вынуждены были, чтобы оставаться «на плаву» в условиях экспоненциального роста спроса, менять свои подходы и бизнес-модели. Руководитель направления по взаимодействию компании VK с вузами отмечает пандемию как появившуюся «форточку возможностей»:

«Сказать, что это был шок, наверное, нет, это была возможность вообще для всех EdTech'ов. Почему? Потому что они стали резко всем нужны, и возможности испытать свои ресурсы на большом объеме пользователей, которых у них до этого не было. Кто-то готовился, может быть, к какому-то масштабированию, которое случилось очень быстро, но большие платформы, наверное, были больше готовы» (С. Марданов, директор по связям с вузами компании VK, материалы экспертного интервью).

Оборотной стороной медали стало формирование негативного имиджа онлайн-образования как формата в целом за счет неподготовленности перехода к нему и реализации нелучших практик: *«насилованный перевод на дистант не помог EdTech'у, а скорее помешал, да, ну то есть тот ужасный опыт, который там был в школах, он в общем показал родителям, что онлайн – это фигово»* (А. Ларьяновский, управляющий партнер компании Skyeng, материалы экспертного интервью).

Государственные органы в лице Министерства просвещения, Министерства науки и высшего образования и Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций активно стимулировали в период пандемии онлайн-обучение различных категорий граждан. В этот период компания проводила стратегию диверсификации своих образовательных продуктов. Онлайн-образование было востребовано для таких новых сегментов потребителей, как государственные служащие, различные категории льготников; активно рос сегмент переобучения персонала, лиц, потерявших работу, IT-специалистов.

Конкуренция между образовательными платформами, как свидетельствуют эксперты, не стала меньше (в том числе и косвенная конкуренция «за внимание»), но активнее стали использоваться симбиотические стратегии дополнения: *«мы стараемся кооперироваться с теми, с кем возможно: ну, например, с компанией ФИЗИКОН мы стараемся дополнять друг друга. Они предоставляют те материалы, а мы можем прикручивать условно, проектно-исследовательскую деятельность. И такой симбиоз, когда ты умеешь договариваться с рынком, он дает тебе условно конкурентное преимущество»* (Т. Крупа, президент компании GlobalLab, материалы экспертного интервью).

Совместное лоббирование (хотя и не всегда успешное) интересов отрасли также выступило в качестве одной из стратегий выживания. В частности,

EdTech-компании, входившие в пул «Сколково», лоббировали временное снижение налогов и дополнительные государственные субсидии в отрасль в пандемию.

В целом период пандемии с его переходом на дистант, когда онлайн-платформы оказались незаменимым ресурсом для традиционной системы образования, заставил многие EdTech-компании и образовательные платформы пересмотреть и повысить собственную самооценку и позиционирование в отрасли. Параллельно происходила легитимация в рамках формальной системы образования: *«государству пришлось признать, что есть онлайн-обучение, что оно может быть эффективным, оно может быть хорошо выстроенным»* (О. Хасякова, гендиректор Домашней школы «Интернет-урок», материалы экспертного интервью). Крупные игроки стали все более позиционировать свои образовательные онлайн-платформы как хабы медиа-ции и центры некоей образовательной экосистемы: *«от разработки некоего набора образовательных продуктов (цифровых образовательных продуктов) мы перешли к проектированию, созданию реакгентной сетевой социокультурной образовательной среды, где цифра является, во-первых, таким платформенным основанием организации образовательного процесса и взаимодействия всех его участников. И второе – где цифровые образовательные ресурсы (или электронные образовательные ресурсы, их по-разному называют) становятся инструментами не просто обучения, а персонализации образовательного процесса в его привязке к запросам и потребностям конкретного обучающегося»* (А. Кондаков, гендиректор компании «Мобильное электронное образование» (МЭО), материалы экспертного интервью).

В период после пандемии экономическая турбулентность обостряет конкуренцию в сфере электронных образовательных платформ: необходимо *«больше работать, чтобы выручка не падала»* (Т. Крупа, президент компании GlobalLab, материалы экспертного интервью). В первую очередь оказываются в зоне риска услуги дополнительного образования. Государственная поддержка и субсидирование потребителей образовательных услуг могут стать в данной ситуации спасительным якорем и позволить электронным образовательным платформам, особенно в секторе малого бизнеса, удержаться «на плаву».

Крупные компании чувствуют себя по-прежнему комфортно; в частности, компания ВКонтакте укрепляет коммуникации с вузами, занимая высвободившуюся нишу мировых образовательных платформ и замещая их услуги там, где это возможно; также VK продолжает тренд на диверсификацию сегментов рынка, запуская пилотные проекты с учреждениями СПО и экспериментируя в сфере корпоративного обучения: *«мы, там, поддерживали и в рамках Coursera, и после ее ухода, соответственно, отдельную с вузами платформу запускаем, связанную с онлайн-курсами»* (С. Марданов, директор по связям с вузами компании VK, материалы экспертного интервью). Респонденты приветствуют запуск разнообразных программ господдержки обучающихся и частно-государственных партнерств: *«Запущены проекты „Цифровые профессии“, „Цифровой образовательный контент“, который вообще преобразовал рынок... Допустим, проекты „Моя школа“, „Мое образование“, „Цифровой образовательный контент“ – эти проекты ведет Минцифры России, а Минпрос выступает функциональным заказчиком. То*

есть существенно изменило вообще специфику работы на этой поляне» (А.М. Кондаков, гендиректор компании «Мобильное электронное образование» (МЭО), материалы экспертного интервью).

Если до пандемии и перехода на дистант государство, по мнению респондентов, мало интересовалось бизнесом электронных образовательных платформ, то в постпандемийный период можно говорить о его мощных интервенциях на рынок образовательных платформ в качестве одного из игроков и регулятора. Необходимость выстраивания дистанционной формы образования для традиционных образовательных организаций заставила государство пересмотреть отношение к электронным образовательным платформам: *«И вы знаете, благодаря, наверное, пандемии государство обратило внимание на онлайн-образование, на онлайн-обучение, внесли поправки в порядок аккредитации, и мы, слава Богу, в этом году получили лицензию именно как онлайн-школа. И, я думаю, что, ну, во многом, что пандемия все-таки помогла» (О. Хасякова, гендиректор Домашней школы «Интернет-урок», материалы экспертного интервью).*

Оценка эффектов влияния государственного вмешательства и регулирования сильно различается в зависимости от размера и типа EdTech-компаний. Представители малого онлайн-платформенного бизнеса достаточно критически оценивают роль государства и отмечают, с одной стороны, тенденции к монополизации рынка за счет распределения прав квотирования контента и получения преференций отдельными уполномоченными компаниями, с другой стороны, наличие тренда на честную конкуренцию по прозрачным правилам игры через верификацию и сертификацию контента (кейс проекта «Цифровой образовательный контент» компании Иннополис).

Крупные EdTech-компании положительно оценивают влияние государства как источника ресурсов, которое платит за граждан, обучающихся на платформах; по мнению экспертов, государство слышит запросы и предложения EdTech о поддержке и развитии бизнеса. За последнее время появилось множество конкурсов и тендеров, в которых образовательные онлайн-платформы и бизнесы участвуют как потенциальные операторы услуг для потребителей; государственная поддержка осуществляется за счет участия в запуске проектов «Цифровые профессии», «Код будущего» (обучение программированию в 8–10-х классах), повышения цифровой грамотности лиц «серебряного возраста», появления в вузах «цифровых кафедр».

Заключение

Пандемийный перевод системы образования на дистант выступил драйвером и ускорил процессы формирования цифровой образовательной среды в российской системе образования, переформатировав ее институциональный дизайн в направлении экосистемности и выхода за границы традиционных образовательных учреждений. Запустился процесс взаимной конвергенции EdTech-компаний и традиционных образовательных организаций: электронные образовательные платформы стали больше внимания уделять выстраиванию педагогического дизайна и методическому сопровождению своих продуктов, а образовательные учреждения начали устанавливать отдельные цифровые инструменты и элементы платформенного образования в учебный процесс.

Электронные образовательные платформы за короткий срок опробовали целый набор различных бизнес-стратегий, предполагающих как «нишевое» закрепление в найденных особых сегментах (проектное обучение, работа с талантливыми детьми), так и масштабирование бизнеса на широкий набор сегментов, типов образования (корпоративное, семейное образование) и географических зон.

Возросли усилия и по совершенствованию образовательного продукта за счет улучшения педагогического дизайна через использование образовательной аналитики (применение big data компанией Skyeng), оптимизации дизайна интерфейса, юзабилити, методического и тьюторского сопровождения.

В целом, притом что отрасль EdTech испытывает некоторые трудности в своем развитии, она обладает определенным потенциалом масштабирования за счет вовлечения все новых незадействованных сегментов потребителей образовательных услуг (индивидуальных и корпоративных), поддержки и усилий государства, направленных на цифровую трансформацию экономики, собственного креативного потенциала компаний, научившихся выживать в кризисных условиях.

Список источников

1. Törnberg A. The Wicked nature of social systems: a complexity approach to sociology. Gothenburg : University of Gothenburg, 2017. 126 p.
2. Bischoff K., Volkmann C.K., Audretsch D.B. Stakeholder collaboration in entrepreneurship education: an analysis of the entrepreneurial ecosystems of European higher educational institutions // The Journal of Technology Transfer. 2018. Vol. 43, № 1. P. 20–46.
3. Паркер Дж., Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику и как заставить их работать на вас. М. : Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2017. 440 с.
4. Sharma H. Mapping the Global EdTech Revolution during the pandemic: From ‘determinism’ to ‘solutionism’ // Re-imagining Educational Futures in Developing Countries / eds. E. Mogaji, V. Jain, F. Maringe, R. Ebo Hinson. Springer, 2022. P. 119–137.
5. Cremin L.A. Public Education and the Education of the Public // Teachers College Record. 1975. Vol. 77, № 1. P. 1–8. DOI: 10.1177/016146817507700104
6. Etkowitz H., Leydesdorff L. A triple helix of university – industry – government relations: Introduction // Industry and Higher Education. 1998. Vol. 12, № 4. P. 197–201.
7. Carayannis E.G., Campbell D.F.J. 'Mode 3'-and-'Quadruple Helix': toward a 21st century fractal innovation ecosystem // International Journal of Technology Management. 2009. Vol. 46, № 3-4. P. 201–234.
8. Understanding the dynamics of a knowledge economy / ed. W. Dolfsma, L. Soete. Edward Elgar Publishing, 2006.
9. de la Fe T.G. El modelo de triple hélice de relaciones universidad, industria y gobierno: un análisis crítico // Arbor. 2009. Vol. 185, № 738. P. 739–755.
10. Colapinto C., Porlezza C. Innovation in creative industries: from the quadruple helix model to the systems theory // Journal of the Knowledge Economy. 2012. Vol. 3, № 4. P. 343–353.
11. de Souza Rodrigues M.A., Chimenti P., Nogueira A.R.R. An exploration of eLearning adoption in the educational ecosystem // Education and Information Technologies. 2021. Vol. 26, № 1. P. 585–615.
12. Aguilar-Forero N., Cifuentes G. Rastreando ensamblajes y controversias en un ecosistema de innovación educativa // Sociedad e Estado. 2020. Vol. 35. P. 935–956.
13. Niemi H. Education Reforms for Equity and Quality: An Analysis from an Educational Ecosystem Perspective with Reference to Finnish Educational Transformations // Center for Educational Policy Studies Journal. 2021. Vol. 11, № 2. P. 13–35.
14. Belitski M., Heron K. Expanding entrepreneurship education ecosystems // Journal of Management Development. 2017. Vol. 36 (2). P. 163–177.
15. Kerres M., Heinen R. Open informational ecosystems: The missing link for sharing educational resources // International Review of Research in Open and Distributed Learning. 2015. Vol. 16, № 1. P. 24–39.

16. Stensaker B., Maassen P. A conceptualisation of available trust-building mechanisms for international quality assurance of higher education // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2015. Vol. 37, № 1. P. 30–40.
17. Niedlich S., Kallfuß A., Pohle S., Bormann I. A comprehensive view of trust in education: Conclusions from a systematic literature review // *Review of Education*. 2021. Vol. 9, № 1. P. 124–158.
18. Wu C. Education and social trust in global perspective // *Sociological Perspectives*. 2021. Vol. 64, № 6. P. 1166–1186.
19. Асонова Е.А., Буланов М.В., Россинская А.Н. Образовательная урбанистика: опыт описания ключевых понятий // *Научно-педагогическое обозрение*. 2021. № 6. С. 236–245.
20. Madsen L.D. The ecosystem of research, education, and community // *Metallurgical and Materials Transactions A*. 2020. Vol. 51, № 9. P. 4329–4340.
21. Конанчук Д., Волков А. Эпоха «Гринфилда» в образовании // *Ректор вуза*. 2014. № 3. С. 66–75.
22. Courtney S.J. Corporatised leadership in English schools // *Journal of Educational Administration and History*. 2015. Vol. 47, № 3. P. 214–231.
23. Hartong S. The transformation of state monitoring systems in Germany and the US: relating the datafication and digitalization of education to the Global Education Industry // *Researching the global education industry*. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 157–180.
24. Jarke J., Breiter A. The datafication of education // *Learning, Media and Technology*. 2019. Vol. 44, № 1. P. 1–6.
25. Knox J., Williamson B., Bayne S. Machine behaviourism: Future visions of ‘learnification’ and ‘datafication’ across humans and digital technologies // *Learning, Media and Technology*. 2020. Vol. 45, № 1. P. 31–45.
26. Choudry A. EdTech Inc.: Selling, Automating and Globalizing Higher Education in the Digital Age, by Tanner Mirrlees and Shahid Alvi. // *Education as Change*. 2020. Vol. 24, № 1. P. 1–4.
27. Saari A., Sääntti J. The rhetoric of the ‘digital leap’ in Finnish educational policy documents // *European Educational Research Journal*. 2018. Vol. 17, № 3. P. 442–457.
28. Broughan C., Prinsloo P. (Re) centring students in learning analytics: in conversation with Paulo Freire // *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 2020. Vol. 45, № 4. P. 617–628.
29. Macgilchrist F. Cruel optimism in edtech: When the digital data practices of educational technology providers inadvertently hinder educational equity // *Learning, Media and Technology*. 2019. Vol. 44, № 1. P. 77–86.
30. Abdulkadyrov A.S., Aliyev R.M., Badavov G.B. Edtech: the scientific and educational platform for training digital personnel for the cyber economy // *The Cyber Economy*. Cham : Springer, 2019. P. 163–168.

References

1. Törnberg, A. (2017) *The wicked nature of social systems – a complexity approach to sociology*. PhD thesis. University of Gothenburg. Faculty of Social Sciences.
2. Bischoff, K., Volkmann, C.K. & Audretsch, D.B. (2018) Stakeholder collaboration in entrepreneurship education: an analysis of the entrepreneurial ecosystems of European higher educational institutions. *The Journal of Technology Transfer*. 43(1). pp. 20–46. DOI: 10.1007/s10961-017-9581-0
3. Parker, J., Alstin, M. & Chaudari, S. (2017) *Revolutsiya platform. Kak setevye rynki menyayut ekonomiku i kak zastavit' ikh rabotat' na vas* [Platform Revolution: How Networked Markets Are Transforming the Economy – and How to Make Them Work for You]. Translated from English. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber (MIF).
4. Sharma, H. (2022) Mapping the Global EdTech Revolution during the pandemic: From ‘determinism’ to ‘solutionism’. In: Mogaji, E., Jain, V., Maringe, F. & Ebo Hinson, R. (eds) *Re-imagining Educational Futures in Developing Countries*. Springer. pp. 119–137.
5. Cremin, L.A. (1975) Public Education and the Education of the Public. *Teachers College Record*. 77(1). pp. 1–8. DOI: 10.1177/016146817507700104
6. Etzkowitz, H. & Leydesdorff, L. (1998) A triple helix of university – industry – government relations: Introduction. *Industry and Higher Education*. 12(4). pp. 197–201.
7. Carayannis, E.G. & Campbell, D.F.J. (2009) ‘Mode 3 and Quadruple Helix’: toward a 21st century fractal innovation ecosystem. *International Journal of Technology Management*. 46(3–4). pp. 201–234. DOI: 10.1504/IJTM.2009.023374
8. Dolfisma, W. & Soete, L. (eds) (2006) *Understanding the dynamics of a knowledge economy*. Edward Elgar Publishing.

9. de la Fe, T.G. (2009) El modelo de triple hélice de relaciones universidad, industria y gobierno: un análisis crítico. *Arbor*. 185(738). pp. 739–755.
10. Colapinto, C. & Porlezza, C. (2012) Innovation in creative industries: from the quadruple helix model to the systems theory. *Journal of the Knowledge Economy*. 3(4). pp. 343–353. DOI: 10.1007/s13132-011-0051-x
11. de Souza Rodrigues, M.A., Chimenti, P. & Nogueira, A.R.R. (2021) An exploration of eLearning adoption in the educational ecosystem. *Education and Information Technologies*. 26(1). pp. 585–615. DOI: 10.1007/s10639-020-10276-3
12. Aguilar-Forero, N. & Cifuentes, G. (2020) Rastreado ensamblajes y controversias en un ecosistema de innovación educativa. *Sociedade e Estado*. 35. pp. 935–956.
13. Niemi, H. (2021) Education Reforms for Equity and Quality: An Analysis from an Educational Eco-system Perspective with Reference to Finnish Educational Transformations. *Center for Educational Policy Studies Journal*. 11(2). pp. 13–35. DOI: 10.26529/cepsj.1100
14. Belitski, M. & Heron, K. (2017) Expanding entrepreneurship education ecosystems. *Journal of Management Development*. 36(2). pp. 163–177. DOI: 10.1108/JMD-06-2016-0121
15. Kerres, M. & Heinen, R. (2015) Open informational ecosystems: The missing link for sharing educational resources. *International Review of Research in Open and Distributed Learning*. 16(1). pp. 24–39.
16. Stensaker, B. & Maassen, P. (2015) A conceptualisation of available trust-building mechanisms for international quality assurance of higher education. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 37(1). pp. 30–40. DOI: 10.1080/1360080X.2014.991538
17. Niedlich, S., Kallfaß, A., Pohle, S. & Bormann, I. (2021) A comprehensive view of trust in education: Conclusions from a systematic literature review. *Review of Education*. 9(1). pp. 124–158. DOI: 10.1002/rev3.3239
18. Wu, C. (2021) Education and social trust in global perspective. *Sociological Perspectives*. 64(6). pp. 1166–1186. DOI: 10.1177/0731121421990
19. Asonova, E.A., Bulanov, M.V. & Rossinskaya, A.N. (2021) Educational urban studies: Approach to describing key concepts. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie – Pedagogical Review*. 6. pp. 236–245. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6127-2021-6-236-245
20. Madsen, L.D. (2020) The ecosystem of research, education, and community. *Metallurgical and Materials Transactions A*. 51(9). pp. 4329–4340.
21. Konanchuk, D. & Volkov, A. (2014) Epokha “Grinfilda” v obrazovanii [The era of “Greenfield” in education]. *Rektor vuza*. 3. pp. 66–75.
22. Courtney, S.J. (2015) Corporatised leadership in English schools. *Journal of Educational Administration and History*. 47(3). pp. 214–231. DOI: 10.1080/00220620.2015.1038694
23. Hartong, S. (2019) The transformation of state monitoring systems in Germany and the US: relating the datafication and digitalization of education to the Global Education Industry. In: Parreira do Amaral, M., Steiner-Khamisi, G. & Thompson, Ch. (eds) *Researching the Global Education Industry*. Palgrave Macmillan, Cham. pp. 157–180.
24. Jarke, J. & Breiter, A. (2019) The datafication of education. *Learning, Media and Technology*. 44(1). pp. 1–6.
25. Knox, J., Williamson, B. & Bayne, S. (2020) Machine behaviourism: Future visions of ‘learnification’ and ‘datafication’ across humans and digital technologies. *Learning, Media and Technology*. 45(1). pp. 31–45. DOI: 10.1080/17439884.2019.1623251
26. Choudry, A. (2020) EdTech Inc.: Selling, Automating and Globalizing Higher Education in the Digital Age, by Tanner Mirrlees and Shahid Alvi. *Education as Change*. 24(1). pp. 1–4.
27. Saari, A. & Sääntti, J. (2018) The rhetoric of the ‘digital leap’ in Finnish educational policy documents. *European Educational Research Journal*. 17(3). pp. 442–457. DOI: 10.1177/1474904117721373
28. Broughan, C. & Prinsloo, P. (2020) (Re) centring students in learning analytics: in conversation with Paulo Freire. *Assessment & Evaluation in Higher Education*. 45(4). pp. 617–628. DOI: 10.1080/02602938.2019.1679716
29. Macgilchrist, F. (2019) Cruel optimism in edtech: When the digital data practices of educational technology providers inadvertently hinder educational equity. *Learning, Media and Technology*. 44(1). pp. 77–86.
30. Abdulkadyrov, A.S., Aliyev, R.M. & Badavov, G.B. (2019) Edtech: the scientific and educational platform for training digital personnel for the cyber economy. In: Filippov, V.M., Chursin, A.A., Ragulina, Yu.V. & Popkova, E.G. (eds) *The Cyber Economy*. Springer, Cham. pp. 163–168.

Сведения об авторах:

Глухов А.П. – кандидат философских наук, ведущий эксперт лаборатории инноваций в образовании Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); заведующий лабораторией киберсоциализации и формирования цифровой образовательной среды Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия). E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

Андреева А.А. – аспирант Института образования, стажер-исследователь Лаборатории инноваций в образовании Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: aaandreeva@hse.ru

Гурин М.Ю. – магистрант программы «Сравнительные социальные исследования» на факультете социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: myugurin@edu.hse.ru

Королева Д.О. – кандидат наук об образовании (PhD in General Pedagogy), заведующий Лабораторией инноваций в образовании Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: dkoroleva@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Glukhov A.P. – Cand. Sci. (Philosophy), leading expert of the Laboratory of Innovations in Education of the Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation); head of the Laboratory of Cyber Socialization and Formation of the Digital Educational Environment, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

Andreeva A.A. – research assistant of the Laboratory for Educational Innovation Research, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: aaandreeva@hse.ru

Gurin M.Yu. – master's student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: myugurin@edu.hse.ru

Koroleva D.O. – PhD in General Pedagogy, History of Pedagogy and Education, head of the Laboratory for Educational Innovation Research, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: dkoroleva@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.12.2022;

одобрена после рецензирования 19.06.2023; принята к публикации 18.08.2023

The article was submitted 07.12.2022;

approved after reviewing 19.06.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 316.35:373.1

doi: 10.17223/1998863X/74/17

КАК СТАРШИЕ ПОДРОСТКИ ОЦЕНИВАЮТ ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УЧЕБНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ?

Светлана Николаевна Костина¹, Ольга Николаевна Новикова²

¹ Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия, s.n.kostina@urfu.ru

² Институт развития образования Пермского края, Пермь, Россия, nolga@iro.perm.ru

Аннотация. Представлены результаты проведенного в мае 2021 г. исследования особенностей использования школьниками 8–11-х классов Пермского края цифровых технологий и их влияния на учебную деятельность (выборочная совокупность N 912). Исследование показало, что абсолютное большинство опрошенных старших подростков положительно оценивают влияние использования компьютера и Интернета на их учебную деятельность, особенно на самостоятельную подготовку к занятиям. В результате анализа выявлены факторы, которые обуславливают оценку школьниками такого влияния: опыт работы с цифровыми технологиями (продолжительность ежедневной активности в сети Интернет, наличие в личном пользовании цифровых устройств), а также владение навыками работы с цифровыми технологиями.

Ключевые слова: старшие подростки, школьники, цифровые технологии, цифровые устройства, интернет-активность, навыки работы с цифровыми технологиями, цифровая грамотность, учебная деятельность

Для цитирования: Костина С.Н., Новикова О.Н. Как старшие подростки оценивают влияние цифровых технологий на учебную деятельность? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 190–205. doi: 10.17223/1998863X/74/17

Original article

IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON LEARNING ACTIVITIES OF ADOLESCENTS

Svetlana N. Kostina¹, Olga N. Novikova²

¹ Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, s.n.kostina@urfu.ru

² Education Development Institute in Perm Krai, Perm, Russian Federation, nolga@iro.perm.ru

Abstract. The article presents the results of a study conducted in May 2021 on the use of digital technologies by schoolchildren in grades 8–11 in Perm Krai (sample N 912). In the scientific literature, the question of what impact digital technologies have on the academic performance of students at different levels remains debatable. In accordance with this, the aim of the study was to analyze the impact of the use of digital technologies by older adolescents on the success of their educational activities. The study showed that the majority of older teenagers spend more than 3 hours daily on the Internet, while only a fifth of the respondents spend more than two hours a day on the Internet preparing for schoolwork. The results of the study revealed a high level of self-assessment by adolescents of their level of skills in working with digital technologies and digital content, including in comparison with their parents and students. The vast majority of students in grades 8–11 believe that their computer and Internet skills help them in their studies, especially in self-preparation for classes (Educational Olympiads, General (OGE) and Unified (EGE) State Examinations).

Schoolchildren's assessments of the impact of the use of digital technologies on learning activities depend on the class of study, the status of the school, the duration of their daily activity on the Internet, the presence of digital devices in their personal use, their skills in working with digital technologies, and academic performance. The positive impact of working with digital technologies is more recognized by high school students, students of urban and status schools, as well as by students who have a better access to digital technologies (personal digital devices) and a higher level of skills in working with them.

Keywords: high school students, digital devices, Internet activity, digital skills, digital literacy, academic performance

For citation: Kostina, S.N. & Novikova, O.N. (2023) Impact of digital technologies on learning activities of adolescents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 190–205. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/17

Введение

Ускоряющийся в последние годы рост цифровизации общественной жизни повлек за собой многочисленные изменения, которые касаются не только увеличения количества и разнообразия используемых детьми и подростками цифровых устройств, но и расширения сферы их применения в различных видах деятельности (досуговой, учебной и др.). Переход на дистанционные технологии обучения в период пандемии COVID-19 вызвал интерес исследователей к вопросам использования цифровых технологий в учебной деятельности [1], цифровой грамотности школьников [2] и педагогов [3]. Необходимость использования цифровых технологий для обучения обострила проблему цифрового неравенства среди школьников [4], которое включает в себя как владение техническими средствами доступа к цифровым технологиям, так и уровень сформированности навыков работы с ними.

Хотя цифровая компетентность признается одной из важнейших характеристик современного человека, а ее формирование выступает одной из важнейших целей государственной политики РФ, в научной литературе уже несколько десятилетий ведется дискуссия о положительных и отрицательных эффектах использования цифровых технологий детьми и подростками. Одним из важных направлений научной дискуссии выступает оценка влияния использования цифровых технологий в образовании. В соответствии с этим авторы в качестве цели исследования обозначили попытку анализа представлений старших подростков (учащихся 8–9-х классов) о том, какое влияние оказывает использование цифровых технологий на их учебную деятельность.

Влияние цифровых технологий на успешность учебной деятельности школьников: обзор исследований

Можно отметить достаточно большое количество исследований, которые посвящены анализу влияния цифровых технологий на учебную деятельность обучающихся разного возраста – начиная с младших школьников и заканчивая студентами вузов. Однако единого мнения о том, носит данное влияние положительный или отрицательный характер, в научной литературе не сложилось.

Мы выделили три группы исследований в зависимости от того, как оценивается характер влияния различных видов цифровой активности детей и

молодежи на их академическую успеваемость – негативно, позитивно или амбивалентно.

Первая группа исследований описывает негативное влияние цифровой активности школьников на академическую успеваемость. Эта традиция носит достаточно длительный характер. Так, например, еще в XX в. в среде учителей долгое время присутствовало мнение, что использование Интернета детьми не улучшает успеваемость [5]. Усилия авторов были направлены на анализ последствий чрезмерного использования цифровых технологий [6], в том числе в отдельных видах интернет-активности – играх, присутствии в социальных сетях и т.д. Р. Виес и Б.К. Серанкоски в результате проведения эксперимента с мальчиками младшего школьного возраста установили взаимосвязь между временем, которое дети проводили за игрой в видеоигры, владением навыками видеоигр и академическими результатами [7]. Мальчики, которым было предложено играть в видеоигры в ходе эксперимента, проводили больше времени за видеоиграми и меньше времени занимались внеклассной учебной деятельностью, а также имели более низкие оценки по чтению и письму и более серьезные академические проблемы, чем дети в контрольной группе [7].

В ряде исследований подчеркивалось, что использование Интернета в рекреационных целях приводит к снижению академической успеваемости. Так, Р. Кубей, М. Лавин и Дж. Барроус выявили, что наиболее сильное влияние на снижение успеваемости оказывало использование учащимися приложений для синхронного общения, таких как чаты и многопользовательские онлайн-игры [8]. Такой же эффект оказывало использование школьниками сервисов мгновенных сообщений [9].

Обеспокоенность по поводу чрезмерного использования цифровых технологий привела к возникновению концепций компьютерной и интернет-зависимости. Наличие данных зависимостей связывалось со снижением академической успешности обучающихся школ и вузов. В ряде исследований было показано, что школьники с низкой успеваемостью имеют более высокий уровень интернет-зависимости [10]. Это может быть зависимость от социальных сетей [11, 12] либо от компьютерных игр [13].

Связь между успеваемостью и онлайн-активностью может носить опосредованный характер. Например, по мнению С. Ислам и соавт., развлечения, социальное взаимодействие, поиск информации и экономические мотивы приводят к чрезмерному использованию Интернета, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на успеваемость учащихся [14]. И. Билиц и Т.Л. Голуб считают, что менее академически ориентированные учащиеся средних школ проводят больше времени за играми в Интернете, что еще больше усложняет их академическую успеваемость, демотивируя их к дальнейшему обучению [15]. Влияние зависимости от социальных сетей на академическую успешность может быть опосредовано прокрастинацией: учащиеся с низкой самооценкой склонны откладывать выполнение школьных заданий, что приводит к снижению успеваемости [16].

Во второй группе публикаций исследователи показывают положительные эффекты влияния использования цифровых технологий на академическую успеваемость. Так, Ф. Гуннарс на основе анализа 129 статей, опубликованных в 2011–2020 гг., в которых исследовалось влияние цифровых

технологий на обучение в начальной школе, пришел к выводу о том, что поведенческие исследования демонстрируют оптимистичные результаты прогресса в отношении результатов обучения учащихся в начальном образовании за счет использования цифровых технологий [17].

Положительное влияние цифровых технологий на академическую успеваемость связывается с развитием цифровых навыков и цифровой грамотностью. Л. Пагани и соавт. исследовали влияние цифровой грамотности на результаты обучения путем объединения данных итальянской национальной оценки в средних школах с исходным набором данных о тестах производительности навыков работы с Интернетом для учащихся десятых классов [18]. Результаты показали, что в целом развитие навыков работы с Интернетом положительно влияет на академическую успеваемость. Этот эффект сильнее проявляется у учащихся с низкой успеваемостью или низким семейным положением, а также у учащихся технических или профессиональных учебных заведений [18].

Л. Леунг и П. Лее считают, что чем выше баллы испытуемых по инструментальной и социально-структурной грамотности, тем лучше будет их успеваемость: подростки, которые могут находить, получать доступ и просматривать различные информационные ресурсы и которые осведомлены о контексте, в котором была создана информация, показали лучшие результаты как в общих оценках, так и в академической компетентности [6]. В то же время навыки технической грамотности, такие как издательская и технологическая грамотность, не являются значимыми факторами, определяющими успеваемость. С.П. Барлетт, С.А. Андерсон и Е.Л. Свинг установили, что игра в электронные игры развивает когнитивные навыки, что может быть связано с более высокими академическими достижениями [19].

Влияние интернет-активности на успеваемость может носить косвенный характер. Л. Чен и соавт. на основе данных опроса 212 учащихся двенадцатых классов профессиональных средних школ на Тайване показали, что хотя общее использование Интернета не оказывало существенного прямого влияния на успеваемость учащихся, но влияло на академическую самозадейственность, которая, в свою очередь, определяла успешность учебной деятельности [20]. Важную роль использование цифровых технологий играет в снижении цифрового неравенства в отдельных социальных группах учащихся. Так, Л.А. Яцксон и соавт. на основе данных исследования причин и последствий использования домашнего Интернета в семьях с низким уровнем дохода пришли к выводу, что подростки (в основном мальчики-афроамериканцы из бедных неполных семей), которые чаще пользовались Интернетом, имели более высокие баллы по стандартизированным тестам на успеваемость в чтении и более высокие баллы в среднем через 0,5–1,5 года, чем дети, которые пользовались Интернетом реже [21].

Третья группа исследований показывает, что влияние ИКТ на успеваемость может носить амбивалентный характер, который определяется различными факторами (полом, начальным уровнем успеваемости и др.).

Л.А. Яцксон и соавт. выявили, что более широкое использование Интернета может быть связано с лучшими навыками чтения, но только у детей, изначально слабо умеющих читать [22]. По мнению А. Боверс и М. Берланд, использование учащимися компьютеров для развлечения, а также умеренная

игровая активность приводили к положительным результатам по чтению и математике в основной школе, но не были связаны с ростом успеваемости по математике в старших классах [23]. Результаты исследования А. Поссо австралийских школьников показали, что использование социальных сетей снижало успеваемость, а использование онлайн-игр, наоборот, ее увеличивало [24]. Й. Виттвер и М. Сенкбеил на основе данных обследования немецких студентов по Международной программе оценки учащихся (PISA) в 2003 г. пришли к выводу, что доступ учащихся к компьютеру и частота его использования дома не связаны с их успеваемостью по математике [25]. Однако положительное влияние на математические достижения наблюдалось у небольшой группы учащихся, которые использовали компьютер самостоятельно, что в значительной степени вовлекало их в деятельность по решению задач [25].

В работе А. Друммонд и Й.Д. Сауер утверждается, что, несмотря на широко распространенные предположения о негативном влиянии видеоигр на успеваемость, результаты анализа данных более чем 192 000 учащихся в 22 странах, участвующих в Программе международной оценки учащихся (PISA) 2009 г., показали, что различия в успеваемости в области естественных наук, математики и чтения были незначительными в зависимости от относительной частоты использования видеоигр [26].

Ф. Боргонови и М. Покропек проанализировали эволюцию использования 15-летними учащимися цифровых технологий для развлечения и обучения в школе и дома в период с 2009 по 2018 г. и ее влияние на успеваемость по чтению [27]. Результаты показали, что в рассматриваемый период использование цифровых технологий увеличилось, особенно в сфере обучения (как в школе, так и дома), но не наблюдалось количественно значимых изменений в успеваемости по чтению. Однако авторы обнаружили, что связь между различными формами использования цифровых технологий и успехами в чтении принимает форму перевернутой буквы U: учащиеся с низким и высоким уровнем использования цифровых технологий имеют более низкий уровень успеваемости по чтению, чем учащиеся со средним уровнем использования. Начиная с 2015 г. связь между различным использованием цифровых технологий и успехами в чтении изменилась и стала более положительной при низком уровне использования и менее отрицательной при высоком уровне использования. Исследование показало, что по мере повсеместного распространения цифровых технологий, в том числе их использования в компьютерном тестировании успеваемости, учащиеся с очень низким уровнем использования цифровых технологий будут все больше демонстрировать более низкие успехи в чтении, чем учащиеся со средними показателями. В то же время высокие уровни использования цифровых технологий учащимися по-прежнему связаны с более низкими учебными достижениями [27].

Интересные выводы были сделаны М. Ислам, Р. Бисвас и Р. Кханам по результатам исследования 1 704 австралийских подростков в возрасте 11–17 лет, в ходе которого изучалась связь использования Интернета и электронных игр в стандартизированном тесте успеваемости NAPLAN (Национальная программа оценки – грамотность и умение считать) с использованием общенациональных репрезентативных данных из Второго австралийского опроса детей и подростков по вопросам психического здоровья и благополу-

чия (УММ) [28]. Была установлена корреляция между видами цифровой деятельности подростков, продолжительностью времени занятия этой деятельностью (в том числе в будние и выходные дни) и успеваемостью. Постепенное снижение средних баллов тестов NAPLAN (чтение, письмо и счет) наблюдалось при использовании Интернета более 4 часов в будние дни и более 3 часов в выходные дни. Подростки, которые вообще не играли в электронные игры, имели лучшие результаты в письменной форме по сравнению с теми, кто в них играет. Среднее время игры в будние или выходные дни было положительно связано с успеваемостью, особенно с оценками по чтению, а наличие у подростков игровой и интернет-зависимости – отрицательно [28].

Представляется, что столь разные результаты исследований во многом связаны с тем, в какой период развития цифровых технологий проводились исследования и какие именно виды деятельности в цифровой среде школьников рассматривались исследователями. Необходимо отметить, что стремительные изменения самой цифровой среды и возможных видов активности в ней, постоянно возрастающие процессы упрощения и расширения возможностей ее использования, увеличение уровня доступности цифровых технологий среди всего населения и конкретно детей и подростков школьного возраста не могут не оказывать влияния и на результаты исследований.

Методы исследования

В 2021 г. авторами было проведено выборочное социологическое исследование среди обучающихся 8–11-х классов общеобразовательных школ Пермского края. Выборка носила многоступенчатый характер: на первом этапе было отобрано 10 муниципальных образований Пермского края, далее в каждом муниципальном образовании выбиралась 1 школа, в которой проводился сплошной опрос учащихся параллелей 8–11-х классов. Опрос проводился в форме анкетирования с помощью google-форм в компьютерных классах школ в присутствии интервьюера. Всего в опросе приняли участие 912 школьников, из них 33,2% – учащиеся 8-х классов, 17,2% – учащиеся 9-х классов, 23,2% – учащиеся 10-х классов и 26,3% – учащиеся 11-х классов. 60,5% опрошенных старших подростков обучались в городских школах, 39,5% – в сельских. Для обработки результатов опроса использовалась программа SPSS.

В ходе исследования изучались представления старших подростков по ряду характеристик использования цифровых технологий в учебной деятельности:

1. Доступность использования цифровых технологий и Интернета (наличие в личном и семейном пользовании цифровых средств; способ выхода в Интернет; возможность использовать цифровые устройства для онлайн-обучения).
2. Активность в сети Интернет (средняя ежедневная продолжительность времени, проведенного в Интернете; виды деятельности в Интернете).
3. Уровень владения навыками работы с цифровыми технологиями и навыками цифровой грамотности.
4. Влияние цифровых технологий на различные стороны учебной деятельности школьников.

5. Удовлетворенность использованием компьютеров и Интернета в процессе обучения в школе.

Результаты исследования

Для начала дадим общую характеристику самооценки старшеклассниками особенностей использования ими цифровых технологий (ЦТ).

Исследование показало достаточно высокий уровень обеспеченности опрошенных подростков цифровыми средствами доступа в Интернет. Практически все опрошенные школьники указали, что у них есть личный смартфон. На наличие в личном пользовании настольных компьютеров указали 26,9% опрошенных, а 43,4% – что они есть в семье. Треть опрошенных ответили, что пользуются личными ноутбуками (нетбуками или ультрабуками), 39,5% – что такие устройства есть в семье. В меньшей степени школьники отметили, что используют планшет (у 17,5% есть личный планшет, у 27,9% – семейный). В соответствии с этим более половины опрошенных ответили, что используют для выхода в Интернет два устройства – смартфон и настольный компьютер (27,9%) или смартфон и ноутбук (25,4%), а треть опрошенных (35%) – исключительно смартфон. В итоге большинство опрошенных подростков (73,5%) считают, что имеющиеся у них цифровые устройства поддерживают программы и ресурсы, которые школьники хотели бы использовать или используют для онлайн-обучения.

Второй важной характеристикой использования подростками цифровых технологий выступает время, которое они проводят в сети Интернет. Почти половина опрошенных школьников (45,1%) указали, что они ежедневно находятся в Интернете более 5 часов, почти треть (31,8%) – от 3 до 5 часов, пятая часть подростков (18,8%) – 1–3 часа.

Для представления о наиболее распространенных видах активности в Интернете мы проанализировали ответы тех школьников, которые отметили, что занимаются каким-либо видом деятельности в Интернете ежедневно более двух часов. Больше половины подростков в этой группе (55,3 %) более 2 часов в день слушают музыку, смотрят видео и фильмы, практически половина (47,5%) проводит время в социальных сетях и на форумах; 17,9% занимаются своим хобби, 14,4% играют в компьютерные и онлайн-игры, 9,8% смотрят новости и читают статьи в разных сферах (политика, экономика, жизнь общества), 1,4% снимают и выкладывают фото и видео в Интернет. Что касается использования Интернета для учебных целей, то подростки оценили это вид активности по сравнению с другими достаточно «скромно»: отметили, что осуществляют поиск информации для подготовки к школьным занятиям более двух часов каждый день, 18% опрошенных и еще 27,3% указали, что делают это каждый день. Остальные подростки используют Интернет для подготовки к занятиям несколько раз в неделю (40,6%) или даже несколько раз в месяц (11,3%). Таким образом, хотя большинство подростков имеет возможность использовать цифровые технологии и Интернет и делает это ежедневно, основной целью у них выступает развлекательная, а не образовательная деятельность.

Следующая гипотеза нашего исследования исходила из того, что высокий уровень владения навыками работы с цифровыми технологиями и цифровой грамотности помогают подросткам в учебной деятельности. Для ее

проверки сначала проводился анализ самооценок школьниками своих навыков. Навыки работы с цифровыми технологиями оценивались школьниками по 5-балльной шкале. Наиболее высоко опрошенные оценили свое умение пользоваться электронной почтой, мессенджерами, другими средствами обмена информацией в Интернете (средний балл – 4,58), навыки поиска информации о товарах и услугах в Интернете (4,35) и умение загружать личные файлы на сайты, в социальные сети, облачные хранилища для публичного доступа (4,12). Наименее сформированными оказались навыки создания сайтов, блогов, персональных страниц (средний балл – 2,87). Средняя самооценка остальных навыков лежит в диапазоне от 3,66 до 3,85 балла.

Помимо этого, в ходе исследования оценивались навыки цифровой грамотности (работы с цифровым контентом) на основе адаптированных показателей DigComp2.0 (табл. 1).

Таблица 1. Оценка старшеклассниками своих навыков работы с цифровым контентом, % от числа ответов

Утверждение	Абсолютно согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен, Затрудняюсь ответить
Я могу находить любые данные, информацию и контент через простой поиск в цифровой среде	46,9	42,9	4,4	5,8
Я могу объяснить, как получить доступ к подходящим данным, информации и контенту и перемещаться между ними	30,0	44,0	11,8	14,2
Я могу определять достоверность и надежность общих источников данных, информации и их цифрового содержания	23,8	45,7	13,7	16,8
Я могу выполнять анализ, интерпретацию и оценку данных, информации и цифрового контента	22,6	37,3	16,1	23,9
Я могу взаимодействовать, общаться и сотрудничать с помощью цифровых технологий	50,6	34,7	6,1	2,5
Я могу создавать и редактировать любой цифровой контент (тексты, презентации, фото, видео, графику)	43,8	38,9	9,1	8,2
Я могу защитить свои устройства, контент, личные данные в цифровой среде и обеспечить их конфиденциальность	47,1	38,5	6,6	7,8

В целом можно говорить о достаточно высокой самооценке подростками своих навыков работы с цифровым контентом по большинству показателей, кроме навыков анализа, интерпретации и оценки данных, информации и цифрового контента.

Также опрошенные школьники считают, что разбираются в работе с компьютером и Интернетом лучше, чем их родители (86,9% абсолютно согласны и согласны с данным утверждением) и учителя (65,5% абсолютно согласны и согласны с данным утверждением). Больше трети школьников указали, что они разбираются в работе с компьютером и Интернетом лучше, чем их одноклассники (36,4% абсолютно согласны и согласны с данным утверждением).

Вполне закономерно, что оценки подростками большинства своих навыков работы с цифровыми технологиями постепенно улучшаются от 8-го к 11-му классу: например, средний балл оценки навыков проведения финансовых операций у восьмиклассников составил 3,53, а у учащихся 11-х классов –

4,2; а с утверждением «Я могу находить любые данные, информацию и контент через простой поиск в цифровой среде» абсолютно согласны 40,3% учащихся 8-х классов и 52,1% учащихся 11-х классов.

Что касается различий между оценкой навыков работы с цифровыми технологиями у юношей и девушек, необходимо отметить, что гипотеза о более высоком уровне навыков у юношей не подтвердилась. По ряду позиций оценки девушек были выше: это касается таких навыков, как владение программами для редактирования фото, видео- и аудиофайлов, создания сайтов, блогов, персональных страниц, поиска информации о товарах и услугах в Интернете, проведения финансовых операций онлайн и осуществления покупок онлайн. В то же время в оценке навыков работы с цифровым контентом (см. табл. 1) девушки выглядят хуже практически по всем позициям, кроме создания и редактирования цифрового контента (тексты, презентации, фото, видео, графика). По другим навыкам разница в оценках юношей и девушек может достигать 20%: например, абсолютно согласны с утверждением «Я могу защитить свои устройства, контент, личные данные в цифровой среде и обеспечить их конфиденциальность» 59,5% юношей и 39,8% девушек.

Статистический анализ выявил корреляцию между самооценкой навыков работы с ЦТ и обеспеченностью школьников цифровыми средствами доступа в Интернет: личное владение такими цифровыми устройствами, как планшет, ноутбук или настольный компьютер, повышает вероятность более высоких оценок подростками своих навыков цифровой грамотности. Например, абсолютно согласны с утверждением «Я могу находить любые данные, информацию и контент через простой поиск в цифровой среде» 53,1% школьников, владеющих личным настольным компьютером, 45,1% тех, кто пользуется компьютером вместе с другими членами семьи, и 42,2% тех, у кого нет таких устройств.

Далее рассмотрим представления старших подростков о том, как их навыки работы с цифровыми технологиями отражаются на учебной деятельности. Прежде всего необходимо отметить, что практически все опрошенные школьники Пермского края считают, что их навыки работы с компьютером и Интернетом помогают им в учебе: 61,7% абсолютно согласны с этим утверждением и 30,9% – скорее согласны. Для удобства описания нами было выделено 4 группы опрошенных в зависимости от их согласия с утверждением «Навыки работы с компьютером и Интернетом помогают мне в учебе»: «абсолютно согласные», «согласные», «скорее не согласные» и «не согласные», которые используются далее в тексте.

Более подробную информацию о мнении старшеклассников о взаимосвязи использования ЦТ и учебной успешности дает анализ ответов на серию суждений о влиянии навыков использования компьютера и Интернета на различные стороны учебной деятельности (табл. 2). По мнению подростков, использование в учебе компьютеров и доступа к интернет-соединению повышает, прежде всего, успешность их самостоятельной подготовки – выполнения домашних заданий (48,8%), подготовки к олимпиадам, конкурсам (46,4%), подготовки к ОГЭ и ЕГЭ (49,8%). В меньшей степени подростками оценено влияние использования ЦТ на их усидчивость в ходе обучения и посещаемость уроков.

Таблица 2. Оценка подростками влияния использования компьютера и Интернета на различные стороны их учебной деятельности, % от числа ответивших

Как влияет использование компьютера и Интернета на...	Увеличивается	Не меняется	Снижается	Затрудняюсь ответить	Всего
интерес к изучаемым предметам	38,4	42,9	6	12,7	100
усидчивость в ходе обучения	21,3	48,4	15,2	15,1	100
самостоятельность выполнения различных заданий	31,4	41,4	17,2	10	100
посещаемость уроков	12,7	71,8	6	9,4	100
успешность выполнения домашних заданий	48,8	37,3	5,9	8	100
успешность подготовки к олимпиадам, конкурсам	46,4	29,8	3,8	20	100
успешность выполнения вами самостоятельных и контрольных работ	27,6	55,5	6,9	10	100
успешность подготовки ОГЭ и ЕГЭ	49,8	34,1	6	10,1	100

В ходе анализа изучались взаимосвязи между оценкой подростками навыков владения цифровыми технологиями и оценкой их влияния на учебу в целом и отдельные стороны учебной деятельности. Проведенный анализ показал наличие взаимосвязи между оценкой старшеклассниками влияния данных навыков на учебу в целом и их оценками влияния использования ЦТ на различные стороны учебной деятельности (коэффициент Гамма принимает значения от 0,336 до 0,508). Так, среди тех опрошенных, которые отметили, что их интерес к изучаемым предметам увеличивается вследствие использования ЦТ, «абсолютно согласные» с утверждением о том, что компьютер и Интернет положительно влияют на их учебную деятельность, составили 71,1%, а среди подростков, считающих, что их интерес снижается, – только 43,6%.

Также обнаружена взаимосвязь между суждением о том, насколько навыки работы с ЦТ помогают в учебе, и удовлетворенностью подростками использованием компьютеров и Интернета в процессе обучения в школе. Удовлетворенность оценивалась по 10-балльной шкале, индекс удовлетворенности (среднее) составил $6,99 \pm 0,15$. В то же время среди группы «абсолютно согласных» индекс удовлетворенности использованием ЦТ в школе составил 7,28, а среди «не согласных» – 5,87. Кроме этого, дали оценку удовлетворенности в 10 баллов среди первой группы 33,2% опрошенных, среди второй – только 6,7% опрошенных.

Для выявления факторов, которые обуславливают мнение старшеклассников о том, насколько навыки работы с цифровыми технологиями помогают им в учебе, был построен ряд корреляционных моделей. Результаты показали, что существует статистически значимая взаимосвязь с такими факторами, как класс обучения и особенности школы, самооценка учебной успеваемости, длительность ежедневного времени в сети Интернет, самооценка навыков работы с цифровыми технологиями.

Во-первых, мнение школьников о влиянии навыков работы с ЦТ на учебу связано с параллелью, на которой учатся подростки, и характеристиками школы. Мнение о пользе цифровых навыков для учебы растет в соответствии с возрастом подростков и классом обучения: если среди восьмиклассников 48,2% «абсолютно согласных», то среди девятиклассников таких уже 54,8%, среди десятиклассников – 74,5%, а среди учащихся 11-х классов – 72,1%. Также выше оценивают влияние цифровых навыков на учебу обучающиеся

городских школ (67,2% «абсолютно согласных» против 53,3% сельских школьников) и обучающиеся гимназий, лицеев и школ с углубленным изучением отдельных предметов (69,6% «абсолютно согласных» против 60,2% среди обучающихся «нестатусных» школ).

Во-вторых, зафиксирована взаимосвязь между оценкой подростками своей учебной успеваемости и их мнением о влиянии цифровых навыков на учебу (коэффициент Гамма 0,444). Среди тех школьников, которые указали, что в основном учатся на «хорошо» и «отлично», 71,2% «абсолютно согласных» с тем, что владение цифровыми навыками положительно влияет на учебу; среди подростков, успевающих в основном на «хорошо» и «удовлетворительно», таких уже 51,3%, а среди «троечников» – только 22,9%.

В-третьих, мнение опрошенных школьников о влиянии цифровых навыков на учебу связано с длительностью времени, которое они проводят в сети Интернет, – чем больше времени в день школьники проводят в Интернете, тем выше они оценивают влияние на учебу цифровых навыков (табл. 3). Так, среди опрошенных, которые проводят в Интернете менее получаса в день, только 21,4% «абсолютно согласных», среди данной группы также больше всего тех, кто не согласен или затрудняется с ответом. Среди подростков, проводящих в Интернете в основном более 5 часов в день, «абсолютно согласных» 68,6%.

Таблица 3. Взаимосвязь оценок подростками влияния навыков работы с компьютером и Интернетом на учебу и длительностью ежедневного времени, которое они проводят в Интернете, % от ответивших

Сколько времени в день Вы обычно проводите в Интернете	Мои навыки работы с компьютером и Интернетом помогают мне в учебе				
	Абсолютно согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Менее получаса	21,4	28,6	21,4	7,1	21,4
От получаса до 1 часа	38,5	46,2	3,8	3,8	7,7
1–3 часа	52,6	38,0	4,7	2,9	1,8
3–5 часов	61,4	32,1	2,1	1,4	3,1
Более 5 часов	68,6	26,3	2,4	1,0	1,7

В-четвертых, достаточно сильное влияние оказывает самооценка подростками своих навыков работы с цифровыми технологиями: те опрошенные, которые абсолютно согласны с утверждением о положительном влиянии данных навыков на успешность их учебы, намного выше оценивают свой уровень владения различными ЦТ. Например, среди тех, кто оценил свое владение текстовыми редакторами на 5 баллов, 84,4% «абсолютно согласных», а среди тех, кто оценивает свои навыки на 2 балла – только 30,5%. Среди тех, кто оценил свои умения скачивать, устанавливать программное обеспечение, менять его настройки на 5 баллов, 73,5% «абсолютно согласных», а среди оценивших такие навыки на 2 балла – только 57,3%. Также «абсолютно согласные» школьники считают, что владеют ЦТ лучше, чем их одноклассники, учителя и родители.

Заключение

Необходимо отметить, что исследование имеет ограничения, связанные с особенностями объекта и применяемого метода, что прежде всего касается субъективности оценок старших подростков, которые не всегда могут оце-

нить реальный уровень своей цифровой компетентности, установить четкую корреляцию между вовлеченностью в пространство Интернета и своей учебной деятельностью, а также быть искренними в своих ответах. Несмотря на это, результаты исследования позволили выделить устойчивую модель, которая наблюдается в представлениях старших школьников Пермского края о влиянии использования компьютера и Интернета на успешность их учебной деятельности. Данная модель складывается из трех основных компонентов: опыт использования цифровых технологий – компетентность (уровень развития цифровых навыков и цифровой грамотности) – оценка влияния использования ЦТ на учебу. Мнение старших школьников о степени влияния цифровых технологий на учебную деятельность очевидно коррелирует с имеющимся у них опытом использования цифровых технологий, который определяется несколькими составляющими – это и доступность ЦТ, и время, проведенное в Интернете, и разнообразие цифровой активности школьников. В свою очередь, наблюдается взаимосвязь оценок подростками имеющегося опыта с их оценкой своего уровня владения цифровыми навыками (выше самооценка опыта – выше оценка уровня владения навыками). По мере взросления (переход в следующий класс школы) наблюдается рост самооценок школьников по всем трем составляющим модели – опыту, компетентности, оценки влияния ЦТ на успешность учебы. Кроме этого, при анализе результатов исследования необходимо учитывать еще и другие факторы цифрового неравенства школьников, связанные с территорией проживания, статусом школы и др. [4], которые влияют на все компоненты модели.

Выявленные в данном исследовании тенденции в целом идут в русле достаточно распространенных в современном научном дискурсе представлений: о том, что цифровые технологии должны повысить качество образования [29, 30], о необходимости формирования цифровых навыков у школьников для их успешности в цифровой экономике [31], а также о появлении поколения «цифровых аборигенов» [32].

Список источников

1. Новикова О.Н., Костина С.Н. Проблемы и факторы реализации дистанционных форм обучения в школах Пермского края в период самоизоляции // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 5 (74). С. 69–83.
2. Бороненко Т.А., Кайсина А.В., Федотова В.С. Характеристика и уровневая оценка цифровой грамотности школьников // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50). С. 256–277.
3. Вейдт В.П. Цифровая грамотность учителя: трудности и перспективы вынужденной иммиграции в цифровую среду // Нижегородское образование. 2020. № 3. С. 141–152.
4. Костина С.Н., Новикова О.Н. Цифровое неравенство школьников в условиях дистанционного обучения: кейс Пермского края // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 77–86.
5. Barber A. Net's educational value questioned // USA Today. 1997. March, 11
6. Leung L., Lee P.S.N. Impact of Internet Literacy, Internet Addiction Symptoms, and Internet Activities on Academic Performance // Social Science Computer Review. 2012. № 30 (4). P. 403–418. DOI: 10.1177/0894439311435217
7. Weis R., Cerankosky B. C. Effects of Video-Game Ownership on Young Boys' Academic and Behavioral Functioning: A Randomized, Controlled Study // Psychological Science. 2010. № 21 (4). P. 463–470. DOI: 10.1177/0956797610362670
8. Kube R., Lavin M.J., Barrows J.R. Internet use and collegiate academic performance decrements: Early findings // Journal of Communication. 2001. № 51. P. 366–382.

9. Huang H., Leung L. Instant messaging addiction among teenagers in china: shyness, alienation, and academic performance decrement // *CyberPsychology & Behavior*. 2009. № 12 (6). P. 675–679. DOI: 10.1089/cpb.2009.0060
10. Ferreira M., Cabral L., Duarte J., Goncalves A., Campos S., Abrantes J.L. The impact of internet addiction in the mental health of basic and secondary education students // 10th International conference of education, research and innovation. ICERI Proceedings. Seville, SPAIN, 2017. P. 6367–6373.
11. Azizi S.M., Soroush A., Khatony A. The relationship between social networking addiction and academic performance in Iranian students of medical sciences: a cross-sectional study // *BMC psychology*. 2019. № 7 (1). DOI 10.1186/s40359-019-0305-0
12. Zhao L. Social Media Addiction and Its Impact on College Students' Academic Performance: The Mediating Role of Stress // *Asia-Pacific Education Researcher*. 2023. Vol. 32. P. 81–90. DOI 10.1007/s40299-021-00635-0
13. Jiang Q. Internet addiction among young people in China: Internet connectedness, online gaming, and academic performance decrement // *Internet Research*. 2014. № 24 (1). P. 2–20. DOI: 10.1108/INTR-01-2013-0004
14. Islam S., Malik M.I., Hussain S., Thursamy R., Shujahat. M., Sajjad M. Motives of excessive Internet use and its impact on the academic performance of business students in Pakistan // *Journal of Substance Use*. 2018. № 23 (1). P. 103–111. DOI: 10.1080/14659891.2017.1358305
15. Bilic E., Golub T.L. Pathological videogame use: the role of gender, selfesteem and educational context / *Patolosko igranje videoigara: uloga spola, samopostovanja i edukacijske sredine* // *Hrvatska Revija Za Rehabilitacijska Istrazivanja*. 2011. № 47 (2). P. 1–14.
16. Pekpazar A., Aydin Gi.K., Aydin U., Beyhan H., Ari E. Role of Instagram Addiction on Academic Performance among Turkish University Students: Mediating Effect of Procrastination // *Computers and Education Open*. 2021. № 2. Art. 100049 DOI: 10.1016/j.caeo.2021.100049
17. Gunnars F. A large-scale systematic review relating behaviorism to research of digital technology in primary education // *Computers and Education Open*. 2021. № 2. Art. 100058. DOI: 10.1016/j.caeo.2021.100058
18. Pagani L., Argentin G., Gui M., Stanca L. The impact of digital skills on educational outcomes: evidence from performance tests // *Educational studies*. 2016. № 42 (2). P. 137–162. DOI: 10.1080/03055698.2016.1148588
19. Barlett C.P., Anderson C.A., Swing E.L. Video Game Effects – Confirmed, Suspected, and Speculative: A Review of the Evidence // *Simulation & Gaming*. 2009. № 40 (3). P. 377–403. doi: 10.1177/1046878108327539
20. Chen L.Y., Hsiao B., Chern C.C., Chen H.G. Affective mechanisms linking Internet use to learning performance in high school students: A moderated mediation study // *Computers in Human Behavior*. 2014. № 35. P. 431–443. DOI: 10.1016/j.chb.2014.03.025
21. Jackson L.A., von Eye A., Biocca F.A., Barbatsis G., Zhao Y., Fitzgerald H.E. Does home internet use influence the academic performance of low-income children? // *Developmental Psychology*. 2006. № 42 (3). P. 429–435. DOI: 10.1037/0012-1649.42.3.429
22. Jackson L.A., Von Eye A., Fitzgerald H.E., Witt E.A., Zhao Y. Internet use, videogame playing and cell phone use as predictors of children's body mass index (BMI), body weight, academic performance, and social and overall self-esteem // *Computers in Human Behavior*. 2011. № 27 (1). P. 599–604.
23. Bowers A.J., Berland M. Does recreational computer use affect high school achievement? // *Educational Technology Research and Development*. 2013. № 61 (1). P. 51–69.
24. Posso A. Internet usage and educational outcomes among 15-year old Australian students // *International Journal of Communication*. 2016. № 10. P. 26.
25. Wittwer J., Senkbeil M. Is students' computer use at home related to their mathematical performance at school? // *Computers & Education*. 2008. № 50 (4). P. 1558–1571.
26. Drummond A., Sauer J.D. Video-Games Do Not Negatively Impact Adolescent Academic Performance in Science, Mathematics or Reading // *PLoS ONE*. 2014. № 9 (4). DOI: 10.1371/journal.pone.0087943
27. Borgonovi F., Pokropek M. The evolution of the association between ICT use and reading achievement in 28 countries // *Computers and Education Open*. 2021. № 2. Art. 100047. <https://doi.org/10.1016/j.caeo.2021.100047>
28. Islam M.I., Biswas R.K., Khanam R. Effect of internet use and electronic game-play on academic performance of Australian children // *Scientific Reports*. 2020. № 10 (1). Art. 21727. DOI: 10.1038/s41598-020-78916-9

29. Ваганова О.И., Гладков А.В., Коновалова Е.Ю., Воронина И.Р. Цифровые технологии в образовательном пространстве // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Вып. 9, № 2 (31). С. 53–56.
30. Козлова Н.Ш. Цифровые технологии в образовании // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 1. С. 85–93. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-11008
31. Григорьев Р.А., Бакурова Р.Н. Формирование цифровых навыков школьников // Цифровизация образования: вызовы современности : материалы Всерос. науч.-метод. конф. с международ. участием. Чебоксары : Среда, 2020. С. 25–28.
32. Хисматулина Н.В., Пугачева С.А., Малкова Т.В. Характерные особенности «цифровых аборигенов» как целевой аудитории в современном образовательном пространстве // Проблемы современного педагогического образования 2022. № 76-2. С. 216–218.

References

1. Novikova, O.N. & Kostina, S.N. (2021) Problemy i faktory realizatsii distantsionnykh form obucheniya v shkolakh Permskogo kraya v period samoizolyatsii [Problems and factors in the implementation of distance learning in schools of the Perm region during the period of self-isolation]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5(74). pp. 69–83.
2. Boronenko, T.A., Kaysina, A.V. & Fedotova, V.S. (2021) Characteristics and level assessment of schoolchildren's digital literacy. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*. 2(50). pp. 256–277. (In Russian). DOI: 10.32744/pse.2021.2.18
3. Veydt, V.P. (2020) Tsifrovaya gramotnost' uchitelya: trudnosti i perspektivy vyzhdennoy immigratsii v tsifrovuyu sredu [Digital Literacy of a Teacher: Challenges and Prospects of Forced Immigration to the Digital Environment]. *Nizhegorodskoe obrazovanie*. 3. pp. 141–152.
4. Kostina, S.N. & Novikova, O.N. (2021) Tsifrovoe neravenstvo shkol'nikov v usloviyakh distan-tsionnogo obucheniya: keys Permskogo kraya [Digital inequality of schoolchildren in conditions of distance learning: The case of the Perm Territory]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University*. 21(3). pp. 77–86.
5. Barber, A. (1997) Net's educational value questioned. *USA Today*. March, 11.
6. Leung, L. & Lee, P.S.N. (2012) Impact of Internet Literacy, Internet Addiction Symptoms, and Internet Activities on Academic Performance. *Social Science Computer Review*. 30(4). pp. 403–418. DOI: 10.1177/0894439311435217
7. Weis, R. & Cerankosky, B.C. (2010) Effects of Video-Game Ownership on Young Boys' Academic and Behavioral Functioning: A Randomized, Controlled Study. *Psychological Science*. 21(4). pp. 463–470. DOI: 10.1177/0956797610362670
8. Kubey, R., Lavin, M.J. & Barrows, J.R. (2001) Internet use and collegiate academic performance decrements: Early findings. *Journal of Communication*. 51. pp. 366–382. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2001.tb02885.x
9. Huang, H. & Leung, L. (2009) Instant messaging addiction among teenagers in china: shyness, alienation, and academic performance decrement. *CyberPsychology & Behavior*. 12(6). pp. 675–679. <http://doi.org/10.1089/cpb.2009.0060>
10. Ferreira, M., Cabral, L., Duarte, J., Goncalves, A., Campos, S. & Abrantes, J.L. (2017) The impact of internet addiction in the mental health of basic and secondary education students. *10TH International conference of education, research and innovation. ICERI Proceedings*. Seville, Spain. pp. 6367–6373.
11. Azizi, S.M., Soroush, A. & Khatony, A. (2019) The relationship between social networking addiction and academic performance in Iranian students of medical sciences: a cross-sectional study. *BMC psychology*. 7(1). DOI: 10.1186/s40359-019-0305-0
12. Zhao, L. (2023) Social Media Addiction and Its Impact on College Students' Academic Performance: The Mediating Role of Stress. *Asia-Pacific Education Researcher*. 32. pp. 81–90. DOI: 10.1007/s40299-021-00635-0
13. Jiang, Q. (2014) Internet addiction among young people in China: Internet connectedness, online gaming, and academic performance decrement. *Internet Research*. 24(1). pp. 2–20. DOI: 10.1108/INTR-01-2013-0004
14. Islam, S., Malik, M.I., Hussain, S., Thursamy, R., Shujahat, M. & Sajjad, M. (2018) Motives of excessive Internet use and its impact on the academic performance of business students in Pakistan. *Journal of Substance Use*. 23(1). pp. 103–111. DOI: 10.1080/14659891.2017.1358305

15. Bilic, E. & Golub, T.L. (2011) Patolosko igranje videoigara: uloga spola, samopostovanja i edukacijske sredine. *Hrvatska Revija Za Rehabilitacijska Istrazivanja*. 47(2). pp. 1–14.
16. Pekpazar, A., Aydın, G.K., Aydın, U., Beyhan, H. & Ari, E. (2021) Role of Instagram Addiction on Academic Performance among Turkish University Students: Mediating Effect of Procrastination. *Computers and Education Open*. 2. DOI: 10.1016/j.caeo.2021.100049
17. Gunnars, F. (2021) A large-scale systematic review relating behaviorism to research of digital technology in primary education. *Computers and Education Open*. 2. DOI: 10.1016/j.caeo.2021.100058
18. Pagani, L. Argentin, G., Gui, M. & Stanca, L. (2016) The impact of digital skills on educational outcomes: evidence from performance tests. *Educational Studies*. 42(2). pp. 137–162. DOI: 10.1080/03055698.2016.1148588
19. Barlett, C.P., Anderson, C.A. & Swing, E.L. (2009) Video Game Effects – Confirmed, Suspected, and Speculative: A Review of the Evidence. *Simulation & Gaming*. 40(3). pp. 377–403. DOI: 10.1177/1046878108327539
20. Chen, L.Y., Hsiao, B., Chern, C.C. & Chen, H.G. (2014) Affective mechanisms linking Internet use to learning performance in high school students: A moderated mediation study. *Computers in Human Behavior*. 35. pp. 431–443. DOI: 10.1016/j.chb.2014.03.025
21. Jackson, L.A., von Eye, A., Biocca, F.A., Barbatsis, G., Zhao, Y. & Fitzgerald, H.E. (2006) Does home internet use influence the academic performance of low-income children? *Developmental Psychology*. 42(3). pp. 429–435. DOI: 10.1037/0012-1649.42.3.429
22. Jackson, L.A., Von Eye, A., Fitzgerald, H.E., Witt, E.A. & Zhao, Y. (2011) Internet use, videogame playing and cell phone use as predictors of children's body mass index (BMI), body weight, academic performance, and social and overall self-esteem. *Computers in Human Behavior*. 27(1). pp. 599–604.
23. Bowers, A.J. & Berland, M. (2013) Does recreational computer use affect high school achievement? *Educational Technology Research and Development*. 61(1). pp. 51–69.
24. Posso, A. (2016) Internet usage and educational outcomes among 15-year-old Australian students. *International Journal of Communication*. 10. pp. 26.
25. Wittwer, J. & Senkbeil, M. (2008) Is students' computer use at home related to their mathematical performance at school? *Computers & Education*. 50(4). pp. 1558–1571.
26. Drummond, A. & Sauer, J.D. (2014) Video-Games Do Not Negatively Impact Adolescent Academic Performance in Science, Mathematics or Reading. *PLoS ONE*. 9(4). DOI: 10.1371/journal.pone.0087943
27. Borgonovi, F. & Pokropek, M. (2021) The evolution of the association between ICT use and reading achievement in 28 countries. *Computers and Education Open*. 2. DOI: 10.1016/j.caeo.2021.100047
28. Islam, M.I., Biswas, R.K. & Khanam, R. (2020) Effect of internet use and electronic game-play on academic performance of Australian children. *Scientific Reports*. 10(1). DOI: 10.1038/s41598-020-78916-9
29. Vaganova, O.I., Gladkov, A.V., Konovalova, E.Yu. & Voronina, I.R. (2020) Digital technologies in the educational space. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – Baltic Humanitarian Journal*. 9-2(31). pp. 53–56. (In Russian). DOI: 10.26140/bgz3-2020-0902-0012
30. Kozlova, N.Sh. (2019) Digital technologies in education. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 1. pp. 85–93. (In Russian). DOI: 10.24411/2078-1024-2019-11008
31. Grigoriev, R.A. & Bakurova, R.N. (2020) Formirovanie tsifrovyykh navykov shkol'nikov [Formation of digital skills of schoolchildren]. *Tsifrovizatsiya obrazovaniya: vyzovy sovremennosti* [Digitalization of Education: Challenges of Our Time]. Proc. of the Conference. Cheboksary: Sreda. pp. 25–28.
32. Khismatulina, N.V., Pugacheva, S.A. & Malkova, T.V. (2022) Kharakternye osobennosti “tsifrovyykh aborigenov” kak tselevoy auditorii v sovremenном образовatel'nom prostranstve [Characteristic features of “digital natives” as a target audience in the modern educational space]. *Problemy sovremenного pedagogicheskogo obrazovaniya*. 76–2. pp. 216–218.

Сведения об авторах:

Костина С.Н. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральского федерального университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: s.n.kostina@urfu.ru

Новикова О.Н. – кандидат философских наук, начальник Центра цифровизации и развития образовательных систем Института развития образования Пермского края (Пермь, Россия). E-mail: nolga@iro.perm.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kostina S.N. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor, Department of Theory, Methodology and Legal Support, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: s.n.kostina@urfu.ru

Novikova O.N. – Cand. Sci. (Philosophy), head of the Center for Digitalization and Development of Educational Systems, Education Development Institute in Perm Krai (Perm, Russian Federation). E-mail: nolga@iro.perm.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.05.2022;
одобрена после рецензирования 11.06.2023; принята к публикации 18.08.2023*

*The article was submitted 13.05.2022;
approved after reviewing 11.06.2023; accepted for publication 18.08.2023*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 323.17
doi: 10.17223/1998863X/74/18

«ГОСУДАРСТВО АВТОНОМИЙ» И ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС КАК ФАКТОРЫ СЕПАРАТИЗМА В СТРАНЕ БАСКОВ И КАТАЛОНИИ

Кирилл Викторович Гостев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
kirill.gosteff@gmail.com*

Аннотация. Сравняются сепаратистские тенденции в Стране Басков и Каталонии в 2000–2010-х гг. и выбор стратегий региональных властей в борьбе за автономию или отделение. Установлено, что при выборе переговорного или конфронтационного трека решающее значение имели институционально-правовые особенности государственного устройства Испании и последствия экономического кризиса 2008–2012 гг.

Ключевые слова: Испания, Каталония, Страна Басков, сепаратизм, автономия

Для цитирования: Гостев К.В. «Государство автономий» и финансовый кризис как факторы сепаратизма в Стране Басков и Каталонии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 206–223.
doi: 10.17223/1998863X/74/18

POLITICAL SCIENCE

Original article

THE “STATE OF AUTONOMIES” AND THE FINANCIAL CRISIS AS FACTORS OF SEPARATISM IN THE 21ST-CENTURY BASQUE COUNTRY AND CATALONIA

Kirill V. Gostev

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
kirill.gosteff@gmail.com*

Abstract. The article draws comparison on the 21st-century separatism trajectories in two of the Spanish autonomous communities – the Basque Country and Catalonia. The objective of the study is to explain strategy choices made by regional governments and the way they correlate with separatist tendencies. Comparing the Basque Country and Catalonia through the lens of institutional differences represents the article’s novelty. The theoretical framework of the article is based on institutional theory, social movement theory, resource mobilization theory, and a cause-based analytical approach. The main thesis of the article is that the deciding factor for either confrontational or dialogue strategy is the institutional milieu in which the actor operates. Separatist tendencies gained traction in Catalonia since the 2010 Barcelona protest in support of the new Statute of Autonomy, partly overturned by

the Supreme Court. Soon after the regional government made the choice in favour of confrontation, which led to the referendum, unilateral declaration of independence and subsequent dissolution of the Generalitat initiated by Madrid in October 2017. Similar independence projects of the 2000s in the Basque Country did not necessitate such drastic measures, whereas diminishing support of independence prompted its government to seek dialogue with Madrid. The modern Spanish state structure, known as the “state of autonomies”, has formed during Spain’s transition to democracy in the 1970s–1980s. It combines various features of federal and unitary states with a significant degree of autonomy given to the communities. The internal dynamics of such a state revolves around constant struggle for competencies between the centre and the regions. The author posits that this structure both serves to institutionalize the preexisting conflict and inadvertently fuels separatism in certain conditions. The article concludes that Catalonia’s confrontational choice is determined by a combination of specific factors: economic crisis, mass protests of 2010, and the presence of a reference group, which for the Catalans is none other than the Basque Country. The macroeconomic analysis shows that Catalonia suffered more from the economic crisis of 2008–2012 in both economic and social aspects. The Basque Country’s greater sustainability can be attributed to the *Concierto Económico* – a special fiscal regime, which allowed for the local government a higher degree of self-governance and agility in dealing with the crisis.

Keywords: Spain, Catalonia, Basque Country, separatism, autonomy

For citation: Gostev, K.V. (2023) The “state of autonomies” and the financial crisis as factors of separatism in the 21st-century Basque Country and Catalonia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 206–223. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/18

Введение

Сложившаяся в 1980-е гг. модель современного испанского государства в исследовательской литературе получила название «государства автономий» [1]. Ее особенность заключается в высокой степени децентрализации управления при сохранении унитарного устройства. Самостоятельность автономных сообществ стала предпосылкой к усилению сепаратизма в национальных автономиях – Стране Басков и Каталонии. Проекты независимости в этих сообществах имели схожие черты, но привели к различным последствиям вследствие стратегий, избранных региональной властью. В Стране Басков референдум не был проведен после запрета Конституционного суда в 2007 г. [2]. В Каталонии 1 октября 2017 г. состоялся референдум о независимости, непризнанный центральным правительством, которое в ответ ввело прямое управление [3]. Опросы общественного мнения отражают тренд на эскалацию противостояния местной власти и центрального правительства в Каталонии. В 2013 г. 47% респондентов в Каталонии считали, что их регион должен быть независим от Испании – в два раза больше, чем в 2010 г. В Стране Басков независимость в 2013 г. поддерживали только 27% опрошенных (рис. 1). Целью данной статьи является сравнение выбора стратегий региональных властей и сепаратистских тенденций в Каталонии и Стране Басков в 2000–2010-х гг. при помощи анализа экономических и правовых факторов. Влияние других факторов, таких как электоральные циклы и деятельность террористической организации ЭТА, в статье не рассматривается.

До 2010-х гг. Каталонию называли в числе «образцовых» национальных автономий наряду с Шотландией. Фактору национализма придавался положительный эффект, выраженный в мобилизации общества вокруг общей цели – получения прав самоуправления и их реализации. В этой парадигме написа-

ны работы А. Балсельса [6], С.Л. Грира [7], М. Губернау [8], А.Ф.К. Серрано [9], Д. Конверси [10]. События в Каталонии 2010–2017 гг. привели к пересмотру парадигмы и росту интереса к феномену каталонского сепаратизма. Поиску причин его возникновения и сравнению с сепаратизмом в других странах посвящены исследования А.В. Баранова [11], Х. Бенгоэчеа, [12], Э. Даулинга [13], Д. Марти [14], А.П. Монтеро [15], И. Серрано [16], С.М. Хенкина [17], Е.Г. Черкасовой [18]. В ряде работ каталонский и баскский сепаратизм сравниваются напрямую. В них исследователи объясняют расхождение траекторий сепаратизма в Каталонии и Стране Басков, акцентируя внимание на тех или иных факторах: экономическом (А.Р. Зарипова [19], Г. Филатов [20]), факторе насильственной борьбы за независимость (С.Ю. Дронова [21]) или внутренней логике развития национальных движений (М. Петъом [22]).

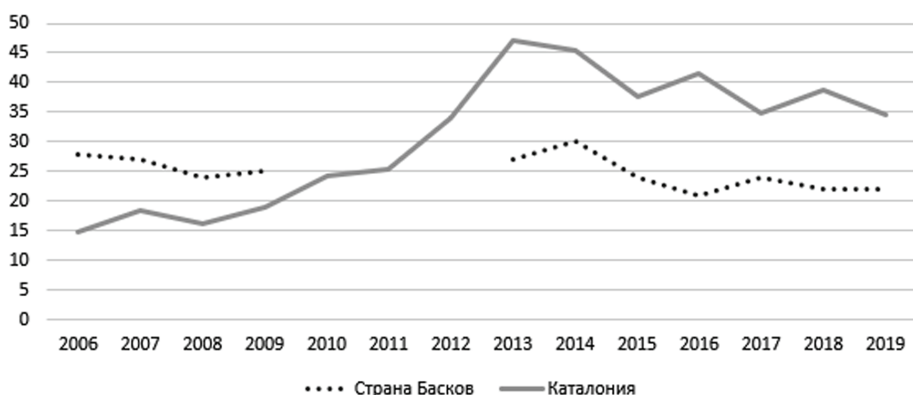

Рис. 1. Доля респондентов, поддерживающих независимость Страны Басков и Каталонии, 2006–2019 гг. Источники: данные по Стране Басков – Sociometro Vasco 78 : Gabinete de Prospeccion Sociologica // Gobierno Vasco. Octubre, 2022. С. 21. URL: https://Avwww.euskadi.eus/contenidos/documentacion/sociometro_vasco_78/eu_defad juntos/22sv/ S.pdf (fecha de acceso: 01.07.2023) [4]; данные по Каталонии – Barometre d'Opinio Politico. 2a onada 2019. Departament de la Presiden-cia (PRE) – Centre d'Estudis d'Opinio (CEO) / Centre d'Estudis d'Opinio. Barcelona, 2019. URL: <https://ceo.gencat.cat/ca/barometre/detalVindex.html?id=7188> (fecha de acceso: 01.07.2023) [5]. В Стране Басков с 2010 по 2012 г. опрос не проводился

Автор данной статьи предлагает обратить внимание на институциональные различия в положении Каталонии и Страны Басков, которые привели к различным трендам сепаратизма в регионах. Институциональная среда определяет рамки, в которых действуют национальные движения в Стране Басков и Каталонии, и формирует факторы, которые эти движения вынуждены учитывать при выборе той или иной стратегии. В рамках этой гипотезы другие факторы рассматриваются как зависимые от институциональной среды. Дополнительным фактором, оказавшим влияние на стратегии сепаратизма в регионах, стал экономический кризис 2008–2012 гг. Последствия кризиса также могут быть связаны с институциональными особенностями регионов.

Тезис о важности институтов как «фактов общественной жизни», которые «должны приниматься во внимание акторами», в классической работе по теории институтов «Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемония» сформулировали Дж. Мейер и Б. Роуэн [23. Р. 341]. М. Шрайберг в статье «Институциональная теория и общественные движения»

обобщил теории, которые объясняли связь между институтами и общественными движениями, и определил то, как они воздействуют друг на друга [24].

При анализе стратегий исследование опирается на две основные группы факторов: правовые и экономические. Первая группа факторов обусловлена тем, что национальные движения в Стране Басков и Каталонии глубоко укоренены в политической системе Испании и представлены крупными правящими региональными партиями – соответственно Баскской националистической партией (PNV) и альянсом «Хунтс» («Вместе за Каталонию»). Институциональную среду для них формирует национальное и региональное законодательство, а также сложившаяся система политического взаимодействия с центральной властью страны.

Вторая группа факторов связана с экономическим кризисом, на фоне которого развивался каталонский сепаратизм. Состояние экономики и эффективность социальной политики в автономных регионах отражали эффективность взаимодействия местного и центрального правительства, что определяется главным образом институциональной средой.

Хотя процессы в Каталонии и Стране Басков протекают по большей части независимо друг от друга, обострение ситуации в Каталонии несет риски для Страны Басков. Нет гарантий, в Стране Басков вновь не возникнет запрос на сецессию. В октябре 2018 г., через год после референдума 2017 г. в Каталонии, более 175 тыс. человек выстроились в живую цепь протяженностью 202 км от Сан-Себастьяна до Витории, выдвинув требование проведения такого же референдума в Стране Басков [25].

Два референдума – один результат

В Стране Басков два основных проекта независимости региона возникли в 2004 и 2007 гг. 30 декабря 2004 г. парламент региона одобрил документ под названием «План Ибаррече», получивший название по имени действовавшего на тот момента главы правительства Страны Басков Хуана Хосе Ибаррече. План предусматривал конституционную реформу с изменением отношений региона с центральной властью в Испании. Согласно ст. 12 Плана, «граждане Сообщества Страны Басков, свободно пользуясь своим правом на самоопределение, устанавливают самоуправление через единый режим политических взаимоотношений с испанским государством, основанный на свободной ассоциации» [26. Р. 8].

Так как План затрагивал положения Конституции Испании, для его принятия требовалось одобрение Конгресса депутатов (нижней палаты Парламента Испании, состоящей из 350 депутатов). 1 февраля 2005 г. проект Плана был отклонен: 313 голосов «против», 29 «за», 2 парламентария воздержались. Правящая партия социалистов и консерваторы из Народной партии объединились против предложения [27. Р. 3150].

Следующую попытку добиться независимости для Страны Басков власти региона предприняли в 2007 г., когда Ибаррече объявил о проведении референдума в октябре 2008 г. Предполагалось, что результаты голосования не будут носить обязывающего характера [28. Р. 3–8]. Формулировка вопросов, которые предполагалось вынести на референдум, не содержала слова «независимость» [29. Р. 3]. Е.Г. Черкасова отмечает, что националисты в Испании стараются избегать терминов «независимость» и «право на самоопределе-

ние», что видно в формулировках вопросов, предложенных на референдум 2008 г. [18. С. 35]. Они заменены на неопределенный термин «право решать», под которым сторонники отделения понимают право на проведение референдума о независимости. Однако трактовка «права решать», которая встречается в Плане Ибаррече, указывает на право народа басков решать вопросы региона без участия центральной власти в Мадриде [26. Р. 8–10].

В решении Конституционного суда Испании 103/2008 от 11 сентября 2008 г. баскский закон о референдуме, принятый 27 июня 2008 г., был назван неконституционным. Суд пояснил, что, во-первых, только центральная власть в Мадриде обладает правом проводить референдумы на основе прав, делегированных ей суверенным народом Испании, а во-вторых, в таком референдуме должен принимать участие весь народ Испании, а не только население Страны Басков [29. Р. 7, 10]. В коммюнике от 12 сентября 2008 г. Ибаррече заявил, что с уважением относится к решению Конституционного суда, однако оценил ситуацию как «запрет на выражение мнения» [30]. Запланированный референдум не состоялся, хотя власти Страны Басков попытались оспорить решение в Европейском суде по правам человека. В феврале 2010 г. представители Баскской националистической партии сообщили прессе, что в Страсбурге не приняли апелляцию на основании несоответствия положениям Европейской конвенции по правам человека [31]. Поражение возглавляемой Ибаррече Баскской национальной партии на выборах в региональный парламент 2009 г. на некоторое время сделало проект независимости Страны Басков неактуальным [32. Р. 216–219]. На поддержку басками стратегии диалога с Мадридом указывает упадок ЭТА в 2010-х гг., результатом которого стал самороспуск организации в 2018 г. [33].

В Каталонии происходили противоположные процессы. В 2006 г. каталонское правительство (Женералитат) приняло новую редакцию Статута об автономии, которая расширила полномочия исполнительной и судебной ветвей власти, а также учредила региональное Налоговое агентство [34]. В 2010 г. Конституционный суд признал новый Статут неконституционным в части статуса Каталонии как нации и примата каталанского языка над испанским [35]. В 2016 г. аналогичное решение было вынесено по поводу учреждения Каталонского налогового агентства [36]. Решение Конституционного суда спровоцировало в Барселоне масштабные протесты 10 июля 2010 г. По оценкам организаторов и местной полиции, в протестах приняли участие более миллиона человек [37].

После серии опросов на муниципальном уровне в 2009–2011 гг. [38] власти Каталонии в 2014 г. провели консультативный референдум о самоопределении, проигнорировав признание Конституционным судом его нелегальности. Из 7,5 млн каталонцев в голосовании приняли участие около двух миллионов, 80% из которых сделали выбор в поддержку независимости [39].

Вопрос о независимости стал ключевым в кампании перед выборами в парламент региона в 2015 г. Альянс партий «Вместе за „Да“» (кат. Junts per Si) в своей риторике придавал выборам характер плебисцита о независимости и воспринял победу как «мандат» на проведение полноценного референдума [14. Р. 108–111, 116–118]. 1 октября 2017 г. референдум о независимости Каталонии состоялся, несмотря на прямой запрет со стороны Конституционного суда, наложенный 7 сентября [40]. 27 октября в каталонском парламенте

состоялось голосование за одностороннюю декларацию независимости (ОДН), которое бойкотировали 53 оппозиционных депутата. 70 депутатов из 135 проголосовали за ОДН, 10 – против [41]. Острая фаза кризиса окончилась введением в Каталонии прямого управления 28 октября 2017 г. и роспуском регионального правительства [42].

Ни один из референдумов не привел к достижению заявленной цели – обретению независимости. При сходстве проектов независимости в целях и средствах их основное отличие состоит в реакции на действия центральных властей. По этому критерию можно выделить две разные модели взаимодействия с Мадридом: модель Страны Басков можно назвать моделью сотрудничества, а Каталонии – моделью конфронтации. Термины близки к уже существующим характеристикам сепаратизма: так, М. Петьом характеризует траектории сепаратизма в регионах как «пацификация» и «радикализация» [22. Р. 16–18], а С.Ю. Дронова пишет о пути к независимости Страны Басков через соглашения с Мадридом, а Каталонии – через односторонние действия [21. С. 14].

Институционально-правовые причины усиления сепаратизма

Рассмотрим институциональные и правовые особенности политической системы Испании, которые оказывают влияние на процесс принятия решений в Стране Басков и Каталонии.

Взаимоотношения между регионами и центральной властью в Испании в XX–XXI вв. можно охарактеризовать как постоянную борьбу за полномочия [13. Р. 6–7]. Отличительной особенностью современной модели государственного управления Испании является различная степень автономии административно-территориальных единиц (автономных сообществ), регулируемая через «протоконституции» – Статуты об автономии. Право на автономию гарантирует ст. 2 Конституции Испании [43]. Механизмом разрешения конфликтов между центральной властью и автономиями является Конституционный суд [13. Р. 110–111].

Современной модели предшествовало централизованное государство периода диктатуры Франко, которое сменило Вторую Республику (1931–1939). Во время Второй Республики был принят Статут об автономии Каталонии 1932 г., который стал прообразом современного документа. Статут наделял каталонцев правом самоуправления и придавал каталанскому языку статус официального [44]. При Франко реализовывалась централизованная система управления – политика испанизации, подавление культуры и традиций самоуправления. Как пишет испанский политолог Карлос Гарридо Лопес в работе «„Функциональный“ регионализм режима Франко», такая политика со временем создала у противников режима стойкую ассоциацию между демократией и передачей власти на региональный уровень. Это стало предпосылкой к формированию региональных автономий во время перехода к демократии [45. Р. 127].

Д. Сироки и Дж. Кафф в работе «Утраченная автономия, национализм и сепаратизм» утверждают, что пораженные в праве на самоуправление группы намного чаще принимают идеи сепаратизма по сравнению с уже автономными группами и группами, никогда не обладавшими автономией [46. Р. 16–20]. «Государство автономий» предполагает постоянную борьбу за полномочия между центром и регионами, и, таким образом, сама его архитектура способствует росту сепаратизма, провоцируя реакцию в ответ на централизацию.

В табл. 1 представлено сравнение некоторых полномочий Страны Басков и Каталонии. Наиболее широкими функциями региональные власти обладают в сфере социальной политики, здравоохранения и образования. С.Л. Грир называет такие автономии «администраторами государства всеобщего благосостояния» [7. Р. 180]. Таким образом, динамика благосостояния населения служит индикатором того, насколько эффективно регион проводит социальную политику. Однако институциональные возможности Каталонии и Страны Басков отличаются: если Каталония основную часть бюджета получает в виде траншей и целевых субсидий из Мадрида [7. Р. 23–24], то бюджет Страны Басков формируется в основном из местных налогов по особому договору – Экономическому соглашению (*Concierto Económico*) [47].

Таблица 1. Сравнение некоторых полномочий в области самоуправления в Каталонии и Стране Басков

Права самоуправления	Каталония	Страна Басков
Налогообложение	Гарантии бюджетной автономии; Женеалитат учреждает Фонд сотрудничества для использования местными властями, право учреждать целевые программы сотрудничества в рамках законодательства (ст.ст. 217–219 Статута)	Регулируется отдельным соглашением <i>Concierto Económico</i> (ст.ст. 41–42 Статута). Полномочия по управлению налоговой системой и сбором налогов возложены на Региональные советы, в национальный бюджет уплачивается ежегодный взнос (<i>Quota</i>)
Здравоохранение и социальная политика	Исключительные полномочия Женеалитета в медицине, фармацевтике и общественном здравоохранении (ст. 162), в вопросах, касающихся социальных служб (ст. 164), социальное обеспечение – в совместном ведении (ст. 163)	Социальное обеспечение, фармацевтическая служба и служба гигиены отнесены к исключительным компетенциям (ст.ст. 10, 18)
Образование	Широкая автономия, вплоть до утверждения образовательных программ (ст. 131 – общее образование, ст. 172 – университеты)	Образование – исключительная компетенция Автономного сообщества (ст. 16)
Национальный язык	Каталанский язык наделен статусом официального вместе с испанским, используется в официальных учреждениях (ст. 6)	Баскский язык наделен статусом официального вместе с испанским, жителям области гарантировано право использовать оба языка (ст. 6)
Охрана правопорядка	Собственная полиция – <i>Mossos d'Esquadra</i> (ст. 164)	Собственная полиция – <i>Ertzaintza</i> (ст. 17, «автономные полицейские силы»)

Примечание. Источник: *Estatutos de autonomía por materias*, 5ª edición : Ministerio de Política Territorial y Administración Pública. Dirección General de Desarrollo Autonómico // Ministerio de política territorial y administración pública. Secretaría General Técnica. Madrid : marzo 2011. URL: https://www.hacienda.gob.es/Documentacion/Publico/SGT/CATALOGO_SEFP/022_Estatutos-autonom-por-materias-5ed-INTERNET.pdf (fecha de acceso: 01.07.2023) [48].

Экономическое соглашение устанавливает особый фискальный режим на территории Страны Басков и Наварры. Баскские финансовые институты наделены широкой автономией в сфере налогообложения, включая право регулировать основные прямые налоги (НДФЛ, на доходы корпораций, на наследство и дарение), а также собирать прямые и непрямые налоги [47]. В обмен на автономию баски компенсируют испанскому бюджету 6,24% (доля баскской экономики в Испании) от затрат Испании на деятельность, не входящую в компетенции региональных властей (содержание армии и королевской семьи, внешняя политика, обслуживание внешнего и внутреннего

долга и др.). Символичность такой схемы заключается в том, что баски как бы платят Мадриду за выполнение функций государства, сохраняя самостоятельность в остальных сферах [49. Р. 15–20]. Налоговый режим в остальных автономиях регулируется законом 2009 г., который определяет структуру системы фондов и межбюджетных трансфертов, обеспечивающую финансирование основных функций государства, в первую очередь в социальной сфере [50]. Согласно подсчетам экономиста Анхеля де ла Фуэнте, в 2019 г. налоговые отчисления Каталонии в общий бюджет составили 23,65 млрд евро, из которых 2,07 млрд были направлены на финансирование других регионов [51. Р. 14].

Таким образом, институциональный контекст взаимодействия региональных и центральных властей в Испании характеризуется имманентным конфликтом по поводу полномочий. Главное институциональное различие между Каталонией и Страной Басков заключается в разном режиме налогообложения, что свидетельствует о большей степени автономии последней. Это ведет к снижению сепаратизма в Стране Басков и усиливает аргументы сепаратистов в Каталонии. Кроме того, для Мадрида налоговое соглашение со Страной Басков служит дополнительным рычагом воздействия в случае эскалации конфликта.

Экономические причины усиления сепаратизма

Институциональным контекстом, в котором оперируют региональные правительства, определяются их возможности в условиях кризиса. Так как усиление сепаратизма в Каталонии происходило на фоне глобального финансового кризиса, экономический фактор в оценке деятельности центральных и местных властей приобрел повышенное значение.

В Испании экономический спад, сопровождавший кризис 2008–2012 гг., можно разделить на два этапа – до 2010 г. и после. До 2010 г. финансовая система Испании благодаря срочным мерам регулирования оставалась относительно защищенной от прямого воздействия глобального кризиса. Однако из-за рухнувшего рынка недвижимости, рецессии и массовой безработицы многие испанские банки столкнулись с резким ростом доли невыплаченных кредитов [52. Р. 135–137]. 25 июня 2012 г. власти Испании обратились к Европейскому центральному банку за кредитом на 100 млрд евро для спасения банковской системы в рамках Европейского стабилизационного механизма [53]. В общей сложности Испания получила около 40 млрд евро, что позволило стабилизировать финансовую систему, и в 2014 г. начала выплачивать займы раньше срока [54].

Обсуждение референдума в Стране Басков проходило до начала финансового кризиса, тогда как протесты в Барселоне 2010 г. и последующая радикализация происходили на фоне экономических проблем. Ситуация в стране и политика жесткой экономии усилили аргумент сторонников независимости Каталонии, выраженный в лозунге «Мадрид нас грабит» («Madrid nos roba»), который отражал популярное мнение, что Каталония отдает в испанский бюджет больше, чем из него получает [55. С. 128–129].

Влияние мирового финансового кризиса на экономику Страны Басков и ее население оказалось более слабым по сравнению с Каталонией, если опираться на анализ динамики макроэкономических показателей: доли ВВП на

душу населения и уровня безработицы (рис. 2, 3). В Стране Басков рецессия началась позднее: в 2008 г. ВВП на душу населения вырос на 3,1%, в то время как в Каталонии – только на 0,6%. В 2009 г. регионы показали практически одинаковый результат – снижение на 4,7% в Стране Басков и на 4,6% в Каталонии, но за двухлетний период по сравнению с 2007 г. разница более чем двукратная: –4% в Каталонии и –1,8% в Стране Басков. На новом витке кризиса после 2010 г., показатели регионов сопоставимы.

Рис. 2. Прирост ВВП на душу населения в Испании и ее отдельных регионах, 2006–2019 гг. Источник: Statistics | Eurostat. Regional gross domestic product (PPS per inhabitant) by NUTS 2 regions // Eurostat (NAMA_10R_2GDP). Last update: 22.02.2023. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TGS00005/default/table?lang=en> (accessed: 01.07.2023) [56]

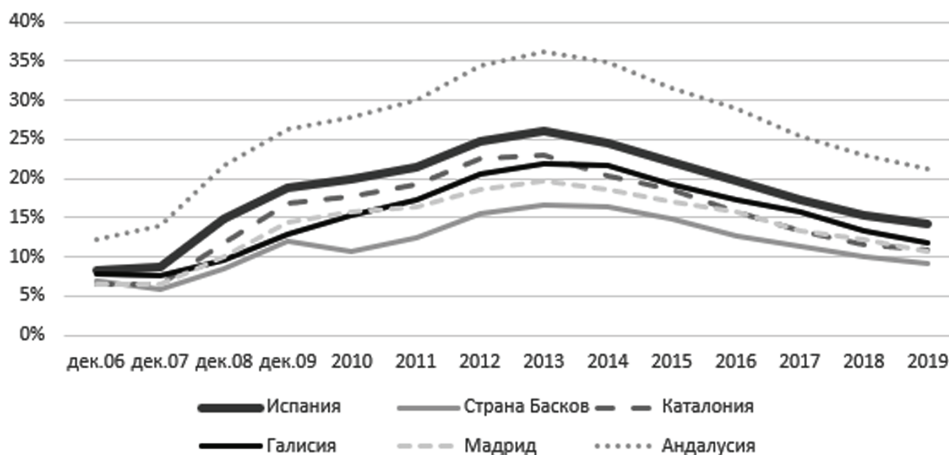

Рис. 3. Уровень безработицы в Испании и ее отдельных регионах, 2006–2019 гг. Источник: данные до 2010 г. – Desempleo de España 2023 // Datosmacro.com. URL: <https://datosmacro.expansion.com/paro/espana?sector=Tasa+de+desempleo> (fecha de acceso: 01.07.2023) [57]; данные после 2010 г. – Statistics | Eurostat. Population by status in employment, occupation and NUTS 2 region // Eurostat. Last update: 02.04.2019. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/CENS_11EMPO_R2/default/table?lang=en&category=cens.cens_11r.cens_11rdp.cens_11rec (accessed: 01.07.2023) [58]

Уровень безработицы в Испании достиг 26,1% в 2013 г, что стало пиковым значением за весь кризис (см. рис. 3). В Каталонии безработица составила 23,1%, а в Стране Басков – 16,6%, что стало наименьшим показателем

в Испании среди 17 автономных областей и двух автономных городов. По показателю ВВП на душу населения Каталония стабильно входит в четверку самых богатых автономных областей Испании вместе со Страной Басков, Наваррой и Мадридом. По уровню безработицы Каталония значительно ближе к более бедным регионам, таким как Астурия, Валенсия и Балеарские острова.

Учитывая незначительный разброс значений роста ВВП между Каталонией и Страной Басков и показатели безработицы, можно выдвинуть предположение, что запрос на сепаратизм в обществе усиливают как экономические, так и социальные факторы. Теория социальной депривации поясняет, что фактором протеста является не бедность как таковая, а бедность в сравнении с референтной группой, которой может служить как более благополучная часть общества, так и сам индивид в предыдущий период жизни [59. Р. 24–30]. Расслоение общества и снижение уровня жизни, характерные для периодов экономического спада, способствуют повышению протестного потенциала.

Важное значение для оценки протестной активности населения имеют показатели, характеризующие положение молодежи [60. С. 117–119]. Социальный климат в период кризиса позволяют оценить такие показатели, как доля NEET-молодежи (молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет, не работающие, не получающие образование и не проходящие курсы повышения квалификации), долговременная безработица (12 месяцев и больше) и доля населения в зоне риска бедности и социального отторжения.

Доля безработной молодежи в Стране Басков даже на пике кризиса оставалась вдвое ниже, чем в Каталонии: соответственно 11,4 и 20,8% в 2009 г. (рис. 4). Разрыв в долговременной безработице не так ярко выражен, но заметен: на протяжении всего кризиса в Стране Басков этот показатель был ниже, чем в Каталонии и в среднем по стране, на 2–4% (рис. 5). Доля населения в зоне риска бедности и социального отторжения в Стране Басков также ниже: в 2019 г. показатель составил 14,4% против 18,8% в Каталонии и 25,3% в Испании (рис. 6).

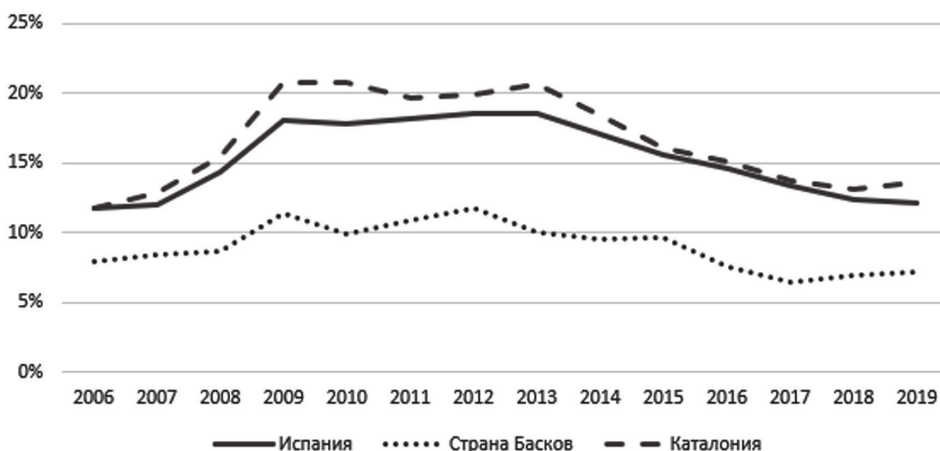

Рис. 4. Доля NEET-молодежи в Испании, Каталонии и Стране Басков, 2006–2019 гг. Источник: Statistics | Eurostat. Young people neither in employment nor in education and training by sex and NUTS 2 regions (NEET rates) // Eurostat. Last update: 27.04.2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/EDAT_LFSE_22_custom_4645340/default/table?lang=en (accessed: 01.07.2023) [61]

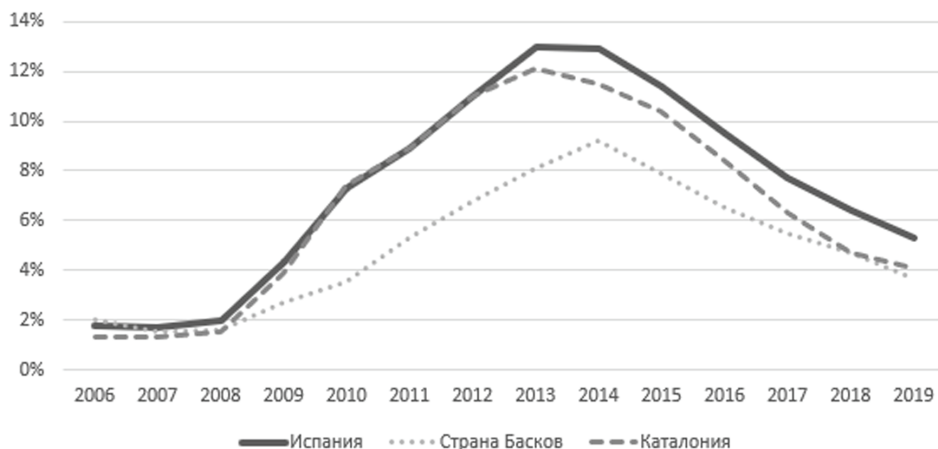

Рис. 5. Хроническая безработица в Испании, Каталонии и Стране Басков, 2006–2019 гг. Источник: Statistics | Eurostat. Long-term unemployment (12 months and more) by sex, age, educational attainment level and NUTS 2 regions (%) // Eurostat. Last update: 27.04.2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/data-browser/view/LFST_R_LFU2LTU__custom_4645436/default/table?lang=en (accessed: 01.07.2023) [62]

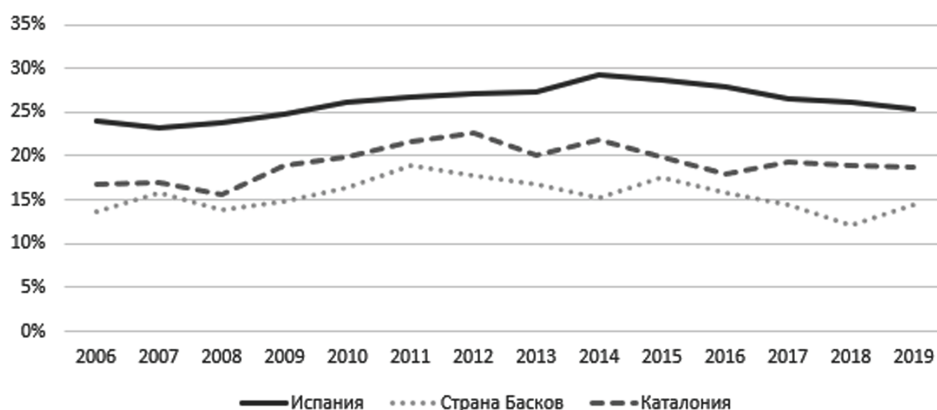

Рис. 6. Доля населения Испании, Страны Басков и Каталонии в зоне риска бедности и социального отторжения, 2006–2019 гг. Источник: Statistics | Eurostat. Persons at risk of poverty or social exclusion by NUTS regions – EU 2020 strategy // Eurostat. Last update: 12.11.2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_PEPS11__custom_4645130/default/table?lang=en (accessed: 01.07.2023) [63]

Таким образом, макроэкономические показатели демонстрируют различие в уровне благосостояния населения Страны Басков и Каталонии. Оба региона относятся к традиционным индустриальным центрам Испании и имеют экономические показатели на уровне выше среднего по стране. Однако в Каталонии сильная экономика сочетается с выраженными социальными проблемами – высоким уровнем безработицы, в том числе среди молодежи, социальным неравенством и значительной долей населения, подверженной риску бедности. Положение Страны Басков в сравнении с Каталонией можно назвать более благополучным, что уменьшает популярность идей сепаратизма [20. С. 49]. В институциональном разрезе это связано с Экономическим соглашением: фискальная автономия способствует повышению уровня общественного контроля и ответственности баскских институтов [49. Р. 18–19], а также наделяет их эффективными инструментами для вмешательства в эко-

номику в кризисных ситуациях, как это уже происходило в Стране Басков в 1980-е гг. при структурной перестройке экономики [49. Р. 78–82]. В остальных автономных сообществах экономический кризис не привел к росту сепаратизма из-за незначительной роли национальных меньшинств, а в Галисии – из-за слабости региональной партии [20. С. 50].

Заключение

Система взаимодействия автономных сообществ и центральной власти Испании, основанная на конфликте, заложена самой архитектурой «государства автономий». Можно утверждать, что она воспроизводит борьбу центробежных и центростремительных тенденций, которой характеризовалось испанское государство в XX в. Иначе говоря, «государство автономий», с одной стороны, институционализирует уже существующий конфликт и вводит его в правовые рамки, а с другой – само способствует росту сепаратизма. Побочным эффектом такой политики стало обретение сепаратистами легальных инструментов воздействия на институты изнутри: проекты Ибаррече в Стране Басков 2004 и 2007 гг., реформа Статута о независимости Каталонии 2006 г. являются примерами такого воздействия.

Объяснение того, почему траектории Страны Басков и Каталонии стали расходиться после 2010 г., дает экономический и институциональный анализ. В Каталонии совпало сразу несколько факторов, способствовавших росту сепаратизма и выбору конфронтационной стратегии. Основные из них – это экономический кризис, отмена части положений Статута 2006 г. (поражение в автономии), массовые протесты 2010 г., обеспечившие поддержку правящей коалиции (в Стране Басков аналогичных протестов не было), и референтная группа в виде Страны Басков, экономика которой оказалась более устойчивой к кризису. Особое значение в этих обстоятельствах имеет Экономическое соглашение. Если для Страны Басков Соглашение сыграло стабилизирующую роль, то в Каталонии на фоне кризисных явлений, рецессии и политики сокращения расходов со стороны Мадрида оно стало поводом к дальнейшему усилению конфликта с центральной властью.

Список источников

1. Clegg T., Moreno L. Nationalist Ursurge in Spain: The Basque and Catalan Elections of 1984 // *Politics*. 1984. № 4 (2). P. 8–15.
2. Sentencia 103/2008, de 11 de septiembre de 2008 : Tribunal Constitucional // *Boletín Oficial del Estado*. 2008. № 245. P. 3–14. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-T-2008-16292 (fecha de acceso: 01.07.2023).
3. Catalans declare Independence as Madrid imposes direct rule – BBC News // BBC News. 2017. 27 Oct. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-41780116> (accessed: 01.07.2023).
4. Sociómetro Vasco 78 : Gabinete de Prospección Sociológica. // Gobierno Vasco. 2022. Octubre. URL: https://www.euskadi.eus/contenidos/documentacion/sociometro_vasco_78/eu_def_adjuntos/22sv78.pdf (fecha de acceso: 01.07.2023).
5. Baròmetre d'Opinió Política. 2a onada 2019. Departament de la Presidència (PRE) – Centre d'Estudis d'Opinió (CEO) // Centre d'Estudis d'Opinió. Barcelona, 2019. URL: <https://ceo.gencat.cat/ca/barometre/detall/index.html?id=7188> (fecha de acceso: 01.07.2023).
6. Balcells A. Catalan nationalism. Past and present / ed. and introduced by G.J. Walker ; tr. by J. Hall. New York : Palgrave Macmillan, 1996. 226 p.
7. Greer S.L. Nationalism and self-government. The politics of autonomy in Scotland and Catalonia. Albany : State University of New York Press, 2007. 234 p.
8. Guibernau M. Prospects for an independent Catalonia // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 2013. Vol. 27 (1). P. 5–23.

9. *Canales Serrano A.F.* Las otras derechas: Derechas y poder local en el Pais Vasco y Cataluña en el siglo XX. Madrid : Marcial Pons Ediciones de Historia, 2006. 389 p.
10. *Conversi D.* The Basques, the Catalans, and Spain: alternative routes to nationalist mobilization. London : C. Hurst & Co. Ltd, 1997. 312 p.
11. *Баранов А.В.* Сепаратизм в современной Каталонии: ресурсы, акторы и политические стратегии // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 2. С. 95–113.
12. *Бенгозча Х.* Трилемма: кризис, демократия и федерализм в Европе / пер. с исп. А. Коротковой, В. Нефедовой, Н. Фефиловой, Е. Яковчик // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 348–349.
13. *Dowling A.* The rise of Catalan independence: Spain's territorial crisis. New York : Routledge, 2018. 194 p.
14. *Martí D., Cetrà D.* The 2015 Catalan election: a de facto referendum on independence? // Regional & Federal Studies. 2016. № 26 (1). P. 107–119.
15. *Montero A.P.* The Politics of Decentralization in a Centralized Party System: The Case of Democratic Spain // Comparative Politics. 2005. Vol. 38 (1). P. 63–82.
16. *Serrano I.* Just a matter of identity? Support for independence in Catalonia // Regional & Federal Studies. 2013. № 23 (5). P. 523–545.
17. *Хенкин С.* Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 117–138.
18. *Черкасова Е.Г.* Почему невозможна независимость Каталонии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62 (11). С. 35–42.
19. *Заринова А.Р.* Экономический фактор регионального сепаратизма в Испании : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 22 с.
20. *Филатов Г.А.* Каталония, Страна Басков и Галисия: сепаратистские тенденции в начале XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62 (11). С. 43–53.
21. *Дронова С.Ю.* Каталония и Страна Басков – две модели испанского сепаратизма // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 2. С. 12–15.
22. *Petithomme M.* Radicalizacion nacionalista en Cataluña y pacificacion en el Pais Vasco // Hispanismes. 2020. № 16.
23. *Meyer J.W.* Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83 (2). P. 340–363.
24. *Schneiberg M.* Institutional Theory and Social Movements. // The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements. Wiley-Blackwell, 2013.
25. *Martin D.* Basques form 200km human chain for independence vote – DW – 06/10/2018 // Deutsche Welle. 2018. 6 Oct. URL: <https://www.dw.com/en/spains-basques-form-200km-human-chain-calling-for-independence-vote/a-44148699> (accessed: 01.07.2023).
26. *Political Statute of the Community of the Basque Country.* Passed by absolute majority of the Basque Parliament in plenary session held on December 30, 2004. Parlamento Vasco / Wayback Machine; Comisión de Instituciones e Interior. Vitoria-Gasteiz, 2005. 34 p. URL: https://web.archive.org/web/20071012030228/http://www.nuevostatutodeeuskadi.net/docs/dictamencomision20122004_eng.pdf (accessed: 01.07.2023).
27. *Congreso de los Diputados.* Diario de las sesiones del Congreso de los Diputados, Pleno y Diputación Permanente // Imprenta Nacional BOE. 2004. № 65. P. 3087–3150. URL: https://www.congreso.es/public_oficiales/L8/CONG/DS/PL/PL_065.PDF (fecha de acceso: 01.07.2023).
28. *Spain's Basques plan referendum on autonomy* // Reuters. 2007. 28 Sept. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSL28787503> (accessed: 01.07.2023).
29. *Sentencia 103/2008*, de 11 de septiembre de 2008 : Tribunal Constitucional // Boletín Oficial del Estado. 10 de octubre de 2008. № 245. P. 3–14. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-T-2008-16292 (fecha de acceso: 01.07.2023).
30. *Ibarretxe* dice que acatan la sentencia del TC pero que no se resignan | El Diario Vasco. [Recurso electrónico] // El Diario Vasco. 2008. 12 septiembre. URL: <https://www.diariovasco.com/20080912/mas-actualidad/politica/ibarrtxe-dice-acatan-sentencia-200809121228.html> (fecha de acceso: 01.07.2023).
31. *Estrasburgo rechaza el recurso del PNV por la ley Ibarretxe* // Reuters. 2010. 24 febrero. URL: <https://www.reuters.com/article/oestp-tribuales-pnv-estraburgo-idESMAE61M16R20100223> (fecha de acceso: 01.07.2023).
32. *De la Calle L., Sanchez-Cuenca I.* The End of Three Decades of Nationalist Rule: The 2009 Regional Elections in the Basque Country // South European Society and Politics. 2009. № 14 (2). P. 211–226.

33. *Final statement from ETA to the Basque Country*. 2018. 3 May. URL: <https://www.hdcentre.org/wp-content/uploads/2018/05/ETA-declaration-English.pdf> (accessed: 01.07.2023).
34. *Direcció General de Participació Ciutadana*. Comparativa entre l'Estatut de 1979 i el nou Estatut. Principals diferències i novetats // Generalitat de Catalunya. Barcelona, 2006. URL: <http://www.iceta.org/comp7906.pdf> (fecha de acceso: 01.07.2023).
35. *Sentencia* 31/2010, de 28 de junio de 2010 : Tribunal Constitucional. // Boletín Oficial del Estado. 2010. № 172. P. 491. URL: https://boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2010-11409 (fecha de acceso: 01.07.2023).
36. *Sentencia* 128/2016, de 7 de julio de 2016 : Tribunal Constitucional. // Boletín Oficial del Estado. 2016. № 192. P. 57844–57900. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2016-7735 (fecha de acceso: 01.07.2023).
37. *Un millón de personas inundan Barcelona en una histórica manifestación de rechazo a la sentencia contra el Estatut* // La Vanguardia. 2010. 10 de julio. URL: <https://www.lavanguardia.com/politica/20100710/53961206706/un-millon-de-personas-inundan-barcelona-en-una-historica-manifestacion-de-rechazo-a-la-sentencia-co.html> (fecha de acceso: 01.07.2023).
38. *Tremlett G*. Catalan independence boost after Barcelona vote // The Guardian. 2011. 11 Apr. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/apr/11/catalan-independence-boost-barcelona-vote> (accessed: 01.07.2023).
39. *Catalonia vote: 80% back independence – officials – BBC News* // BBC News. 2014. 10 Nov. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-29982960> (accessed: 01.07.2023).
40. *Recurso de inconstitucionalidad n. 4334–2017, contra la Ley del Parlamento de Cataluña* 19/2017, de 6 de septiembre, del Referéndum de Autodeterminación: Tribunal Constitucional // Boletín Oficial del Estado. 2017. № 216. P. 88200–88201. URL: <https://www.boe.es/boe/dias/2017/09/08/pdfs/BOE-A-2017-10287.pdf> (fecha de acceso: 01.07.2023).
41. *Catalans declare Independence as Madrid imposes direct rule – BBC News* // BBC News. 2017. 27 Oct. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-41780116> (accessed: 01.07.2023).
42. *Orden PRA/1034/2017*, de 27 de octubre, por la que se publica el Acuerdo del Consejo de Ministros de 21 de octubre de 2017: Ministerio de la Presidencia y para las Administraciones Territoriales // Boletín Oficial del Estado. 2017. № 260. P. 103529–103544. URL: <https://www.boe.es/eli/es/o/2017/10/27/pr1034> (fecha de acceso: 01.07.2023).
43. *Constitución Española* : Cortes Generales // Boletín Oficial del Estado. 1978. № 311. P. 29313–29424. URL: [https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/\(1\)](https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/(1)) (fecha de acceso: 01.07.2023).
44. *Estatuto de autonomía de Cataluña (1932) – Wikisource* // Wikimedia Foundation. URL: [https://es.wikisource.org/w/index.php?title=Estatuto_de_autonomía_de_Cataluña_\(1932\)&oldid=1149366](https://es.wikisource.org/w/index.php?title=Estatuto_de_autonomía_de_Cataluña_(1932)&oldid=1149366) (fecha de acceso: 01.07.2023).
45. *López C.G*. El regionalismo «funcional» del régimen de Franco // Revista de Estudios Políticos (Nueva Época). Madrid, 2002. № 115. P. 111–128.
46. *Siroky D.S., Cuffe J*. Lost Autonomy, Nationalism and Separatism // Comparative Political Studies. 2014. Vol. 48 (1). P. 3–34.
47. *What is the Basque economic agreement? History, functioning and Quota* // Ituna Center for Basque economic agreement and fiscal federalism studies. 2021. 29 July. URL: <https://www.ituna.eus/en/what-is-the-basque-economic-agreement> (access date: 01.07.2023).
48. *Estatutos de autonomía por materias*, 5ª edición : Ministerio de Política Territorial y Administración Pública. Dirección General de Desarrollo Autonómico // Ministerio de política territorial y administración pública. Secretaría General Técnica. Madrid, 2011. URL: https://www.hacienda.gob.es/Documentacion/Publico/SGT/CATALOGO_SEFP/022_Estatutos-autonom-por-materias-5ed-INTERNET.pdf (fecha de acceso: 01.07.2023).
49. *Zubiri Oria I*. The economic agreement between the Basque Country and Spain. Oria : Ad Concordiam, 2010. 192 p.
50. *Ley 22/2009*, de 18 de diciembre, por la que se regula el sistema de financiación de las Comunidades Autónomas de régimen común y Ciudades con Estatuto de Autonomía y se modifican determinadas normas tributarias : Jefatura del Estado // Boletín Oficial del Estado. 2009. № 305. P. 107086–107155. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2009/12/18/22> (fecha de acceso: 01.07.2023).
51. *De la Fuente Á*. La liquidación de 2019 del sistema de financiación de las comunidades autónomas de régimen común // Fedea e Instituto de Análisis Económico (CSIC). 2022.
52. *Royo S*. From Boom to Bust: The Economic Crisis in Spain 2008–2013 // Towards a Resilient Eurozone: Economic, Monetary and Fiscal Policies / ed. by J. Ryan. Oxford : Peter Lang AG, 2015. P. 119–140.

53. *España solicita formalmente asistencia financiera para la banca española* // Ministerio de economía y competitividad. Madrid, 2012. URL: https://portal.mineco.gob.es/RecursosNoticia/mineco/prensa/ficheros/noticias/2012/120625_NP_cartaayuda.pdf (fecha de acceso: 01.07.2023).
54. *Spain* | European Stability Mechanism // European Stability Mechanism. URL: <https://www.esm.europa.eu/assistance/spain> (accessed: 01.07.2023).
55. Хенкин С. Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 117–138.
56. *Statistics* | Eurostat. Regional gross domestic product (PPS per inhabitant) by NUTS 2 regions // Eurostat (NAMA_10R_2GDP). Last update: 22.02.2023. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TGS00005/default/table?lang=en> (accessed: 01.07.2023).
57. *Desempleo de España 2023* // Datosmacro.com. URL: <https://datosmacro.expansion.com/paro/espana?sector=Tasa+de+desempleo> (fecha de acceso: 01.07.2023).
58. *Statistics* | Eurostat. Population by status in employment, occupation and NUTS 2 region // Eurostat. Last update: 02.04.2019. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/CENS_11EMPPO_R2/default/table?lang=en&category=cens.cens_11r.cens_11rdp.cens_11rec (accessed: 01.07.2023).
59. Gurr T.R. *Why Men Rebel*. New York : Routledge, 2011. 446 p.
60. Huntington S.P. *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York : Simon & Schuster, 1996. 367 p.
61. *Statistics* | Eurostat. Young people neither in employment nor in education and training by sex and NUTS 2 regions (NEET rates) // Eurostat. Last update: 27.04.2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/EDAT_LFSE_22_custom_4645340/default/table?lang=en (accessed: 01.07.2023).
62. *Statistics* | Eurostat. Long-term unemployment (12 months and more) by sex, age, educational attainment level and NUTS 2 regions (%) // Eurostat. Last update: 27.04.2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/LFST_R_LFU2LTU_custom_4645436/default/table?lang=en (accessed: 01.07.2023).
63. *Statistics* | Eurostat. Persons at risk of poverty or social exclusion by NUTS regions – EU 2020 strategy // Eurostat. Last update: 12.11.2022. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_PEPS11_custom_4645130/default/table?lang=en (accessed: 01.07.2023).

References

1. Clegg, T. & Moreno, L. (1984) Nationalist Urge in Spain: The Basque and Catalan Elections of 1984. *Politics*. 4(2). pp. 8–15.
2. *Boletín Oficial del Estado*. (2008a) Sentencia 103/2008, de 11 de septiembre de 2008: Tribunal Constitucional. 10 de octubre. pp. 3–14. [Online] Available from: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-T-2008-16292 (Accessed: 1st July 2023).
3. BBC News. (2017a) *Catalans declare Independence as Madrid imposes direct rule* – BBC News. 27th October. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-41780116> (Accessed: 1st July 2023).
4. *Gobierno Vasco*. (2022) Sociómetro Vasco 78: Gabinete de Prospección Sociológica. Octubre. [Online] Available from: https://www.euskadi.eus/contenidos/documentacion/sociometro_vasco_78/eu_def/adjuntos/22sv78.pdf (Accessed: 1st July 2023).
5. Departament de la Presidència (PRE) – Centre d'Estudis d'Opinió (CEO). (2019) *Baròmetre d'Opinió Política*. 2a onada 2019. Barcelona. [Online] Available from: <https://ceo.gencat.cat/ca/barometre/detall/index.html?id=7188> (Accessed: 1st July 2023).
6. Balcells, A. (1996) *Catalan nationalism. Past and present*. New York: Palgrave Macmillan.
7. Greer, S.L. (2007) *Nationalism and self-government. The politics of autonomy in Scotland and Catalonia*. Albany: State University of New York Press.
8. Guibernau, M. (2013) Prospects for an independent Catalonia. *International Journal of Politics, Culture and Society*. 27(1). pp. 5–23.
9. Canales Serrano, A.F. (2006) *Las otras derechas: Derechas y poder local en el País Vasco y Cataluña en el siglo XX*. Madrid: Marcial Pons Ediciones de Historia.
10. Conversi, D. (1997) *The Basques, the Catalans, and Spain: alternative routes to nationalist mobilization*. London: C. Hurst & Co. Ltd.
11. Baranov, A.V. (2014) Separatism v sovremennoy Katalonii: resursy, aktory i politicheskie strategii [Separatism in modern Catalonia: resources, actors and political strategies]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 2. pp. 95–113.

12. Bengoechea, H. (2018) Trilemma: krizis, demokracija i federalizam v Evropi [Trilemma: crisis, democracy and federalism in Europe]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 4. pp. 348–349.
13. Dowling, A. (2018) *The Rise of Catalan Independence: Spain's Territorial Crisis*. New York: Routledge.
14. Martí, D. & Cetrà, D. (2016) The 2015 Catalan election: a de facto referendum on independence? *Regional & Federal Studies*. 26(1). pp. 107–119.
15. Montero, A.P. (2005) The Politics of Decentralization in a Centralized Party System: The Case of Democratic Spain. *Comparative Politics*. 38(1). pp. 63–82.
16. Serrano, I. (2013) Just a matter of identity? Support for independence in Catalonia. *Regional & Federal Studies*. 23(5). pp. 523–545.
17. Khenkin, S. (2015) Katalonskiy konflikt vchera i segodnya [Catalan conflict yesterday and today]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 1. pp. 117–138.
18. Cherkasova, E.G. (2018) Pochemu nevozmozhna nezavisimost' Katalonii [Why the independence of Catalonia is impossible]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 62(11). pp. 35–42.
19. Zaripova, A.R. (2019) *Ekonomicheskiy faktor regional'nogo separatizma v Ispanii* [Economic factor of regional separatism in Spain]. Abstract of History Cand. Diss. Kazan.
20. Filatov, G.A. (2018) Catalonia, the Basque Country and Galicia: Separatist Tendencies in the Beginning of the 21st Century. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 62(11). pp. 43–53. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-43-53
21. Dronova, S.Yu. (2019) Kataloniya i Strana Baskov – dve modeli ispanskogo separatizma [Catalonia and the Basque Country – two models of Spanish separatism]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2. pp. 12–15.
22. Petithomme, M. (2020) Radicalizacion nacionalista en Cataluña y pacificacion en el Pais Vasco. *Hispanismes*. 16.
23. Meyer, J.W. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. 83(2). pp. 340–363.
24. Schneiberg, M. (2013) Institutional Theory and Social Movements. In: Snow, D.A., della Porta, D., McAdam, D. & Klandermans, B. (eds) *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Wiley.
25. Martin, D. (2018) Basques form 200km human chain for independence vote. *Deutsche Welle*. 6th October. [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/spains-basques-form-200km-human-chain-calling-for-independence-vote/a-44148699> (Accessed: 1st July 2023).
26. Basque Parliament / Wayback Machine; Institutions and Interior Commission. (2004) *Political Statute of the Community of the Basque Country. Passed by absolute majority of the Basque Parliament in plenary session held on December 30, 2004*. [Online] Available from: https://web.archive.org/web/20071012030228/http://www.nuevoestatutodeeuskadi.net/docs/dictamencomision20122004_eng.pdf (Accessed: 1st July 2023).
27. Congreso de los Diputados. (2004) Diario de las sesiones del Congreso de los Diputados, Pleno y Diputacion Permanente. *Imprenta Nacional BOE*. 65. pp. 3087–3150. [Online] Available from: https://www.congreso.es/public_oficiales/L8/CONG/DS/PL/PL_065.PDF (Accessed: 1st July 2023).
28. Reuters. (2007) Spain's Basques plan referendum on autonomy. 28th September. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/idUSL28787503> (accessed: 01.07.2023).
29. *Boletín Oficial del Estado*. (2008b) Sentencia 103/2008, de 11 de septiembre de 2008: Tribunal Constitucional. 10 de octubre. pp. 3–14. [Online] Available from: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-T-2008-16292 (Accessed: 1st July 2023).
30. *El Diario Vasco*. (2008) Ibarretxe dice que acatan la sentencia del TC pero que no se resignan. 12 septiembre. [Online] Available from: <https://www.diariovasco.com/20080912/mas-actualidad/politica/ibarrtxe-dice-acatan-sentencia-200809121228.html> (Accessed: 1st July 2023).
31. Reuters. (2010) Estrasburgo rechaza el recurso del PNV por la ley Ibarretxe. 24th febrero. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/oestp-tribuales-pnv-estrasburgo-idESMAE61M16R20100223> (Accessed: 1st July 2023).
32. De la Calle, L. & Sanchez-Cuenca, I. (2009) The End of Three Decades of Nationalist Rule: The 2009 Regional Elections in the Basque Country. *South European Society and Politics*. 14(2). pp. 211–226.
33. Hdcentre.org. (2018) *Final statement from ETA to the Basque Country*. 3rd May. [Online] Available from: <https://www.hdcentre.org/wp-content/uploads/2018/05/ETA-declaration-English.pdf> (Accessed: 1st July 2023).

34. Generalitat de Catalunya. (2006) *Direcció General de Participació Ciudadana. Comparativa entre l'Estatut de 1979 i el nou Estatut. Principals diferències i novetats*. [Online] Available from: <http://www.iceta.org/comp7906.pdf> (Accessed: 1st July 2023).
35. *Boletín Oficial del Estado*. (2010) Sentencia 31/2010, de 28 de junio de 2010: Tribunal Constitucional. 16th de julio. 172. p. 491. [Online] Available from: https://boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2010-11409 (Accessed: 1st July 2023).
36. *Boletín Oficial del Estado*. (2016) Sentencia 128/2016, de 7 de julio de 2016: Tribunal Constitucional. 10 de Agosto. 192. pp. 57844–57900. [Online] Available from: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2016-7735 (Accessed: 1st July 2023).
37. *La Vanguardia*. (2010) Un millón de personas inundan Barcelona en una histórica manifestación de rechazo a la sentencia contra el Estatut. 10 de julio. [Online] Available from: <https://www.lavanguardia.com/politica/20100710/53961206706/un-millon-de-personas-inundan-barcelona-en-una-historica-manifestacion-de-rechazo-a-la-sentencia-co.html> (Accessed: 1st July 2023).
38. Tremlett, G. (2011) Catalan independence boost after Barcelona vote. *The Guardian*. 11th April. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2011/apr/11/catalan-independence-boost-barcelona-vote> (Accessed: 1st July 2023).
39. *BBC News*. (2014) Catalonia vote: 80% back independence – officials – BBC News. 10th November. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-29982960> (Accessed: 1st July 2023).
40. *Boletín Oficial del Estado*. (2017a) Recurso de inconstitucionalidad n. 4334–2017, contra la Ley del Parlamento de Cataluña 19/2017, de 6 de septiembre, del Referéndum de Autodeterminación: Tribunal Constitucional. 8 de septiembre. 216. pp. 88200–88201. [Online] Available from: <https://www.boe.es/boe/dias/2017/09/08/pdfs/BOE-A-2017-10287.pdf> (Accessed: 1st July 2023).
41. *BBC News*. (2017b) Catalans declare Independence as Madrid imposes direct rule – BBC News. 27th October. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/world-europe-41780116> (Accessed: 1st July 2023).
42. *Boletín Oficial del Estado*. (2017b) Orden PRA/1034/2017, de 27 de octubre, por la que se publica el Acuerdo del Consejo de Ministros de 21 de octubre de 2017: Ministerio de la Presidencia y para las Administraciones Territoriales. 27th de octubre. 260. pp. 103529–103544. [Online] Available from: <https://www.boe.es/eli/es/o/2017/10/27/pra1034> (Accessed: 1st July 2023).
43. *Boletín Oficial del Estado*. (1978) Constitución Española: Cortes Generales. 29 de diciembre. 311. pp. 29313–29424. [Online] Available from: <https://www.boe.es/eli/es/c/1978/12/27/1> (Accessed: 1st July 2023).
44. Wikimedia Foundation. (n.d.) *Estatuto de autonomía de Cataluña (1932)*. [Online] Available from: [https://es.wikisource.org/w/index.php?title=Estatuto_de_autonomia_de_Cataluña_\(1932\)&oldid=1149366](https://es.wikisource.org/w/index.php?title=Estatuto_de_autonomia_de_Cataluña_(1932)&oldid=1149366) (Accessed: 1st July 2023).
45. López, C.G. (2002) El regionalismo “functional” del régimen de Franco. *Revista de Estudios Políticos (Nueva Época)*. 115. pp. 111–128.
46. Siroky, D.S. & Cuffe, J. (2014) Lost Autonomy, Nationalism and Separatism. *Comparative Political Studies*. 48(1). pp. 3–34.
47. Ituna Center for Basque Economic Agreement and Fiscal Federalism Studies. (2021) *What is the Basque economic agreement? History, functioning and Quota*. 29th July. [Online] Available from: <https://www.ituna.eus/en/what-is-the-basque-economic-agreement> (Accessed: 1st July 2023).
48. Ministerio de política territorial y administración pública. Secretaría General Técnica. Dirección General de Desarrollo Autonómico. (2011) *Estatutos de autonomía por materias*. 5ª edición. Madrid: [s.n.]. [Online] Available from: https://www.hacienda.gob.es/Documentacion/Publico/SGT/CATALOGO_SEFP/022_Estatutos-autonom-por-materias-5ed-INTERNET.pdf (Accessed: 1st July 2023).
49. Zubiri Oria, I. (2010) *The economic agreement between the Basque Country and Spain*. Oria: Ad Concordiam.
50. *Boletín Oficial del Estado*. (2009) Ley 22/2009, de 18 de diciembre, por la que se regula el sistema de financiación de las Comunidades Autónomas de régimen común y Ciudades con Estatuto de Autonomía y se modifican determinadas normas tributarias: Jefatura del Estado. 19 de diciembre. 305. pp. 107086–107155. [Online] Available from: <https://www.boe.es/eli/es/l/2009/12/18/22> (Accessed: 1st July 2023).
51. De la Fuente, Á. (2022) La liquidación de 2019 del sistema de financiación de las comunidades autónomas de régimen común. In: *Fedea e Instituto de Análisis Económico (CSIC)*.
52. Royo, S. (2015) From Boom to Bust: The Economic Crisis in Spain 2008–2013. In: Ryan, J. (ed.) *Towards a Resilient Eurozone: Economic, Monetary and Fiscal Policies*. Oxford: Peter Lang AG. pp. 119–140.

53. Ministerio de economía y competitividad. (2012) *España solicita formalmente asistencia financiera para la banca Española. 25 de junio*. [Online] Available from: https://portal.mineco.gob.es/RecursosNoticia/mineco/prensa/ficheros/noticias/2012/120625_NP_cartaayuda.pdf (Accessed: 1st July 2023).
54. EU. (n.d.) *Spain | European Stability Mechanism*. [Online] Available from: <https://www.esm.europa.eu/assistance/spain> (Accessed: 1st July 2023).
55. Khenkin, S. (2015) Katalonskiy konflikt vchera i segodnya [Catalan conflict yesterday and today]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 1. pp. 117–138.
56. Eurostat (NAMA_10R_2GDP). (2023) *Statistics | Eurostat. Regional gross domestic product (PPS per inhabitant) by NUTS 2 regions*. 22nd February. [Online] Available from: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TGS00005/default/table?lang=en> (Accessed: 1st July 2023).
57. Datosmacro.com. (2023) *Desempleo de España 2023*. [Online] Available from: <https://datosmacro.expansion.com/paro/espana?sector=Tasa+de+desempleo> (Accessed: 1st July 2023).
58. Eurostat. (2019) *Statistics | Eurostat. Population by status in employment, occupation and NUTS 2 region*. 2nd April. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/CENS_11EMPO_R2/default/table?lang=en&category=cens.cens_11r.cens_11rdp.cens_11rec (Accessed: 1st July 2023).
59. Gurr, T.R. (2011) *Why Men Rebel*. New York: Routledge.
60. Huntington, S.P. (1996) *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York: Simon & Schuster.
61. Eurostat. (2023a) *Statistics | Eurostat. Young people neither in employment nor in education and training by sex and NUTS 2 regions (NEET rates)*. 27th April. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/EDAT_LFSE_22__custom_4645340/default/table?lang=en (Accessed: 1st July 2023).
62. Eurostat. (2023b) *Statistics | Eurostat. Long-term unemployment (12 months and more) by sex, age, educational attainment level and NUTS 2 regions (%)*. 27th April 2023. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/LFST_R_LFU2LTU__custom_4645436/default/table?lang=en (Accessed: 1st July 2023).
63. Eurostat. (2022) *Statistics | Eurostat. Persons at risk of poverty or social exclusion by NUTS regions – EU 2020 strategy*. 12th November. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ILC_PEPS11__custom_4645130/default/table?lang=en (Accessed: 1st July 2023).

Сведения об авторе:

Гостев К.В. – аспирант кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kirill.gosteff@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gostev K.V., postgraduate student, Department of World Politics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kirill.gosteff@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2023;
одобрена после рецензирования 13.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 08.07.2023;
approved after reviewing 13.07.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 321.022:352.075

doi: 10.17223/1998863X/74/19

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ КАК СУБЪЕКТЫ МАССОВОЙ СЕТЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

Антон Юрьевич Краснопёров

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
krasnopyorov.anton@gmail.com*

Аннотация. Представлены результаты авторского исследования коммуникативных практик, которые реализуют муниципальные органы власти Российской Федерации. Цель исследования заключалась в выявлении заинтересованности местных властей в выстраивании эффективной коммуникации с населением посредством ресурсов сети Интернет. На основе данных 173 городов сравнивались используемые платформы, охват населения и функциональные возможности официальных электронных ресурсов.

Ключевые слова: муниципальная власть, город, сетевая политическая коммуникация, Интернет, Российская Федерация

Для цитирования: Краснопёров А.Ю. Муниципальные органы власти как субъекты массовой сетевой коммуникации в информационную эпоху // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 224–233. doi: 10.17223/1998863X/74/19

Original article

MUNICIPAL AUTHORITIES AS SUBJECTS OF MASS NETWORK COMMUNICATION IN THE INFORMATION AGE

Anton Yu. Krasnoperov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, krasnopyorov.anton@gmail.com

Abstract. The author analyzes the role of municipal authorities in communication with the population through Internet electronic resources. The growth of global competition for different resources and the process of urbanization influence the importance of local administrations. Municipal authorities around the world are forced to respond to the mentioned challenges. As a result, many concepts and ideas are implemented, each of which defines the strategy and determines the competitiveness of a place (for example, smart city, etc.). Some researches insist that such strategies cannot be effectively realized without the active role of municipal authorities and the human capital (for example, creation of living laboratories where the citizens and the authorities solve urban problems jointly). The responsibility for communication efficiency is on municipal authorities. However, the features of the information age (such as network individualism, fragmentation, the active role of users – prosumption) complicate this task. The article presents the author's study on the interaction between the local authorities and the population by analyzing the official Internet resources (on the example of the Russian cases). In the whole country, 173 cities and towns were selected. The study parameters were: the number of platforms (including social networks), audience coverage and engagement, available functionality of official Internet resources demonstrating the goals and possibilities of communication. The results demonstrate that Russian municipal authorities perform their information and

communication duties very formally (only providing information). The population has no opportunity to influence the agenda setting or to participate in decision-making (electronic surveys are the only exception). The result is a low audience coverage (as a percentage of the total population) and an extremely low engagement rate. There are only minor differences between the websites of authorities (representative and administrative ones). In general, the potential of crowdsourcing is not fully realized in any Russian city. Municipal authorities do not pursue a policy of population involvement in the communication, or measures taken are ineffective.

Keywords: municipal authority, city, network political communication, Internet, official website

For citation: Krasnoperov, A.Yu. (2023) Municipal authorities as subjects of mass network communication in the information age. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 224–233. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/19

Статья представляет результаты авторского исследования коммуникативных практик муниципальных органов власти во взаимодействии с населением в Российской Федерации, проведенного в 2023 г. Ключевой вопрос исследования состоял в выявлении практической заинтересованности городских властей в построении коммуникации с населением посредством ресурсов сети Интернет для реализации муниципальных стратегий и программ. Для ответа на данный вопрос было необходимо обосновать наличие такой заинтересованности и проанализировать коммуникативные практики муниципальных органов власти.

Процесс глобализации, обостряющий конкуренцию за ресурсы в планетарном масштабе, имеет не только экономическое, но и политическое содержание, поскольку ставит управляющие структуры разного уровня перед необходимостью либо реагировать на проблемы утечки ресурсов с подведомственной им территории (миграция рабочей силы, релокация коммерческих предприятий, утечка налогов и инвестиций и т.п.), либо управлять процессами по их привлечению (создание особых экономических зон, научно-образовательных центров и т.п.). Сказанное одинаково верно в отношении государств, субнациональных территориальных образований, населенных пунктов и иного рода автономных территориальных единиц (кластеров) [1. С. 20–21]. В связи с этим особенно интересна возрастающая роль города и, следовательно, муниципальных властей.

В 2020 г. Глобальный совет мэров подготовил открытое письмо, в котором выражает претензию на повышение роли городов до уровня государств в области участия в выработке и принятии решений глобального характера и просит ООН «открыть дискуссию о новой системе глобального управления с учетом истинной структуры мировых сообществ, включая города. Мы настоятельно призываем ООН рассмотреть вопрос о том, чтобы стать Организацией Объединенных Наций и Городов Мира и начать переходный процесс создания представительных органов городов и взаимодействия с ними в рамках международного сотрудничества» [2. С. 132]. Это и другие подобные требования являются плодом многолетних политических и научных дискуссий о роли городов, обусловленных стремительной урбанизацией и связанной с ней проблемой устойчивого развития. Согласно отчетам ООН, в 2018 г. в городах проживало 55% населения земного шара, а по прогнозам к 2050 г. 68% обитателей Земли, скорее всего, будут являться горожанами [3]. Такие

структурные сдвиги в мировом населении не могли пройти бесследно. Урбанизация повлекла за собой множество вызовов, с которыми пришлось столкнуться не только городам развивающихся стран, страдающим от трудностей, но и развитым странам, где «города являются старыми и сложноорганизованными, с определенным историческим прошлым и собственной идентичностью, имеют проблемы с безопасностью, стабильностью, дорожным движением, загрязнением, потреблением энергии и мобильностью» [4. Р. 694]. Одним городам (по мнению А. Расходчикова, – мегаполисам) удастся более успешно справляться с проблемами, аккумулировать инновации и огромные капиталы, в то время как другие (малые и средние) деградируют и вымирают [5. С. 14].

Интерес к городской проблематике выражается в появлении новых концепций и переосмыслении старых, актуализирующих ту или иную проблему, и являющихся, в свою очередь, ответом на очередной вызов. Например, идея маркетинга или брендинга города подается инструментом борьбы за ресурсы в условиях глобализации [1. С. 11]. Некоторые города сделали ставку на электронные технологии, и в результате появились функционально близкие концепции, в основе которых лежит использование новых медиа и умных устройств для повышения качества городского управления: «невидимый город», «информационный город», «город-проводник», «телегород», «город, основанный на знаниях», «виртуальный город», «электронные сообщества», «электронные пространства», «гибкий город», «телетопия», «кибервилль» и др. [6. Р. 111]. Эти *концепции первого типа* сегодня более известны под зонтичным брендом «умный город» (smart city). «Умность» городу, согласно Н. Комниносу, придает, помимо технологий и сообщества, еще и власть, которая, используя свои управленческие функции, может организовать живые лаборатории, в которых обсуждаются проекты развития [5. С. 15]. Похожая идея отражена в концепции тройной спирали Г. Ицковица, согласно которой «разные точки зрения позволяют генерировать новые идеи, что приводит к большему пониманию самого инновационного процесса: от пространства знаний через пространство согласия в пространство инноваций» [7. С. 10]. Эти концепции подчеркивают, что в своем стремлении заставить город лучше функционировать с учетом меняющейся среды органы власти должны осознавать важность аккумуляции и использования основного ресурса подведомственного населенного пункта – горожан, способных выступать субъектами выдвижения, обсуждения, принятия и реализации различных решений.

Т. Нэм и Т. Пардо указывают на актуальность *концепций второго типа*, делающих ставку на вовлечение горожан в управление и подразумевающих, что это важнее, чем внедрение технологии. К концепциям второго типа можно отнести следующие: «креативный город», «учащийся город», «гуманный город», «город знаний», «умное сообщество», «умный рост» [8. Р. 284]. Использование только техноцентричного подхода к управлению городом, который доминирует в исследовательской литературе и относится к концепциям первого типа, без учета социальной составляющей, по мнению некоторых исследователей, является неэффективным, поскольку без учета мнений и потребностей горожан любые проекты рискуют быть оторванными от реальности [9. Р. 2, 22–23].

Российские исследователи и специалисты в области государственной политики и городского управления признают важность человека не только как потребителя, но и как активного субъекта городского развития [10. С. 23].

Такая точка зрения принимается даже теми, кто отмечает, что в России превалирует авторитарный тип управления в городах, что снижает эффективность взаимодействия и меняет его формат [11. С. 53]. В данной работе разделяется точка зрения о важной роли городского сообщества, без чего исключительно технические решения будут неэффективными. В связи с этим актуализируется вопрос о том, как именно происходит взаимодействие между различными элементами городского сообщества и как выстраивается коммуникация между органами власти и горожанами.

Попытка выстроить коммуникацию власть–общество в информационную эпоху сталкивается с рядом трудностей. Прежде всего этому способствует особенность общения в сети Интернет как основного канала коммуникации: возможность обратной связи и свойственная такой структуре модель поведения – сетевой индивидуализм, ставящий в основу взаимодействия личный интерес [12. Р. 11]. Ранее автор статьи исследовал возможность органов власти контролировать поведение пользователей в сети Интернет, точнее, управлять получаемой пользователем информацией. Было доказано, что отбор информации в рамках интернет-сессии похож на книгу, состоящую из совокупности контентов, компиляция которых в большей степени зависит от самого пользователя, чем от ресурсов, которые он посещает [13. С. 112–113]. Даже несмотря на утверждение некоторых исследователей о том, что «современная индивидуальность – это всего лишь выбор из готовых меню социальных поведенческих практик» [14. С. 6], такая позиция не отменяет того факта, что коммуникативный опыт пользователей может значительно различаться. Можно заключить, что «индивидуализм в совокупности с сетевой организацией общества ведет к кризису агоры как единого пространства публичных обсуждений. Нарастают фрагментация и точечное взаимодействие. Социализация теперь зависит от личного опыта как никогда раньше, в то время как доля общего опыта снижается. Сети – это множество различных специализированных агор, переключение между которыми во многом зависит от личного выбора» [15. С. 160]. Именно в таких условиях органам муниципальной власти приходится выстраивать информационную политику, что требует от них дополнительных усилий по привлечению и удержанию аудитории, не говоря уже даже о виральности – распространении информации самой аудиторией.

Можно было бы предположить, что с понижением административно-территориального уровня будет расти информационная открытость органов власти, а методы вовлечения аудитории в коммуникацию будут более разнообразными, так как низовые уровни управления непосредственно затрагивают повседневные проблемы граждан, такие как их среда жизни, образование, занятость и т.п. Однако такая гипотеза не подтверждается даже на уровне регионов. В составленном К.А. Страховым и А.Н. Пугачевым рейтинге открытости парламентов российских регионов, в котором за образец взяты Государственная Дума РФ и Совет Федерации РФ, утверждается, что «многие региональные парламенты по-прежнему похожи на черный ящик» [16. С. 28]. Ни один из региональных парламентов не превосходит федеральные по уровню открытости (среди лучших – Московская городская Дума с 86,9 баллами, Народное Собрание Республики Дагестан с 86,5 баллами и Законодательное Собрание Республики Карелия с 84,4 баллами, где 100 баллов – это рейтинг ГД РФ, а средний показатель по регионам – 64,4 балла) [16. С. 26–27].

Для ответа на исследовательский вопрос автор данной статьи изучил присутствие в интернет-пространстве муниципальных представительных органов власти и администраций. В выборку вошли все города РФ, отвечающие хотя бы одному из двух критериев: административный центр субъекта РФ или население свыше 100 тыс. человек, всего 173 населенных пункта. Было проанализировано 280 сайтов: 173 официальных сайта городских администраций и 107 сайтов представительных органов власти, так как в остальных 66 случаях отдельный сайт не существует. Для выявления готовности органов власти выходить на контакт с горожанами и взаимодействовать с ними применялся *критерий кроссплатформенности* (количество и типы цифровых платформ, используемых для взаимодействия с населением). Данный критерий обоснован, поскольку отражает готовность к дополнительным трудозатратам по управлению несколькими информационными ресурсами и учитывает функциональное преимущество таких ресурсов, их удобство для пользователя. *Критерий охвата аудитории* позволяет оценить эффективность усилий по привлечению населения (замеряется как отношение числа пользователей цифрового ресурса к численности городского населения, а также как отношение доли активных пользователей к общему числу пользователей). Готовность органов власти к определенным формам взаимодействия оценивается посредством выявления доступного функционала электронного участия. Каждый ресурс анализировался вручную с использованием специальных программ, позволяющих собирать и обрабатывать статистические данные: IBM SPSS – для статистической обработки количественных данных, PR-CY – для сбора статистики посещаемости сайтов, VK.BARKOV.NET – для сбора данных по активности в социальной сети ВК). Данные представлены по состоянию на май–июнь 2023 г.

Первым фокусом исследования являлась фиксация количества цифровых платформ, используемых муниципальными органами власти для взаимодействия с населением (по ссылкам с официальных сайтов). К таким платформам относятся социальные сети и специализированные муниципальные сайты, направленные на взаимодействие с населением с целью его вовлечения в управленческую деятельность. Не учитывались ссылки на общенациональные и региональные проекты, а также подчиненные структуры, общественные организации и личные страницы представителей власти. Сводные результаты представлены в табл. 1. Из данных таблицы следует, что самая используемая муниципальными властями альтернативная платформа – это социальная сеть ВК, что является вполне обоснованным и рациональным выбором, так как согласуется с данными по предпочтениям пользователей (см. выводы к табл. 2 ниже). Другие социальные сети используются значительно реже. Кроме того, наблюдается разница между сайтами администраций и представительных органов власти: первые чаще дополняются альтернативными платформами, что говорит о более активной позиции в информационной работе, направленной на больший охват населения. Эти выводы также согласуются с данными из табл. 2. Наконец, отмечается невысокая частота использования специальных платформ для непосредственного взаимодействия с горожанами с целью их вовлечения в управленческие процессы (о характере такого взаимодействия см. выводы к табл. 3).

Таблица 1. Ссылки с официальных сайтов на социальные сети и специализированные муниципальные платформы для взаимодействия с населением

Сайты	ВК	Одно-классники	YouTube	Telegram	Яндекс Дзен	RuTube	Другие соц. сети	Спец. платформы
Администрации	147 85%	117 67,6%	27 15,6%	99 57,2%	8 4,6%	8 4,6%	32 18,5%	38 22%
Представительные органы власти	81 75,7%	41 38,3%	8 7,5%	28 26,2%	2 1,9%	6 5,6%	14 13,1%	10 9,3%
Все сайты	228 81,4%	158 56,4%	35 12,5%	127 45,6%	10 3,6%	14 5%	46 16,4%	48 17,1%

Примечание. Первая цифра в ячейке указывает абсолютное значение частоты встречаемости, вторая – процентную долю от общего числа исследуемых сайтов.

В исследовании также замерялся охват аудитории официальными ресурсами (для сайтов – среднее количество уникальных посетителей в месяц и их отношение к численности города, для социальных сетей – количество подписчиков и их отношение к численности города), ее вовлеченность (ER – engagement rate, на примере наиболее популярного альтернативного ресурса ВК: доля подписчиков, оставивших реакции в форме «лайков», «репостов» или «комментариев» к последним 100 публикациям на стене сообщества). Сводные данные представлены в табл. 2. Представленные данные показывают, что охват населения официальными сайтами остается невысоким, но при этом отмечается значительная разница между сайтами администрации и представительных органов власти – в 17 раз. Можно предположить, что информационная работа местных администраций более востребована, возможно, во многом благодаря разнообразному функционалу и услугам, предоставляемым исполнительной властью. Тем не менее охват населения органами представительной власти оказывается значительно ниже явки на выборах. Можно предположить, что значительная часть избирателей не следит за деятельностью (и не принимает участие в ней) своих представителей, за которых они отдали голоса, что свидетельствует о неспособности представительных органов власти заинтересовать и вовлечь в работу население. Контраргументом такому предположению является высокий показатель вовлеченности, рассчитанный для социальной сети ВК (по сравнению с администрацией). В целом небольшие сообщества в этой сети отличаются большей активностью своих подписчиков. Следовательно, потенциал для работы с гражданами присутствует и в данном случае. Поэтому второй возможной причиной низкого охвата может быть специфический характер поднимаемых тем и проблем. Обе гипотезы нуждаются в дальнейшей проверке, но первая кажется более убедительной. Разрыв в охвате между разными органами власти прослеживается и в отношении социальных сетей, что лишь подтверждает вывод о более активной роли администраций в работе с населением. Страницы в ВК выделяются наибольшим числом подписчиков по сравнению с другими социальными сетями. Значит, ставка органов власти на выбор этой социальной сети (см. табл. 1) оказывается оправданной. Однако все социальные сети значительно уступают официальному сайту по показателю охвата (в 3 и более раз). Несмотря на значимую роль социальных сетей в информационную эпоху, их второстепенный характер относительно официальных сайтов объясняется использованием аккаунтов в социальных сетях для дублирования новостей, в то время как основной функционал, как и взаимодействие с пользователем, остается за официальным сайтом.

Таблица 2. Доля населения городов, охваченного информационными ресурсами муниципальных органов власти

Сайты	Основной сайт	ВК		Одноклассники	YouTube	Telegram	Яндекс Дзен	RuTube
	охват, %	охват, %	ER, %	охват, %	охват, %	охват, %	охват, %	охват, %
Администрации	14,36	5,5	4,95	1,5	0,33	0,69	0,02	< 0,01
Представительные органы власти	0,84	0,28	28,58	0,06	0,02	0,04	< 0,01	< 0,01
Все сайты	8,93	3,52	5,67	1,03	0,25	0,53	0,01	< 0,01

Примечание. Данные по сайтам рассчитывались на основе среднемесячного количества уникальных посетителей, для социальных сетей – на основе количества подписчиков; в таблице представлены усредненные показатели по типам ресурсов как сумма уникальных посетителей / подписчиков всех ресурсов одного типа, деленная на общую численность населения всех исследуемых городов, использующих данный ресурс.

Дополнительно изучался характер взаимодействия администрации официальных сайтов и пользователей, обусловленный доступным функционалом электронного участия (определялся посредством анализа структуры сайта вручную), который можно разделить на три уровня [17. Р. 23].

- мониторинг и получение информации (включая отслеживание новостей, реакцию посредством комментариев, обратную связь в форме подачи жалоб, обращений и т.п.) – предусматривает только вертикальную коммуникацию с властью;

- влияние на повестку дня (включая подачу петиций, обращение с инициативами, проведение публичных кампаний и т.п.) – пользователи без модерации могут создавать контент, доступный как администрации, так и другим пользователям, и способны влиять на его продвижение;

- участие в принятии решений (включая консультирование политических деятелей, участие в выработке бюджета или направлений политики, а также другие формы краудсорсинга, голосование по политическим вопросам и т.п.) – предполагается учет коллективных мнений пользователей по обсуждаемым вопросам.

Сводные данные представлены в табл. 3. Из таблицы следует, что функция информирования выполняется всеми без исключения сайтами, что вполне ожидаемо. Но степень открытости остается разной (например, только 5 сайтов публикуют данные о поименном голосовании депутатов, для сравнения – на региональном уровне таких сайтов 12). Лишь немногие сайты действительно пытаются вовлечь граждан в управление, предоставляя им инструменты влияния на муниципальную политику. Даже с учетом тех кейсов, когда предусмотрен отдельный специализированный сайт (см. табл. 1) с поправкой на пересечение (7 сайтов) получается, что только 61 сайт (21,8% от общего количества) предоставляет такие возможности. В ходе исследования не удалось установить закономерность, объясняющую функциональную разницу, за исключением разницы между электронными ресурсами представительных органов власти и городских администраций. Первые в большей степени готовы выстраивать взаимодействие с пользователями, что согласуется с ранее сделанными выводами. Невозможно измерить долю тех, кто пользуется функционалом второй и третьей групп. Но по некоторым данным доля граждан России, принимающих участие в решении вопросов городской среды, едва достигает 10,5% [10. С. 26].

Таблица 3. Функционал официальных сайтов муниципальных органов власти по вовлечению населения в управление городом

Сайты	Мониторинг и получение информации	Влияние на повестку дня	Участие в принятии решений
Администрации	173 100%	14 8,1%	16 9,2%
Представительные органы власти	107 100%	0 0%	4 3,7%
Все сайты	280 100%	14 5%	20 7,1%

Примечание. Первая цифра в ячейке указывает абсолютное значение частоты встречаемости, вторая – процентную долю от общего числа исследуемых сайтов.

Результаты проведенного исследования подтверждают тот факт, что не только открытость, но также вовлеченность и функциональность коммуникативных интеракций муниципальной власти и общества посредством электронных ресурсов сети Интернет характеризуются низкими значениями (при этом городские администрации демонстрируют лучшие показатели, чем представительные органы власти). Несмотря на мировую тенденцию глокализации и возрастание роли городов, муниципальные органы власти РФ в большинстве своем не проводят политику по вовлечению населения в разработку управленческих решений на местах, либо такие действия не характеризуются эффективностью, измеряемой в охвате потенциального человеческого капитала населенного пункта. Это делает российские города менее конкурентоспособными. Можно предположить несколько объяснений такому положению дел: низкая заинтересованность лиц, принимающих решения, в активном взаимодействии со сложной палитрой мнений граждан; пассивность ответственных за информационную работу департаментов, которые ориентируются на количественную отчетность в показателях своей деятельности; отсутствие законодательства, закрепляющего возможности участия граждан в политике, помимо традиционных способов (выборы, референдум, массовые акции, обращения в органы власти); неумение организовать взаимодействие с населением; высокая стоимость обслуживания такого взаимодействия и др. Но независимо от причины превращение пользователя в просьюмера (не только потребителя, но производителя информации) открывает возможности для использования уже складывающейся культуры цифрового участия для краудсорсинга. Такой подход уже зарекомендовал себя в коммерческой сфере: как утверждает Дж. Хау после анализа многочисленных кейсов краудсорсинга в бизнесе, «у группы знаний больше, чем у отдельного человека» [18. С. 263]. Однако для раскрытия такого потенциала требуются глубокий анализ причин существующей информационной политики и, как следствие, смена коммуникативной стратегии на муниципальном уровне через трансформацию муниципальных органов власти из субъекта, оказывающего информационные и другие услуги, в актора, способного действовать в условиях сетевых взаимодействий.

Список источников

1. *Маркетинг* мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 376 с.
2. *Будущее*, которого мы хотим. Организация Объединенных Наций, которая нам нужна. Обновленная информация о работе Канцелярии Специального советника по подготовке мероприятий по случаю 75-летия Организации объединенных наций. Нью-Йорк : Организация Объ-

единенных Наций, 2020. 182 с. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020/12/un75_september_report_ru_bd.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

3. *World urbanization prospects: The 2018 revision* // United Nations. 2018. URL: <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-KeyFacts.pdf> (accessed: 01.05.2023).

4. Dameri R., Benelovo C. Governing smart cities: an empirical analysis // *Social Science Computer Review*. 2016. № 34 (6). P. 693–707.

5. Расходчиков А.Н. От хаоса трансформации к управляемым изменениям // Университетский город: архитектура смыслов : сб. ст. / под ред. А.И. Щербинина и А.Н. Расходчикова. М. ; Томск : ВЦИОМ : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2021. 152 с.

6. Komminos N. Intelligent cities and globalization of innovation networks. Abingdon : Routledge, 2008. 307 p.

7. Ицковиц Г. Модель тройной спирали // *Инновации*. 2011. № 4 (150). С. 5–10.

8. Nam T., Pardo Th. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people and institutions // *The Proceedings of the 12th Annual International Conference on Digital Government Research* / ed. by J. Bertot [et al.]. New York : ACM Press, 2011. P. 282–291.

9. Gooch D., Barker M., Hudson L. et al. Amplifying quiet voices: challenges and opportunities for participatory design at an urban scale // *ACM Transactions on computer-human interaction*. 2018. Vol. 25, № 1. P. 1–34.

10. Курчеева Г.И., Копылов В.Б. Подходы к разработке концепции «цифровой город»: роль населения в управлении // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2021. Т. 14, № 1. С. 21–33.

11. Василенко И.А., Володенков С.В., Гаджиев К.С. и др. «Умный город» как социально-политический проект: каким он будет в России? // *Власть*. 2020. № 1. С. 51–63.

12. Wellman B. Little Boxes, Glocalization, and Networked Individualism // *Digital Cities II: Computational and Sociological Approaches. Second Kyoto Workshop on Digital Cities, Kyoto, Japan, October 18–20, 2001* / ed. by M. Tanabe, P. Besselaar, T. Ishida. Berlin : Springer, 2002. P. 10–25.

13. Краснощёров А.Ю. Роль Интернета как соконструктора политической медиареальности // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 453. С. 111–115.

14. Градосельская Г.В. Невыносимая скорость изменений // *Сети 4.0. Управление сложностью : сб. ст. по материалам международных научно-практических конференций, состоявшихся в Москве в 2018–2019 годах*. М. : АСИС, 2020. 128 с.

15. Краснощёров А.Ю. Гражданская культура как форма социальной коммуникации // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 48. С. 154–162.

16. Страхов К.А., Пугачев А.Н. Парламент на ладони. Рейтинг открытости парламентов российских регионов. СПб. : Фонд развития городского самоуправления «1870», 2020. 36 с.

17. *European E-Democracy in Practice* / L. Hennen, I. Keulen, I. Korthagen [et al.]. Cham : Springer Open, 2020. 359 p.

18. Хау Дж. Краудсорсинг: коллективный разум как инструмент развития бизнеса / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2016. 288 с.

References

1. Kotler, F., Asplund, K., Rein, I. & Haider, D. (2005) *Marketing mest. Privlechenie investitsiy, predpriyatiy, zhiteley i turistov v goroda, kommuny, regiony i strany Evropy* [Place marketing. Attracting investments, enterprises, residents and tourists to cities, communes, regions and countries of Europe]. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg.

2. UNO. (2020) *Budushchee, kotorogo my khotim. Organizatsiya ob"edinennykh natsiy, kotoraya nam nuzhna. Obnovlennaya informatsiya o rabote Kantselyarii Spetsial'nogo sovetnika po podgotovke meropriyatiy po sluchayu 75-letiya Organizatsii ob"edinennykh natsiy* [The future we want. The United Nations we need. Update on the work of the Office of the Special Adviser in preparation for the 75th anniversary of the United Nations]. New York: UNO. [Online] Available from: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020/12/un75_september_report_ru_bd.pdf (Accessed: 1st May 2023).

3. UNO. (2018) *World urbanization prospects: The 2018 revision*. [Online] Available from: <https://population.un.org/wup/Publications/Files/WUP2018-KeyFacts.pdf> (Accessed: 1st May 2023).

4. Dameri, R. & Benelovo, C. (2016) Governing smart cities: an empirical analysis. *Social Science Computer Review*. 34(6). pp. 693–707.

5. Raskhodchikov, A.N. (2021) Ot khaosa transformatsii k upravlyaemym izmeneniyam [From Chaos of Transformation to Managed Changes]. In: Shcherbinin, A.I. & Raskhodchikov, A.N. (eds) *Universitetskiy gorod: arkhitektura smyslov* [University City: Architecture of Meanings]. Moscow; Tomsk: VTsIOM: Tomsk State University.

6. Komninos, N. (2008) *Intelligent cities and globalization of innovation networks*. Abingdon: Routledge.
7. Itskovits, G. (2011) Model' troynoy spirali [Triple helix model]. *Innovatsii*. 4(150). pp. 5–10.
8. Nam, T. & Pardo, Th. (2011) Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people and in-stitutions. In: Bertot, J. et al. (eds) *The Proceedings of the 12th Annual International Conference on Digital Government Research*. New York: ACM Press. pp. 282–291.
9. Gooch, D., Barker, M., Hudson, L. et al. (2018) Amplifying quiet voices: challenges and opportunities for participatory design at an urban scale. *ACM Transactions on computer-human interaction*. 25(1). pp. 1–34.
10. Kurcheeva, G.I. & Kopylov, V.B. (2021) Podkhody k razrabotke kontseptsii “tsifrovoy gorod”: rol' naseleniya v upravlenii [Approaches to the development of the concept of “digital city”: the role of the population in management]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*. 14(1). pp. 21–33.
11. Vasilenko, I.A., Volodenkov, S.V., Gadzhiev, K.S. et al. (2020) “Umnyy gorod” kak sotsial'no-politicheskiy proekt: kakim on budet v Rossii? [“Smart City” as a socio-political project: what will it be like in Russia?]. *Vlast'*. 1. pp. 51–63.
12. Wellman, B. (2002) Little Boxes, Glocalization, and Networked Individualism. In: Tanabe, M., Besselaar, P. & Ishida T. (eds) *Digital Cities II: Computational and Sociological Approaches*. Second Kyoto Workshop on Digital Cities, Kyoto, Japan, October 18–20, 2001. Berlin: Springer. pp. 10–25.
13. Krasnoperov, A.Yu. (2020) Rol' Interneta kak sokonstruktora politicheskoy mediareal'nosti [The role of the Internet as a co-constructor of political media reality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 453. pp. 111–115.
14. Gradoselskaya, G.V. (2020) Nevynosimaya skorost' izmeneniy [The Unbearable Speed of Change]. In: *Seti 4.0. Upravlenie slozhnost'yu* [Networks 4.0. Complexity management]. Moscow: ASIS.
15. Krasnoperov, A.Yu. (2019) A civic culture as a form of social communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 48. pp. 154–162. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/48/15
16. Strakhov, K.A. & Pugachev, A.N. (2020) *Parlament na ladoni. Reyting otkrytosti parlamentov rossiyskikh regionov* [Parliament in the palm of your hand. Rating of the openness of the parliaments of Russian regions]. St. Petersburg: Fond razvitiya gorodskogo samoupravleniya “1870.”
17. Hennen, L., Keulen, I., Korthagen, I. et al. (2020) *European E-Democracy in Practice*. Cham: Springer Open.
18. Howe, J. (2016) *Kraudsorsing: kollektivnyy razum kak instrument razvitiya biznesa* [Crowdsourcing: Collective intelligence as a business development tool]. Translated from English. Moscow: Al'pina Publisher.

Сведения об авторе:

Краснопёров А.Ю. – кандидат политических наук, ассистент кафедры политологии факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.Yu. Krasnoperov, Cand. Sci. (Political Science), assistant lecturer at the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: krasnopyorov.anton@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023;
одобрена после рецензирования 13.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 02.06.2023;
approved after reviewing 13.07.2023; accepted for publication 18.08.2023

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

Наука и вызовы популизма

Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/74/20

СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ВЫЗОВЫ ПОПУЛИЗМА

Евгений Валерьевич Масланов

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, evgenmas@rambler.ru

Аннотация. Популизм подвергает сомнению особую роль политической и научной элиты. Часто его определяют как антиинтеллектуальное течение. Его можно рассматривать как порождение гипертрофированного распространения в обществе ценностей научной смелости, критицизма. В результате важной миссией современной науки становится формирование нового научного мифа, направленного на конструирование подходов к целостному освоению обществом научных ценностей.

Ключевые слова: популизм, наука, научные ценности, постправда, эпистократия, миф науки

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494-П «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание» в Русском обществе истории и философии науки.

Для цитирования: Масланов Е.В. Социальная эпистемология и вызовы популизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 234–241. doi: 10.17223/1998863X/74/20

MONOLOGUES, DIALOGUES, DISCUSSIONS

Science and the challenges of populism

Original article

SOCIAL EPISTEMOLOGY AND CHALLENGES OF POPULISM

Evgeniy V. Maslanov

Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation, evgenmas@rambler.ru

Abstract. The article discusses the socio-epistemological view of populism. Currently, populism is becoming an increasingly influential trend, for it questions the special role of the political and scientific elite. It is often defined as an anti-intellectual movement. At the same time, scientific knowledge plays an increasingly important role in the life of society. This

leads to a contradiction. On the one hand, the influence of anti-intellectual currents is growing. On the other hand, the influence of scientific rationality is growing. It would seem that this contradiction can be resolved by appealing to epistocracy with its concepts implying that people with knowledge and virtues should be in power. Orientation to such ideas leads to a limitation of the circle of people capable of participating in political and intellectual activities. This may cause the choice of strategies for achieving social development goals that may not be considered optimal by everyone. Populism is against the exclusion of various social groups from the decision-making process. It can be analyzed based on the concept of post-truth and the specific values of science. In this case, populists question not only the specific knowledge of the political and social elite. They argue that their right to speak on behalf of all social groups should be called into question. People themselves can solve political and intellectual problems. This is due to the fact that at present a sufficiently large number of people, in the process of socialization, gain access to scientific knowledge. People are becoming more and more educated. This gives them the opportunity to independently make decisions in the field of political and social life, to participate in the development of social development strategies based on their own knowledge. In this case, this trend turns out to be a product of the hypertrophied dissemination in society of the values of scientific courage and criticism. As a result, an important mission of modern science is the formation of a new scientific myth aimed at constructing approaches to the holistic development of scientific values by society, which will avoid the extremes of both populism and epistocracy.

Keywords: populism, science, scientific values, post-truth, epistocracy, myth of science

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World: Science as Profession and Vocation.

For citation: Maslanov, E.V. (2023) Social epistemology and challenges of populism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 234–241. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/20

В современном обществе научные знания играют все более значимую роль. Они составляют основу современных высоких технологий, оказывают влияние на формирование экономической и социальной политики. В процессе социализации и взросления, профессионального становления все большее людей знакомятся с наукой и научным методом. Влияя на все стороны жизни, научное знание могло бы стать форпостом рациональности. Казалось бы, это должно не только способствовать распространению положительного образа науки, но и формировать в обществе более ответственное и взвешенное отношение к различным проблемам. Однако, если обратить внимание на развитие современного общества, можно обнаружить тенденции, которые позволяют говорить о том, что подобное описание не совсем соответствует действительности.

Анализ показывает, что в нем довольно значимую роль начинают играть различные популистские движения и течения, предлагающие и обещающие найти быстрые и простые решения сложных экономических и социальных проблем, которые элитные группы целенаправленно игнорируют. Подобная стратегия способна обеспечить им победу на демократических выборах. Примерами могут выступать как успехи Д. Трампа на американских выборах в 2016 г., так и поддержка выхода Великобритании из Европейского союза или победа популистских партий на выборах в Венгрии или Италии. Все это свидетельствует о том, что, хотя научное знание и получает все большее распространение, это не гарантирует того, что ориентация на рациональность превратится в одну из ведущих общественных тенденций. Ведь часто утверждается, что популистские движения, выступая против элитарных групп,

в том числе противостоят рациональности, олицетворяющей научное и экспертное знание, на которые элитные группы и опираются. Поэтому подобные течения, по словам их критиков, очень часто приобретают антиинтеллектуальный характер, а политический популизм вполне может принимать черты научного популизма. В этом случае популисты противопоставляют уже не только «народ» и «политическую элиту», но и «народ» и «академическую элиту». В результате утверждается, что если «народу» присущи высокие нравственные качества и добродетельные стремления, то «академической элите», подобно «политической», присущи порочность, лживость, стремление защищать свое привилегированное положение и не допустить принятия решений, которые могут быть полезными для развития науки и общества, но противоречить их интересам. «Связанный с наукой популизм, – пишут исследователи, – может проявляться в различных тематических контекстах (от сильно политизированных тем, таких как изменение климата или вакцинация, до менее политизированных, таких как питание или гомеопатия), может быть нацелен на различные эпистемологические авторитеты... может иметь разное обоснование... и может иметь разную интенсивность» [1. Р. 484]: от критики академической науки в целом до неприятия лишь отдельных направлений. Но как получается, что активное использование научного знания в общественной жизни и распространение знаний в обществе совпадают с ростом влияния популизма? Ведь складывается парадоксальная ситуация – с одной стороны, казалось бы, растет влияние рациональности и науки, но, с другой стороны, увеличивается роль движений, отрицающих их. Анализ этой ситуации и ответ на вызов популизма – важная проблема для социальной эпистемологии и философии в целом. Ведь получается, что количественный рост наших знаний и их активное использование вполне могут совпадать со стремлением отрицать знания. Поэтому для философии и социальной эпистемологии становится важным либо найти стратегии, позволяющие преодолеть популизм, либо все же понять, с чем связано его распространение.

Эпистократия как ответ популизму

Эпистократические проекты являются одной из стратегий преодоления популизма. Если популисты акцентируют внимание на том, что лишь обращение к «чаяниям» народа может позволить найти оптимальные ответы на стоящие перед обществом вызовы, то эпистократы исходят из иных предпосылок. По их мнению, обращение к мнению большинства не всегда является хорошей идеей. Оно может быть иррациональным и невежественным, а это ведет к плохим политическим и управленческим решениям. Особое внимание стоит уделить мнению людей, обладающих знаниями и добродетелями. Именно поэтому оптимальным было бы формирование эпистократических систем, в которых обладание определенным набором знаний, компетенций и добросовестность в действиях, осуществляемых на их основе, выступали бы юридическими предпосылками для обладания властью [2]. В этом случае можно было бы избежать опасностей популизма, а у власти могла бы оказаться ответственная интеллектуальная элита.

Однако внимательный анализ концепции эпистократии выявляет некоторые эпистемические противоречия, которые могут являться важными аргументами против ее реализации. Эпистократы исходят из представлений о

том, что знания и добросовестность позволяют не только выработать оптимальные политические решения, но и сформировать наиболее успешные стратегии их достижения. При этом можно поставить вопрос: действительно ли все представители определенного социума будут согласны с тем, что выбраны не только лучшие цели, но и лучшие пути достижения заявленных результатов? К примеру, вполне можно считать, что освоение наследия собственной культуры – важная общественная задача. Однако можно предложить различные пути достижения этого результата – от стремления отрицать все, не принадлежащее к конкретной культуре, до попыток полностью растворить ее в общечеловеческом наследии. Различные социальные группы могут придерживаться противоположных стратегий. Поэтому даже согласие по поводу общей цели не гарантирует согласия по поводу средств ее достижения. М. Мендес показывает, что связано это в том числе и с тем, что отдельные социальные группы обладают разным социальным опытом. То, что одним кажется лучшей стратегией, другими может оцениваться иначе. В этом случае имеется эпистемическая проблема для эпистократии [3] – необходимость учитывать социальный опыт различных общественных групп, даже тех, которые, по чьему-то мнению, не обладают важными для принятия определенных решений знаниями. Лишь это позволит как ставить приемлемые для всех цели, так и вырабатывать пути их достижения, с которыми будут согласны представители разных социальных групп. В этом случае вопрос принятия политических и управленческих решений тесно переплетается с вопросами о том, какие знания мы должны рассматривать как релевантные, кто может выступать их носителем и кто обладает интеллектуальными достоинствами, необходимыми для участия в процессе принятия решений.

Одна из основных претензий к популизму как раз и связана с утверждением о том, что он обычно носит ярко выраженный антиинтеллектуальный характер. Именно поэтому, как справедливо пишет А. Филатова, «[п]опулизм представлен в современной социальной теории не просто как политический феномен, но также как эпистемический, поскольку утверждается, что реципиенты популистской идеологии обладают устойчивым набором интеллектуальных недостатков, среди которых чаще всего фигурируют отсутствие критического мышления и стремление принять желаемое за действительное» [4. С. 135]. Поэтому связанные с популизмом социальные группы, по мнению эпистократов, не должны принимать участия в принятии решений. В результате получается, что эпистократический ответ на проблему роста влияния популизма не позволяет найти адекватные решения, ведь он исключает определенные общественные группы, в том числе и популистов, из состава людей способных принимать решения. При этом популисты, требуя прислушаться к голосу «народа», как раз и выступают против подобных действий. Они утверждают, что именно «народу» и стоит доверить его собственную судьбу.

Постправда и популизм

Обращение к некоторым идеям из области социальной эпистемологии, как нам кажется, позволит найти подход к решению указанной проблемы. Исследователи отмечают, что одним из феноменов современного общества является постправда. Ее можно понимать как опирающееся на эмоциональ-

ные оценки целенаправленное искажение истины, используемое для достижения собственных интересов. В этом случае предполагается, что истина известна некоторым участникам процесса обмена мнениями. Но часть из них стремится ее завуалировать для достижения собственных целей. Этим как раз и могут заниматься лидеры популистов, которые пестуют антиинтеллектуализм и невежество, чтобы «захватить» власть и сместить существующие элиты. Однако С. Фуллер предлагает обратить внимание на тот факт, что подобная концепция исходит из идеи о том, что уже существует определенный набор идей, которые признаются истинными всеми сторонами взаимодействия, и подобное положение дел можно рассматривать как постоянно существующее. Но истину можно представить не только как уже существующий вневременной идеал, но и как продукт конструирования, когда достигается согласие по поводу определенных вопросов. В этом случае до момента формирования консенсуса столкновение различных точек зрения вряд ли может быть описано как борьба истинных и ошибочных представлений. Подобное суждение можно вынести лишь после окончания противостояния между различными подходами, когда один из них станет господствующим. Поэтому описание ситуации постправды как специфической борьбы между истинной позицией и ее целенаправленным искажением является лишь одним из возможных подходов, который особое внимание уделяет не только сознательным искажениям, но и изначальной критике одной из позиций в дискуссиях [5].

Отталкиваясь от этих идей, С. Фуллер отмечает, что ситуацию постправды можно описать и как специфическое противостояние за право говорить от имени истины. Но в такой борьбе присутствуют уже сформировавшиеся точки зрения. Их носители не столько отвергают идеи своих соперников, сколько ставят под сомнение саму возможность используемыми ими методами получить достоверные результаты. Важным условием формирования подобного противостояния оказывается способность конструировать собственную позицию и подвергать сомнению идеи свои противников. В этом случае «ситуация постистины сводится к тому, чтобы занять метапозицию, – пишет С. Фуллер. – Вы пытаетесь выиграть, не просто играя по правилам, но и определяя само содержание правил» [5. С. 14]. Именно это отличает современную ситуацию, когда популистские движения не только готовы поставить под сомнение позицию политической, научной или любой другой элиты, но стремятся предложить и собственные решения различных проблем. Почему же это стало возможным? Казалось бы, в основе современной демократии лежит идея доверия власти и экспертам. Но это приводит к определенному парадоксу: «Мы предоставляем все большему числу людей право участвовать в политической системе, обеспечивая их к тому же образованием, необходимым для ориентации в ней, – пишет С. Фуллер, – и в то же время отвращаем их от высказывания собственного суждения, поскольку все большую нормативную роль приобретает экспертиза» [5. С. 32]. В этом случае «ответственный» избиратель должен не столько полагаться на собственное мнение, сколько следовать советам экспертов, лишь тогда он сможет принять правильное решение.

Распространение образования и научных знаний в обществе создает ситуацию, когда отдельные социальные группы готовы не просто прислушиваться к мнениям экспертов, но и высказываться по поводу отдельных проблем. Оказывается, что «человек с улицы» может поставить под сомнение

экспертный консенсус или найти и присоединиться к мнению экспертов, которые в него не вписываются. Например, движения, подобные Оккупай, могут ориентироваться на идеи, которые не только не представлены в рамках определенного, связанного с политической властью, экспертного консенсуса, но и противостоят ему. Для них оказывается характерно стремление выстроить новый посткапиталистический проект, который, по мнению некоторых исследователей, «обязательно потребует создания новых когнитивных карт, политических нарративов, технологических интерфейсов, экономических моделей и механизмов коллективного контроля, чтобы можно было использовать сложные явления для блага человечества» [6. С. 29]. Популизм в этом случае может рассматриваться как «тип политической логики, в рамках которой набор различных идентичностей объединяется в борьбе с общим противником и в поиске нового мира» [6. С. 230]. Получается, что он становится и определенной интеллектуальной стратегией, которую одни интеллектуалы могут определять как антиинтеллектуальную, ведь она противостоит им, а другие – рассматривать как набор идей, необходимых для преодоления существующего положения дел в мире. В этом случае концепция постправды показывает нам, что от популизма нельзя просто отмахнуться, выдвигая суждения об его изначальной интеллектуальной ограниченности. Ведь он стремится не только поставить под сомнение право элиты принимать различные решения, но и переопределить правила интеллектуальной и политической игры.

Ценности науки, политическая жизнь и популизм

Как мы уже отмечали, образование и распространение научного знания имеет ключевое значение для развития современного общества. Все больше людей знакомятся не только с научными достижениями, но и с научным методом. В социальной системе эти люди играют еще одну важную роль – выступают избирателями, способными своими голосами повлиять на политический процесс. При этом утверждается, что получивший образование человек для подтверждения своей интеллектуальной зрелости должен доверять мнению экспертов. Однако процесс научной подготовки приводит его к пониманию того, что он может не только следовать рекомендациям, но и вступать в дискуссии и быть готовым искать новые и оригинальные ответы на встающие перед ним вопросы. В результате формируется достаточно парадоксальная ситуация. В процессе обучения человек, являющийся и избирателем, получает представление о некоторых ценностях науки. Например, ему становятся знакомы как интеллектуальная смелость, так и интеллектуальное смирение. Обе эти ценности являются основными для развития научного знания. Без первой ученые вряд ли смогут совершать открытия. Они должны быть готовы бросить вызов существующим идеям и создавать новые технологические и теоретические решения, вступить в полемику со своими коллегами и отстаивать собственные взгляды. Но вторая из этих ценностей должна позволить им прислушиваться к идеям своих коллег, быть способными не только отстаивать собственное мнение, но и признавать ошибки. Лишь их сочетание может позволить достичь оптимального результата.

Распространение ценностей интеллектуальной смелости и интеллектуального смирения в современном обществе оказывается связано с тем, что первая из них начинает брать верх над второй. Люди теперь все больше гото-

вы вступить в дискуссию и отстаивать собственную точку зрения. Неслучайно все чаще появляются идеи о специфическом кризисе экспертизы. Если раньше предполагалось, что лишь специалисты, получившие дипломы и сертификаты, могут выступать в роли экспертов, то теперь становится понятно, что и «человек с улицы» в определенных вопросах может занимать экспертную позицию [7]. Получается, что активное вхождение научных знаний в жизнь людей и постоянная апелляция к ним поставили под сомнение консенсус о том, что именно политическая и интеллектуальная элиты способны выработать лучшие решения. Изначально эта идея опиралась на веру в то, что именно они обладают определенным набором специфических знаний и добродетелей. Теперь же формируется представление о том, что подобные добродетели доступны всем.

В этом случае современная версия популизма оказывается порождением развития и распространения научного знания. Ведь если первоначально наука поставила под сомнение возможность религии объяснять устройство мира и заявила о том, что ученые как люди, обладающие особыми интеллектуальными способностями, могут более продуктивно заниматься этими исследованиями, то теперь «человек с улицы» поставил под сомнение способность политической и научной элиты отвечать на вопросы и находить решения лучше, чем он сам. В этом случае предполагается, что он на основе собственного разума может выбрать, к какой экспертной позиции стоит прислушиваться, а к какой нет, или выработать собственные стратегии разрешения определенных проблем.

Миссия ученых в современном мире (вместо заключения)

Все это ставит вопрос о новой миссии ученых в современном мире. Наука, ставшая важной производительной силой, вряд ли уже будет рассматриваться как удивительное приключение, связанное лишь с раскрытием тайн мироздания. Ее триумф, распространение ее достижений, интеллектуальных и технических результатов в обществе привели к «расколдовыванию» мифа науки. Теперь она стала еще одна формой человеческой деятельности, носящей массовый характер, к которой, как кажется большинству, каждый может иметь отношение. Но в этом случае, возможно, перед учеными встает задача по созданию нового мифа науки [8]. Заключаться он может не столько в попытке указать на уникальность позиции ученого в познании мира, сколько в формировании нового пространства взаимопонимания. Распространение научных ценностей привело к размыванию баланса, например, между ценностями научного смирения и научной смелости. Это может быть связано с тем, что «человек с улицы» в процессе обучения лишь знакомится с ними, но не проходит полного пути научной социализации. В результате он отдает предпочтение одним ценностям перед другими. Ученые же способны показать, что наука может развиваться, а наши знания увеличиваться лишь в процессе целостного освоения системы ценностей науки. В этом случае новый миф науки должен строиться вокруг формирования особых подходов к выстраиванию коммуникации и принятию решений, ориентированных на сочетание интеллектуальной смелости и скромности, стремления к истине и диалогу, критицизма и желания понять позицию Другого.

Список источников

1. Mede N.G., Schäfer M.S. Science-related populism: Conceptualizing populist demands toward science // *Public Understanding of Science*. 2020. Vol. 29, is. 5. P. 473–491.
2. Brennan J. Does the Demographic Objection to Epistocracy Succeed? // *Res Publica*. 2018. Vol. 24. P. 53–71.
3. Méndez M.P. An Epistemic Problem for Epistocracy // *Social Epistemology*. 2022. Vol. 36, is. 2. P. 153–166.
4. Филатова А.А. «Порочные умы»: эпистемология пороков и риторика борьбы с антиинтеллектуализмом // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58, № 4. С. 127–141.
5. Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
6. Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда : пер. с англ. М. : Strelka Press, 2019. 336 с.
7. Grundmann R. The problem of expertise in knowledge societies // *Minerva*. 2017. Vol. 55. P. 25–48.
8. Касавин И.Т. Наука – гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 491 с.

References

1. Mede, N.G. & Schäfer, M.S. (2020) Science-related populism: Conceptualizing populist demands toward science, *Public Understanding of Science*. 2 (5). pp. 473–491.
2. Brennan, J. (2018) Does the Demographic Objection to Epistocracy Succeed? *Res Publica*. 24. pp. 53–71.
3. Méndez, M.P. (2022) An Epistemic Problem for Epistocracy. *Social Epistemology*. 36(2). pp. 153–166.
4. Filatova, A.A. (2021) “Vicious Minds”: vice epistemology and rhetoric of resistance to anti-intellectualism. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 58(4). pp. 127–141. (In Russian). DOI: 10.5840/eps202158465
5. Fuller, S. (2021) *Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-Truth. Knowledge as a Power Game]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: HSE.
6. Srnicek, N. & Williams, A. (2019) *Izobretaya budushchee: postkapitalizm i mir bez truda* [Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Labor]. Translated from English. Moscow: Strelka Press.
7. Grundmann, R. (2017) The problem of expertise in knowledge societies. *Minerva*. 55. pp. 25–48.
8. Kasavin, I.T. (2020) *Nauka – gumanisticheskiy proekt* [Science is a humanistic project]. Moscow: Ves' mir.

Сведения об авторе:

Масланов Е.В. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: evgenmas@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maslanov E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: evgenmas@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 22.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 177.5

doi: 10.17223/1998863X/74/21

К ВОПРОСУ О ПОПУЛИЗМЕ, МЕРИТОКРАТИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЕ

Татьяна Дмитриевна Соколова

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии
науки», Москва, Россия, sokolovatd@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается вопрос о популизме в контексте двух аспектов его социального бытия. Первым таким аспектом является предложенный Робертом Михельсом «железный закон олигархии», предполагающий концентрацию и удержание полученных привилегий внутри элитной группы. Второй аспект – критика принципа меритократии как базового принципа справедливой социальной организации.

Ключевые слова: популизм, наука, железный закон олигархии, меритократия

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание» (продление).

Для цитирования: Соколова Т.Д. К вопросу о популизме, меритократии и интеллектуальной элите // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 242–248. doi: 10.17223/1998863X/74/21

Original article

ON POPULISM, MERITOCRACY AND THE INTELLECTUAL ELITE

Tatiana D. Sokolova

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
sokolovatd@gmail.com*

Abstract. Modern philosophy and social sciences are ready to provide a voluminous terminological toolkit for comprehending social phenomena – the concepts of populism, verbiage/nonsense (bullshit), post-truth, anti-intellectualism or denialism, as well as many other concepts that initially contain negative connotations for representatives of the intellectual elite or expert circles. Is this toolkit really suitable for a full-fledged analysis of populism as a social phenomenon, or does the academic community multiply essences unnecessarily and transfer the dispute about populism from a substantive discussion into a polylogue about words? I will formulate my question in a somewhat non-academic form: what, in fact, is bad in populism? Populism emerges as one of the possible responses to the unsatisfied demand of groups of citizens who have not received sufficient political representation. The crisis of representativeness, which has been observed in developed democracies in recent decades and undermines confidence in democratic institutions themselves, is a significant problem for modern political science. Populism in itself is not a specific evil of our time, caused by insufficient education, multiplied by political technologies and technical means of communication. Society is transforming, and more and more groups, previously not involved in political decision-making, are demanding the expansion of their political rights and political representation. Often these demands lead to local crises, serious economic and political difficulties, and the best minds of mankind are forced to struggle with the consequences of rash decisions for years. However, populism itself is rather a symptom (and not the most serious one) of a deeper problem underlying modern social transformations. It is easy to fall into the trap of meritocracy here: scientists or

experts who have internalized scientific values and the scientific method may advocate limiting public discussion or adopting more radical political decisions. However, in this case, they are doing exactly the same as populists who refuse to accept the complexity of reality. Perhaps such decisions may have positive consequences in the short term, but will they not lead to even greater distrust of political and social institutions in the long term? The position of a scientist on this path is no better than the position of a politician. Scientists may be wrong in their conclusions. Moreover, the conscientious elimination of one's own mistakes is one of the main academic virtues of a scientist. Perhaps it is this willingness to admit the fallacy of one's own judgment that is the antidote to populism's charming simplicity, the key to maintaining pluralism and acknowledging that social reality is infinitely complex.

Keywords: populism, science, iron law of oligarchy, meritocracy

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World: Science as Profession and Vocation.

For citation: Sokolova, T.D. (2023) On populism, meritocracy and the intellectual elite. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 242–248. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/21

В какой момент досужий спор о словах перерастает в предметную дискуссию? Или наоборот, в какой момент предметная дискуссия, направленная на прояснение значимых общественных феноменов, перерастает в спор о словах, лишенный какой бы то ни было теоретической нагруженности? Сегодняшние дискуссии на тему популизма и роли науки как социального института в его формировании на первый взгляд выглядят вынужденным ответом на вызовы современных общественных трансформаций. Такие трансформации (в их числе упомянутые Е.В. Маслановым избрание Дональда Трампа, Брэкзит, ковид-диссидентство и прочие вещи, которые нам не нравятся) требуют не только осмысления, но и возможного предотвращения аналогичных событий в будущем.

Современная философия и социальные науки готовы предоставить объемный терминологический инструментарий для осмысления общественных явлений такого типа. К ним можно отнести и понятия популизма, словоблудия / брежни (bullshit), пост-правды, антиинтеллектуализма или денаялизма, равно как и многие другие понятия, изначально заключающие в себе негативные коннотации для представителей интеллектуальной элиты или экспертных кругов. Но действительно ли этот инструментарий годится для полноценного анализа популизма как социального феномена, или же академическое сообщество множит сущности без необходимости и переводит спор о популизме из предметной дискуссии в полилог о словах? Добродетель интеллектуальной и академической честности требует от меня чистосердечного признания, что все эти феномены мне не нравятся и что, по моему мнению, они несут в себе негативные последствия как для общественного, так и для научного развития. Тем не менее академическое рассуждение о неприятном требует еще большей дисциплины ума и непредвзятости, чтобы не создавать демонов или соломенные чучела там, где их нет, а выявить реальные угрозы (если таковые вообще имеются), которые несет в себе популизм. Поэтому свой вопрос я сформулирую в несколько неакадемической форме: а что же, собственно, плохого в популизме?

Прежде чем ответить на этот вопрос, стоит по меньшей мере определить, чем является популизм, каковы его возможные причины и социально-

политические проявления¹. Политолог Ян-Вернер Мюллер выделяет семь базовых признаков современного политического популизма:

(1) Популизм является «теневой стороной» принципа репрезентативности: популистские политики придерживаются этого принципа, но считают себя единственными представителями истинных «народных» интересов.

(2) Антиэлитизм здесь понимается как антиплюрализм (одной только критики элит недостаточно, чтобы получить звание популиста, это базовая функция оппонентов политического мейнстрима).

(3) Позиция популиста не может быть отвергнута фактами: он всегда переигрывает своих избирателей, действуя в собственных интересах.

(4) Обращаясь к «народу», популисты хотят не открытой дискуссии, а подтверждения своих собственных позиций, поэтому популизм де факто ведет к снижению участия граждан в политическом.

(5) В управлении популисты опираются на эксклюзивные, а не инклюзивные институты.

(6) Популистов необходимо критиковать, так как они представляют собой прямую угрозу для демократий (не только либеральных).

(7) Апеллируя к наименее представленным в политике слоям населения, популизм становится важным маркером проблемы репрезентативности. Поэтому «популизм должен побуждать защитников либеральной демократии больше думать над тем, каковы причины современного краха репрезентативности» [1. Р. 103].

Популизм, таким образом, возникает именно как один из возможных вариантов ответа на неудовлетворенный запрос тех групп граждан, которые не получили достаточного политического представительства. Кризис репрезентативности, наблюдающийся в последние десятилетия в развитых демократиях и подрывающий доверие к самим демократическим институтам, является значительной проблемой для современной политической науки [2]. Не будучи политологом, я постараюсь проанализировать эти признаки с точки зрения эпистемологии. Если первый признак популизма можно назвать генетическим, то основным его сущностным признаком как специфического явления здесь становится антиплюрализм – отказ от свободной дискуссии равноправных собеседников, уважающих (или хотя бы делающих вид, что уважающих) чужую точку зрения. Упомянутые Е.В. Маслановым дискуссии о пост-правде, скорее, относятся к признакам (3)–(5) – техническим характеристикам, подчеркивающим институциональный и медийный характер риторики популистов и их политических действий. Признак (6) рассматривает популизм как однозначную угрозу для демократий различного типа, хотя и не обосновывает, в чем именно эта угроза заключается². Последний признак популизма возвращает нас к первому: популизм, строго говоря, не является проблемой сам по себе. Генетически он проистекает из кризиса репрезентативности и должен рассматриваться скорее как симптом болезни, нежели сама болезнь, если позволить себе эту медицинскую метафору. Именно поэто-

¹ Здесь я полагаю, что популизм всегда несет в себе (хотя бы частично) элемент политического в его базовой характеристике – борьбе за властные ресурсы и полномочия.

² Не приуменьшая негативный характер последствий, к которым привели действия популистов, отмечу, что они не привели к переустройству демократических институтов в развитых демократиях (иначе говоря, ни одна из развитых демократий не стала автократией или диктатурой).

му я полагаю, что анализ популизма должен основываться в первую очередь на его генетических (1) и (7) и сущностном (2) признаках, а не концентрироваться на его технических характеристиках (3)–(5). В основании кризиса репрезентативности, на мой взгляд, лежат две усугубляющие друг друга социальные тенденции – железный закон олигархии и принцип меритократии. На первый взгляд именно меритократическая организация общества должна предотвращать концентрацию власти в руках элит, обеспечивая более справедливое распределение общественных благ. Однако практика показала, что меритократия точно так же подвержена тенденции к концентрации властных ресурсов и экономических благ у одних и тех же групп, закрепляя и увеличивая неравенство, а не устраняя его.

Железный закон олигархии

Действительно, любая элитная группа (будь то политическая, интеллектуальная или творческая элита) стремится к сохранению своего элитного положения. Железный закон олигархии, предложенный Робертом Михельсом в 1911 г., гласит, что «по общеприменимому социальному закону каждый орган коллективности, порожденный потребностью в разделении труда, создает для себя, как только он консолидируется, свойственные ему интересы. Существование этих особых интересов влечет за собой необходимый конфликт с интересами коллектива. Более того, социальные слои, выполняющие специфические функции, стремятся изолироваться, создать органы, приспособленные для защиты своих специфических интересов» [3. Р. 233]. Михельс сформулировал этот закон, анализируя распределение властных ресурсов в политических партиях, опираясь в первую очередь на классовую теорию. Несмотря на несколько архаичную для современного политического языка терминологию, этот принцип сохраняет свою актуальность и в современных экономических и политических концепциях.

Авторы концепции экстрактивных и инклюзивных политических институтов экономисты Дарон Аджемоглу и Джеймс Робинсон тесно связывают железный закон олигархии с проблемой популистских политических лидеров. В явной или неявной форме такие лидеры парадоксальным образом, с одной стороны, опираются на непредставленные во власти группы, требующие радикальных общественных преобразований, а с другой стороны, еще больше исключают эти группы из общественной дискуссии, закрепляя свой элитный статус кво. «Сущность „железного закона олигархии“, этой специфической черты порочного круга, состоит в том, что новые лидеры берут верх над старыми, обещая радикальные изменения, но в результате все остается на своих местах. В каком-то смысле „железный закон олигархии“ сложнее понять, чем другие версии порочного круга. В устойчивости экстрактивных институтов на американском Юге или в Гватемале есть ясная логика: одни и те же элиты продолжают управлять экономикой и политикой в течение столетий. <...> Но как понять того, кто пришел к власти во имя радикальных изменений, если он также начинает воспроизводить прежнюю систему?» [4. С. 400]. Интересы элитной группы или групп здесь расходятся с интересами общества в целом (если таковые вообще могут быть сформулированы). Однако в случае с популизмом парадоксальность ситуации заключается еще и в том, что реальная проблема, которая требует решения и исполь-

зуется в качестве основной темы популистской риторики, стремится не к своему разрешению, а, напротив, к еще большему усугублению.

Здесь возникает большой соблазн обвинить последователей популистов в недостаточном уровне образования или недостаточном критическом мышлении. Политик-популист отстаивает простые решения, игнорируя сложный и комплексный характер современных обществ. Именно простота и однобокость, т.е. отказ от плюрализма, а вовсе не ложность популистской повестки становится здесь ключевым элементом ее деструктивности для общества. Означает ли этот отказ от сложного в пользу простого крахом просвещенческого проекта? Действительно, несмотря на массовый характер не только среднего, но и высшего образования, находится достаточное количество людей, которые, если воспользоваться кантовской терминологией, еще не достигли совершеннолетия, а потому при использовании своего ума подвержены популистской риторике.

Ловушка меритократии

Термин «меритократия» был предложен британским социологом Майклом Янгом в его сатирическом эссе «The Rise of Meritocracy», впервые опубликованном в 1958 г., где некоторые реальные общественные трансформации британского общества второй половины XIX – начала XX в. совмещаются с футурологической картиной возможного кризиса. Общество в эссе строится на новом принципе, наиболее справедливом и обеспечивающем максимальное равенство его членов. Теперь в качестве базового критерия социальных заслуг стоят «не аристократия происхождения, не плутократия богатства, а истинная меритократия таланта» [5. Р. 21]. Описывая воображаемые революционные события кризиса мая 2033 г., Янг пишет: «Цель этого эссе – обсудить некоторые исторические причины недовольства, вспыхнувшего во время майских восстаний. Моя идея состоит в том, что вне зависимости от того, были ли они явно организованы популистами, они, несомненно, были организованы историей. Красной нитью здесь идет одно убеждение: революций не бывает, есть только медленные нарастания непрерывных изменений, которые воспроизводят прошлое, трансформируя его» [5. Р. 13]. Ирония заключается в том, что именно меритократический принцип общественного устройства ведет общество к краху, а сам автор до самой смерти продолжал настаивать на том, что предложенный им термин используют в корне неверно. В художественном произведении меритократия также подвержена железному закону олигархии, как и ранее критикуемые принципы построения справедливого общества: «Элита находится на пути к тому, чтобы стать наследственной; принципы наследственности и заслуг объединяются» [5. Р. 176]. Эту же тенденцию отмечает Майкл Сэндел, анализирующий современное меритократическое устройство на примере распределения престижного высшего образования и рынка труда США: «Сегодняшняя меритократия превратилась в наследственную аристократию» [6. Р. 24].

Вместо разрешения старых социальных проблем, характерных для аристократических или плутократических обществ, меритократия порождает новые, в том числе этические, проблемы. «В открытом мире успех зависит от образования, от умения конкурировать и побеждать в глобальной экономике. Это означает, что национальные правительства должны обеспечить всем рав-

ные шансы на получение образования, от которого зависит успех. Но это также означает, что те, кто оказывается на вершине, начинают верить, что заслужили свой успех» [6. Р. 5]. При декларируемых открытых возможностях для каждого, кто обладает талантом и много работает для его развития, на практике создается ситуация, когда те, кто добился успеха, приписывают этот успех исключительно своим собственным заслугам, а не иным факторам. Те же, кто не смог добиться успеха, становятся людьми второго сорта, которые недостаточно талантливы для того, чтобы добиться успеха, или недостаточно много работали. Такая ситуация еще больше раскалывает общество и создает практически непреодолимое препятствие между теми, кто смог добиться успеха, и аутсайдерами.

Если основной проблемой для аутсайдеров в меритократическом обществе становится ресентимент, вызванный поражением в социальной гонке за успехом, то для элит такая ситуация оборачивается принуждением к постоянному подтверждению своего элитного статуса: «Меритократическая реконструкция династических привилегий может быть менее надежной, чем аристократическая (хотя история, поскольку ее взор выбирает долголетие, придает аристократии видимость стабильности, которой она не обладала в жизненном опыте). Это, безусловно, дороже для элиты. Каждое новое поколение меритократов должно заново завоевывать свою привилегию, действительно упорным трудом. А доходы меритократов зависят от эксплуатации не других, а самих себя» [7. Р. 320]. Нарастающее социальное недовольство, выливающееся в следование за политиками-популистами, таким образом, представляет собой ответ на глубокие социальные тенденции, требующие очередного пересмотра самих принципов социального устройства: «Это больше, чем протест популистов против иммигрантов и аутсорсинга, это недовольство тиранией заслуг. И этот протест обоснован» [6. Р. 25].

Вывод

Популизм сам по себе не является специфическим злом современности, вызванным недостаточно качественным образованием, умноженным на политические технологии и технические средства коммуникации. Общество трансформируется, и все больше групп, ранее не вовлеченных в принятие политических решений, требует расширения своих политических прав и политического представительства. Часто эти требования приводят к локальным кризисам, серьезным экономическим и политическим трудностям, а лучшие умы человечества годами вынуждены бороться с последствиями необдуманно принятых решений. Тем не менее популизм сам по себе является, скорее, симптомом (причем не самым серьезным) более глубокой проблемы, лежащей в основании современных общественных трансформаций. Здесь легко поддаться соблазну ловушки меритократии: ученые или эксперты, усвоившие научные ценности и научный метод, могут выступать за ограничение публичной дискуссии или принятие более радикальных политических решений. Однако в этом случае они поступают точно так же, как популисты, отказывающиеся принять всю сложность реальности. Возможно, такого рода решения могут иметь позитивные последствия в краткосрочной перспективе, но не приведут ли они к еще большему недоверию к политическим и социальным институтам в перспективе долгосрочной? «Давайте все же осознаем, что

те, кто жалуется на нынешнюю несправедливость, думают, что они говорят о чем-то реальном, и попытаемся понять, как эта бессмыслица для нас имеет смысл для них» [5. Р. 16]. И позиции ученого на этом пути ничуть не лучше, чем позиции политика. Ученые могут ошибаться в своих выводах. Более того, добросовестное устранение собственных ошибок – одна из главных академических добродетелей ученого. Возможно, именно эта готовность признать ошибочность собственного суждения и является антидотом против обаятельной простоты популизма, ключом к поддержанию плюрализма мнений и признанию того факта, что социальная реальность бесконечно сложна.

Список источников

1. Müller J.-W. What is Populism? Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2016. 136 p.
2. Edelman Trust Barometer 2022. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2022-01/2022%20Edelman%20Trust%20Barometer%20FINAL_Jan25.pdf
3. Michels R. Political Parties. A Sociological Studies on the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. Kitchener, Ontario : Batoche Books, 2001. 266 p.
4. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М. : АСТ, 2015. 575 с.
5. Young M. The Rise of Meritocracy 1870–2033. An Essay on Education and Equality. Bristol : Penguin Books, 1961. 190 p.
6. Sandel M. The Tyranny of Merit. What's become of the Common Good? New York : Farrar, Straus & Giroux, 2020. 288 p.
7. Markovits D. The Meritocracy Trap. New York : Penguin Press, 2019. 488 p.

References

1. Müller, J.-W. (2016) *What is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
2. Edelman Trust Barometer 2022. [Online] Available from: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/2022-01/2022%20Edelman%20Trust%20Barometer%20FINAL_Jan25.pdf
3. Michels, R. (2001) *Political Parties. A Sociological Studies on the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. Kitchener, Ontario: Batoche Books.
4. Acemoglu, D. & Robinson, J.A. (2015) *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye?* [Why Nations Fail]. Translated from English by D. Litvinov, P. Mironov, S. Sanovich. Moscow: AST.
5. Young, M. (1961) *The Rise of Meritocracy 1870–2033. An Essay on Education and Equality*. Bristol: Penguin Books.
6. Sandel, M. (2020) *The Tyranny of Merit. What's become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus & Giroux.
7. Markovits, D. (2019) *The Meritocracy Trap*. New York: Penguin Press.

Сведения об авторе:

Соколова Т.Д. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: sokolovt@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.D. Sokolova, Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Russian Society for the History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokolovt@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 22.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/74/22

«ДАЙТЕ ДЕНЕГ И НЕ МЕШАЙТЕ», ИЛИ О ТОМ, КАК НАУКА ОТНОСИТСЯ К ПУБЛИКЕ

Александр Юрьевич Антоновский

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Москва, Россия, antonovski@iph.ras.ru

Аннотация. Обсуждаются вызовы популизма в отношении научных достижений и их тематизация в социальной эпистемологии. Всякий популизм, чтобы получить «научный ответ», должен принять форму научного сообщения и подчиниться признанным в данной среде правилам акцептации или отклонения предложенной коммуникации. Делается вывод, что наука, как правило, игнорирует содержательную сторону популистских утверждений.

Ключевые слова: популизм в науке, наука и научная публика, кризис коллегиальности, правила научной рациональности

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Для цитирования: Антоновский А.Ю. «Дайте денег и не мешайте», или О том, как наука относится к публике // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 249–256. doi: 10.17223/1998863X/74/22

Original article

“GIVE MONEY AND DON’T INTERFERE”, OR HOW SCIENCE TREATS ITS PUBLIC

Aleksandr Yu. Antonovskiy

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
antonovski@iph.ras.ru*

Abstract. How science solves the problem of “popularizing” its achievements (and thereby substantiates its famous request to the society around it (“Give money and don’t interfere”). One solution responds to the problem of the “crisis of collegiality” that has plagued scientific communication. It is now more evident than ever that direct interactive connections between authors and critics are seldom realized. Scientific organizations (in their personnel and financial decisions) increasingly take into account not their own expert interactions (discussions at scholarly, dissertation, attestation and other boards and commissions), but rather the anonymous and generalized indices born in the depths of network platforms and relevant Internet communities, which today form the “inner outer world” of science and are responsible for filtering and selecting the “best” scientific knowledge. The institution of network expert observers, which has emerged today and generates “citations”, “reviews”, “likes”, “downloads”, “readings”, “recommendations” and “inclusions in follower groups”, the corresponding “scientific indicators” of this or that scientist, do not notice or ignore most of the scientific product produced by the scientific organization. Thus, up to 80 percent of scientific texts do not receive any citations, and half are not honored and read. This is particularly true of socio-humanitarian knowledge. What is the communicative meaning of

producing so much unclaimed knowledge? In the author's opinion, this hyperproduction of (scientific?) texts is an epiphenomenon or a consequence of the fact that science as a system "benefits" (in the evolutionary sense) from keeping a huge number of specially trained consciousnesses on hand. This array of competent consciousnesses of untrained scientists compensates for the fact that science (unlike other systems) has no "external" public. The function of this "class of scientists" is largely determined by its "passive participation" in science policy; it is a global condition for "science-organizing" decisions. If we apply the analogy with politics, we can say that they have an active electoral right to choose worthy representatives of science, although they themselves cannot be elected. It is from their environment that, among other things, the expert corps of network scientific communities is replenished. They evaluate (with citations, likes, readings, recommendations, online reviews) scientific messages, thus "assigning" them the desired reputational values, hoping in turn that they too will manage to turn this asymmetry in their favor.

Keywords: populism in science, science and scientific public, collegiality crisis, rules of scientific rationality

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World: Science as Profession and Vocation.

For citation: Antonovskiy, A.Yu. (2023) "Give money and don't interfere", or How science treats its public. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 249–256. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/22

Следование правилу превращает популизм в науку

Попытка концептуализировать роль публики по отношению к науке, безусловно заслуживает обсуждения, поскольку среди прочего представляет собой аспект гораздо более важной теоретической проблемы – вопроса о том, как специализированная и коммуникативно-замкнутая наука интегрирована в современное общество. В этой связи представляется весьма удачным применение подхода Стивена Фуллера, который вполне корректно понимает проблему постправды (в стиле позднего Л. Витгенштейна и С. Крипке) как проблему *правил*, определяющих истинность соответствующего им высказывания.

Между тем всякая попытка определиться с *правилами борьбы за правила* определения истинности высказываний, получившая название «парадокса Крипкинштейна» [1], очевидно, ведет в дурную бесконечность. Как известно, было предложено несколько способов разрешения этого парадокса, в том числе идея диспозиционных предикатов Майкла Морриса [2]¹ и аргумент сложности или простоты тех или иных правил Крега Деланси [3]².

И все же такое представление и формализация проблемы постправды и популизма, на наш взгляд, уведут в сторону. Проблема постправды и попу-

¹ Майкл Моррис предложил понимать под правилами диспозиции или диспозиционные предикаты. В этом смысле относительность всяких правил можно преодолеть. Ведь их выбор, если их понимать как диспозиции, определяются ситуацией или обстоятельствами, в которых их актуализация и применение были бы уместны. При подсчете денег, например, лучше использовать стандартные правила сложения.

² При этом в качестве объективного критерия прагматичности при отборе тех или иных правил была предложена комплексность Колмогорова (например, длина цепочек программы, использующей те или иные правила, если их записать в двужаночной системе на ленте машины Тьюринга).

лизма, строго говоря, не является собственно научной проблемой. Социально-гуманитарные дисциплины вообще склонны представлять общественные проблемы как проблемы теоретические, при том что сама *фактическая* научная коммуникация в собственно научных практиках никак не сталкивается с популистскими аргументами, не подкрепленными теоретическими и методологическими (и в этом смысле – научными) программами. А если такое и случается, то наука использует это как полезное эвристическое средство отточить на ней научные дискурсы. Например, в качестве такого популистского и динайлистского выпада можно расценивать знаменитый анализ Фейерабендом научной критики астрологии. По его мнению, ученые в своей критике не вникают в само *предметное содержание* астрологических учений. Такие учения отклоняются на иных основаниях, а именно как изначально архаические и как представленные дилетантами, но вовсе не как ложные (ведь в противном случае они являлись бы фальсифицируемыми, а значит – научными, хотя бы в попперовском смысле)¹.

В контексте нашей дискуссии этот динайлистский выпад и его последующая тематизация в социальной эпистемологии, на наш взгляд, указывают на две вещи, от которых мы будем отталкиваться. Во-первых, всякий популизм, чтобы получить «научный ответ», должен был бы принять форму научного сообщения, научной коммуникации, а значит, по своим дискурсивным параметрам должен был бы «мимикрировать» под методологические требования самой этой коммуникации. И это требует подчинения признанным в данной среде правилам акцептации или отклонения предложенной коммуникации. Потребовалось бы сформулировать высказывание как описание эмпирического факта или решение проблемы с привлечением методологического арсенала обоснования этого решения. При этом само популистское утверждение, если только оно надеется на коммуникативный ответ, должно принять формы тезиса, допускающего положительный или критически-отрицательный ответ, подчиняться правилам приписывания значений истинности или лжи (или в крайнем случае индекса *проблемы*, где решение вопроса истинности как бы относится на потом)². С другой стороны, этот пример с астрологией показывает, что наука вообще игнорирует содержательную сторону популистских утверждений. Она просто не ввязывается в дискуссии по поводу существования популистских утверждений, поскольку давно создала для себя механизмы разгрузки³ (в философско-антропологическом смысле слова), что позволяет ей сосредоточиваться на научных фронтах и не отвлекать бесценные исследовательские ресурсы.

¹ Ср.: [4].

² В скобках заметим, что именно с этим обстоятельством связано «отмирание» формата монографии в функции «коммуникативного запроса» на проверку истинности или лжи и соответствующую акцептацию как научного достижения. С одной стороны, очень сложно дать такой однозначный ответ на предложения большого комплекса смыслов. С другой стороны, за монографией сегодня в научной практике резервируется другая функция – функция презентации парадигмы как удостоверенного и очевидного знания, апробированного и проверенного на истинность раньше в виде научных статей, а теперь кодифицированного и фонового знания, контекста (и предмета атак) для новых научных прорывов.

³ Именно для этого служат иерархические механизмы научной инклюзии и эксклюзии в научных организациях (репутации, научные регалии, звания и степени), которые сегодня, в наш век горизонтальных сетевых связей, кажутся архаическими пережитками стратификационистских обществ.

Наука как коммуникация без публики

Если обобщать вышеозначенный пример, можно утверждать о глубокой от-дифференциации жизненного мира человека, служащего источником динайалистских выпадов, и системно-обособленной научной коммуникации, ориентированной на собственные медиа. Причем, в отличие от других замкнутых коммуникативных систем (искусства, политики, образования, массмедиа, религии, хозяйства), у науки не обнаруживается публики. Наука в этом смысле занимает исключительное положение. Так, у искусства есть «любители», у клира – «миряне», у преподавателей – ученики, у политиков – избиратели, у предпринимателей – потребители, у массмедиа – зрители. Лишь наука занимается производством знания; оценить и принять его в качестве такового способны лишь сами ученые.

Это, конечно, не означает, что псевдонаучный популизм, являясь социальной, но не теоретической проблемой самой науки, не должен становиться предметом научного исследования и получить соответствующее объяснение. Так, с точки зрения социальной теории псевдонаучный популизм и динайализм могут пониматься (и получать оправдание) в контексте ширящегося социального активизма как разновидность новых протестных движений. Это не означает, что они перенимают собственно научную функцию. Протестная коммуникация не кодируется бинарным кодом *истина / ложь*, заставляя принимать или отклонять научные предложения. Функция антинаучного протеста реализуется в *алармизме*, в педалировании «опасности» (для экологии, для идентичности, для традиции, для «естественного миропорядка» и т.д.), в указании на то, что жизненный мир колонизируется «системно-организованной» коммуникацией [5].

Наука как системно-организованная коммуникация, вооруженная механизмами разгрузки, обходится без *осмысления, рефлексии* многих аспектов ее воздействия на внешний мир. И она сама образует недоступный внешний мир для не инклюдированных в нее индивидов. Ее методология, способы обоснования и теоретические результаты локализованы за горизонтом простых и понятных реалий жизненного мира человека. Зачастую даже самим ученым непонятны механизмы функционирования научного оборудования, как и вызовы, которые привносят новые научные достижения, не говоря уже о их долгосрочных социальных перспективах (последствиях генной инженерии, техногенных изменениях). И в этом контексте популизм и динайализм, если их понимать как негативную реакцию на эту недоступность науки, оказываются полезны, поскольку вскрывают «слепые пятна» самой науки, для которой «опасность», впрочем, как и вся прочая внешняя моральная нормативность (за исключением кода «не представляй чужое авторство как свое»), не является системно значимым ориентиром.

Разобособление науки и общества в основных измерениях коммуникации

В целом можно сказать, что запрограммированная «непонятность» научной коммуникации для «жизненного мира» обычного человека определяется продвинутой социально-структурной дифференциацией современного общества (прежде всего в *предметном измерении* коммуникации). Предметно-

обособившиеся «домены» коммуникации решают (и этим, собственно, вызваны к жизни) исключительно собственные задачи, сконцентрированные вокруг главного *предмета* их коммуникации, образуя так называемые «самосубститутивные порядки». Научное исследование как функция науки не может быть «передано» другой системе (например, не следует ожидать от политики и искусства вклада в решение научных проблем и индексирования знаний как истинных или ложных при всех дискуссиях о «красоте и элегантности» научных теорий как индикаторов их истинности).

Впрочем, и в темпоральном, и в социальном коммуникативном измерении динамика науки (ее циклы, повестки и перспективы развития), очевидно, не согласована с политикой и экономикой, их циклами и повестками, что тоже вносит свой вклад в «непонимание» между публично-ориентированными системами (политикой, искусством, массмедиа) и «непубличной» наукой. Политика и хозяйство «ждут» от науки осуществления «проектных исследований», т.е. ограниченных временем достижений. Только так научный успех они могут конвертировать в успех политический. Так, власть интерпретирует относительный рост числа национальных публикаций в «мировом зачете» на международном рынке публикаций как результат *своей* научной политики, исходя из избирательного четырех-пятилетнего цикла и ориентируясь на избирателей как на публику, способную этот успех оценить электорально. При этом научно-исследовательская повестка определяется на гораздо более долгосрочную перспективу. Также и хозяйство (в лице, прежде всего, технологических предпринимателей) желало бы получить от науки масштабируемый и готовый к продажам продукт, ориентируясь на продуктовые и инвестиционные циклы и ожидания покупателей как собственной публики. И только у науки отсутствует внешняя публика, которая заставляла бы ученых бежать со всех ног, чтобы первыми предложить новейшее научное представление.

Наука как сама себе публика, или Зачем науке столько лузеров?

Как же наука решает проблему «популяризации» своих достижений и тем самым обосновывает свой знаменитый запрос к окружающему ее обществу – «Дайте денег и не мешайте». На наш взгляд, системно-коммуникативное решение проблемы непубличности научного производства сегодня осуществляется на двух уровнях. Один выстроен самой наукой, другой реализуется ее внешним миром (прежде всего, массмедийной системой, или тем, что сегодня Хабермас называет «публичной сферой»).

Первое решение реагирует на проблему «кризиса коллегиальности», поразившего научную коммуникацию. Сегодня становится как никогда очевидным, что непосредственные интерактивные связи между авторами и критиками реализуются как никогда редко. Научные организации в своих кадровых и финансовых решениях все в большей степени учитывают не собственные экспертные интеракции (обсуждения на ученых, диссертационных, аттестационных и прочих советах и комиссиях), а анонимные и обобщенные индексы, рожденные в недрах сетевых платформ и соответствующих интернет-сообществ, сегодня образующие «внутренний внешний мир» науки и отвечающие за фильтрацию и отбор «лучшего» научного знания.

Этот сам по себе *прогрессивно*-коммуникативный сдвиг, разгружающий коллективы научных организаций от бремени самооценки, позволяет исследователям не отвлекаться от собственной узко-специализированной научной темы в пользу добавочной экспертной нагрузки по оценке достижений собственных коллег, которая зачастую не только превращается в профанацию, но и как минимум является мощным конфликтногенным фактором.

Однако этот временной бонус, к сожалению, вызывает к жизни острую проблему «научного балласта» и «невостребованного знания». Возникший сегодня институт сетевых экспертов-наблюдателей, генерирующий своими «цитированиями», «рецензиями», «лайками», «скачиваниями», «прочтениями», «рекомендациями» и «включениями в группы последователей» соответствующие «научные показатели» того или иного ученого, не замечает или игнорирует большую часть произведенную научной организацией научного продукта. Так, до 80% научных текстов не получает никакого цитирования, а половина не удостоивается и прочтения¹. В особенности это относится к социально-гуманитарному знанию.

Миссия ученого как представительная демократизация научной политики

Какой же коммуникативный смысл заключается в том, чтобы производить столько невостребованного знания? С нашей точки зрения, означенное гиперпроизводство (научных?) текстов является эпифеноменом, или следствием того обстоятельства, что науке как системе «выгодно» (в эволюционном смысле) «держать наготове» огромное количество специально натренированных сознаний. Этот массив компетентных сознаний невостребованных ученых как раз и компенсирует то обстоятельство, что у науки (в отличие от других систем) нет «внешней» публики. Функция этого «класса ученых» во многом определяется их «пассивным участием» в научной политике, является глобальным условием для принятия «научных организационных» решений. Если применять аналогию с политикой, можно сказать, что они обладают активным избирательным правом выбирать достойных представителей науки, хотя сами не могут быть избранными. Именно из их среды пополняется в том числе и экспертный корпус сетевых научных сообществ. Они оценивают (цитированиями, лайками, прочтениями, рекомендациями, сетевыми рецензиями) научные сообщения, «присваивая» им тем самым искомые репутационные значения, в свою очередь, надеясь, что и им удастся повернуть означенную асимметрию в свою пользу.

«Вульгаризация» науки как решение проблемы непубличной науки

Второе решение проблемы *наука–публика*, которое мы здесь не будем подробно обсуждать, в свою очередь, реализовалось несколькими путями. В добавление к просвещенческой деятельности, характерной для XVIII и XIX в. [7], и конвертации «удостоверенного», депроблематизированного и

¹ “As many as 50% of papers are never read by anyone other than their authors, referees and journal editors” [6].

«тематически-облегченного» научного знания из науки в образование сегодня сами ученые – реагируя на те же самые условия агональности – осуществляют многочисленные публичные самопрезентации. Как правило, за дело берутся «большие ученые», представляя свои достижения в широком и понятном для публики контексте и преимущественно уже не в печатном, а интернет-сетевом, визуализированном формате. Широкую популярность получили публичные версии теорий Брайана Грина, Стивена Хокинга, Роджера Пенроуза, а также многих «эволюционистов» (Ричард Докинз, Стивен Гулд) и многих других. Приходится констатировать, что с изменением формата представления научных достижений социально-гуманитарные дисциплины (философия, история науки) последовательно утрачивают свою монополию в формулировании «оснований фундаментальных наук», как это имело место в недалеком прошлом. И здесь, возвращаясь к обсуждаемой проблеме «популизма» и «динайелизма» можно с удовлетворением констатировать: сетевые индексы и рейтинги популярных презентаций «большой науки» несопоставимо выше, чем у их паранаучных конкурентов.

Список источников

1. Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition. Cambridge : Harvard University Press, 1982.
2. Morris M. Kripke on proper names // An Introduction to the Philosophy of Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 74–93.
3. Delancey C.S. Meaning Naturalism, Meaning Irrealism, and the Work of Language // Synthese. 2007. Vol. 154, № 2. P. 231–257.
4. Kidd J.J. Why did Feyerabend Defend Astrology? Integrity, Virtue, and the Authority of Science // Social Epistemology. 2016. Vol. 30, is. 4, P. 464–482.
5. Habermas J. Civil Society and the Public Sphere. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA : MIT Press, 1996.
6. Meho L.I. The rise and rise of citation analysis // Phys World. 2004. Vol. 20, is. 1. P. 32–36.
7. Stichweh R. “Wissenschaftler”. Der Mensch des 20. Jahrhunderts. Wiederauflage Essen : Magnus Verlag. 2004.

References

1. Kripke, S. (1982) *Wittgenstein on Rules and Private Language: An Elementary Exposition*. Cambridge: Harvard University Press.
2. Morris, M. (2006) *Kripke on proper names in Morris M. An Introduction to the Philosophy of Language*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 74–93.
3. Delancey, C.S. (2007) Meaning Naturalism, Meaning Irrealism, and the Work of Language. *Synthese*. 154(2). pp. 231–257.
4. Kidd, J.J. (2016) Why did Feyerabend Defend Astrology? Integrity, Virtue, and the Authority of Science. *Social Epistemology*. 30(4). pp. 464–482
5. Habermas, J. (1996) *Civil Society and the Public Sphere. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. Cambridge. MA: MIT Press.
6. Meho, L.I. (2004) The rise and rise of citation analysis. *Phys World*. 20(1). pp. 32–36.
7. Stichweh, R. (2004) *“Wissenschaftler”. Der Mensch des 20. Jahrhunderts*. Wiederauflage Essen: Magnus Verlag.

Сведения об авторе:

Антоновский А.Ю. – доктор философских наук, исследователь. Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки». (Москва, Россия). E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Antonovskiy A.Yu. – Dr. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: antonovski@iph.ras.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 22.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 18.08.2023*

Научная статья

УДК 172

doi: 10.17223/1998863X/74/23

ПОПУЛИЗМ

Александра Александровна Аргамасова

*Институт философии Российской академии наук. Москва, Россия,
argamakova@gmail.com*

Аннотация. Популизм как тактический прием в словесной баталии – кто не использует его время от времени? Он особенно обезоруживающе действует со стороны опытных риториков, наделенных научным авторитетом. В статье сравниваются гражданские движения в науке и политике, применяющие популистские тактики и стратегии в намерении привлечь симпатии аудитории. Показаны крайности популизма и случаи, когда популизм находит оправдания. Популизм – характерный элемент любого гражданского акционизма. Тем не менее и в политике, и в науке его наделяют преимущественно маргинальным статусом. Популисты обращаются к очевидностям в глазах общественного мнения вместо рациональных демонстраций и поиска общезначимых истин. Для спорных, сложных вопросов популизм находит простые интуитивные решения. В этом заключается его обаяние и успех. Популизм критикуют, когда разоблачают, но вряд ли он изживет себя.

Ключевые слова: популизм, наука и демократия, научный авторитет, философия науки

Для цитирования: Аргамасова А.А. Популизм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 257–265. doi: 10.17223/1998863X/74/22

Original article

POPULISM

Alexandra A. Argamakova

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
argamakova@gmail.com*

Abstract. Rhetorically speaking, populism is nothing more than weird argumentation. The classical example of populists is sophists. Populism can be compared with a tactic in a verbal battle. It should not be understood as a very intellectual device to the end. Established scientists also resort to populism. It acts overall disarmingly on the part of “epistocrats”, or authoritative rhetoricians. The lack of consensus on worldview issues gives a ground for populism and data manipulation. For example, the background of the Montreal Protocol was that evidence of ozone pollution by CFCs was initially disputed by chemical industry practitioners. Populist views in science are articulated by anti-vaxxers and opponents of climate change, among whom there are few professional scientists. They unite in social groups that gain popularity due to critical opinions and distrust to representatives of science that are found in society. Political civil movements often use populist tactics, and public problems can be articulated without the development of scientific programs aimed at solving them. An example is the Occupy movement in the US or anti-corruption protests in Russia. But expression of personal and public dissatisfaction with social problems is not something anti-intellectual and extraordinary. Populism is not always wrong, more often it is unsubstantiated and based on what is evident in the eyes of public opinion. At the end of 2022, in China, demonstrators took to the streets with white sheets of paper instead of posters, protesting not only against the harsh anti-COVID measures, but also against the means of surveillance for population and censorship which are used by local authorities to control citizens. And those “slogans” were understandable! Populism as a social phenomenon receives diverse assessment from political experts: they say it destroys

democracy (K. Roberts, K. Weyland, S. Lewicki, K. Hawkins, W. Patzelt, G. Collins, R. Evans), and its manifestation (F. Decker, T. Tännjö, T. Akkerman, T. Pappas). However, a fundamental difference remains between civic and scientific movements, at least from the fact that lack of evidence is nonsense for any movement in science, but a right strategy for populism in politics, depending on the psychology of electorate. If populism is justified as a tactical trick, it is not an acceptable strategy in politics, and, even more, not a platform for scientific integration.

Keywords: populism, science and democracy, scientific authority, philosophy of science

For citation: Argamakova A.A. (2023) Populism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 257–265. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/22

В статье, предложенной для дискуссии, Е.В. Масланов понимает популизм как:

- антинаучные взгляды;
- гражданское протестное движение;
- обращение к настроению аудитории и общественному мнению;
- противопоставление себя научной элите;
- подрыв научных авторитетов;
- поддержку мнения с помощью общественной силы в отличие от авторитета знания;
- роль в политическом процессе для привлечения электората.

С точки зрения риторики популизм – не более чем способ сомнительной аргументации, подкрепленный заигрыванием с аудиторией, ее настроениями и чаяниями, симпатиями и антипатиями, выгодами и интересами, политическое ловкачество в соответствии с конъюнктурой. Классический пример популистов – софисты¹. Популизм можно сравнить с тактическим приемом в словесной баталии. Интеллектуальным приемом его нельзя назвать до конца. К популизму прибегают и состоявшиеся ученые. Он как раз обезоруживающе действует со стороны авторитетных раторов («эпистократов»). Они собственной личностью сообщают популярность мнению и внушают его ложной аудитории². Все зависит от того, как ученые распоряжаются накопленными знаниями и добродетелями, насколько обременяют себя обязательством быть последовательными.

Настоящей ценностью обладает знание, а не фигура ученого. Ученый заслуживает уважения и внимания со стороны общества, являясь носителем знания. Тем более по многим общественным вопросам в научном сообществе

¹ В платоновских диалогах («Гиппий больший», «Протагор», «Софист», «Политик» и др.) Сократ изобличает софистов как поверхностных раторов, пользующихся неслыханной славой благодаря броским речам и умению говорить «в пользу» публики, привлекая ее симпатии на свою сторону. Благодаря ораторскому искусству софисты преуспели на общественном поприще, в управлении государством и посольской службе гораздо больше, чем мудрецы, от имени которых в диалогах выступает Сократ. Если мудрецам принадлежит вечность, софистам отводится преходящее значение: «Прекрасно и ценно нечто иное: уметь выступить с хорошей, красивой речью в суде, совете или перед иными властями, к которым ты ее держишь; убедить слушателей и удалиться с наградой», – утверждает Гиппий. Но для Сократа софисты – пустословы и дельцы, торгующие мнимыми знаниями и приносящие в жертву истину ради внешнего эффекта. Смерть Сократа в таком случае могла бы явиться символом антипопулизма.

² Когда-то Дж. Беркли заклеил материалистов как «жалких сектантов», «безбожников» и абсурдистов. А позднее В.И. Ленин и его последователи окрестили субъективными идеалистами и буржуазными прихвостнями сторонников Дж. Беркли, а также позитивистов всех мастей, прагматистов, трансценденталистов и прочих имманентов. Вслед за Дени Дидро, считавшим идеалистическую философию абсурдом, который, к стыду человеческого ума, трудно опровергнуть. Это пример навешивания словесных ярлыков, которые запоминаются лучше тяжеловесных аргументов и направляют последующие рассуждения и социальные оценки.

нет консенсуса, чтобы его придерживаться. Вот лишь некоторые примеры вопросов, ставших предметом дискуссий за последние годы: Какая идентичность должна быть у России – европейская или евразийская? Как оценивать исторический опыт СССР? Должна ли у страны быть своя идеология? Насколько свободен рынок? Стоит ли общественная безопасность ограничения прав и свобод человека? Как должна быть организована наука в России? Кому служат ученые – обществу и государству, или они служат истине? Какое значение приобретает наукометрия в оценке результатов научного труда? Нужен ли вузам экзамен ЕГЭ? Какую пользу приносит философия?

Отсутствие консенсуса по важным смысловым вопросам – благодатная почва для популизма и манипулирования данными. Например, предыстория Монреальского протокола повествует о том, что свидетельства разрушения озонового слоя хлорфторуглеродами вначале оспаривались экспертами-практиками от химической промышленности. Примечательно в этой связи высказывание генсекретаря ООН А. Гутерриша по поводу изменения климата: «Компании, добывающие ископаемое топливо, еще в 70-х годах знали о том, что производимый ими продукт „запекает“ нашу планету, но, как и табачная индустрия, они продвигали свои собственные научные данные» [1].

Популизм в науке и политике. О популистских взглядах в науке в статье Е.В. Масланова говорится на примере антиваксеров и противников изменения климата, среди которых мало профессиональных ученых. Они объединяются в общественные группы, приобретающие популярность благодаря тем критическим взглядам и недоверию представителям науки, которые встречаются в обществе. Действия антиваксеров могут быть эмоционально обусловлены, происходить из негативного опыта лечения и известных случаев ошибок в медицине, из субъективных оценок качества предоставления медицинских услуг. Согласно данным и мнениям, высказанным в СМИ, среди антиваксеров много сторонников конспирологических теорий, альтернативной медицины, психически неустойчивых личностей, дениалистов и иррационалистов, религиозных консерваторов и сектантов, а также политических популистов. Неудивительно, что опросы 2020 г., проведенные в 19 странах, выявили следующее: не менее 28% респондентов опасаются вакцинации против COVID-19 ввиду недоверия фармацевтическим компаниям и дезинформации, т.е. ложной или неполной информации, циркулирующей в публичной сфере [2].

Политические гражданские движения часто используют популистские тактики, а общественные проблемы могут артикулироваться без проработки научных программ, направленных на их решение. Примерами являются движение Оккупай в США или антикоррупционные протесты в России¹. Выра-

¹ Тем не менее благодаря научной литературе о философии движения Оккупай известно немало больше. Движение сплотилось против влияния корпораций на политику, которое возросло в результате деиндустриализации и концентрации власти в финансовом секторе. Протест 2011 г. стал реакцией на глубокую экономическую рецессию, неравенство в доходах и богатстве, коррупцию в управлении, недостатки представительной формы демократии, ограничения в трудовых правах и растущую безработицу, наряду с авторитарными тенденциями и подавлением гражданских свобод в США, распространившись далее на несколько десятков стран. С точки зрения международной политики многие сторонники движения высказывали антивоенные лозунги, выражали солидарность Арабской весне, а также гражданским демаршам против политики жесткой экономии в Европе. Философия движения выражалась в (пост)анархизме, идеях партисипативной демократии, децентрализованной самоорганизации, антикапитализма, антиглобализма, эгалитаризма, гражданской солидарности и префигурации будущего. Подробнее см.: [3–6] и др.

жение личного и общественного недовольства относительно социальных проблем не является чем-то антиинтеллектуальным и экстраординарным. Но от общественной силы или партии, как правило, ожидается программа перемен и научно обоснованное мировоззрение, которые будут понятны широким массам. Например, популистские партии в Европе прибегают к популизму не только как к тактическому приему, но как к политической стратегии. Хотя по этой причине их обвиняют в антиинтеллектуализме и слабой научной составляющей [7].

Замечу вкратце, что референдум по Брекситу сопровождали экспертные дискуссии, и свидетельство тому – множество публикаций в *Nature*, *Lancet*, *PubMed*, *Science Direct* и других источниках. Тем не менее среди экспертов распространено суждение, что на решение о Брексите значительно больше повлияли общественные настроения и публичные мнения, а не научные дискуссии (см.: [8–11] и др.)

Популизм и постправда. Популизм не всегда не прав, но он бездоказателен и основывается на очевидностях в глазах общественного мнения. В конце 2022 г. в Китае демонстранты выходили на улицы с белыми листами бумаги вместо плакатов, протестуя не только против жестких антиковидных мер, но и против средств слежки за населением и цензуры, которые применяют местные власти для контроля граждан. И такие «лозунги» были понятны! [12]. Протестанты требовали других мер против пандемии, кроме запретов и ограничений. В немецкой деревне Лютцерат в январе этого года тысячи экоактивистов, поддержанных Гретой Тунберг, выступили против освоения угольных запасов энергетическим концерном RWE. Несмотря на потребность европейцев в дополнительных источниках энергии и разрешение на добычу угля до 2030 г., полученное концерном, демонстранты поддержали вынужденных переселенцев, а также выступили против устаревающих энергетических технологий [13]. Откровенно тактику популизма применяют экологические движения Just Stop Oil и Scientist Rebellion. Экоактивисты, как правило, апеллируют к тенденции на изменение климата, истощению ресурсов планеты и уничтожению биологических видов, т.е. научно подкрепленным фактам.

Гражданская наука vs. популизм. Очевидно, что гражданская наука воплощает отдельные черты популизма и, несмотря на это, получает признание со стороны ученых. Поэтому ее стоит отличать от популистских движений в науке, менее интеллектуально выдержанных. Благодаря гражданским активистам в науке были собраны фотобанк истории России (<https://russiainphoto.ru/>) и коллекция воспоминаний и дневников (<https://prozhitto.org/>), выразительно рассказывающих об истории страны с точки зрения личных биографий и памятных событий. Обычно исследования в рамках гражданской науки ведутся под руководством научных лабораторий и исследовательских институтов, но, в принципе, она может стать самостоятельной и самодостаточной, в частности благодаря открытым источникам данных в сети Интернет (см. также <https://eu-citizen.science/>).

Любопытно, что согласно мнению, высказанному социологами науки Г. Коллинзом и Р. Эвансом, предпосылкой подлинной демократии является гражданская эпистемология [7]. Гражданская эпистемология создает прочный фундамент для осознанных политических решений и вовлечения гражд-

дан в общеполитический процесс, а также более глубокого понимания научных оснований социально-технологических преобразований.

Научные движения отличаются от гражданских. Любое гражданское движение – это, в сущности, голос, который о себе заявляет. Даже если движение демонстрирует некомпетентность, это может означать: «реформируйте систему образования», «меньше дезориентируйте избирателя», «вызывайте больше доверия как эксперты и лидеры», «учитывайте голос менее организованных сограждан». Для распространения популизма в разных странах мира выделяют объективные предпосылки, когда элиты не представляют мнения какой-либо части общества или авторитет власти и политических партий резко падает, традиционные политические институты претерпевают кризис, ущемляются права или интересы локального населения, увеличивается разрыв между богатыми и бедными классами, появляется прекариат как социальный слой, срабатывает фактор масс-медиа, возрастает популярность гражданского протеста и т.д. [14, 15]. По этой причине популизм получает неоднозначную оценку со стороны политических экспертов: он и разрушает демократию (К. Робертс, К. Уэйланд, С. Левицки, К. Хокинс, В. Патцельт, Г. Коллинз, Р. Эванс), и является ее проявлением (Ф. Декер, Т. Тэнсье, Т. Аккерман, Т. Паппас) (см., напр.: [7, 14, 16, 17]).

Например, Г. Коллинз и Р. Эванс понимают популизм как то, что поглощает демократию, идет на поводу масс и поддерживает назначенного ими лидера, заглушая другие голоса в демократическом обществе [7. С. 203]. Несмотря на сказанное, популистские партии в Европе стали частью парламентской системы, работающей в атмосфере политического плюрализма [18]. Важно, наверное, то, что Г. Коллинз и Р. Эванс предупреждают об опасности популизма для демократии – быть поглощенной интересами доминирующей группы или идеологизированного большинства. Важно и то, что они говорят о независимых экспертах, нужных для демократии [7. С. 216]. Значит, не может быть коллективистской «эпистократии», которая бы подрывала систему сдержек и противовесов в демократичном обществе («Мы узнали из исследований науки, что эксперты обычно не согласны друг с другом» [7. С. 206]).

Между гражданскими движениями и научными направлениями остается основополагающее различие. Хотя бы оттого, что бездоказательность – это нонсенс для любого направления в науке, но подходящая стратегия для популизма в политике в зависимости от психологии электората. Научный популизм опирается на расхождение в научном сообществе мнения. Он сталкивает противоположные взгляды и позиции. Политический популизм апеллирует к воле народа, придерживается менее детализированной идейной платформы и идеологии. Он играет с настроениями и конфигурацией интересов активной части общества. В России к популизму прибегают практически все партии и правопопулистской можно назвать партию ЛДПР.

На практике в России встречаются «активисты», которые вообще не пользуются интеллектуальными и дискурсивными приемами в общественном пространстве. Они применяют более удобные методы приведения реальности в соответствие с желаниями. Среди них могут быть общественное или административное давление, бытовое или экономическое преследование, информационный шум или психологическое воздействие, электронные средства манипуляции и слежки за пользователями, личностные нападки вплоть до

насилия и физических угроз. В СМИ публикуется много примеров приведенных («печально известных») стратегий, проявляющихся как социальный феномен на фоне проводимой политики (см., напр.: [19–29] и др.).

Похоже, часть аудитории проявляет лояльность сомнительным политическим методам, не имеющим отношения к осуществлению демократии в обществе. Как следствие, снижается качество общественной жизни, формируется конфликтная и неправовая среда, возникает чувство несправедливости и враждебности между социальными группами.

Вывод. Если популизм оправдан как тактический прием, то не приемлем как стратегия в политике и тем более как платформа для научных объединений.

Список источников

1. Давос: Генсек ООН предупредил о «величайшем разломе» между Востоком и Западом // Новости ООН. 2023. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/01/1436747>
2. Kalichman S.C., Eaton L.A., Earnshaw V.A., Brousseau N. Faster than warp speed: early attention to COVID-19 by anti-vaccine groups on Facebook // Journal of Public Health. 2021. Vol. 44, № 1. P. e96–e105. DOI: 10.1093/pubmed/fdab093
3. Hammond J.L. The Anarchism of Occupy Wall Street // Science & Society. 2015. Vol. 79, № 2. P. 288–313.
4. Schram S.F. The Great Disconnect: Occupy and Policital Science // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 12, is. 2. P. 455–460. DOI: 10.1017/S1537592714000838
5. Chomsky N. Occupied Media Pamphlet Series. Brooklyn : Zuccotti Park Press, 2012. 122 p.
6. Albert M., Majavu M. Occupy Theory. Boston, MA : ZBooks Series / Zcommunications Press, 2012. 108 p.
7. Коллинз Г., Эванс Р. Populism and science // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 4. С. 200–218. DOI: 10.5840/eps201956476
8. Taberner J., Ciardiello F. Brexit: a European Perspective // The Lancet. Oncology. 2016. Vol. 17, Is. 5. P. 558–559. DOI: 10.1016/S1470-2045(16)30062-6
9. Reid G. Scientists are speaking up in debates over Brexit. So why is big business silent? // The Guardian. 2016. URL: <https://www.theguardian.com/science/political-science/2016/may/12/scientists-are-speaking-up-in-debates-over-brexit-so-why-is-big-business-silent> (accessed: 18.05.2023).
10. Cressey D. Scientist says ‘no’ to UK exit from Europe in Nature poll // Nature. 2016. № 531. P. 559. DOI: 10.1038/531559a
11. Owens B. Europe’s Nobel laureates step up warnings about Brexit’s effect on science // Nature. 2018. URL: <https://www.vbio.de/aktuelles/wissenschaft/europes-nobel-laureates-step-up-warnings-about-brexit-effect-on-science/> (accessed: 18.05.2023).
12. Революция белых листов бумаги: антиковидные протесты в Китае и требования отставки Си Цзиньпина // BBC News: русская служба новостей. 2022. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-63780335> (дата обращения: 18.05.2023).
13. Ермолин Е. «Климатический терроризм»: критика языка и эоактивисты // Aussiedlerbote. 2023. URL: <https://aussiedlerbote.de/2023/01/klimaticheskij-terrorizm-kritika-yazyka-i-ekoaktivisty/> (дата обращения: 18.05.2023).
14. Kaltwasser C.R., Hauwaert S.M.V. The populist citizen: Empirical evidence from Europe and Latin America // European Political Science Review. 2020. Vol. 12, is. 1. P. 1–18. DOI: 10.1017/S1755773919000262
15. Stollarz P. European Populism, From Left to Right // Institut Moutaigne. 2021. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/analysis/european-populism-left-right> (accessed: 18.05.2023).
16. Мецержков Д.Ю. Понятие популизма в современной англосаксонской и германской политической науке // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2019. Т. 21, № 4. С. 755–764. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-755-764
17. Подрезов М.В. История изучения политического популизма и его современное положение в политической науке // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 96–101. DOI: 10.17223/15617793/451/13

18. Chrysosgelos A. Is there a populist foreign policy? // Chatham House. 2021. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/03/there-populist-foreign-policy/populists-power-europe> (accessed: 18.05.2023)
19. Власти отправили ФСИН жалобу врачей на ФСИН о пытках Навального // The Insider. 2023. URL: <https://theins.ru/news/258529> (дата обращения: 18.05.2023).
20. Винокурова Е. Как российский философ может стать иноагентом? // Publico.ru. 2022. URL: <https://publico.ru/news/kak-rossiyskiy-filosof-mozhet-stat-inoagentom> (дата обращения: 18.05.2023).
21. «Я опасаясь за свою судьбу» // MSK1. Москва онлайн. 2022. URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2022/09/28/71692451/> (дата обращения: 18.05.2023).
22. Воробьева Ю. Вузы Петербурга отчисляют студентов за участие в митингах // РБК. 2022. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/09/03/2022/6228c9f19a7947844f7d801d?ysclid=ld36jbsylp769312241 (дата обращения: 18.05.2023).
23. Юсов С., Кулакова В., Солдатов Р. Плохая память: что привело к ликвидации «Международного Мемориала» // Известия. 2021. URL: <https://iz.ru/1270870/sergei-iusov-veronika-kulakova-roman-soldatov/plokhaya-pamiat-cto-privelo-k-likvidatsii-mezhdunarodnogo-memoriala> (дата обращения: 18.05.2023).
24. Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 136–162. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.4.5
25. Варламов И. Упущенные возможности Томска: разваленный трамвай, сгнившее деревянное зодчество, нелепая набережная // Youtube. 2020. URL: https://dzen.ru/video/watch/611fb8d43776a770cffe9ffd?utm_referer=www.google.com (дата обращения: 18.05.2023).
26. «#OldTownChallenge – селфи на фоне „гнилушек“». Как в Томске спасают памятники деревянной архитектуры // Настоящее время. 2019. URL: <https://www.currenttime.tv/a/wooden-architecture-tomsk-russia/29910389.html> (дата обращения: 18.05.2023).
27. Курилова А. Митинг с элементами цензуры // Коммерсантъ. 2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3395634> (дата обращения: 18.05.2023).
28. Микрюков С. Кто выжигает Черемoshники? // МК.RU. Томск. 2016. URL: <https://tomsk.mk.ru/articles/2016/07/13/kto-vyzhigaet-cheremoshniki.html> (дата обращения: 18.05.2023).
29. Почти 7% деревянных домов в Томске сгорели из-за поджогов – депутаты // РИА Новости. 2013. URL: <https://ria.ru/20130402/499231370.html> (дата обращения: 18.05.2023).

References

1. Novosti OON. (2003) Davos: Gensek OON predupredil o “velichayshem razlome” mezhdru Vostokom i Zapadom [Davos: UN Secretary-General warns of “great rift” between East and West]. [Online] Available from: <https://news.un.org/ru/story/2023/01/1436747> (Accessed: 18th May 2023).
2. Kalichman, S.C., Eaton, L.A., Earnshaw, V.A. & Brousseau, N. (2021) Faster than warp speed: early attention to COVID-19 by anti-vaccine groups on Facebook. *Journal of Public Health*. 44(1), pp. e96–e105. DOI: 10.1093/pubmed/fdab093
3. Hammond, J.L. (2015) The Anarchism of Occupy Wall Street. *Science & Society*. 79(2), pp. 288–313.
4. Schram, S.F. (2014) The Great Disconnect: Occupy and Political Science. *Perspectives on Politics*. 12(2) pp. 455–460. DOI: 10.1017/S1537592714000838
5. Chomsky, N. (2012) *Occupied Media Pamphlet Series*. Brooklyn: Zuccotti Park Press.
6. Albert, M. & Majavu, M. (2012) *Occupy Theory*. Boston, MA: ZBooks Series / Zcommunications Press.
7. Collins, H. & Evans, R. (2019) Populism and science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 56(4), pp. 200–218. DOI: 10.5840/eps201956476
8. Tabernero, J. & Ciardiello, F. (2016) Brexit: a European Perspective. *The Lancet. Oncology*. 17(5), pp. 558–559. DOI: 10.1016/S1470-2045(16)30062-6
9. Reid, G. (2016) Scientists are speaking up in debates over Brexit. So why is big business silent? *The Guardian*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/science/political-science/2016/may/12/scientists-are-speaking-up-in-debates-over-brexit-so-why-is-big-business-silent> (Accessed: 18th May 2023).
10. Cressey, D. (2016) Scientist says ‘no’ to UK exit from Europe in “Nature” poll. *Nature*. 531, p. 559. DOI: 10.1038/531559a

11. Owens, B. (2018) Europe's Nobel laureates step up warnings about Brexit's effect on science. *Nature*. 22nd October. [Online] Available from: <https://www.nature.com/articles/d41586-018-07146-x> (Accessed: 18th May 2023).
12. *BBC News*. (2022) Revolyutsiya belykh listov bumagi: antikovidnye protesty v Kitae i trebovaniya otstavki Si Tszin'pina [White Paper Revolution: Anti-Covid Protests in China and Demands for Xi Jinping's Resignation]. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/news-63780335> (Accessed: 18th May 2023).
13. Ermolin, E. (2023) "Klimaticheskij terrorizm": kritika yazyka i ekoaktivisty ["Climate terrorism": Language criticism and environmental activists]. *Aussiedlerbote*. [Online] Available from: <https://aussiedlerbote.de/2023/01/klimaticheskij-terrorizm-kritika-yazyka-i-ekoaktivisty> (Accessed: 18th May 2023).
14. Kaltwasser, C.R. & Hauwaert, S.M.V. (2020) The populist citizen: Empirical evidence from Europe and Latin America. *European Political Science Review*. 12(1). pp. 1–18. DOI: 10.1017/S1755773919000262
15. Stollarz, P. (2021) European Populism, From Left to Right. *Institut Montaigne*. [Online] Available from: <https://www.institutmontaigne.org/en/analysis/european-populism-left-right> (Accessed: 18th May 2023).
16. Meshcheryakov, D.Yu. (2019) The concept of populism in modern Anglo-Saxon and German political science. *Vestnik RUDN. Seriya: POLITOLOGIYA*. 21(4). pp. 755–764. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-755-764
17. Podrezov, M.V. (2020) The history of the study of political populism and its current position in political science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 451. pp. 96–101. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/451/13
18. Chrissyogelos, A. (2021) Is there a populist foreign policy? *Chatham House* [Online] Available from: <https://www.chathamhouse.org/2021/03/there-populist-foreign-policy/populists-power-europe> (Accessed: 18th May 2023).
19. *The Insider*. (2023) Vlasti otpravili FSIN zhalobu vrachey na FSIN o pytkakh Naval'nogo [The authorities sent the Federal Penitentiary Service a complaint from doctors to the Federal Penitentiary Service about the torture of Navalny]. [Online] Available from: <https://theins.ru/news/258529> (Accessed: 18th May 2023).
20. Vinokurova, E. (2022) Kak rossiyskiy filosof mozhet stat' inoagentom? [How can a Russian philosopher become a foreign agent?]. *Publico.ru*. [Online] Available from: <https://publico.ru/news/kak-rossiyskiy-filosof-mozhet-stat-inoagentom> (Accessed: 18th May 2023).
21. *MSK1. Moskva onlayn*. (2022) I opasayus' za svoju sud'bu [I fear for my fate]. [Online] Available from: <https://msk1.ru/text/gorod/2022/09/28/71692451/> (Accessed: 18th May 2023).
22. Vorobieva, Yu. (2022) *Vuzy Peterburga otchishlyayut studentov za uchastie v mitingakh* [Universities of St. Petersburg expel students for participating in rallies]. [Online] Available from: https://www.rbc.ru/spb_sz/09/03/2022/6228c9f19a7947844f7d801d?ysclid=ld36jbsylp769312241 (Accessed: 18th May 2023).
23. Yusov, S., Kulakova, V. & Soldatov, R. (2021) Plokhaya pamyat': chto privelo k likvidatsii "Mezhdunarodnogo Memoriala" [Bad memory: What led to the liquidation of the "International Memorial"]. *Izvestiya*. 28th December. [Online] Available from: <https://iz.ru/1270870/sergei-iusov-veronika-kulakova-roman-soldatov/plokhaya-pamiat-cto-privelo-k-likvidatsii-mezhdunarodnogo-memoriala> (Accessed: 18th May 2023).
24. Tsepilova, O.D. & Golbraykh, V.B. (2020) Environmental Activism: Mobilization of Resources of "Garbage" Protests in Russia in 2018–2020. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 23(4). pp. 136–162. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2020.23.4.5
25. Varlamov, I. (2020) *Upushchennye vozmozhnosti Tomsk: razvalennyy tramvay, sgnivshee derevyannoe zodchestvo, nelepay naberezhnaya* [Missed Opportunities of Tomsk: A collapsed tram, rotten wooden architecture, a ridiculous embankment]. [Online] Available from: <https://youtu.be/6U1F0vRNAk> (Accessed: 18th May 2023).
26. *Nastoyashcheye vremya*. (2019) «OldTownChallenge – selfi na fone "gnilushek"». Kak v Tomske spasayut pamyatniki derevyannoy arkhitektury ["#OldTownChallenge – selfie against the background of "rot." How monuments of wooden architecture are saved in Tomsk]. [Electronic resource]. Open access [Online] Available from: <https://www.currenttime.tv/a/wooden-architecture-tomsk-russia/29910389.html> (Accessed: 18th May 2023).
27. Kurilova, A. (2017) Miting s elementami tsenzury [Meeting with elements of censorship]. *Kommersant*. 26th August. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3395634> (Accessed: 18th May 2023).

28. Mikryukov, S. (2016) Kto vyzhigaet Cheremoshniki? [Who burns Cheremoshniki?]. *MK.RU. Tomsk*. 13th July. [Online] Available from: <https://tomsk.mk.ru/articles/2016/07/13/kto-vyzhigaet-cheremoshniki.html> (Accessed: 18th May 2023).

29. Selyanina, A. (2013) Pochti 7% derevyannykh domov v Tomske sgozoreli iz-za podzhogov – deputaty [Almost 7% of wooden houses in Tomsk burned down due to arson – deputies]. *RIA Novosti*. 2nd April. [Online] Available from: <https://ria.ru/20130402/499231370.html> (Accessed: 18th May 2023).

Сведения об авторе:

Аргамасова А.А. – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии Российской академии наук (Москва, Россия). E-mail: argamakova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Argamakova A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Department of Social Epistemology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: argamakova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 22.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 18.08.2023*

Научная статья

УДК 001

doi: 10.17223/1998863X/74/24

НАУЧНЫЙ ПОПУЛИЗМ КАК ЭВОЛЮЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Ольга Евгеньевна Столярова

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», Москва, Россия, olgastoliarova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются парадоксы рационализации общества, связанные с распространением и критикой научного знания. Получает развитие мысль Е.В. Масланова о том, что научный популизм (science-related populism) является не отбрасыванием рациональности, а ее своеобразным развитием. Сегодняшняя ситуация постистины характеризуется переопределением эпистемологических условий истины в новых социальных и технологических условиях. Ключевой особенностью этих условий является доступность знания для «людей с улицы». Широкая публика все меньше нуждается в посреднической фигуре эксперта, наводившего ранее мосты между знанием и потребностями обывателей. В борьбу за право определять условия истины включаются широкие массы непрофессионалов. Показано, что в ситуации постистины экспертам вряд ли удастся навязать нормы научного этоса широкой публике. Скорее, задача для экспертов состоит в том, чтобы приспособиться к ситуации, когда правила эпистемической игры могут быть в любой момент оспорены.

Ключевые слова: наука в обществе, популизм, постистина, экспертное знание, парадоксы рационализации, этос науки

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

Для цитирования: Столярова О.Е. Научный популизм как эволюция рациональности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 266–272. doi: 10.17223/1998863X/74/24

Original article

SCIENCE-RELATED POPULISM AS THE EVOLUTION OF RATIONALITY

Olga E. Stoliarova

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
olgastoliarova@mail.ru*

Abstract. The article examines the paradoxes of social rationalization associated with the dissemination and criticism of scientific knowledge. It focuses on the phenomenon of science-related populism, which is expressed in the fact that laymen criticize expert knowledge, accusing scientific (and political) elites of usurping the right to speak on behalf of the truth. Following Evgeniy Maslanov, the author raises the question about the historical and social foundations of scientific populism. The author develops Maslanov's idea that science-related populism is not a rejection of rationality, but a kind of its development. There are two levels of explanation of the dependence of science-related populism on the

development of rationality. At the first level, we are dealing with the assimilation of the scientific ethos by laymen in a situation where science penetrates all social institutions. The second level refers to the epistemological and cultural foundations of scientific ethos. The author shows that scientific rationality was originally contradictory. As an alternative rationality to the previous tradition, science staked on critical thinking and alternative points of view, but excluded any cognitive alternative beyond the new paradigm of scientific knowledge. Today's post-truth situation is characterized by the fact that scientific authoritarianism has been called into question. The redefinition of the epistemological conditions of truth takes place under new social and technological conditions, the key feature of which is the accessibility of knowledge to laymen. The general public has less and less need for the mediating figure of the expert, who used to build bridges between knowledge and the needs of ordinary people. The struggle for the right to determine the conditions of truth includes the broad masses of non-experts. In the situation of post-truth, experts are unlikely to be able to impose the norms of scientific ethos on the general public. Rather, the task for experts is to adapt to a situation in which any rules of the epistemic game can be challenged at any moment.

Keywords: science in society, science-related populism, post-truth, expert knowledge, paradoxes of rationalization, ethos of science

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-18-00494: The Mission of the Scientist in the Modern World: Science as Profession and Vocation.

For citation: Stoliarova, O.E. (2023) Science-related populism as the evolution of rationality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 266–272. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/24

Парадоксы рационализации общества

Несколько десятилетий назад общество, в котором мы живем, в лице социальных теоретиков осознало и определило себя как «общество знания» [1, 2]. В этом термине в свернутом виде содержатся основополагающие идеи эпохи современности – от приписываемого Фрэнсису Бэкону принципа «знание – сила» до самых оптимистичных прогнозов относительно возможностей искусственного интеллекта. В 90-е гг. прошлого века термин получил широкое употребление не только в академической и образовательной среде, но и в массмедиа. Тем самым был зафиксирован определенный консенсус по поводу роли знания как главного ресурса, обеспечивающего общественное развитие. Этот консенсус получает выражение в социальной политике, которая, трактуя знание как общественное благо, направлена на поддержание, приумножение и распространение знаний. Следовало бы признать такое положение дел если не полной и безоговорочной исторической победой знания над невежеством, то состоянием, близким к полной победе. Однако, как ни удивительно, именно распространение знания выступает фактором, который бросает вызов данному умозаключению.

Е.В. Масланов привлекает внимание к этому парадоксу, надо сказать, далеко не единственному, связанному с рационализацией общества. В свое время Макс Вебер убедительно продемонстрировал важнейшие из такого рода противоречий. Ключевая мысль Вебера состояла в том, что увеличение интеллектуальной автономии индивида приводит в конечном счете к утрате смысла жизни и личной свободы. В масштабах общества интеллектуальная автономия превращается в отчужденную силу, подавляющую человека.

Рационализация, проникающая во все сферы общественного бытия («расколдовывание мира»), несет с собой тотальный контроль, целью которого становится обеспечение максимальной эффективности социального действия (в ущерб личным смыслам и ценностям). Бюрократическая машина утилитарного разума воплощается в политике и экономике, которые, в свою очередь, апеллируют к науке как образцу рациональности. Все социально значимые решения принимаются прошедшими научную инициацию экспертами или со ссылками на экспертизу, обыватели не имеют права голоса и т.д. Учитывая эту концепцию Вебера, можно определить ситуацию, о которой говорит Е.В. Масланов, как двойной парадокс. Вебер предсказывал, и не без оснований, что в процессе рационализации те силы, которые ей противостоят, будут сдвигаться на периферию социальной жизни вплоть до полного исчезновения. Но происходит прямо противоположное. Как пишет Е.В. Масланов, опираясь на ряд недавних исследований, антиинтеллектуалистские движения приобретают тем больший вес, чем дальше общество продвигается по пути научного прогресса. «Люди с улицы» все громче заявляют о попрании своих интересов, обвиняя научные (и политические) элиты в узурпации права говорить от лица истины. Не является ли такая социальная динамика реставрацией донаучного восприятия мира, когда человеческий разум либо отдавал себя на волю разнообразных социальных и природных стихий, либо искал опору в сакральном и трансцендентном? Не угрожает ли она новым провалом в «темные века»? Или она обещает восстановить утраченное единство разума, смысла и свободы?

Борьба за условия возможности истины

Анализ, предпринятый Е.В. Маслановым, позволяет пролить некоторый свет на эти вопросы. Далее я напишу о том, что мне представляется существенным и верным в этом анализе, а затем обозначу спорные, с моей точки зрения, моменты и выскажу альтернативный взгляд на проблему. Прежде всего, Е.В. Масланов показывает, что нарастающее влияние научного популизма (*science-related populism*), направленного против политических и академических элит, следует трактовать не в терминах отрицания рациональности, а как ее своеобразную эволюцию. Мы имеем дело с прямой зависимостью роста антиинтеллектуалистских настроений от роста знания и распространения знаний в обществе. Первое объяснение этой зависимости, которое мы, вслед за Е.В. Маслановым, можем дать, лежит на поверхности. Чем больше социальных институтов апеллируют к науке, тем больше широкая публика вовлекается в круг научной практики и научного этоса. Демократизация знания приводит к тому, что роль экспертов применяют на себя представители обыденной культуры (я оставляю в стороне политических лидеров, которые манипулируют настроениями масс в борьбе за власть). Критицизм и скептицизм, присущие науке и транслируемые в общество, находят отклик в публичной сфере. Люди позволяют себе открыто усомниться в тех политических решениях, которые, с их точки зрения, противоречат здравому смыслу (их интересам), даже если эти решения «освящены» наукой. Протестные движения против ряда репрессивных политико-медицинских решений в ходе пандемии COVID-19 – недавнее тому свидетельство.

Более глубокое объяснение, которое также вычитывается из рассуждений Е.В. Масланова, выводит нас к эпистемологическим и историко-культурным основаниям этоса науки. Оно обращено к исторически уникальной стратегии науки, реализуемой в рамках общего развития познающего разума. Дело в том, что в структуру научной рациональности изначально было включено противоречие. Заявив о себе как о новом методе познания, для которого единственным безусловным авторитетом является опыт, наука отвергла предшествующую познавательную традицию как спекулятивную и авторитарную и учредила новое пространство истины. В этом пространстве истина не была задана априори; она раскрывалась (или создавалась) в процессе систематического освоения опытных данных эмпирическими субъектами и в ходе свободной дискуссии, которая должна была приводить к разумному согласию. Однако принятые «правила игры» существенно ограничивали свободу. Внимание к оппозиционной точке зрения признавалось осмысленным, только если эта точка зрения формулировалась в терминах новой познавательной парадигмы. Иными словами, истина конструировалась апостериори, но лишь в заранее заданных (априорных) условиях и никак иначе. Будучи альтернативной рациональностью по отношению к предшествующей традиции, наука делала ставку на критическое мышление и альтернативные точки зрения, но при этом исключала любую познавательную альтернативу, выходящую за пределы новой модели научного познания. Поэтому многие социальные теоретики вслед за Вебером обвинили науку в том, что под видом свободы она создает новую диктатуру.

Вместе с тем встроенное в научную рациональность критическое мышление, некогда обеспечившее науке победу над авторитаризмом традиции, обладает возможностью выступить оппонентом по отношению к самой науке. Сила критического мышления заключается в его рефлексивной способности занимать внешнюю позицию по отношению к самому себе как своему объекту и тем самым ликвидировать монополию на истину. Именно это происходит во времена поздней современности и постсовременности, когда объектом критического мышления становится научная рациональность. Нельзя сказать, что научная рациональность не имела оппонентов в предшествующие времена. Хорошо известна романтическая и натурфилософская критика науки в XIX в. Но сегодняшняя атака на науку имеет существенные особенности, которые Е.В. Масланов связывает с ситуацией постправды. Насколько я понял Е.В. Масланова и Стива Фуллера, на концепцию которого Е.В. Масланов опирается, ситуация постправды, или постистины, означает неопределенность в отношении не содержания истины (оно вторично), а условий, в которых истина возможна. Спор по поводу этих условий, («противостояние за право говорить от имени истины» [3]) и составляет специфику сегодняшней ситуации, которую Фуллер называет «борьбой за модальную власть» [4].

Я не думаю, что спор об условиях возможности истины является чем-то принципиально новым для эпистемологии (да и сам Фуллер возводит его к противостоянию Платона и софистов [4]). Принципиально новыми являются социальные условия, в которых происходит переопределение эпистемологических условий истины. В наше время информацией владеют не только элиты. И не только они отвечают за ее производство. Глобальная цифровиза-

ция и глобальный Интернет обеспечили участие в производстве и потреблении информации «людям с улицы». Нейросети генерируют для массовых пользователей потоки информации, которые с трудом поддаются контролю с чьей бы то ни было стороны. Доступность знания приводит к тому, что им распоряжается широкая публика, которая, соответственно, все меньше нуждается в посреднической фигуре эксперта, наводившего ранее мосты между знанием и потребностями обывателей. Кризис экспертной культуры вместе с экспоненциальным ростом информации обеспечивают своеобразие сегодняшнего состояния пост-истины, при котором неопределенно большие круги людей включаются в принятие социально значимых решений в неопределенно большом количестве новых ситуаций [4]. В онтологическом смысле это означает, что (социальная) реальность зависит от того, какие, возможно, неожиданные решения по ее поводу будут приняты и кем. В эпистемологическом смысле это говорит о том, что условия познания еще не сформировавшейся реальности определяются по ходу дела (многочисленными участниками процесса), а не предшествуют ему.

Популизм и право на ошибку

До сих пор в своем прочтении Е.В. Масланова я двигалась, как мне представляется, в общем русле высказанных им идей, не подвергая их сомнению. Теперь обращаюсь к тому, что считаю сомнительным, причем именно с точки зрения картины постистины, которая складывается на основании его рассуждений. Рассматривая научный популизм как следствие развития научной рациональности, а не ее отрицание или отмену, Е.В. Масланов тем не менее видит в нем серьезную эпистемическую проблему и предлагает способ ее устранения. Проблема, по его мнению, коренится в том, что широкая публика, не прошедшая полной научной социализации, усваивает ценность научного критического мышления, но не усваивает должным образом ценность научного смирения. Критицизм и скептицизм, не уравновешенные готовностью подчиниться доводам разума, могут привести к опасному перекосу в сторону волюнтаризма толпы, который создает угрозу рациональности. Как считает Е.В. Масланов, сбалансированность ценностей научного познания должна лечь в основу популярного образа науки, над которым ученым следует поработать.

Трудно не согласиться с тезисом о необходимости баланса противоположных, но равно важных устремлений. Такой баланс, конечно, весьма желателен. Но в данном случае, мне думается, что Е.В. Масланов скорее уходит от проблемы, чем предлагает ее решение. Проблема состоит не в том, чтобы научить людей подчиняться, а в том, чтобы приспособиться к ситуации, когда любые правила эпистемической игры могут быть в любой момент оспорены. В парадигме постистины единственным доводом разума, претендующим на универсальность, становится обоснование права на ошибку [4]. Профессионалы, игнорирующие этот довод, рискуют оказаться в положении, наихудшем из возможных, – утратить связь с реальностью. Теряя материальную и институциональную власть над знанием, эксперты неизбежно теряют концептуальную и идеологическую власть. Поэтому представляется проблематичным устранение конфликта экспертов и непрофессионалов посредством

развития обучающих программ и популяризации научного этоса¹. Ситуация постистины является обучающей прежде всего для самих экспертов. Исходя из логики постистины (если так можно выразиться), лучшее, что могут сделать эксперты, – это признать существование альтернативных форм знания и познавательных практик, иными словами, признать право людей говорить от своего собственного лица, даже если они говорят «глупости»². Только так (не могу избежать очередного парадокса) эксперты будут в состоянии занять эпистемологическую метапозицию, возвышаясь над схваткой, но не отрываясь от реальности.

Заключение

Можно прийти к выводу, что мы защищаем позицию «все дозволено». В определенном смысле это так. Мы говорим о том, что «все дозволено» в той теоретической и практической ситуации постистины, о которой пишет Е.В. Масланов. В пространстве постистины не работают односторонние просветительские стратегии классической рациональности, направленные сверху вниз, от элит к публике. Но, как и в эпистемологическом анархизме П. Фейерабенда, позиция «все дозволено» имеет ограничения, которые проистекают из самой ситуации постистины. Феномен научного популизма есть часть процесса распространения знания в новых социотехнических условиях. Наблюдая этот процесс и участвуя в нем, мы имеем дело не с отрицанием, а с освоением знания. Пусть это освоение сопряжено с некоторыми издержками, но их можно интерпретировать как болезни роста. Во всяком случае, если мы признаем, что право на ошибку требует обоснования, то нам следует также признать, что постистина неотделима от рациональности.

Список источников

1. *Drucker P.F.* The Rise of the Knowledge Society // *The Wilson Quarterly*. 1993. Vol. 17, № 2. P. 52–72.
2. *Stehr N.* Knowledge Societies. London : Sage Publications, 1994. 304 p.
3. *Масланов Е.В.* Социальная эпистемология и вызовы популизма // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2023. № 74. С. 234–241. doi: 10.17223/1998863X/74/20

¹ Интересно, что сегодня просветительская стратегия критикуется и теми исследователями, которые не признают радикального конструктивизма, стирающего грань между демократией и популизмом. Так, Г. Коллинз и Р. Эванс связывают просветительский проект с «первой волной» социологических исследований знания и дефицитарной моделью понимания науки обществом. Согласно этой модели, недоверие к науке со стороны общества порождено недостатком правильных знаний о ней. Систематическая трансляция правильных знаний в публичную сферу должна обеспечить лояльность неспециалистов по отношению к экспертам. Эта модель подверглась критике со стороны представителей «второй волны». Они полагали, что правильным знанием о науке является такое, которое говорит об отсутствии теоретического и практического единства внутри самой науки. Позиция второй волны, соответственно, подрывала авторитет экспертов. Коллинз и Эванс предлагают собственную альтернативу – «третью волну». Концепция третьей волны утверждает, что посредником между наукой и обществом выступает «вездесущая» (ubiquitous) социологическая экспертиза, которая обеспечивает баланс между знанием экспертов и знанием неспециалистов [5. P. 212–214].

² Здесь, по-видимому, следует вспомнить концепцию коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса [6], в которой рациональность расширяется за счет принятия позиции Другого. Для более полного представления о возможных рисках и издержках реализации проекта коммуникативной рациональности по отношению к научному популизму см. работу [7], где высказана позиция, которая отчасти перекликается с точкой зрения Е.В. Масланова.

4. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
5. Collins H.M., Evans R. Populism and Science // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2019. Vol. 56, № 4. P. 200–218.
6. Habermas J. The Theory of Communicative Action / tr. by T. McCarthy. Boston : Beacon, 1985. Vol. II: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason 457 p.
7. Шевченко С.Ю., Тухватулина Л.А. Несвятая простота: эпистемология добродетелей и три стратегии отрицания научного знания // *Вопросы философии*. 2020. № 11. С. 109–119.

References

1. Drucker, P.F. (1993) The Rise of the Knowledge Society. In: *The Wilson Quarterly*, vol. 17 (2). pp. 52–72.
2. Stehr, N. (1994) *Knowledge Societies*. London: Sage Publications.
3. Maslanov, E.V. (2023) Social epistemology and challenges of populism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 234–241. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/20
4. Fuller, S. (2021) *Postpravda: Znaniye kak bor'ba za vlast'* [Post-Truth. Knowledge as a Power Game], trans. from Engl. by D. Kralechkina, sci. ed. by A. Smirnova. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
5. Collins, H.M., Evans, R. (2019) Populism and Science. In: *Epistemology & Philosophy of Science*, vol. 56, no. 4, pp. 200–218.
6. Habermas, J. (1985) *The Theory of Communicative Action. Vol. II: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*, transl. from German by T. McCarthy. Boston: Beacon.
7. Shevchenko, S.Ju., Tukhvatulina, L.A. (2020) Nesvyataya prostota: epistemologiya dobrodetelej i tri strategii otricaniya nauchnogo znaniya [Unholy Simplicity: Virtue Epistemology and the Three Strategies of Scientific Denialism]. *Voprosy Filosofii – Philosophical Problems*. 11. pp. 109–119.

Сведения об авторе:

Столярова О.Е. – доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия). E-mail: olgastoliarova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Stoliarova O.E. – Dr. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: olgastoliarova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2023;
одобрена после рецензирования 01.06.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 22.05.2023;
approved after reviewing 01.06.2023; accepted for publication 18.08.2023

АРХИВ

Научная статья
УДК 1 (091)
doi: 10.17223/1998863X/74/25

АРТУР ШОПЕНГАУЭР КАК ПОЭТ

Наталья Юрьевна Чепелева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
chepeleva.philos@mail.ru*

Аннотация. Артур Шопенгауэр вошел в историю как философ, яркий прозаик и стилист. Поэзия была для него скорее увлечением, нежели способом выразить свое философское мировоззрение. Тем не менее анализ стихотворений, написанных Шопенгауэром в разные периоды жизни, позволяет не только пролить свет на детали его биографии, но и прояснить некоторые концепты, над которыми он размышлял во время написания. Работа с онлайн-архивом Франкфуртского университета имени И. Гете, в котором хранятся оцифрованные фрагменты рукописного наследия Шопенгауэра, а также первые издания его работ позволяют реконструировать некоторые детали публикации стихотворений.

Ключевые слова: Шопенгауэр, стихи, остатки рукописи, Parerga und Paralipomena

Для цитирования: Чепелева Н.Ю. Артур Шопенгауэр как поэт // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 273–283. doi: 10.17223/1998863X/74/25

ARCHIVE

Original article

ARTHUR SCHOPENHAUER AS A POET

Natalia Yu. Chepeleva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, chepeleva.philos@mail.ru

Abstract. An analysis of the poems written by Schopenhauer at different periods of his life allows not only shedding light on the details of his biography, but also clarifying some of the concepts that he was thinking about while writing. A personal note of Schopenhauer with the poem “Der Kanzel Zierde” has been preserved and entered into *Manuscript Remains*. Because of this satirical poem ridiculing the teacher, Schopenhauer had to stop studying at the Gymnasium Illustre and leave Gotha. In 1809, at the age of 21, Schopenhauer wrote the poem “Mitten in einer stürmischen Nacht”, which reflected the existential experiences of the young philosopher. Gödde, Gwinner, and Safranski offer different interpretations of this poem. Probably the most successful solution for the interpretation of the poem “Mitten in einer stürmischen Nacht” will be to take into account all the interpretations mentioned, insofar as they are supported by personal letters and notes of Schopenhauer himself. In the winter of 1809, Schopenhauer fell in love with Caroline Jagemann, an actress, opera singer

and Duke Karl August's favorite, to whom Schopenhauer's only surviving love poem is dedicated. The original manuscript of Schopenhauer's love poem has been lost, probably burned during World War II. However, we have at our disposal a facsimile of the manuscript. In 1813, Schopenhauer wrote one of his most optimistic poems. It was included in *Several Poems (Einige Verse)* – an addition to the second volume of *Parerga und Paralipomena* in 1851. In the poem "Sonnenstrahl durch Wolken, im Sturme", we can observe the reflection of the emerging concepts of "better consciousness", "pure subject", "one world-eye". At the beginning of 1819, Schopenhauer's main work, *The World as Will and Representation*, was published. After publication, the inspired Schopenhauer, who was on his way from Naples to Rome in April 1819, wrote "Unverschämte Verse", in which the 31-year-old Arthur immodestly suggests that his descendants will erect a monument to him. In the 1851 edition of the 2nd volume of *Parerga und Paralipomena*, this poem was not published among the other *Einige Verse*. Schopenhauer died in 1860, and a second and much enlarged edition of *Parerga und Paralipomena* was prepared by Frauenstedt in 1862, based on Schopenhauer's *Manuscript Remains*. Probably Frauenstedt added "Unverschämte Verse" to *Einige Verse*. There is one more poem missing from the first edition of *Parerga und Paralipomena*. As in the case of "Unverschämte Verse", only in the second edition was the unfinished poem of 1820 dedicated to Kant later published. Schopenhauer's poems are more valuable in the context of a discussion of his philosophical heritage than as independent works. *Einige Verse* as conceived by Schopenhauer were published for those who first become interested in his philosophy and only after that want to get to know the author better.

Keywords: Schopenhauer, poems, Manuscript Remains, Parerga und Paralipomena

For citation: Chepeleva, N.Yu. (2023) Arthur Schopenhauer as a poet. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 273–283. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/25

1. «Der Kanzel Zierde», 1807

С июня по декабрь 1807 г. 19-летний Шопенгауэр посещал гимназию Эберхарда Людвиг (Gymnasium illustre) в Готе. На время учебы Шопенгауэр при содействии матери поселился в доме профессора филологии Карла Готхольда Ленца и в гимназии заявил о себе как о способном и талантливом ученике. В это время он завел друзей среди местных дворян и много времени и средств тратил на увеселительные прогулки в новой компании, что, судя по его переписке с матерью и Антимом Грегуаром [1], воспринимал с гордостью как выход из бюргерского сословия, к которому принадлежал по рождению. По мнению Сафрански, именно ощущение исключительности, вызванное успехами в учебе и среди сверстников, вдохновило Шопенгауэра на создание сатирического стихотворения, из-за которого ему пришлось в декабре прекратить обучение в гимназии и покинуть город [2. С. 134].

Сохранилась и вошла в «Рукописное наследие» личная запись Шопенгауэра со стихотворением «Der Kanzel Zierde». Опубликованная в Цифровом архиве Шопенгауэра заметка датирована 1809 г., однако само стихотворение было написано в 1807. Архив сообщает, что стихотворение посвящено Кристиану Фридриху Шульце – вероятно, имеет место опечатка. Нет сомнений в том, что стихотворение Шопенгауэра посвящено Кристиану Фердинанду Шульце.

Der Kanzel Zierde, des Katheders Freude,
Der Stadt Erzähler und der Loge Sprecher,
Vollkommner Christ, vollkommner Jude, Heide,
Der Morgens Bücher trägt und Abends Fächer,

Die sieben freien Künste aller Meister,
Der mann, der alles kann und alles kennt,
Die Blüth und Krone aller schönen Geister,
Der tausende von Freunden hat und – nennet [3].

Русскоязычный перевод стихотворения представлен в переводе монографии Сафрански о Шопенгауэре, выполненном Ксенией Тимофеевой:

Чарует с кафедры, гремит с амвона,
Пример для христиан, язычников, евреев,
Оратор Ложи, украшение салона,
В руках то книга, то изящный веер,
Семи искусств знаток непревзойденный,
Всех одареннее, всех краше, всех умней,
Вершина духа и его корона,
Счастливый друг для тысячи друзей [2. С. 134].

В стихотворении Шопенгауэр высмеивает Кристиана Фердинанда Шульце¹ – профессора *Gymnasium illustre*, который читал лекции по философии, богословию и теории морали. В то время Шульце также работал в «Национальной газете немцев (*Nationalzeitung der Deutschen*), издаваемой в Готе, и написал заметку о пеннализме (издевательствах старшеклассников над младшими учениками), которую многие ученики, в том числе Шопенгауэр, восприняли на свой счет. В ответ на заметку Шульце Шопенгауэр и написал стихотворение «*Der Kanzel Zierde*». Хюбшер сообщает, что Шопенгауэр зачитал это стихотворение своим друзьям за обедом, и вскоре о нем узнал сам Шульце [4. S. 83]. Он подал официальную жалобу директору гимназии профессору Дерингу. Учитывая, что на Шопенгауэра уже поступала жалоба от другого преподавателя, Деринг счел себя обязанным прекратить частные уроки латинского языка, которые оказывал Шопенгауэру. Хотя Артуру разрешили остаться в гимназии, сам он принял решение покинуть Готу и переехал в Веймар.

2. «*Mitten in einer stürmischen Nacht*», 1809

В 1809 г., в возрасте 21 года, Шопенгауэр написал стихотворение «*Mitten in einer stürmischen Nacht*», в котором отразились экзистенциальные переживания молодого философа. В «Рукописном наследии» представлена рукописная заметка Шопенгауэра с этим стихотворением:

Mitten in einer stürmischen Nacht,
Bin ich mit grossen Ängsten erwacht,
Hört' es sausen und hört' es stürmen
Durch Höfe, Hallen und an den Thürmen;
Ströme gössen von Dächern und Rinnen,
Platschten im Graben und peitschten die Zinnen;

¹ Также не путать с Готлобом Эрнстом Шульце, первым философским учителем Шопенгауэра, по совету которого Шопенгауэр перевелся с медицинского на философский факультет в Геттингене и чью критику кантовской философии слушал Шопенгауэр.

Fenster klirrten und Wetterfahnen,
Eulengeschrei schien ängstlich zu mahnen;
Panzer scharrten im Rittersaal –
Aber kein Schimmer, kein schwächster Strahl
Konnte die tiefe Nach durchreichen.
Als könnte vor keiner Sonne sie weichen,
Fest und undurchdringlich sie lag,
Dass ich glaubt', es käme nimmer kein Tag:
Da that gar grosse Angst mich fassen,
Fühlt' mich so bang, so allein und verlassen [5].

Русскоязычный перевод стихотворения также представлен в переводе монографии Сафрански о Шопенгауэре, выполненном Ксенией Тимофеевой:

Посреди ночи, под грома раскаты,
Я пробудился, страхом объятый.
Я слышал ужасный рев бури. Я слышал,
Как ветер свистит и хлещет по крышам.
Ни проблеск, ни лучик, увы, не могли
Пробиться сквозь эту глубокую ночь.
Казалось, что солнце не сможет помочь
Развеять густой и недвижимый мрак,
И утро теперь не наступит никак.
И страх, и тоска разрастались в груди:
Я всеми покинут, заброшен, один [2. С. 92].

Гёдде в статье «Открытие Шопенгауэром психологии бессознательного» предлагает психоаналитическую интерпретацию данного стихотворения: в нем отразилась тревога, которая появилась у Артура еще в детстве в связи с депрессией отца и последующими проблемами в отношениях с матерью [6. S. 15–36].

Иное объяснение можно обнаружить у Гвиннера, автора первой биографии Шопенгауэра «Жизнь Шопенгауэра» 1878 г. [7. S. 78]. В то время, когда было написано стихотворение, у Шопенгауэра обнаружилась предрасположенность к внезапным страхам без видимой причины, особенно в ночной тишине, которая, по-видимому, была унаследована от отца и связана с патологическим поражением слухового нерва.

Сафрански обращает внимание на то, что стихотворение было написано именно в тот период, когда Шопенгауэр начал интересоваться проблемой теодицеи и изучал Маттиаса Клаудиуса и Вильгельма Генриха Ваккенродера [2. С. 92–94]. Как правило, именно этот ранний период исследователи философии Шопенгауэра имеют в виду, когда говорят о пессимистичности молодого философа.

Вероятно, наиболее удачным решением для истолкования стихотворения «Mitten in einer stürmischen Nacht» станет учет всех упомянутых интерпретаций, поскольку все они подкрепляются личными письмами и заметками самого Шопенгауэра.

3. «Der Chor zieht durch die Gassen», 1809

Зимой 1809 г. Шопенгауэр влюбился в Каролину Ягеманн, актрису, оперную певицу и фаворитку герцога Карла Августа, которой посвящено единственное сохранившееся любовное стихотворение Шопенгауэра:

Der Chor zieht durch die Gassen,
Wir stehn vor deinem Haus;
Mein Leid würd' mir zu Freuden,
Sähst du zum Fenster aus.
Der Chor singt auf der Gasse
Im Wasser und im Schnee:
Gehüllt im blauen Mantel
Zum Fenster auf ich seh.
Die Sonne hüllen Wolken,
Doch deiner Augen Schein,
Er flösst am kalten Morgen
Mir Himmelswärme ein.
Dein Fenster hüllt der Vorhang:
Du träumst auf seidnem Pfühl
Vom Glücke künft'ger Liebe,
Kennst du des Schicksals Spiel?
Der Chor zieht durch die Gassen:
vergebens weilt mein Blick;
Die Sonne hüllt der Vorhang:
Bewölkt ist mein Geschick.

Оригинал рукописи Шопенгауэра с любовным стихотворением был утерян, вероятно, он сгорел во время Второй мировой войны – об этом сообщает Штолльберг в заметке на сайте Архивного центра Франкфуртского университета им. Гете [8]. Однако в нашем распоряжении сохранилось факсимиле рукописи [9, 10], впервые опубликованное в третьем выпуске «Шопенгауэровского ежегодника» (Schopenhauer-Jahrbuch) в 1914 г. [11. S. 9–10].

Можно предложить следующий перевод единственного любовного стихотворения Шопенгауэра на русский язык:

Наш хор шел по бульварам
И встал пред твоим домом.
Печаль мне в радость стала,
Там ты в окне знакомом.
Мы под открытым небом
Стоим средь луж и снега,
Я в синий плащ укутан,
В твоё окно смотрел я.
Укрыто тучей солнце,
Все взгляд твой освещает.
Холодным утром льется,
Как солнце согревая.

Окно за занавеской,
Там ты в шелках мечтаешь
О том, кого полюбишь,
Про рок судьбы не зная.
Наш хор шел по бульварам
Мой взгляд застыл напрасно;
Укрыто тучей солнце,
Судьба моя неясна.

Безответная юношеская любовь к Каролине Ягеманн могла стать [2. С. 199] одним из поводов к позднейшим мизогинным рассуждениям Шопенгауэра [12. С. 474–484] и его разочарованию в любви. Биографы отмечают, что Шопенгауэру не удавалось построить отношения с женщинами, начиная от проблем с матерью и безответного чувства к Каролине Ягеманн и заканчивая его неудачным романом с танцовщицей Каролиной Рихтер (Медон).

Все это вылилось в оригинальное учение о женщинах и любви, которое, несмотря на ряд противоречий, удачно встроилось в общую философскую систему, построенную Шопенгауэром. Романтическая любовь, по Шопенгауэру, – это индивидуализированный половой инстинкт; в половом влечении и страстной заботе о потомстве проявляется воля к жизни по отношению к роду. И женщины в такой системе оказываются менее совершенными, чем мужчины, – их любовь, скорее, инстинктивна, мужская же любовь метафизична. Такие воззрения Шопенгауэр позднее выскажет в эссе «О женщинах», опубликованном во втором томе «*Parerga und Paralipomena*» 1851 г. [12. С. 474–484], и они будут резко отличаться от взглядов, выраженных в его юношеской любовной лирике.

4. «*Sonnenstrahl durch Wolken, im Sturme*», 1813

В 1813 г. Шопенгауэр создал одно из наиболее оптимистичных своих стихотворений. Вероятно, в рукописном варианте данное стихотворение не сохранилось, поэтому цитирование приводится по первому изданию второго тома «*Parerga und Paralipomena*», в котором стихотворение было впервые опубликовано. Оно вошло в «Несколько стихотворений» (*Einige Verse*) – дополнение ко второму тому «*Parerga und Paralipomena*» 1851 г.

Sonnenstrahl durch Wolken, im Sturme.
O wie ruhst du im Sturme, der Alles beugt und zerstreuet,
Fest, unerschüttert und still, du Strahl der erheiternden Sonne!
Lächelnd wie du, wie du mild, wie du fest und in ewiger Klarheit,
Ruhet der Weise im Sturm des jammer- und angstvollen Lebens [13. S. 528].

Русскоязычный вариант данного стихотворения, а также других стихотворений Шопенгауэра из дополнения «*Einige Verse*» был представлен в переводе Ю.И. Айхенвальда 1910 г.:

Солнечный луч сквозь облака, в бурю
О, как покоен ты в бурю, которая гнет все и рушит,
Неколебимый и тихий, о луч благодатного солнца!

Ясный как ты и как ты с безмятежной улыбкой, –
В жизненной буре и скорби мудрец неизменно покоен [14. С. 505].

В 1813 г. Шопенгауэр активно разрабатывал свой концепт «лучшего сознания». Оно противоположно «эмпирическому сознанию», проявляет себя только опосредованно. Если эмпирическое сознание находится под действием Закона достаточного основания и лишено свободы, то «лучшее сознание» освобождает человека от всего временного, обманчивого и неистинного. Оно проявляет себя в укорах совести, даря мгновения подлинной моральной жизни. Саттар показывает, что первая концепция воли появляется у Шопенгауэра в непосредственной связи с понятием «лучшее сознание», а «умопостигаемый характер» и «волю» в диссертации 1813 г. следует понимать как его синонимы [15. С. 97–105, 253]. Другим наследником «лучшего сознания» является знаменитое понятие шопенгауэровской эстетики «чистый субъект». Вероятно, именно это «лучшее сознание», которое затем станет «чистым субъектом», и есть загадочное единое мировое око (klares Weltauge, das eine Weltauge), которое Шопенгауэр будет описывать в своих эстетических работах. Этот концепт Шопенгауэра можно считать одним из наиболее оптимистичных [16], поскольку, когда в нас открывается единое мировое око, мы способны чувствовать гармонию, царящую в мире идей. В стихотворении «Sonnenstrahl durch Wolken, im Sturme» мы можем наблюдать отражение этих формирующихся концептов.

5. «Unverschämte Verse», 1819

В начале 1819 г. была опубликована главная работа Шопенгауэра «Мир как воля и представление». После публикации вдохновленный Шопенгауэр, следовавший в апреле 1819 г. из Неаполя в Рим, написал «Бесстыдные стихи». В стихотворении 31-летний Артур нескромно предполагает, что потомки поставят ему памятник. Создание стихов также связано с одним письмом, которое Артур получил от сестры Адели. В нем Адель сообщает, что Гёте внимательно прочитал главное сочинение Шопенгауэра и отметил наиболее понравившиеся ему места [2. С. 343].

В защиту Шопенгауэра следует обратить внимание на то, что в издании 2-го тома «Parerga und Paralipomena» 1851 г. это стихотворение не было опубликовано среди других «Einige Verse». Сразу же за стихотворением «Сикстинская Мадонна» в оригинальном тексте издания 1851 г. следует «Загадка Турандот» [13. S. 529.]. В русскоязычном издании сочинений Шопенгауэра после «Сикстинской Мадонны» опубликованы «Бесстыдные стихи», которых не было в издании 1851 г. Дело в том, что русскоязычный перевод был составлен не по первому изданию «Parerga und Paralipomena» 1851 г., а по второму изданию, вышедшему уже после смерти Шопенгауэра. Шопенгауэр умер в 1860 г., а второе и значительно дополненное издание «Parerga und Paralipomena» было подготовлено Фрауэнштедтом в 1862 г. на основании рукописного наследия Шопенгауэра. Вероятно, Фрауэнштедт добавил «Нескромные стихи» в «Einige Verse».

Aus langgehegten, tiefgefühlten Schmerzen
Wand sich's empor aus meinem innern Herzen.
Es festzuhalten hab' ich lang' gerungen:

Doch weiß ich, daß zuletzt es mir gelungen.
Mögt euch drum immer wie ihr wollt gebärden:
Des Werkes Leben könnt ihr nicht gefährden.
Aufhalten könnt ihr's, nimmermehr vernichten:
Ein Denkmal wird die Nachwelt mir errichten [17. S. 693].

Перевод Ю.И. Айхенвальда:

Я выносил его во глубине сердечной,
С тяжелой мукою, с любовью бесконечной.
Я долго не хотел являть его рожденья,
Но знаю: предо мной прекрасное творенье.
Ропщите вокруг него сколь вам угодно страстно:
Ему для жизни это вовсе не опасно.
Убить его нельзя, – скрыть может вероломство:
Наверно памятник воздвигнет мне потомство [14. Т. 5. С. 506].

Шопенгауэр оказался прав: памятник был установлен во Франкфурте-на-Майне 5 июня 1895 г. (после кражи переустановлен 19 сентября 1952 г.). Бюст расположен по адресу Lange Str. 10, 60311 Frankfurt am Main, Deutschland.

6. «An Kant», 1820

В первом издании «Parerga und Paralipomena» отсутствует еще одно стихотворение. Как и в случае с «Нескромными стихами», во втором издании было позднее опубликовано неоконченное стихотворение 1820 г., посвященное Канту:

Ich sah Dir nach in Deinen blauen Himmel,
Im blauen Himmel dort verschwand Dein Flug.
Ich blieb allein zurück in dem Gewimmel,
Zum Troste mir Dein Wort, zum Trost Dein Buch. –
Da such' ich mir die Öde zu beleben
Durch Deiner Worte geisterfüllten Klang:
Sie sind mir alle fremd, die mich umgeben
Die Welt ist öde und das Leben lang [17. S. 693].

Перевод А.Ю. Айхенвальда:

Тебе вослед смотрел я в даль лазури;
В дали лазурной реял твой полет.
Теперь один я средь житейской бури,
Отрады дух твоя мне книга шлет.
О, слов твоих нетленная святыня
Да льет кругом свой животворный звук!
Мне чужды все; вокруг меня пустыня,
И жизнь долга, и мир исполнен мук.

(Неокончено) [14. С. 506].

Шопенгауэр неоднократно утверждал, что его философия возникла из синтеза учений Упанишад, Платона и Канта. В «Критике кантовской фило-

софии» он пишет: «Я не признаю, чтобы ним и мною было что-либо сделано в области философии, поэтому примыкаю непосредственно к Канту» [18. С. 351]. Главной заслугой Канта, по мнению Шопенгауэра, является различение явления и вещи самой по себе, – эту же истину Шопенгауэр обнаружил в учении Вед (Майя и Брахма) и у Платона (мир вещей и мир идей). Среди других заслуг Канта, восхищавших Шопенгауэра, – различение нравственного значения человеческих поступков и законов явления, а также ниспровержение схоластической философии. Шопенгауэр предложил оригинальную интерпретацию учения Канта, сделав вывод, что вещь сама по себе – это воля, а мир как представление – явление.

Публикацию стихотворения Шопенгауэра о Канте во втором издании «*Parerga und Paralipomena*» Фрауэнштедт сопроводил сноской, в которой привел цитату из книги Кристиана Фридриха Ройша «Кант и его застольные друзья» 1847 г.: «День, в который умер Кант, был таким ясным и безоблачным, каких мало в нашей стране: только маленькое легкое облачко в зените висело на лазурном небе. Рассказывали, что солдат на кузнечном мосту обратил на него внимание прохожих словами: „Вот, это душа Канта, летящая к небесам“» [17. S. 693]. Вероятно, Шопенгауэр в своем стихотворении имел в виду этот отрывок, когда описывал полет в лазурную даль.

В эссе «К эстетике поэзии» Шопенгауэр предлагает определение поэзии: «искусство посредством слов побуждать способность воображения» [19. С. 354]. Цель поэта, по Шопенгауэру, заключается в стремлении раскрыть перед читателями мир идей. Вообще этой цели служит всякое искусство, об этом Шопенгауэр прямо пишет в эссе «О внутренней сущности искусства» [20. С. 341], а особенность поэзии заключается в способе выражения. Поэт при помощи слов выражает то, что уже сам познал и хочет передать другим. Шопенгауэр замечает, что «к философии поэзия относится так, как опыт к эмпирической науке» [19. С. 357]. Это значит, что поэзия выражает на частных индивидуальных примерах ту же мудрость, которую философия выражает в общих понятиях, подобно тому как опыт знакомит нас с явлениями на примерах, а наука объемлет совокупность явлений.

Шопенгауэр пишет, что «признак, по которому самым непосредственным образом можно узнать истинного поэта как высшей, так и низшей категории, – это непринужденность его рифм: как Божий дар, они являются к нему сами собою, и мысли осеяют его, уже рифмованные. Тайный же прозаик подыскивает рифму к мысли, а бездарный писака – мысль к рифме» [19. С. 359]. При этом в рассмотренных выше стихотворениях Шопенгауэра вряд ли можно однозначно увидеть «непринужденность рифм». Стихотворения Шопенгауэра имеют ценность скорее в контексте обсуждения его философского наследия, чем как самостоятельные произведения. Похоже, сам Шопенгауэр это прекрасно понимает, поскольку сопровождает публикацию своих стихотворений комментарием: «Я сознаю, что совершаю некий акт самоотрицания, предлагая публике такие стихи, которые не имеют притязаний на поэтическое достоинство – уже потому, что нельзя одновременно быть и философом, и поэтом» [14. С. 504]. «Несколько стихотворений», по замыслу Шопенгауэра, были опубликованы для тех, кто сначала заинтересуется его философией и только после этого захочет ближе познакомиться с автором.

Список источников

1. *Schopenhauer A.* Der Briefwechsel : in 3 Bde. Munchen : Dritter Band, 1942.
2. Сафрански Р. Шопенгауэр и бурные годы философии / пер. с нем. К. Тимофеевой. М. : Роузбад Интерэктив, 2014.
3. Na 50 Nachlass Arthur Schopenhauer – „Schopenhauer-Archiv“, 414 – Gedicht auf Christian Friedrich Schulze „Der Kanzel Zierde“. URL: <https://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/schopenhauer/content/titleinfo/4235149> (accessed: 03.11.2022).
4. Hübscher A. Unbekannte Briefe von Johanna Schopenhauer an ihren Sohn // Schopenhauer Jahrbuch. 1971. 52. S. 80–110.
5. Na 50 Nachlass Arthur Schopenhauer – „Schopenhauer-Archiv“, 415 – Zwei eigenhändige Gedichte „Mitten in einer stürmischen Nacht bin ich mit großen Ängsten erwacht“ und „Es bauet sich im unruhvollen Leben ein neues Leben voller Ordnung auf“. URL: <https://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/schopenhauer/content/titleinfo/4235148> (accessed: 03.11.2022).
6. Gödde G. Schopenhauers Entdeckung der Psychologie des Unbewußten // Schopenhauer Jahrbuch. 2005. 86. S. 15–36.
7. Gwinner W. Schopenhauer's Leben. Leipzig : Brockhaus, 1878.
8. Stollberg J. Die unbekannte Dame bekanntgemacht. URL: <https://www.ub.uni-frankfurt.de/archive/dame.html> (accessed: 03.11.2022).
9. Na 50 Nachlass Arthur Schopenhauer – „Schopenhauer-Archiv“, 459 – Gedicht „Der Chor zieht durch die Gassen“ und Sonett. URL: <https://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/schopenhauer/content/titleinfo/4235150> (accessed: 03.11.2022).
10. Hübscher A. Gedichte von an über Schopenhauer. Zürich, 1984.
11. Deussen P. Vorrede des Herausgebers // Schopenhauer Jahrbuch. 1914. Bd. 3. S. 3–13.
12. Шопенгауэр А. О женщинах // Собр. соч. : в 6 т. / под ред. А. Чанышева. М. : Республика : Дмитрий Сечин, 2015. Т. 5. С. 474–484.
13. Schopenhauer A. Parerga und Paralipomena: kleine philosophische Schriften. Zweiter Band. Berlin : A.W. Hahn, 1851. URL: https://archive.org/details/bub_gb_WuUOAAAAIAAJ/page/530/mode/2up (accessed: 03.11.2022).
14. Шопенгауэр А. Несколько стихотворений // Собр. соч. : в 6 т. / под ред. А. Чанышева. М. : Республика : Дмитрий Сечин, 2015. Т. 5. С. 504–509.
15. Самтар А.С. Истоки и генезис философии Шопенгауэра. М. : Прогресс-Традиция, 2018.
16. Чепелева Н.Ю. Пессимизм и оптимизм в философии А. Шопенгауэра : дис. ... канд. философ. наук. М., 2022.
17. Schopenhauer A. Parerga und Paralipomena. Kleine Philosophische Schriften. Zweite und beträchtlich vermehrte Auflage, aus dem handschriftlichen Nachlasse des Verfassers herausgegeben von Julius Frauenstädt. Berlin : Druck und Verlag A.W. Hahn, 1862. URL: <https://books.google.de/books?id=PZ49AAAAIAAJ&pg=PAPP5&hl#v=onepage&q&f=false> (accessed: 03.11.2022).
18. Шопенгауэр А. Критика кантовской философии // Собр. соч.: в 6 т. / под ред. А. Чанышева. М. : Республика : Дмитрий Сечин, 2015. Т. 1. С. 350–452.
19. Шопенгауэр А. К эстетике поэзии // Собр. соч.: в 6 т. / под ред. А. Чанышева. М. : Республика : Дмитрий Сечин, 2015. Т. 2. С. 354–367.
20. Шопенгауэр А. О внутренней сущности искусства // Собр. соч.: в 6 т. / под ред. А. Чанышева. М. : Республика : Дмитрий Сечин, 2015. Т. 2. С. 339–343.

References

1. Schopenhauer, A. (1942) *Der Briefwechsel: In 3 Bde.* Dritter Band. Munchen, 1942.
2. Safranski, R. (2014) *Shopengauer i burnye gody filosofii* [Schopenhauer and the Stormy Years of Philosophy]. Translated from German by K. Timofeeva. Moscow: Rouzbad Interektiv.
3. Schopenhauer, A. (n.d.) *Na 50 Nachlass Arthur Schopenhauer – “Schopenhauer-Archiv”, 414 – Gedicht auf Christian Friedrich Schulze “Der Kanzel Zierde”*. [Online] Available from: <https://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/schopenhauer/content/titleinfo/4235149> (Accessed: 3rd November 2022).
4. Hübscher, A. (1971) Unbekannte Briefe von Johanna Schopenhauer an ihren Sohn. *Schopenhauer Jahrbuch*. 52. pp. 80–110.
5. Schopenhauer, A. (n.d.) *Na 50 Nachlass Arthur Schopenhauer – “Schopenhauer-Archiv”, 415 – Zwei eigenhändige Gedichte “Mitten in einer stürmischen Nacht bin ich mit großen Ängsten erwacht” und “Es bauet sich im unruhvollen Leben ein neues Leben voller Ordnung auf.”* [Online]

Available from: <https://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/schopenhauer/content/titleinfo/4235148> (Accessed: 3rd November 2022).

6. Götde, G. (2005) Schopenhauers Entdeckung der Psychologie des Unbewußten. *Schopenhauer-Jahrbuch*. 86. pp. 15–36.

7. Gwinner, W. (1879) *Schopenhauer's Leben*. Leipzig: Brockhaus.

8. Stollberg, J. (n.d.) *Die unbekannte Dame bekanntgemacht*. [Online] Available from: <https://www.ub.uni-frankfurt.de/archive/dame.html> (Accessed: 3rd November 2022).

9. Schopenhauer, A. (n.d.) *Na 50 Nachlass Arthur Schopenhauer – “Schopenhauer-Archiv”, 459 – Gedicht “Der Chor zieht durch die Gassen” und Sonett*. [Online] Available from: <https://sammlungen.ub.uni-frankfurt.de/schopenhauer/content/titleinfo/4235150> (Accessed: 3rd November 2022).

10. Hübscher, A. (1984) *Gedichte von an über Schopenhauer*. Zürich: [s.n.].

11. Deussen, P. (1914) Vorrede des Herausgebers. *Schopenhauer Jahrbuch*. 3. pp. 3–13.

12. Shopengauer, A. (2015a) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 5. Translated from German. Moscow: Respublika: Dmitriy Sechin. pp. 474–485.

13. Schopenhauer, A. (1851) *Parerga und Paralipomena: kleine philosophische Schriften*. Vol. 2. Berlin: A.W. Hahn. [Online] Available from: https://archive.org/details/bub_gb_WuUOAAAIAAJ/page/530/mode/2up (Accessed: 3rd November 2022).

14. Shopengauer, A. (2015b) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 5. Translated from German. Moscow: Respublika: Dmitriy Sechin. pp. 504–509.

15. Sattar, A.S. (2018) *Istoki i genezis filosofii Shopengauera* [The Origins and Genesis of Schopenhauer's Philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya.

16. Chepeleva, N.Yu. (2022) *Pessimizm i optimizm v filosofii A. Shopengauera* [Pessimism and Optimism in Arthur Schopenhauer's Philosophy]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.

17. Schopenhauer, A. (1862) *Parerga und Paralipomena. Kleine Philosophische Schriften*. 2nd ed. Berlin: Druck und Verlag A.W. Hahn. [Online] Available from: <https://books.google.de/books?id=PZ49AAAAIAAJ&pg=PAPP5&hl#v=onepage&q&f=false> (Accessed: 3rd November 2022).

18. Shopengauer, A. (2015e) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Respublika: Dmitriy Sechin. pp. 350–452.

19. Shopengauer, A. (2015c) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Respublika: Dmitriy Sechin. pp. 354–367.

20. Shopengauer, A. (2015d) *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Respublika: Dmitriy Sechin. pp. 339–343.

Сведения об авторе:

Чепелева Н.Ю. – кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры истории зарубежной философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: chepeleva.philos@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.Yu. Chepeleva, Cand. Sci. (Philosophy), junior research fellow, Department of the History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: chepeleva.philos@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.12.2022;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 03.12.2022;
approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 18.08.2023

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2023. № 74

Редакторы *Е.Г. Шумская*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 15.09.2023 г. Дата выхода в свет 27.09.2023 г.

Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 17,75; усл. печ. л. 23,08; уч.-изд. 24,35.

Тираж 50 экз. Заказ № 5580. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru